

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ГОДЪ

1889

IX.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

V

М а й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольшого Театра, 2.

1889.

I. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА. (Продолженіе). Е. Хисина	3
II. ЦАРЬ СІОНСКІЙ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. (Окончаніе). А. Носсига	19
III. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ. Къ годовщинѣ революціи 1789 года. (Продолженіе). С. Мстиславскаго	31
IV. СОВРАТЬ ПО НЕДУГУ. Очеркъ. Л. Русина	55
V.) ВЪЧНЫЙ ЖИДЪ. (Фантазія). Стихотвореніе. С. Г. Фруга	77
VI. ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). Съ ан- глійскаго. Альмонда	81
VII. ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста-Ли- товскаго, преемникъ Стефана Баторія. (Историческая легенда). (Окончаніе). Проф. С. А. Бершадскаго	101
VIII. БИБЛЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ. Стихотвореніе. К. Льдова	116
IX. ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Съ при- мѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. ХОРОШІЙ РОМАНЪ. А. Волинскаго	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Стихотворенія М. С. Абрамовича	16
XII. ВИБЛОГРАФІЯ:	
1) <i>האשכול</i> : <i>Всеобщая Энциклопедія на еврейскомъ языкѣ. Выпуски I—VI. Изданіе II. и Г. Гольдмановъ и К^о. Варшава, 1888.</i>	
2) <i>אלו הן אשכול</i> . <i>Вотъ въ чемъ наши грѣхи. Національная исповѣдь Я. И. Мазе. С.-Петербургъ, 1888.</i>	
3) <i>Школа и трудъ по Талмуду. Историко-педагогическій этюдъ, изложенный въ формѣ литературнаго чтенія. Сочиненіе Е. А. Шура. Одесса, 1888.</i>	
XIII. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. (Окончаніе). М. И. Кулишера	34

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

М а й.

*Копія для М. М. Мухоморова
А. Марсе "Искра".*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. ЛАНДАУ. Площадь Вольшого Театра, 2.

1889.

L
K S F H S S ($\frac{1889}{5-6}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА ¹.

Мартъ 1882 года.

Работами нашими завѣдуетъ Дигуръ; намъ купили двѣ пары лошадей, мы арендовали у Л. землю и начали пахать. Къ этому первому урожаю денежные колонисты готовились лихорадочно, не останавливаясь ни предъ какими затратами. Въ томъ, что урожаем сразу поставитъ насъ на ноги, не было никакого сомнѣнія, и всѣ стремились только побольше засеять. Нужды нѣтъ, что мы не знаемъ, какъ, когда и что дѣлать: у насъ есть самозванные всезнайки, которыя по какому-то наитію полагаютъ, что имъ все извѣстно, и другіе въ нихъ увѣровали и во всемъ слѣпо слѣдовали ихъ совѣтамъ. Мы, билуицы, только въ декабрѣ получившіе лошадей и полмѣшка ячменя, вотъ какимъ образомъ вышли сѣять его. Кто-то запрягъ намъ лошадей въ плугъ. Одинъ изъ насъ взялъ возжи и почелъ, конечно, первымъ долгомъ стегнуть лошадей; послѣднія попятились, переступили постромки, запутались въ возжахъ, плугъ сталъ имъ рѣзать ноги, онѣ въ испугѣ рванулись и пошли скакать по огородамъ и полямъ, чрезъ канавы и рвы. Этотъ случай далъ молодежи поводъ показать свою удалъ; мигомъ вскочили на коней, ринулись въ догонку и стали бѣшено мчаться по горамъ и долинамъ. Наконецъ плугъ зацѣпился за дерево, и обезумѣвшія лошади остановились. Такія приключенія бывали у насъ нерѣдко, пока мы не научились управлять лошадьми. Я однажды едва не лишился жизни. Поѣхалъ я съ нѣсколькими

¹ См. «Восходъ» кн. IV.

колонистами въ Яффу, купили 40 пуд. пшеницы и выѣхали обратно. Я былъ кучеромъ; возжи не были связаны, и одна изъ нихъ выпала у меня изъ рукъ; я сталъ на дышло, чтобы поднять ее, но нечаянно прикоснулся къ одной лошади; послѣдняя перемѣнила шагъ на рысь, я не удержался и соскользнулъ. Лошади моментально понеслись во весь опоръ. Мое положеніе у дышла между валяющимися лошадьми было отчаянное; я ухватилъ одну изъ нихъ за хомутъ и намѣревался вскочить на нее, но попытка не удалась, и я упалъ. Въ ту же секунду я почувствовалъ оглушительный ударъ по затылку, меня что-то рѣвнуло, смяло, скомкало, перевернуло, колеса перешли по ногамъ, мнѣ казалось, что я попалъ между жерновами мельницы. Вся эта исторія продолжалась нѣсколько секундъ. Первымъ моимъ движеніемъ, когда все кончилось, было стать на ноги, чтобы убѣдиться, не переломаны-ли онѣ. Я еле поднялся, подошелъ къ повозкѣ, которую уже успѣли остановить, и сѣлъ; ноги были изранены, но цѣлы, не смотря на то, что по нимъ прошла такая тяжесть. Нѣсколько дней я пролежалъ въ постели, но уже былъ счастливъ тѣмъ, что избавился отъ почти неминуемой смерти.

Урожай у насъ очень неудачный, въ чемъ мы сами много виноваты. Когда намъ арабы говорили, что уже поздно сѣять ячмень, или что земля неподходящая, мы нисколько не смущались и самонадѣянно возражали этимъ «дикарямъ»:

— Ничего, мы глубоко вспашемъ, выворотимъ всю землю на изнанку, чисто выборонимъ, — еще какой хлѣбъ уродится! И, запасшись громадными плугами, мы глубоко запускали ихъ въ землю, ожесточенно стегая надрывавшихся лошадей. Наша самоувѣренность не имѣла границъ. На арабовъ мы смотрѣли свысока, исходя изъ того взгляда, что не они насъ, а мы ихъ будемъ учить и покажемъ этимъ дикарямъ, что европеецъ при усовершенствованныхъ орудіяхъ и разумной обработкѣ можетъ сдѣлать изъ этой запущенной земли. Бѣда лишь въ томъ, что мы сами только по наслышкѣ знакомы съ европейскимъ земледѣліемъ. Садовникъ нашъ также мало понимаетъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ всякая страна имѣетъ свои особенности, свой климатъ и растительность, и для того, чтобы

освоиться на новомъ мѣстѣ, требуются много опыта и времени и, главное, не держатся уморно. Богъ тѣлоумень: проворни, своихъ прекрасныхъ десрій. Очень жалеетъ баба, изъ жани «нагожи» и понимали что ибудь да своей роднѣ, не зѣвъ они дѣлали только снѣпнымъ разнообразіемъ. Повалось: одному, что по всѣмъ признакамъ въ этомъ году будеть необычайный урожай, и она съѣтъ ячмень и пшеницу по горамъ, камнямъ, на пескѣ сыпучемъ. Другой кашаетъ массу картофеля и т. д. А вѣдъ для всѣхъ этия работы пробовалась жодя, оруди, повозки, скоть и множество другихъ приспособовъ; стались на карту большія суммы денегъ, у бодитивава — послѣднія, и въ концѣ концовъ — полный разореніе.

Но вѣ эти властоуныя обстоятельства выжились лина: передъ съемкой, вина же: проиша у насъ въ сумѣхъ: сумѣхъ надеждахъ. Жаль только было этия бѣднѣхъ нести осмелства! Имъ вмѣстѣ съ нами дали только три пары лошадей, три пѣсика (15 муд.) ячменя для посѣва; пшеницы и пр.: въ такомъ же размѣрѣ. При самомъ лучшемъ урожаѣ они ничего не могли бы имѣть. Да и лошадей часто стравивали: работы для различныхъ надобностей; нужно ли было воду привезти для посевовъ, камни, дѣсь, въ городѣ съѣдети, — погонили: брали: погонять лошадей, такъ какъ изъ считаютъ общественными. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, не могло быть и рѣчи о серьезной работѣ.

Полженіе нашей партіи пока самое неопредѣленное; мы играемъ въ колоніи роль общественной арміи рабочихъ. Подъ руководствомъ Дигура мы копаемъ каналы, фундаменты, засадили деревья вдоль колоніи. Согласно обѣщанію, для насъ строятъ три двухъ-этажныхъ дома. Материальныя наши обстоятельства значительно улучшились, такъ какъ мы стали получать довольно частія пожертвованія; мы справили себѣ одежду, бѣлье, обувь; начали позволять себѣ и завтраку съедти или яйца и даже иногда мясомъ лакомиться. Трудились дружно, съ пѣснями выехали на работу и съ пѣснями возвращались. По вечерамъ устраивали бесѣды по некоторымъ нашимъ народомъ, агрономіи и проч., изучали еврейскій языкъ. Изъ освѣщенныхъ оконъ нашей палатки постоянно раздавались ожив-

ленивая рѣчи, веселье, смѣхъ. Всѣ нами замѣдали и считали честь: провести у насъ вечеръ; ни одинъ средоточіемъ всей молодежи, въ нашу палатку приходилъ думу овести всѣ усталые, павшіе духомъ; ни одно празднество не обходилось безъ блудцовъ. Вся р-ландская молодежь получила у есѣдникъ жителей прованіе «шайтановъ» (дьяволовъ) вслѣдствіе ея отчаянности во время частыхъ стычекъ съ арабами. Послѣдніе пелагали, что имъ удастся безнаказанно пасти свой скотъ на нашемъ простѣнѣ и лишь только изъ земли показался нашъ ячмень, они съ напоромъ дерзости, среди бѣлаго дня, пригнали на него большое стадо овецъ. Вблизи работали двое молодыхъ людей, они бросились къ стаду и хотѣли поймать нѣсколько овецъ; но ихъ окружило человекъ десять пастуховъ и, пользуясь тѣмъ, что въ колоніи ничего не могли замѣтить, такъ какъ ихъ востокъ жомъ, они съ дубинками въ рукахъ напали на своихъ двухъ противниковъ. Двое удалцовъ храбро сопротивлялись, одинъ работалъ кнутомъ, другой ружьемъ, изъ котораго онъ выпустилъ оба заряда, и угощалъ арабовъ ударами приклада; однако, ихъ положеніе было критическое, такъ какъ арабовъ было нѣсколько больше. Вдругъ съ разныхъ сторонъ послышалась гонимъ лошадей. Выстрѣлы были слышаны работавшими на поляхъ колонистами, многіе оставили плуги и поспешили по направлению тревожныхъ сигналовъ. Поднялась отчаянная свалка, пастухи были немилосердно избиты и обращены въ бѣгство; стадо разсѣялось, за исключеніемъ нѣсколькихъ помянутыхъ овецъ. Такие случаи бывали каждыя 2 — 3 дня. У Д. служитъ одинъ человекъ, обладающій необырнтымъ слухомъ, чѣмъ-то въ родѣ слухового обонянія, если можно такъ выразиться, пеллени Иуда-Арабъ. Послѣднее прозвище онъ получилъ потому, что онъ отличный наводникъ, ловко владеетъ оружіемъ и прекрасно знаетъ арабскій языкъ. Надо замѣтить, что адѣсь только бедуины называются «арабъ»; а осѣдлые феллахи (крѣстьяне) и беллди (геродскіе) не пользуются этимъ въ нѣкоторомъ родѣ почетнымъ именемъ. И вотъ этотъ-то Иуда-Арабъ имѣетъ обыкновеніе ночью нѣсколько разъ выходить на дворъ и послушиваться; его ухо улавливаетъ малѣйшій звукъ, онъ чувствуетъ дымъ отъ костра пастуха. Если

онъ, дежурные, или объѣзчики открываютъ гдѣ нибудь присутствие стада, то тихо будятъ молодцовъ, которые садятся на коней и въ сопровожденіи пѣхоты, состоящей изъ стариковъ и подростковъ, выступаютъ изъ колоніи, соблюдая возможную тишину, чтобы поймать воровъ или пастуховъ врасплохъ, что, впрочемъ, рѣдко удается, такъ какъ лай собакъ, ржанье лошадей и проч. даютъ уже знать арабамъ о поднявшейся въ колоніи тревогѣ, и они спѣшатъ скрыться, оставя стадо на произволъ судьбы. Большихъ трудовъ намъ всегда стоитъ загнать скотъ въ колонію. Дикій арабскій скотъ очень боится европейца. Когда колонистъ покупаетъ корову, онъ ее долго не выпускаетъ на пастбище, пока она не перестаетъ дичиться; она въ первое время страшится корыта, тернитъ жажду, но не пьетъ изъ ведра; долго приходится съ ней возиться, пока ее приучаютъ добровольно входить въ хлѣвъ. Кроме того, арабская корова имѣетъ одно странное обыкновеніе: если ее гонять куда нибудь и она не хочетъ идти, то ложится, и тогда никакими человѣческими средствами ее нельзя заставить встать. И не потому, чтобы она была больна: самая здоровая корова вдругъ ляжетъ—и ни съ мѣста. Однажды, по какой-то надобности отправившись на повозкѣ въ колонію Петахъ-Тикву, я наѣхалъ на нѣсколькихъ евреевъ, которые стояли около лежавшей коровы. Ее гнали въ колонію, и она легла. Чего только ни выдѣлывали надъ ней: жестоко били, рѣзали уши, крутили хвостъ, подносили къ тѣлу зажженные спички,—ничто не помогало. Подсунули подъ нее два шеста и подняли на воздухъ; она поджала ноги и не хотѣла стая; я ее привязалъ за рога къ повозкѣ и погналъ лошадей: она тащилась и не вставала. Другого исхода не оставалось, какъ положить ее на повозку, что мы и сдѣлали; люди шли нѣшкомъ, а на парѣ лошадей ѣхала корова. Этотъ же самый способъ мы употребляемъ, когда хотимъ захватить пасущійся на нашихъ поляхъ арабскій скотъ. Обыкновенно пастуховъ не трогаютъ, но случается, что, когда ихъ много, они пробуютъ сопротивляться, и тогда уже ихъ бьютъ жестоко, немилосердно. Окончивши свое дѣло, верховые выстраиваются въ ряды попарно, за ними слѣдуетъ пѣхота, и вся маленькая армія съ пѣс-

нами возвращается въ колонию. Всѣ выходятъ имъ на встрѣчу, матери съ любовью и гордостью смотрятъ на своихъ сыновей, жены на своихъ мужей. Общее возбужденіе заканчивается чаепитіемъ изъ бездонныхъ котловъ билуидцевъ, а черѣдко появляется и вино. Приключенія эти до того до душѣ всѣмъ, что часто иной заскучавшіишй мелодецъ подыметъ ночью ложную тревогу, широкая улича колоніи быстро наполняется всадниками и пѣшими, всѣ уже возбуждены, лошади горячатся. Когда убѣждаются, что ничего не случилось, то весь маленькій отрядъ, съ пѣшими, стройно обѣзываетъ границы прежде, чѣмъ вновь лечь спать. Арабы наконецъ поняли, что съ нами шутки плохи, и стали держаться подалека отъ нашихъ подей. Штрафы, взимаемые за погравы, идутъ спеціально на покупку оружія. Конечно, гнѣтъ ничего особеннаго, когда вся колонія имѣетъ дѣло съ пѣшыми арабами, но бывали и такія серьезныя столкновенія, гдѣ пѣшые были противоположны, гдѣ многие изъ насъ выжидали сильно избитыми, но они все-таки не теряли и всегда выказывали необыкновенную храбрость и неутомимость. Глядя на колонистовъ во время ихъ стычекъ съ арабами, я думаю часто: неужели это тѣ самые евреи, которые на роднѣй безропотно переносили всякія оскорбленія и униженія? Гдѣ же ихъ будто бы «прирожденная» трусость, которую даже многіе евреи сами признаютъ въ своемъ народѣ, жившая, впрочемъ, ее «отращеніемъ къ грубой, фиванской силѣ». Нѣтъ, трусость не была въ характерѣ нашихъ предковъ, а у насъ она будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не выйдемъ изъ угнетеннаго состоянія, что мы видимъ на колонистахъ. Короткое время свободы и равноправія, сознаніе, что они не хуже другихъ, — уже посѣяли въ нихъ смѣлость, мужество, самоувѣренность! Нѣтъ сомнѣнія, что наше подроставшее поколѣніе не будетъ уже имѣть и памяти о робости своихъ отцовъ.

14 апрѣля 1883 года.

Члены нашего Центрального бюро въ Константинополь, узнавши о нашемъ переходѣ въ Р.-Леціонъ, были недовольны такимъ скромнымъ исходомъ. Они все еще надѣются на получение земли у турецкаго правительства и на устройство соб-

ственной образцовой колоніи, которая бы послужила заманчивымъ примѣромъ для всѣхъ евреевъ. И вдругъ гора родила мышь! Поэтому они прислали къ намъ двухъ своихъ членовъ, которые подняли въ партіи агитацію въ томъ смыслѣ, чтобы мы считали пребываніе въ Р.-Леціонѣ лишь временнымъ, чтобы мы не старались приобрести здѣсь землю и вообще не стремились къ устройству. Конечно, намъ всѣмъ было бы желательно устроить свою колонію; но я уже окончательно не вѣрю различнымъ обѣщаніямъ палестинскихъ кружковъ, которыя во всякомъ случаѣ не будутъ приведены въ исполненіе въ такихъ размѣрахъ, чтобы мы имѣли возможность основать «образцовую» колонію, а на успѣхъ ходатайства въ Константинополь давно уже никто не надѣется. Помимо этихъ соображеній, я съ тревогой понимаю, что тѣми изъ насъ, которые недовольны настоящимъ и напередъ желаютъ устроить отдѣльную колонію, руководятъ и такіе мотивы, которыхъ они сами ясно не сознаютъ. Всякій живущій лишь землею, если только онъ не помѣщикъ, долженъ прежде всего быть земледѣльцемъ, безпрестанно заботиться о своемъ хозяйствѣ, работать много и неустанно. Онъ, конечно, можетъ и долженъ стараться, чтобы были въ колоніи добрыя отношенія и хорошіе порядки, — только это все побочное, основаніе же всего — скромный, тихій и настойчивый трудъ. Но вѣдь мы пріѣхали сюда съ тѣмъ, чтобы не только работать, но и дѣйствовать, распространять свою идею, и, въ сущности, насъ болѣе прельщало послѣднее. Тѣмъ, что мы вступили въ Р.-Леціонъ, мы уже спустились съ высоты, ограничили свой полетъ. Мы стремимся къ личному обезпеченію, но благу колоніи, но не работаемъ для *всей* идеи въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ мы раньше мечтали. Для болѣе широкой дѣятельности у насъ какъ-то не хватаетъ ни времени, ни силы, ни умѣнья. Даже общественные дѣятели нашей маленькой колоніи уже не находятъ времени для хозяйственныхъ работъ. Все это, конечно, смутно чувствуетъ каждый изъ насъ, но не каждый можетъ твердо принять суровыя заключенія, къ которымъ приводитъ его жизнь. Отсюда жажда переменъ у многихъ изъ нашей партіи. Я самъ также не удовлетворенъ, смущенъ и озадаченъ незавиднымъ итогомъ на-

шихъ мечтаній; на чемъ я остановлюсь—это вопросъ будущаго, но я убѣжденъ, что и *своя* колонія не удовлетворитъ недовольныхъ, и поэтому я высказался на одной сходкѣ, что многихъ удерживаетъ въ Палестинѣ ошибочное представленіе о будущемъ и что, если намъ даже и удастся основать собственную колонію, то послѣ этого многіе развѣдутся.

20 апрѣля 1883 года.

На-дняхъ вернулся изъ Тиберіи нашъ товарищъ Э., ѣздившій туда на воды. Я говорилъ уже, что у него распухли руки. Оказалось, что онухоль эта была предвѣстникомъ сильнаго ревматизма. Э. долго лежалъ въ постели, перенося жестокія боли. Мы всё глубоко страдали за этого прежде крѣпкаго и цвѣтущаго человѣка, опасаясь, что болѣзнь неизлѣчима. Здѣшніе сторожилы уговаривали насъ послать его на извѣстныя Тиберійскія минеральныя воды. Съ трудомъ доставши 100 руб. и воспользовавшись временемъ, когда Э. немного полегчало, мы отправили его въ Іерусалимъ; тамъ онъ подождать, пока составилъ караванъ, съ которымъ и поѣхалъ дальше.

Тиберія расположена у Генисаретскаго озера, находящагося въ разстояніи около 80 верстъ отъ Мертваго моря и по величинѣ составляющаго лишь $\frac{1}{3}$ послѣдняго. Бассейнъ Генисаретскаго озера лежитъ глубоко, значительно ниже уровня Средиземнаго моря. Климатъ весьма жаркій. Во всѣхъ выкапываемыхъ колодцахъ вода содержитъ большое количество соли и неудобна для питья, поэтому жители Тиберіи употребляютъ воду изъ озера, которая также нѣсколько солона, но имѣетъ пріятный вкусъ. Знаменитыя въ древности Тиберійскія минеральныя воды находятся около берега озера, недалеко отъ города; всѣхъ источниковъ 5. Температура воды не всегда одинакова и мѣняется по годамъ и временамъ года; лѣтомъ она выше, чѣмъ зимою, но средняя температура считается въ 47° Reom. По изслѣдованіямъ компетентныхъ лицъ, вода источниковъ содержитъ въ значительной степени соль, сѣру, окись желѣза, и славится какъ отлично излечивающая кожные болѣзни, ревматизмъ и друг. Каждый годъ весною и осенью Тиберія становится неузнаваемой; на большомъ разстояніи, которое

только можно окинуть глазомъ, раскидывается безчисленное множество палатокъ. Сюда стекаются со всѣхъ сторонъ Сиріи и Палестины страдающіе всевозможными недугами и ожидающіе изцѣленія отъ чудесной силы этихъ водъ. Будь эти воды въ Европѣ, онѣ были бы разумно эксплуатируемы и были бы привлекательнымъ и полезнымъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ, но здѣсь восточная небрежность достигаетъ высшихъ размѣровъ. Невѣроятно, чтобы въ такомъ мѣстѣ *не было ни врача, ни больницы*. Нѣтъ понимающихъ людей, съ которыми можно было бы посоветоваться, никто не знаетъ, какая ему нужна температура. Нѣтъ даже порядочнаго помѣщенія съ необходимыми принадлежностями для купающихся. Тутъ простыя, грязныя купальни. Больной выходитъ разгоряченный, разслабленный, въ этой сильнодѣйствующей водѣ прямо на холодный каменный полъ съ возвышеніемъ для одежды. Вѣтеръ свободно дуетъ отовсюду, негдѣ даже отдохнуть и приходится тащиться полчаса въ городъ. Разумѣется, за такими купаньями часто слѣдуютъ жестокія простуды, и другіе болыныя увѣжаютъ еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ пріѣхали. Нашему Э. воды хорошо помогли, и онъ пріѣхалъ хотя еще слабый, но безъ всякихъ ревматическихъ болей.

Среди всѣхъ радостей и печалей, выпавшихъ на долю колоніи со дня ея основанія, одна грозная туча какъ Дамокловъ мечъ постоянно тяготѣла надъ ней: колодезь достигъ уже 30 метр. глубины, а воды все еще не было. Роковой вопросъ о водѣ, отъ котораго зависѣло все существованіе колоніи, не давалъ никому покоя. И днемъ и ночью преслѣдовала насъ неотвязная мысль: неужели намъ придется разбѣжаться, неужели эти свѣжеобработанныя, едва лишь ожившія поля опять заглохнутъ, эти новые дома, въ которыхъ жизнь теперь бьетъ ключомъ, превратятся въ печальныя развалины и будутъ лишь напоминать путнику о разыгравшейся здѣсь грустной драмѣ? Ежедневно народъ толпился у колодца, ожидая какаго нибудь отраднаго извѣстія, но уходилъ съ поникшими головами. Веадъ слышались рѣчи только о водѣ. Были пріостановлены всѣ работы по постройкамъ. Дигуръ окончилъ наши билуйскіе дома и не начиналъ новыхъ для бѣдныхъ семействъ. Колодезь уже по-

глотать большія суммы денегъ, потому что его не копаютъ только, но одновременно выкладываютъ каменную цилиндрическую стѣну, которую приходится, конечно, строить сверху внизъ. Наверху люди вытаскиваютъ посредствомъ блоковъ выкапываемую землю и спускаютъ работающимъ внизу каменщикамъ известку, камни и все необходимое. По мѣрѣ углубленія работа становится чрезвычайно медленной. Распространился слухъ, что на основаніи имѣющейся у кого-то геологической карты вода должна находиться въ этомъ мѣстѣ на глубинѣ 75 метр. Гиршъ велѣлъ прекратить на время работы, пока получится ожидаемый изъ Парижа буравъ, который покажетъ намъ, какъ далеко еще до воды. Наконецъ, буравъ прибылъ, былъ привезенъ въ Р.-Леціонъ, установили воротъ надъ колодезь, надо было приступить къ дѣлу. Такъ какъ здѣсь арабы уже не годились, то нѣкоторые изъ колонистовъ хотѣли спуститься, но лишь только они повисли надъ висящимъ колодеземъ, съ ними дѣлалось сильное головокруженіе, они едва не теряли сознанія, и ихъ приходилось ставить обратно на землю. Внизу требовалось три человѣка: двое—чтобы вертѣть буравъ, и одинъ для смѣны; вызвался тогда я и еще двое. Я далъ себя хорошенько обвязать, чтобы не упасть, если бы и у меня голова замружилась, и меня начали осторожно спускать. Въ первый разъ путешествіе въ эту глубокую, черную пронасть было не совсѣмъ пріятно, я закрылъ глаза. Новый канатъ вытягивался, и я вертѣлся какъ волчокъ, поминутно ударяясь то объ одну, то о другую сторону каменной воронки. По временамъ канатъ сдвигался съ своихъ завертоевъ по краямъ ворота, трещалъ, словно обрывался, я вдругъ падалъ и мгновенно останавливался; въ такіе моменты у меня все нутро обрывалось. Однако, вскорѣ я совершенно привыкъ къ этимъ путешествіямъ и даже часто обходился безъ посторонней помощи, карабкаясь по канату или подымаясь и опускаясь самъ при помощи перекинутой чрезъ блокъ веревки. Работа наша была сопряжена со многими случайностями, часто довольно серьезными; стоило упасть сверху ничтожному камушку, чтобы ударить съ силою пули. Нѣсколько разъ лопался канатъ въ то время, когда имъ танули запущенный въ землю буравъ, и это—страшная опасность при

подобныхъ нашей работѣ. Упругость придаетъ туго-натянutoму канату немовѣрную силу паденія, и онъ можетъ убить человѣка. Въ такихъ случаяхъ мы съ ужасомъ бросались подъ рички бурава, чтобы ослабить степень удара; одному изъ насъ разъ чуть руку не переломило, другой получилъ косвенный ударъ въ спину и около часа пролежалъ безъ чувствъ. Работа въ колодцахъ была очень тяжелая. Буравъ мы запускали въ землю на 5—10 сантиметровъ и затѣмъ давали знакъ стояншииъ наверху у ворота, которые нерѣдко съ величайшимъ трудомъ успѣвали вырвать изъ земли буравъ. Пить и ѣсть намъ давали внизъ, гдѣ мы оставались цѣлый день. Когда мы вечеромъ выходили наверхъ, насъ окружали колонисты и жадно осыпали вопросами; мы вдругъ сдѣлались авторитетами по колодезной части и цѣлые вечера проходили въ бесѣдахъ о водѣ грунтовой или артезианской. Каждый образчикъ земли, вынимаемой изъ бурава, тщательно осматривался всеми, но напрасно мы искали какой нибудь перемѣны: уже пробуровлено метровъ 10, но шель все тотъ же не внушавшій надежды песокъ. Наконецъ мы замѣтили, что послѣ продолжительной работы буравъ не углубляется ни на волосъ и издаетъ звонкій звукъ, какъ бы скреби что-то твердое; когда мы его подняли, то замѣтили на немъ бѣлые мѣловые слѣды: очевидно, мы попали на камень. Немедленно было придѣлано широкое стальное долото къ бураву, который подымали и сразу опускали, и такимъ образомъ вращали камень; послѣдній былъ очень твердый, и хотя онъ имѣлъ всего $\frac{3}{4}$ метра толщины, мы проводились около него десять дней. Послѣ камня пошла бурая глина. Съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтили камень, колонисты ободрились и были увѣрены, что вода близка. Нѣкоторые даже высказывали мнѣніе, что тутъ, пожалуй, существуетъ артезианская вода, которую только твердый пластъ камня сдерживалъ, и, дабы мы не были въ опасности утонуть, когда она вдругъ хлынетъ, намъ на всякій случай спустили лѣстницу. Какъ-то разъ, когда мы уже пробуровили 13 метр., нашъ буравъ сталъ вдругъ легко углубляться и сразу вошелъ на $\frac{1}{2}$ метра при самомъ незначительномъ усилии съ нашей стороны. Когда мы велѣли подымать его, онъ не поддавался, и канатъ лопнулъ; при-

визвали другой и насилу вырвали буравъ: въ немъ оказалось всего 2—3 сантиметра песку. Мы удивились: онъ вошелъ на $\frac{1}{2}$ метра, а вынуто такъ мало земли! Буравъ былъ спущенъ и сталъ не на $13\frac{1}{2}$ метра глубины, а всего на 13, какъ будто только что пробуравленная половина метра была засыпана. Мы были озадачены и стали опять вертѣть. Буравъ свободно погружался и когда онъ вошелъ на нѣлыхъ полтора метра, мы рѣшились вынуть его, чтобы посмотрѣть, что это означаетъ; но стоявшіе при воротѣ наверху при всѣхъ усиліяхъ не могли выдернуть его; были позваны еще люди, и общими усиліями подняли буравъ: къ величайшему нашему удивленію, онъ былъ опять пустъ, и въ немъ было лишь небольшое количество песку! Мы переглянулись. Меня ошѣлила догадка.

— Госнода,—воскликнулъ я своимъ двумъ товарищамъ,— это вода!

— Да гдѣ же она? Изъ чего вы заключаете?

— Слой, содержащій воду, долженъ быть весьма мягокъ, поэтому-то буравъ такъ легко погружался въ него два раза. При поднятіи же буравъ гребъ изъ него вытекал, несомнѣнно просто появился уже при поднятіи, вслѣдствіе тренія стѣнки. Наконецъ, то обстоятельство, что въ послѣдніе два раза буравъ удавалось вырвать съ большимъ трудомъ, указываетъ на присутствіе жидкой грязи, которая заволокла его со всѣхъ сторонъ.

Мои товарищи не вѣрили въ такое счастье.

— Зачѣмъ же на буравъ не видно ни слѣда мовроты? Нѣтъ, будемъ осторожны, зачѣмъ напрасно возбуждать всѣхъ?

Наверху между тѣмъ собралась густая толпа, которая внимательно, затаивъ дыханье, прислушивалась и старалась уловить хоть нѣсколько словъ изъ нашего разговора. Я не могъ долге умолчать о томъ, въ чемъ я былъ вполне увѣренъ, и что было мочи закричать:

— Вода!!!

Мои товарищи также вдругъ увѣрвали и въ свою очередь заголосили:

— Вода! Вода-а-а! Да здравствуетъ Р.-Леціонъ!

Неистовые крики огласили воздухъ.

— Вода! вода!—ревѣли надъ колодцемъ.

— Вода!—вторило эхо въ горахъ.

Съ быстротою молніи облетѣла радостная вѣсть всю колонію, всѣ прибѣжали съ полей, грудное дитя не осталось въ колыбели, всѣ отъ мала до велика устремились къ колодцу, къ этому источнику жизни. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ оглушительныхъ выстрѣловъ, безумныхъ «ура!» «вода!» Прыгали, танцовали, благодарили Бога, обнимались, рыдали, какъ маленькія дѣти. Невозможно было унять обезумѣвшихъ людей, никто не зналъ хорошенько въ чемъ дѣло. Намъ сбросили записку, прося какъ милостыни хоть каплю воды. Мы спустили буравъ, и намъ удалось извлечь немного мокраго песку. Боже мой! что тамъ дѣлалось наверху съ этой грязью, рвали ее другъ у друга изъ рукъ и жадно, съ неизъяснимымъ блаженствомъ, глотали... Наконецъ насъ, виновниковъ торжества, потребовали наверхъ, и какъ только кто нибудь показывался надъ колодцемъ,—его цѣловали, душили въ объятіяхъ, бѣшено подбрасывали на воздухъ. Черезъ нѣсколько часовъ къ намъ наѣхало много гостей съ самыми сердечными поздравленіями, и мы провели такой день, подобные которому рѣдко случаются въ жизни человѣка.

Іюль 1883 года.

Послѣ того, какъ стало извѣстно, на какой глубинѣ находится вода, было энергически приступлено къ окончанію колодца. Но другихъ работъ по устройству колоніи уже нельзя было совершать, такъ какъ ассигнованныя 30 тысячъ фр. уже подходили къ концу. Положеніе дѣлъ было очень неутѣшительное. Урожай, какъ уже окончательно выяснилось, былъ крайне плохой. Бѣдныя семейства по прежнему не имѣли ни домовъ, ни скота, ни хлѣба. Четверо изъ самостоятельныхъ, потративъ всѣ деньги на землю, посѣвъ, пропитаніе и нуждаясь въ помощи, также причислили себя къ лику бѣдняковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ невеселыхъ обстоятельствъ, изъ Парижа былъ посланъ Эрлангеръ для ближайшаго ознакомленія съ дѣломъ. Онъ прибылъ въ маѣ и посѣтилъ Р.-Леціонъ. Всѣ колонисты собрались, стали излагать ему свои нужды и составлять смету суммы,

потребной для прочнаго устройства колоніи. Черезъ нѣсколько времени позвали и билуйцевъ. Эрлангеръ спросилъ насъ, чего бы мы желали?

— Мы бы хотѣли имѣть все, что нужно колонисту: землю, дома, скоть и все необходимое.

— Дома вѣдь у васъ уже есть?

— Для насъ дѣйствительно выстроили дома, но въ нихъ помѣстили другихъ.

— Хорошо, вы будете устроены. На одно семейство требуется домъ, сто дунамовъ земли и пара лошадей. А такъ какъ обыкновенное семейство состоитъ среднимъ числомъ изъ четырехъ душъ, то каждые четверо изъ васъ получаютъ все, что полагается на одно семейство.

— Мы, конечно, чрезвычайно благодарны и за это; но не гоняясь пока за домами и прочимъ, мы бы очень хотѣли имѣть побольше земли, чтобы имѣть работу на круглый годъ и не сидѣть сложа руки.

— Господинъ Дигуръ навѣрное позаботится, чтобы вы не сидѣли безъ дѣла.

— Да, онъ насъ заставитъ, какъ и до сихъ поръ, исполнять всѣ общественныя работы, но намъ самимъ-то отъ этого пользы мало; чѣмъ мы хуже другихъ колонистовъ?

— Вы забываете, — усмѣхнулся Эрлангеръ, — что вы приняли на себя задачу способствовать успѣху колонизаціи, трудиться для общаго блага, а не для себя — ну, и работайте здѣсь для процвѣтанія Р.-Леціона!

Я уже говорилъ, что половина всей земли принадлежитъ старому Л*, который оставилъ ее не для себя, но съ тѣмъ, чтобы распродать ее. Эрлангеръ тутъ же сталъ торговать у него для насъ 700 дун., но Л. заломилъ по 25 франковъ за дунамъ.

— Вамъ земля обошлась въ 14 фр., будемъ считать съ расходами — 18 фр.; почему же вы еще хотите на насъ заработать? — воскликнулъ Эрлангеръ съ худо скрытымъ негодованіемъ.

— Я вамъ покажу мои книги, и вы увидите, что до настоящаго дня дунамъ обошелся мнѣ въ 25 фр.

— Да развѣ земля выдорожала отъ того, что вы израсходовали много на кормъ скота, наемъ людей и прочія надобности? Если бы мы не приняли участія въ колоніи, то вы за вашу землю не получили бы и третьей части того, чего она вамъ стоитъ; а теперь вы стараетесь еще эксплуатировать нашего издателя?

— Развѣ я хочу заработать? Я хочу лишь вернуть свои деньги, которые я вложилъ; зачѣмъ жѣ мнѣ еще терять?

— Гдѣ вы тутъ теряете? Я вамъ даю столько, во сколько земля вамъ обошлась, лишняго я не дамъ ни одного сента. Вы именуете себя отцомъ и основателемъ колоніи, такъ знайте же, вы теперь губите эту колонію. Если эти молодые люди не останутся здѣсь, то мы совершенно откажемся отъ васъ!

Эрлангеръ былъ сильно разсерженъ и вышелъ въ сопровожденіи Гирта изъ комнаты. Всѣ пришли въ смятеніе, судьба Р.-Леона висѣла на одномъ волоскѣ. И тутъ-то дядя и племянникъ Л. и всѣ тѣ, которые до сихъ поръ покровительствовали намъ, какъ только дѣло коснулось денегъ, стали во имя идеи и ради спасенія колоніи требовать отъ насъ, билуицевъ, чтобы мы сами отправились къ Эрлангеру и заявили ему, что отказываемся отъ устройства и не хотимъ оставаться въ Р.-Леонѣ. Наше положеніе было во всѣхъ отношеніяхъ печальное. Досада разбирала насъ, когда отъ насъ потребовали такой громадной жертвы. Никто не оцѣнить нашего великодушія, и при всѣхъ нашихъ будущихъ хлопотахъ мы услышимъ отвѣтъ: «было вамъ не отказываться отъ устройства!» Но Эрлангеръ не привелъ въ исполненіе своей угрозы. Вся земля перешла на его имя, и онъ выдаетъ купчія тѣмъ изъ самостоятельныхъ, которые вполнѣ уплатили за свои участки и не нуждаются въ помощи; онъ уплатилъ долгъ банку и Л. за землю бѣдняковъ, распорядился, чтобы выстроили восемь домовъ, конюшни, велѣлъ купить всѣмъ нуждающимся лошадей, повозки, давать на содержаніе колонистамъ и скоту, общалъ имѣть въ виду еще многое и уѣхалъ. Такимъ образомъ колонія была окончательно принята на попеченіе парижскаго благотворителя.

Наца партія на самое неопредѣленное время осталась безъ земли, вслѣдствіе чего сторонники собственной колоніи стали требовать немедленнаго удаленія нашего изъ Р.-Леціона. За время нашего пребыванія въ этой колоніи наша партія увеличилась многими новыми членами; этимъ послѣдовать не успѣли еще, конечно, надобъсть безконечныя пренія и словозверженія; они ежедневно выдумывали новые проекты и будто бы требующіе немедленнаго разрѣшенія вопросы, а ради этихъ бесполезныхъ болѣею частью разсужденій мы должны были просиживать цѣлыя ночи и на утро съ головною болью выходить на работу. Кромѣ того, многимъ изъ насъ уже стала невыносима общая, каварменная жизнь, заставляющая ѣсть, пить, спать вмѣстѣ съ другими, не дающая возможности сосредоточиться, уединиться. Надобла эта близость и интимность, дошедшія до пошлости, эта жизнь, гдѣ всякій считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ вашу бесѣду, гдѣ одинъ осужденъ терпѣть капризы и разныя выходки другихъ, гдѣ никто не воленъ поступать какъ ему хочется и обязанъ считаться съ требованіями остальныхъ. На лицахъ многихъ изъ насъ лежитъ печать усталости и меланхоліи. Вслѣдствіе нашихъ вѣчныхъ споровъ объ устройствѣ отдѣльной колоніи у насъ появились упущенія въ работѣ. На полѣ, среди уборки пшеницы или другихъ занятій, завязывались споры, которые назывались у насъ полевыми сходками; всѣ собирались въ кружокъ, забывали о дѣлѣ, горячились и кричали. Это очень раздражало Дигура, который, конечно, не могъ входить въ наши обстоятельства; мы всѣ стали въ его глазахъ лѣнтяями, онъ сталъ относиться къ намъ враждебно и подвергать частымъ штрафамъ; репутація наша, какъ отличныхъ работниковъ, пошатнулась. Тягостное положеніе дѣлъ разрѣшилось, наконецъ, тѣмъ, что половина партіи, состоящая изъ всѣхъ недовольныхъ, покинула Р.-Леціонъ и вновь пошла мыкаться въ Миква-Израиль; мы же, оставшіеся въ Р.-Леціонѣ, уже ничѣмъ не выражаемъ свою связь съ Билу, рѣшились успокоиться и быть только членами колоніи.

Е. Хисинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦАРЬ СІОНСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ ¹.

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Площадь передъ дворцомъ Баръ Кохби въ Ветеръ. Народъ, солдаты).

Юноша (ведя за руку слѣпного старика).

Отецъ, мы уже передъ царскимъ дворцомъ.

Старикъ.

Я слышу голоса многихъ людей. Они кричатъ и плачутъ.
Не такъ-ли, сынъ мой?

Юноша.

Люди мечутся въ безпокойствѣ, подобно рою пчелъ, потерявшихъ царицу.

Старикъ (останавливаетъ рукой прохожаго).

Скажи, добрый человекъ, отчего это сегодня такая суматоха?

Прохожій.

Какъ, старый Самуилъ, ты не знаешь еще, что намъ из-

¹ См. „Восходъ“ кн. IV.

мѣнили? Черезъ часъ на этихъ улицахъ полетѣтъ наша кровь!
О, дѣти, мои бѣдныя дѣти! (*Идетъ дальше*).

Старикъ.

Сынъ мой, веди меня къ какойнибудь стѣнѣ, чтобы я
могъ опереться, и оставь меня, а самъ ступай сражаться.

Юноша.

Нѣтъ, отецъ; если я долженъ погибнуть, то умру, защи-
щая тебя (*Идетъ дальше*).

Молодая женщина (*обнимая солдата*).

Я не пущу тебя! Защищай меня, и я тебя буду защи-
щать! Я буду царапать ихъ ногтями! Мой милый, не остав-
ляй меня!

Солдатъ (*обнимая ее*).

Военачальникъ отпустилъ насъ; каждый изъ насъ будетъ
сражаться отдельно. Стой постоянно за мной, я умру на груди
твоей.

Второй солдатъ (*обнимая стоящую ря-
домъ девушку*).

Эй, прекрасная Мириамъ, сегодня ты не будешь горда!
А? Сегодня я буду ласкать тебя, хотя бы твой любовникъ
убилъ меня здѣсь.

Дѣвушка (*вырываясь*).

Пусти меня!

Солдатъ.

Кошечка моя! Сегодня насиліе и грабежъ!

Нѣсколько старцевъ (*появляются на сце-
нь, обнося Тору, къ ко-
торой присутствую-
щіе прикасаются паль-
цами*).

Молитесь и плачьте, сыны Іудей! Царь нашъ проклятъ,
Израиль погибъ! Молитесь и плачьте! (*Въ народъ слышны*

плачъ и рыданія; старцы идутъ дальше, за ними народъ; все оставляютъ сцену).

ЯВЛЕНІЕ II.

(У дверей дворца Баръ Кохби появляются Акиба и Дина. За сценой слышим плачъ и рыданія народа).

Акиба.

Воите, воите, несчастные! Пусть глосъ вашъ заглушитъ ревъ морскихъ волнъ, грома дикой бури, визгъ животныхъ, которыя убиваютъ или погибаютъ! Вашъ одишъ глосъ пусть долетитъ до Бога, который насъ оставилъ! Воите, воите, мертвецы и нищія! Боже, почему Ты не дашь намъ погибнуть въ Вавилонѣ? Развѣ Тебя забавляетъ воздвигать храмы и черезъ минуту разрушать ихъ, возносить народъ и разсѣивать его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сплотиться? Нищія, нищія! Государство и народъ, — эта игрушка не для васъ; вы сползли съ воухъ странъ міра въ это старое иудейское, пысохи переиѣнили на оружіе, — и все это шутка, это только шутка! Ну-ка, повѣсьте на спину старья сумы и идите просить милостыню у тѣхъ, съ которыми вы сражались! Нѣтъ, вѣдь у насъ было свое государство, мы были свободны, имѣли своего царя! Боже, такъ въ одно мгновеніе не погибаетъ счастье всего народа! Теперь Ты велитъ намъ оставить землю отцовъ нашихъ, гонишь насъ на иудейну, среди народовъ, которые насъ ненавидятъ! Столько разъ уже мы оставляли тебя, дорогая отчизна, столько разъ мы возвращались опять! О, мать наша! (Становится на колѣни и прижимаетъ лица свое къ земль. Черезъ минуту встаетъ медленно, съ измѣнившимся лицомъ, беретъ за руку Дину и направляется къ колоннѣ у стѣны). Милосердный, добрый господинъ, сжапись надъ нами! Я, несчастный старикъ, не могу уже зарабатывать, а эта бѣдная дочь моя также голодна! Римлянинъ-ли я?

Нѣтъ, милостивый господинъ, я... іудей-ли я? Нѣтъ, нѣтъ, добрый господинъ, я пареянинъ. Будь милостивъ! Хоть кусокъ хлѣба! Не хочешь? Ахъ, значитъ, мы должны умереть? *(Падаеть безъ чувствъ).*

Дина (наклоняется надъ нимъ).

Отецъ, дорогой отецъ!

Алиба (вскочивъ въ себя).

Ахъ, гдѣ я? Бѣдный старый мозгъ мой помѣшался. Вѣдь мы не въ Римѣ? Мы въ нашемъ отечествѣ! Мы въ Бетерѣ? Если бы здѣсь были римляне, они смѣялись бы надо мной. Здѣсь братья мои, мнѣ кажется даже, что дочь моя стоитъ рядомъ со мной. Откуда взяла ты эту прекрасную одежду, нищая! Откуда ты взяла нитку сегодня? Быть можетъ, какой нибудь римлянинъ... ха, ха, ха! *(Шатается и, мимолетно чувствуя, падаетъ во дворъ).*

ЯВЛЕНИЕ III.

(Изъ же. Съ одной стороны вооруженный Баръ Кохба, съ другой Верурия).

Верурия (подавая руку Баръ Кохбѣ).

Прощай, Баръ Кохба. Ты былъ безчеловѣченъ, однако, я сохранила дружбу къ тебѣ до гроба.

Баръ Кохба.

Ты лучше меня во сто кратъ. Ты не должна умереть.

Верурия.

Черезъ минуту у меня не будетъ ни отечества, которому я могла бы служить, ни великаго друга, которому могла бы совѣтовать. Я не переживу ни отечества, ни друга.

Дина (прижимаетъ руку Баръ Кохбы къ устамъ своимъ и становится передъ нимъ на колѣни).

И я не оставлю тебя, царь!

Баръ Кохба (*держитъ Берурию и Дину за руки*).

О, мои подруги! Чувства ваши упали въ глухую пропасть, которая никогда не отвѣтитъ на нихъ человѣческимъ голосомъ. Если бы вы полюбили человѣка, вы могли бы быть счастливы. Я васъ не люблю.

Дина.

Я не требую отъ тебя любви; прими мою, царь!

Баръ Кохба.

Вы были для меня только чашей вина, которое согрѣвало грудь мою. Я не долженъ думать о васъ въ эту минуту. О, Гудея, Гудея! Я любилъ только тебя. О, моя жизнь! Дѣла мои не будутъ похожи на звѣзды, которыя, взойдя однажды на небеса, свѣтятъ вѣчнымъ блескомъ, но будутъ какъ свѣтъ, который таетъ въ воздухѣ и исчезаетъ.

Берурия (*шатаясь*).

Идѣ уже дѣйствуетъ. Я не хочу, чтобы вы видѣли мою смерть. Прощай, Баръ Кохба!

Баръ Кохба.

Прощайте!

Дина.

Царь, вскорѣ мы всё встрѣтимся (*Двери дворца закрываются за Акибой, Берурией и Диной*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Народъ, солдаты, загнѣтъ Баръ Кохба).

ДѢТИ (*бѣгаютъ крича*).

Мать, мать! Гдѣ ты? (*Исчезаютъ*).

ЖЕНЩИНЫ (*стоя толпами*).

Ахъ, идуть уже! Земля дрожить! (*Слышенъ неясный подземный гулъ*).

Старцы.

Помоги намъ, Боже Израиля!
(*Нѣкоторые удаляются, другіе появляются на сценѣ.*)

Народъ.

Горе, горе намъ! Спрячемся!
(*Подземный гулъ слышенъ явственнѣе.*)

Баръ Коѣба (*на балконѣ передъ дворцомъ*).

Тише! Дѣти, прочь съ улицы! Женщины, на крыши!
Бросать кирпичи и горящую смолу!
(*На сценѣ непрерывное движеніе. Появляются новыя толпы; женщины плачутъ и издаютъ вопли отчаянія.*)

Мужчина изъ народа (*перелѣзая черезъ сцену*).

Сарра! Сарра! Сарра!

Женщина изъ народа (*бѣжитъ за нимъ*).

Держите его! Онъ украсть мѣи драгоцѣнности.

Другія женщины (*останавливаются се*).

Спасай жизнь свою, а не драгоцѣнности!

Женщина изъ народа (*вырывается*).

Отдай, отдай! (*Исчезаетъ*).

Баръ Коѣба.

Отойдите, женщины! (*Солдаты смѣшиваются съ народомъ, женщины удаляются со сцены*).

Баръ Коѣба.

Мужчины, солдаты! Занять все улицы! Стать по два, а гдѣ не хватить, то одинъ за другимъ! Пусть римляне сражаются съ каждымъ отдѣльно!

(*Подземный гулъ усиливается*).

Старцы (*падая на колѣни*).

Боже праотцевъ! Сотвори чудо!

Баръ Кохба (сходя со ступеней, ведущихъ во дворецъ).

Спокойствіе, спокойствіе! Вѣдь вы собираетесь только умереть!

(За сценой раздаются звуки многочисленныхъ трубъ; слышенъ шумъ, тревожныя восклицанія и стоны раненыхъ; Баръ Кохба удаляется).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же.

Толпа народа (срывается на сцену съ крикомъ).

Римляне! Римляне!

(Мужчины строятся, обнажая мечи; римскіе солдаты появляются на сценѣ съ обнаженными мечами; начинается сраженіе).

Римлянинъ.

Конецъ вамъ, проклятые!

Иудей.

И тебѣ! (Сражаются).

Римлянинъ.

Погибни, собака! (Убиваетъ его).

Второй римлянинъ (толкает старца иудейскаю).

Сторонись, съ тобой я не сражаюсь.

Первый римлянинъ.

Рѣжь и всякую собаку! (Убиваетъ старца).

Третій римлянинъ (вытираетъ мечъ свой).

Дѣтей и стариковъ я убилъ довольно; гдѣ ваши дѣвки?

Иудей.

Да покараетъ тебя Богъ! (*Убиваетъ его*).

Четвертый римлянинъ (*исчезнувшій-было на минуту со сцены, возвращается, ведя съ собой дѣвушку*).

Эй, отдохните минуто! У меня есть дѣвушка!

Старецъ Иудейскій.

Боже, это Ревекка! (*Поднимаетъ мечъ убитаго римлянина и убиваетъ имъ дѣвушку*). Она не будетъ вашей!

Римлянинъ.

Отправляйся и ты за ней! (*Убиваетъ его*).

Голосъ Баръ Кохби (*за сценой*).

Стойте, трусы!

Римляне (*объяютъ на сцену*).

Бѣгите! Баръ Кохба!

(*Римляне отпѣсняютъ иудеевъ со сцены и сами удаляются за ними. — Сцена пустѣетъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

(*Баръ Кохба, за нимъ Абимелехъ*).

Баръ Кохба.

Они бѣгутъ, какъ дѣти отъ рога! Я убиваю всѣхъ, меня же никто не хочетъ убить.

Абимелехъ.

Ты долженъ радоваться этому. Ты одинъ переживаешь паденіе твоего государства!

Баръ Кохба.

Я былъ творцомъ его и не хочу быть его могильщикомъ.

(*Подаетъ оружіе свое Абимелеху*). Абимелехъ! Ты можешь прославиться: убей Баръ Кохбу!

Абимелехъ.

Я былъ твоимъ шутомъ; я не могу быть палачомъ твоимъ.

Баръ Кохба (*задумчиво*).

Я вызывалъ врага, просилъ друга, но никто не хочетъ убить меня. Въ жизни никто не помогаль мнѣ и никто не хочетъ ускорить мою смерть. Я долженъ самъ себѣ помочь, какъ и всегда. Абимелехъ, въ моей комнатѣ находится ядовитая змѣя. Возьми ее осторожно и принеси сюда.

Абимелехъ.

Царь, змѣя эта не обладаетъ сердцемъ римлянина!

Баръ Кохба.

Укушеніе ея смертельно. Ахъ, поторопись!

(*Абимелехъ отправляется во дворецъ*).

Баръ Кохба.

Честныя сердца! Добродушный родъ карликовъ! Я оставляю васъ, вашу мелкую любовь и ненависть вмѣстѣ съ вашимъ жалкимъ Богомъ! Долженъ же существовать міръ, гдѣ я найду людей; по мѣрѣ того, какъ я удаляюсь отъ васъ, я начинаю дышать воздухомъ того міра. Благородныя насѣкомыя, вы войдете въ тѣсное пространство, которое вы называете своимъ небомъ; мы болѣе уже не встрѣтимся. Что будетъ со мной? Быть можетъ, я буду находиться въ безпредѣльномъ мірѣ, который мы называемъ временемъ? Только бы попасть среди духовъ, которые создаютъ и любятъ свободно; здѣсь, на землѣ, насъ заставили насиловать себя.

(*Абимелехъ возвращается со змѣей*).

Баръ Кохба (*беря змѣю отъ Абимелеха*).

Ахъ, прекрасная, ядовитая женщина! Теперь ядъ твой

не испугаетъ меня; я жажду его! (*Обвиваетъ змѣю около руки, прижимая голову ея къ своему сердцу, становится на колѣни, затѣмъ опускается совсѣмъ на землю*). Здѣсь, здѣсь! Вотъ искренній подвѣлуй! Ты одна вѣрно любила меня; ты подарила мнѣ смерть.

Абимелехъ.

Подумаль-ли ты о смерти, царь? Говори съ человѣкомъ, а не со змѣей.

Баръ Кохба (*опускаетъ голову на плечо и рукой закрываетъ себя глаза*).

Прощай! Не говори ни слова; я долженъ сосредоточиться. Иначе я *тамъ* не найму рѣшенія загадки, если только будетъ какое нибудь рѣшеніе.

Абимелехъ (*неловко отворачиваясь*).

Не говорить? Въ такую минуту не говорить? Я созданъ изъ болѣе мягкой глины. Твои приказанія уже безсильны. Ты болѣе не царь, а только умирающій челоѣкъ. Но, тѣмъ не менѣе, ты былъ великимъ челоѣкомъ. Жить — значило у тебя побѣждать день ото дня, собрать миллионы и воскресить государство праотцевъ; жить — значило у тебя любить великій народъ отеческой любовью, имѣть сто женъ и всѣхъ оснастить въ своихъ объятіяхъ. А когда пришло время умирать, ты схватилъ смерть въ свои объятія и прижалъ ее къ груди быстро и сильно, — по-истинѣ это божественная жизнь, это божественная смерть! Мнѣ кажется, что ты меня, меня привелъ въ изумленіе. Я, жалкое, слабое созданіе, не имѣю мужества ни жить, ни умереть; ибо сказано, что духъ челоѣка и духъ животнаго — одно и то же, и вотъ я, свободный челоѣкъ, привязался къ этому царю, какъ собака. Я не вѣрилъ, что я въ состояніи привязаться къ кому нибудь; я любилъ только моего горбатаго отца, а теперь тебя! (*Послѣ продолжительной борьбы*). Ну, уступи мнѣ одно укушеніе! Для меня, жал-

каго существа, достаточно будетъ одной капли яда! (*Ложится рядомъ съ Баръ Кохбой и прижимается къ груди голому змѣи*).
О, о, пѣня уже спѣла!

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Тѣ же; Северъ, Руфъ, военачальники и солдаты римскіе; съ другой стороны по-
является Измаиль во главѣ нѣсколькихъ жителей Ветра).

Северъ.

Гдѣ царь? Ищите Баръ Кохбу!

Измаиль.

Могущественные властелины! Припадая къ стопамъ ва-
шимъ, приносимъ вамъ покорность всего Израиля! Да награ-
дить васъ Господь счастьемъ и успѣхомъ, какихъ мы, покор-
ные слуги ваши и императора, желаемъ вамъ отъ всей души.
Да снизойдетъ въ равной мѣрѣ ваша милость на насъ! (*Обра-
щаясь къ своимъ товарищамъ*). Будемъ римлянами, братья,
истинными римлянами! Да здравствуетъ великій, милостивый,
могущественный нашъ императоръ!
(*Товарищи его подхватываютъ: Да здравствуетъ импера-
торъ!*).

Северъ.

Будьте увѣрены въ нашей милости. Кто ты, гражданинъ?

Измаиль (*низко кланяясь*).

Покорнѣйшій слуга великаго Севера, Измаиль, законоучи-
тель.

Северъ.

А! Измаиль, шпионъ, нашъ старый другъ! Я имѣю обык-
новеніе платить каждому той монетой, которою онъ ссудилъ
меня. Ты измѣнялъ своимъ, тѣмъ легче теперь измѣнишь
намъ. Ты хотѣлъ высоко зайти; да будетъ по твоему жела-
нію. Эй, солдаты! Повѣсите этого іудея, да повыше!

(*Солдаты хватаютъ Измаила и вводятъ его*).

Восходъ.

Намангъ.

Постойте! Я римлянинъ! (*Исчезаетъ за сценой*).

Северъ (*замѣтивъ трупъ Баръ Кохбы*).

А, гордый врагъ! Ты лишилъ меня величайшаго торжества.

Руфъ.

Онъ избавилъ насъ отъ труда. Эй, разрубить его на куски и бросить моимъ рыбакамъ!

Северъ.

Нѣтъ! Этотъ трупъ принадлежитъ мнѣ. Посмотри на него, Руфъ! Не видишь-ли ты божественныхъ признаковъ на этомъ человѣкѣ? Кого боги отличили, того и намъ слѣдуетъ почитать. Плачь, Іудея, съ нимъ погибла и ты! Этотъ полубогъ исторгъ тебя изъ ночи ничтожества; на его могилѣ закатывается твое солнце. Плачьте, іудеи, плачьте и вы, римляне! Погибъ великій вождь! Похоронимъ его, какъ царя. Потомъ триумфъ въ Римѣ!

(*Похоронный маршъ. Римскіе солдаты выносятъ на рукахъ тѣло Баръ Кохбы*).

(*Занавѣсъ*).

А. Нессигъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ.

КЪ ГОДОВЩИНѢ РЕВОЛЮЦІИ 1789 ГОДА ¹.

Il faut finir des juifs le honteux esclavage.
Racine.

III.

Начало обсужденія еврейскаго вопроса въ Учредительномъ Национальномъ Собраніи. — Засѣданія 23-го августа, 3-го и 28-го сентября и 14-го октября 1789 года.

Въ первый разъ еврейскій вопросъ поставленъ былъ на очереди въ Национальномъ Собраніи въ засѣданіе 23-го августа 1789 г., т. е. спустя три слишкомъ мѣсяца послѣ начала революціи. Въ этомъ засѣданіи шли оживленныя пренія о редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ «Декларации правъ человека» и о примѣненіи ихъ къ различнымъ частнымъ случаямъ. Одинъ изъ депутатовъ, *Кастеллянъ*, предложилъ слѣдующую редакцію пункта, касающагося свободы совѣсти и вѣроисповѣданія: «Никого нельзя безволеить изъ-за его религиозныхъ убѣжденій и никому не должно мѣшать въ совершеніи его богослуженія». Противъ этой ясной и категорической формулы поднялись протесты на скамьяхъ депутатовъ духовенства и нѣкоторой части дворянства. Глубоко укоренившіеся въ нихъ предрасудки, унаслѣдованные отъ предковъ и какъ бы сросшіеся съ ихъ сознаніемъ, разомъ были поколеблены этою формулою; они сроднились съ понятіемъ о господствующей католической церкви, едино-истинной, дающей направленіе государственнымъ дѣламъ, а тутъ вдругъ заговорили о полной свободѣ совѣсти, о равен-

¹ См. «Восходъ» кн. IV.

ствѣ религій и тому подобныхъ страшныхъ вещахъ. Вотъ почему протестъ депутатовъ духовенства былъ особенно рѣзокъ и силенъ. Этотъ протестъ противъ одной изъ важнѣйшихъ основъ конституціи разгнѣвилъ *Мирабо*, этого Юпитера французской революціи—и онъ возвысилъ свой могучій голосъ въ защиту свободы совѣсти. «Неограниченная свобода религій,—воскликнулъ онъ,—для священнаго въ моихъ глазахъ, что слово «терпимости» отзывается для меня нѣкоторымъ образомъ тираніей, ибо самое существованіе власти, имѣющей право терпѣть, нарушаетъ свободу; если эта власть «вѣротерпима», значитъ—она была бы въ правѣ сдѣлать противное». Но и сильная рѣчь *Мирабо* заглушалась криками противниковъ свободы. Тогда въ защиту послѣдней выступилъ другой замѣчательный ораторъ, *Рабо-де-Сентъ-Этьенъ*. Поддерживая вышеприведенную формулу, онъ между прочимъ сказалъ: «Да будетъ навѣки изгнано слово *нетерпимость*, пусть никогда болѣе не произносится это варварское слово! Я не прошу, однако, *терпимости*: это слово содержитъ въ себѣ понятіе снисхожденія, унижающее человека; я требую *свободы*, которая должна быть одна для всѣхъ. Заблужденіе не есть преступленіе. Какова бы ни была вѣра человека, онъ не долженъ изъ за нея лишаться своихъ правъ. Я требую свободы и для того постоянно гонимаго, бездомнаго, блуждающаго по міру и обреченнаго на униженія народа—для евреевъ!»

Благодаря этой сильной поддержкѣ, предложеніе *Кастеллана* было принято только съ нѣкоторыми измѣненіями, и десятая статья «Декларациа правъ» была сформулирована собраніемъ слѣдующимъ образомъ: «Никого не слѣдуетъ беззастѣночно изъ-за его даже религіозныхъ убѣжденій, если только ихъ проявленіе не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ»¹. Такимъ образомъ, свобода вѣроисповѣданія была въ принципѣ рѣшена.

Спустя три дня послѣ этого засѣданія, а именно 26-го августа, евреи, живущіе въ Парижѣ, представили Національному Собранію адресъ съ изложеніемъ своихъ желаній. Желанія ихъ

¹ *Moniteur* отъ 23-го и 26-го августа 1789. *Halphen*, p. 179—180.

сводились къ тому, чтобы «вмѣстѣ со всеми французами, быть подчиненными одному и тому же праву, одной и той же администраціи и одному и тому же суду»; они отказывались отъ предоставленной имъ привилегіи имѣть своихъ особыхъ общинныхъ предводителей и, выражая свои патриотическія чувства, «торжественно доказанныя на дѣлѣ» вступленіемъ многихъ изъ нихъ въ національную гвардію, требовали только «признанія за ними всѣхъ гражданскихъ правъ»¹. Національное Собраніе приняло адресъ парижскихъ евреевъ, но такъ какъ вопросъ о правахъ евреевъ вообще еще не былъ поставленъ на очередь, то оно не могло дать парижской депутаціи опредѣленный отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ адресъ, равно какъ представленія другихъ еврейскихъ депутацій, содѣйствовали скорѣйшей постановкѣ еврейскаго вопроса въ практическомъ его смыслѣ.

И дѣйствительно, весьма скоро, 3-го сентября, Національное Собраніе разсматривало ходатайства различныхъ еврейскихъ депутацій, преимущественно эльзасскихъ, ходатайства, обобщенныя докладчикомъ Собранія въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ. Евреи требовали: 1) чтобы Собраніе ясно высказалось на счетъ ихъ участи, предоставляя имъ званіе гражданъ; 2) чтобы имъ дозволено было жить свободно во всѣхъ городахъ, независимо отъ прежнихъ законовъ и привилегій; 3) чтобы навсегда отмѣнить произвольные и несправедливыя налоги, тяготѣвшіе исключительно на евреевъ (подразумѣвался главнымъ образомъ налогъ «за покровительство», который эльзасскіе евреи платили въ пользу фамиліи герцога Бражка); 4) чтобы евреи были свободны въ управленіи своихъ религіозныхъ требъ, законовъ и обрядовъ. По выслушаніи этого доклада, Собраніе назначило особый комитетъ для разсмотрѣнія заключающихся въ немъ пунктовъ².

Весьма возможно, что Національное Собраніе, въ виду своихъ многочисленныхъ занятій и смутнаго состоянія общества, волнуемаго непрерывною смѣною событій, снова отложило бы еврейскій вопросъ въ долгій ящикъ, успокоившись на «особомъ комитетѣ»; но событія не ждали и вскорѣ опять

¹ *Kahn. Les Juifs à Paris*, p. 64—65.

² *Moniteur*, 3-го и 4-го сентября 1789; *Halphen*, 180.

Восходъ, кн. 5.

заставили «законодателей страны» взяться за отсроченный вопросъ. Событія эти были весьма печальнаго свойства: въ нѣкоторыхъ городахъ Лотарингіи стали повторяться еврейскіе погромы, на манеръ эльзасскихъ; въ Нанси евреямъ грозили разграбленіемъ ихъ имущества, такъ какъ возбужденная, голодная толпа обвиняла ихъ въ томъ, что они скупаютъ хлѣбъ и поднимаютъ его цѣну. Слухи объ этихъ беспорядкахъ дошли, конечно, до Національнаго Собранія; кромѣ того, мецкіе евреи обратились къ нему съ убѣдительною просьбою о покровительствѣ. Въ виду такихъ чрезвычайныхъ событій, Національное Собраніе, 28-го сентября вечеромъ, прервало обычный порядокъ своихъ занятій и вернулось къ еврейскому вопросу. Аббатъ Грегуаръ опять говорилъ за преслѣдуемыхъ евреевъ¹. *Клермонъ-Тоннеръ*, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вождей Собранія, въ блестящей рѣчи указалъ на то, что въ низкомъ состояніи евреевъ виновато само христіанское общество, которое постоянно держало ихъ въ черномъ тѣлѣ, запрещало имъ всѣ порядочныя занятія и толкнуло на путь ростовщичества, которымъ теперь само же попрекаетъ евреевъ. Ораторъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы христіане первые протянули евреямъ руку примиренія. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе. Рѣшено было, чтобы президентъ Собранія (въ тотъ день президентомъ былъ знаменитый Мунъ) разослалъ въ различные города Лотарингіи циркуляръ, въ которомъ должно быть заявлено, что *Декларация правъ челоѣка* распространяется на всѣхъ жителей государства, а слѣдовательно, и на евреевъ; сверхъ того постановлено было просить короля подтвердить это заявленіе «всѣмъ своимъ авторитетомъ».

Замѣчательная и крайне трогательная сцена разыгралась въ Національномъ Собраніи въ вечернее засѣданіе 14-го октября, происходившее подъ предсѣдательствомъ Фрето. Лотарингскіе депутаты, засѣдавшіе въ Собраніи, заявили, что нѣсколько евреевъ, уполномоченныхъ своими единобѣрцами въ Эльзасѣ и

¹ Ср. *Гамассефъ* 1789 г., стр. 371. Тутъ говорится еще объ одной рѣчи за евреевъ, произнесенной Грегуаромъ «19-го августа», т. е. 10-го сентября, вѣроятно, немедленно по полученіи печальныхъ новѣстій изъ Лотарингіи.

Лотарингін, просить позволенія представиться Собранію. Приказано было ввести еврейскую депутацію, которая тотчас и вошла и стала, по тогдашнему обычаю, у рѣшетки, отдѣлявшей мѣста депутатовъ отъ мѣстъ для публики. Во главѣ еврейской депутаціи былъ знакомый уже намъ дѣятель *Беръ-Исаакъ Берръ* изъ Нанси. Попросивъ слова и получивъ позволеніе говорить, Берръ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Милостивые государи! Во имя Предвѣчнаго, Творца всякой правды и справедливости; во имя Бога, который, предоставивъ людямъ одинаковыя права, предписалъ имъ и одинаковыя обязанности; во имя челоуѣчества, оскорбляемаго, вотъ уже сколько вѣковъ, позорнымъ обращеніемъ, которому подвергались почти во всѣхъ странахъ земли потомки древнѣйшаго изъ народовъ—во имя всего этого закликаемъ васъ: обратите вниманіе на нашу плачевную участь!

«Повсюду преслѣдуемые, повсюду унижаемые и тѣмъ не менѣе всегда покорные, несопротивляющіеся; будучи у всѣхъ народовъ предметомъ ненависти и презрѣнія, въ то время когда они заслуживали скорѣе терпимости и состраданія, — евреи, представителями которыхъ мы являемся предъ вами, позволяютъ себѣ надѣяться, что среди важныхъ работъ, занимающихъ васъ, вы не оставите безъ вниманія и ихъ жалобъ; что вы выслушаете съ нѣкоторымъ интересомъ ихъ робкія заявленія, съ коими они осмѣливаются обратиться къ вамъ изъ глубины своего униженія.

«Мы не станемъ злоупотреблять вашимъ временемъ, господа, чтобы входить въ подробное разсужденіе о характерѣ и справедливости нашихъ требованій: все это изложено въ запискахъ, которыя мы имѣемъ честь вамъ представить. Отъ васъ зависитъ поставить насъ въ положеніе менѣе прискорбное, чѣмъ то, на которое мы доселѣ были обречены. Пусть будетъ разорвана та позорная завѣса, которая столь долго отдѣляла насъ отъ міра! Пусть люди увидятъ въ насъ своихъ братьевъ! Пусть распространится и на насъ та божественная любовь къ ближнему, которою вы такъ много дорожите! Пусть послѣдуетъ коренная реформа во всѣхъ тѣхъ поворныхъ учрежденіяхъ, которыя насъ

порабощаютъ, и пусть эта реформа, которой мы доселѣ тщетно добивались и в которой мы теперь молимъ со слезами на глазахъ, пусть она будетъ *вашимъ* благодѣніемъ, дѣломъ *вашихъ* рукъ!»

Въ торжественномъ молчаніи выслушало Собраніе рѣчь представителя евреевъ. Всѣ были тронуты ею. Передъ ними стояло столько вѣковъ гонимое и несчастное еврейство, которое въ лицѣ своего представителя молило о справедливости, о братскомъ союзѣ, о прекращеніи вѣковой неправды. Въ голосѣ еврейскаго оратора звучали слезы; въ немъ слышалась вся скорбь народа-мученика, вся горечь тысячелѣтней исторической обиды и горячая мольба о помощи. Впервые въ своей скитальческой жизни многострадаальный народъ, жертва вѣковыхъ насилій, заговорилъ такимъ тономъ съ потомками своихъ преслѣдователей и гонителей. Еврейство прощало имъ все и просило только о братскомъ союзѣ... Это былъ великій, торжественный моментъ— и торжественность его не могла не подѣйствовать на членовъ Собранія. Когда Берръ кончилъ, председатель Собранія Фрето всталъ и, обратившись въ еврейской депутаціи, сказалъ:

«Великіе мотивы, приводимые вами въ поддержку вашихъ требованій, не позволяютъ Собранію выслушать васъ безъ участія. Собраніе приметъ къ свѣдѣнію ваше прошеніе и сочтетъ себя счастливымъ, если ему удастся доставить вашимъ братьямъ спокойствіе и счастье. Пока вы можете объ этомъ нашемъ заявленіи донести вашимъ довѣрителямъ»¹.

Отвѣтъ президента вызвалъ громкія рукоплесканія всего Собранія. Еврейскимъ депутатамъ, въ знакъ особеннаго вниманія и почта, предложено было присутствовать при совѣщаніяхъ Собранія до конца засѣданія. Рѣшено было въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій обстоятельно обсудить еврейскій вопросъ.

IV.

Рѣшія по еврейскому вопросу въ Национальномъ Собраніи (засѣданія 21-го, 23 и 24-го декабря 1789 г.).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ торжественнаго момента 14-го

¹ *Moniteur* отъ 13 — 15 октября 1789; Halphen, 182; *Гаммаефъ* 1790 г., стр. 30—32, гдѣ всл. эта рѣчь, равно какъ отвѣтъ президента, приведены въ еврейскомъ переводѣ.

октября и въ виду рѣшенія Национальнаго Собранія безотлагательно заняться еврейскимъ вопросомъ, французскіе евреи нѣкоторое время находились въ особенно радостномъ, возбужденномъ настроеніи. Они были оквачены тѣмъ же священнымъ энтузіазмомъ обновленія и перерожденія, которымъ искренно была проникнута лучшая часть французскаго народа. Въ ту эпоху хотѣлось непремѣнно вѣрить и надѣяться; будущее рисовалось всѣмъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ¹. И вотъ, евреи также вѣрили и надѣялись, во первыхъ, что вопросъ о нихъ дѣйствительно очень скоро будетъ поставленъ на очередь и, во вторыхъ, что, разѣ поставленный, онъ будетъ рѣшенъ непременно въ благоприятномъ смыслѣ. Дѣйствительность, однако, не очень скоро оправдала ихъ розовыя надежды. Въ средѣ Учредительнаго Собранія были еще многіе элементы, которые подъ революціонною маской таили въ себѣ самыя темныя, ретроградныя стремленія, самыя грубыя предрассудки. Поборникамъ еврейской эмансипаціи приходилось еще долго бороться съ коenosью этихъ элементовъ, которымъ все-таки удалось на время отсрочить благоприятное рѣшеніе еврейскаго вопроса, покаго дого какъ советѣмъ заморозить его онаялось невозможнымъ.

Хотя рѣшеніе Собранія отъ 14-го октября гласило, что еврейскій вопросъ будетъ разсматриваться въ ближайшемъ засѣданіи, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, вслѣдствіе массы другихъ безотлагательныхъ занятій, Собраніе не могло вернуться къ нему раньше, чѣмъ черезъ два слишкомъ мѣсяца. Возбужденъ былъ этотъ вопросъ вновь по поводу одного частнаго случая. Въ засѣданіе 21 декабря однимъ депутатомъ возбужденъ былъ вопросъ о правѣ католиковъ быть избираемыми въ качествѣ гласныхъ въ городскія учрежденія; другой депутатъ прибавилъ, что необходимо предоставить католикамъ даже право государственной службы. Свободолюбивый Клермонъ-Тоннеръ предложилъ слѣдующую формулу закона по этому предмету: «Национальное

¹ Еврейско-французскій поэтъ Мойсей Эисейкъ напечаталъ въ это время прекрасное стихотвореніе, въ которомъ воспѣваетъ великія добродѣтели Национальнаго Собранія, его стремленія къ гуманности и справедливости, и выражаетъ радостное настроеніе евреевъ въ эту достопамятную эпоху. Ср. сборникъ „*Na-meassef*“ 1790 г., стр. 83. и сл.

Собрание рѣшаетъ, что никакою дѣйствительнымъ гражданиномъ (citoyen actif), удовлетворяющимъ условіямъ избираемости, не можетъ быть ни исключаемъ изъ списка избираемыхъ, ни лишаемъ права занимать общественныя должности изъ-за своей профессіи или своего вѣроисповѣданія». После этого нѣкоторые члены потребовали обсуждения положенія евреевъ съ точки зрѣнія возбужденнаго вопроса и другихъ основъ конституціи. Тогда ожесточенный противникъ евреевъ, эльзасскій депутатъ *Реебель*, всталъ и сказалъ: «Я думаю о евреяхъ такъ, какъ сами они о себѣ думаютъ. Они себя не считаютъ гражданами. Въ этомъ именно смыслѣ я допускаю поправку г. Клермонъ-Тоннера, ибо, употребивъ выраженіе «дѣйствительный гражданинъ», онъ тѣмъ самымъ исключаетъ евреевъ изъ предлагаемаго имъ закона»¹. Короткое замѣчаніе, но сколько было въ немъ ядовитости и завѣдомой фальши! Сказать, что евреи не считаютъ себя гражданами, въ то время какъ они сами ревностно хлопотали о признаніи ихъ равноправными гражданами, — это было одновременно и ложь, и злая иронія...

Но все это были только цѣпки; ягодики были впереди. И онѣ скоро поспѣли. Черезъ два дня послѣ описаннаго засѣданія, а именно 23-го декабря, зала Национальнаго Собранія огласилась горячими и шумными преніями по еврейскому вопросу. На первую очередь въ этотъ день поставленъ былъ обсуждавшійся за два дня предъ тѣмъ вопросъ о правѣ протестантовъ, евреевъ и актеровъ быть избираемыми на общественныя должности. Докладчикомъ по этому вопросу былъ назначенъ Клермонъ-Тоннеръ, который и выступилъ съ обширною рѣчью въ защиту равенства и справедливости. Въ началѣ своей рѣчи онъ, изложивъ вкратцѣ сущность вопроса, раздѣляетъ свою задачу на двѣ части: онъ беретъ рассмотреть, справедливъ-ли исключительный законъ, если онъ основывается — во первыхъ, на профессіи данной группы людей (актеровъ etc.) и, во вторыхъ, на вѣроисповѣданіи. Обсудивъ подробно первый изъ этихъ пунктовъ и доказавъ, что право избираемости не должно обуславливаться профессіей человѣка, онъ продолжаетъ:

¹ *Moniteur* 21 Decembre 1789; *Halphen*, p. 183.

«Теперь поговорю по вопросу о вѣроисповѣданіи. Вы уже успѣли высказаться объ этомъ предметѣ, заявивъ въ Декларации Правъ, что никто не долженъ подвергаться стѣсненіямъ даже изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но не значить-ли существованіемъ стѣснять гражданъ, когда желаютъ лишить ихъ самаго драгоценнаго права вслѣдствіе однихъ только ихъ убѣжденій? Законъ не можетъ посягать на исповѣданіе челоуѣка, не имѣетъ никакой власти надъ его душою; законъ имѣетъ власть лишь надъ дѣйствіями челоуѣка и долженъ имъ покровительствовать, если только они не вредны обществу. Богъ хотѣлъ, чтобы мы сходились въ нравственныхъ истинахъ, и позволилъ намъ создавать законы нравственные; но законы догматическіе и область совѣсти Онъ предоставилъ Самому Себѣ. Оставьте же совѣсть свободною! Пусть то или другое направленіе чувства и мысли къ небу не считается преступленіемъ, за которое общество должно карать лишеніемъ социальныхъ правъ! Въ противномъ случаѣ, установите національную религію, вооружите ее мечомъ и разорвите вашу Декларацию Правъ!...

«Всякое вѣроисповѣданіе должно представлять только одно удостовѣреніе — удостовѣреніе въ своей нравственности. Если бы нашлась такая религія, которая предписывала бы воровство и поджогъ, то ея послѣдователямъ нужно было отказывать не только въ избирательномъ правѣ, но ихъ слѣдовало бы даже изгонять. Но такое замѣчаніе не можетъ относиться къ евреямъ. Имъ дѣлаютъ множество упрековъ. Изъ этихъ упрековъ самыя важныя несправедливы, другіе сводятся только къ проступкамъ. Говорятъ, евреямъ разрѣшено заниматься ростовщичествомъ. Это утвержденіе основано только на ложномъ толкованіи принципа благотворительности и братства, запрещающаго имъ давать въ ростъ своимъ единовѣрцамъ..... (Пропущенъ въ подлинникѣ, затемняющій смыслъ фразы). Люди, все достояніе которыхъ составляютъ только деньги, могутъ, конечно, жить не иначе, какъ пуская въ оборотъ эти деньги, а вы вѣдь всегда препятствовали имъ владѣть чѣмъ либо инымъ...

«Евреямъ, какъ націи, слѣдуетъ отказывать во всемъ; но евреямъ, какъ людямъ, слѣдуетъ все предоставлять. Необходимо, чтобы они были гражданами. Говорятъ, будто они сами

не желаютъ быть гражданами; пусть они это скажутъ—и ихъ изгонять, ибо не можетъ быть нація въ націи. Императоръ (Карль Великій?) допускалъ евреевъ ко всѣмъ отличіямъ, ко всѣмъ должностямъ, они исполняли во Франціи самыя важныя общественныя функціи. Одинъ изъ нашихъ коллегъ, г. Неравъ, уполномочилъ меня заявить, что многіе евреи содѣйствовали его избранію. Нынѣ евреевъ принимаютъ въ воинскія части. Когда я занималъ президентское мѣсто, я получилъ одинъ патриотическій даръ отъ еврея, солдата національной гвардіи.

«Евреевъ нужно считать гражданами, пока не будетъ доказано, что они не граждане, или пока они сами не откажутся отъ гражданства. Въ своемъ прошеніи они требуютъ, чтобы на нихъ смотрѣли именно какъ на гражданъ. Законъ обязанъ признать за ними это званіе, въ коемъ только предразсудокъ могъ имъ отказывать. Скажутъ, что законъ не имѣетъ власти надъ предразсудками; это было бы вѣрно, если бы законъ былъ дѣломъ одного лица, но когда законъ является дѣломъ всѣхъ людей, такое мнѣніе должно быть признано ложнымъ.

«Необходимо ясно высказаться на счетъ участи евреевъ. Молчать—хуже всего. Это значило бы—имѣть предъ глазами доброе дѣло и не желать его осуществить, знать истину и бояться ее высказать; это значило бы, наконецъ, посадить на тронъ предразсудокъ рядомъ съ закономъ, заблужденіе рядомъ съ разумомъ».

Энергичная рѣчь Клермонъ-Тоннера въ пользу евреевъ вызвала столь же энергичную отвѣдь со стороны извѣстнаго *аббата Мори*. Аббатъ Мори игралъ въ Национальномъ Собраніи немаловажную роль; онъ былъ однимъ изъ вождей правой, консервативной партіи, состоявшей изъ упорныхъ феодаловъ и фанатическихъ патеровъ. Съ вождями либеральной партіи—Мирабо, Клермонъ-Тоннеромъ, Дюпоромъ и др.—онъ былъ во враждѣ. По личнымъ своимъ качествамъ, Мори былъ хоть и талантливый, но нравственно низкій человекъ. Принадлежалъ формально къ духовенству, онъ тѣмъ не менѣе былъ невѣрующій и вольтерьянецъ въ душѣ; онъ не имѣлъ никакихъ высокихъ идеаловъ—ни религіозныхъ, подобно аббату Грегуару, ни политическихъ, подобно Мирабо. Это былъ эпикуреецъ въ худ-

шлемъ смыслъ слова ¹. Въслѣдствіи онъ оказался одновременно и ретроградомъ, и нѣмѣнникомъ отечеству: въ 1792 году онъ бѣжалъ изъ Франціи сначала въ Кобленцъ, къ эмигрантамъ, замышлявшимъ коалицію противъ Франціи, а затѣмъ въ Римъ, гдѣ папа его принялъ, какъ одного изъ лучшихъ ратоборцевъ католицизма въ странѣ революціи. Такой человѣкъ естественно долженъ былъ выступить яркимъ врагомъ эмансипаціи евреевъ, вытекающей изъ ненавистнаго ему принципа свободы совѣсти. Аббатъ Мори такъ дѣйствительно и поступилъ въ засѣданіе 28-го декабря. Возвращая Клермешъ-Тоннеру, онъ сказалъ:

«Невозможно унотребить больше таланта и краснорѣчія, чѣмъ это сдѣлалъ предшествующій ораторъ для нападенія на ваши принципы. Прослѣдите точно ходъ его разсужденій—вотъ путь, который я себѣ намѣчаю... (Тутъ ораторъ опровергаетъ мнѣнія своего предшественника на трибунѣ относительно актеровъ и, переходя затѣмъ къ еврейскому вопросу, говоритъ):

«Перейдемъ теперь къ предмету болѣе достойному вниманія нашего Собранія. Прежде всего я замѣчу, что слово *еврей* не есть названіе секты, а названіе націи, которая имѣетъ свои законы, которая постоянно слѣдовала этимъ законамъ и желаетъ имъ слѣдовать впредь. Называть евреевъ гражданами (Франціи)—все равно, что сказать, что англичане или датчане, получившіе права натурализаціи и не перестающіе считать себя англичанами или датчанами, могутъ стать французами.

«Со времени царствованія Карла Лысаго, отравленнаго своимъ врачомъ Седекіемъ и предоставившаго евреямъ право гражданства, евреевъ семь разъ изгоняли и обратно призывали. Вольтеръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ энциклопедіи, говоритъ, что изгоняла ихъ алчность, а призывала обратно глупость и скупость. Примемъ же къ свѣдѣнію поведеніе нашихъ предковъ, и пусть Фонтенель не будетъ въ правѣ сказать: ошибки отцовъ прочли даромъ для дѣтей.

«Евреи прошли сквозь семнадцать вѣковъ—и не смѣшались съ другими народами. Они ничѣмъ не занимались, кромѣ тор-

¹ Характеристику Мори см. у *Saint-Beuve*, *Causeries du Lundi*, t. IV, pp. 203—221. Сентъ-Бевъ рѣзко осуждаетъ и отношеніе Мори къ евреямъ (стр. 212—213).

говли деньгами; они были бытомъ земледѣльческихъ странъ; никто изъ нихъ не сумѣлъ облагораживать своихъ рукъ, идя за сохою и за плугомъ. Законы, которымъ они слѣдовали, не оставляли имъ времени для упорнаго земледѣльческаго труда. Кромѣ субботы, у нихъ въ году на пятьдесятъ шесть праздниковъ (?) больше, чѣмъ у христіанъ. Въ Польшѣ имъ принадлежитъ большая провинція (?). И такъ, ноть христіанскихъ рабовъ орошаетъ тѣ нивы, гдѣ зарождается еврейское богатство, между тѣмъ какъ евреи, имѣя свои поля воздѣланными, занимаются только развѣшиваніемъ дукатовъ и вычисленіемъ того, сколько можно вытянуть изъ этихъ монетъ еще, не подвергаясь карѣ закона.

«Они не были земледѣльцами ни въ царствованіе Давида, ни въ царствованіе Соломона¹. Ихъ тогда еще упрекали за лѣность; поглощенные исключительно торговлею, они были тѣмъ, чѣмъ нынѣ являются корсары въ варварійскихъ земляхъ.

«Вы думаете изъ нихъ сдѣлать солдатъ? Но безбрачіе считается у нихъ чѣмъ-то ужаснымъ; они вступаютъ въ бракъ очень рано. Если даже у нихъ окажутся патріотизмъ и храбрость, которые привлекутъ ихъ подъ наши знамена, они все-таки большой пользы намъ не принесутъ. Не знаю, найдется-ли въ мірѣ хоть одинъ генералъ, который хотѣлъ бы командовать отрядомъ евреевъ въ день субботній; они никогда не давали сраженій въ этотъ день, и ихъ враги не читали его, какъ и они сами.

«Сдѣлаете-ли вы изъ нихъ ремесленниковъ? Но ихъ многочисленные праздники и субботніе дни окажутся непреодолимыми къ тому препятствіями.

«Въ Эльзасѣ въ ихъ рукахъ находятся двѣнадцать милліоновъ ипотекъ надъ земельными угодіями. Черезъ мѣсяць они могутъ оказаться собственниками жѣлой половины этой провинціи. Черезъ десять лѣтъ они ее, пожалуй, завоюютъ цѣлкомъ, и она сдѣлается еврейскою колоніей. Народъ питаетъ къ евреямъ ненависть, которую возрастаніе еврейскаго благосостоя-

¹ Въ пилу рвенія почтенный аббатъ забылъ библейскій рассказъ, прямо утверждающій, что евреи въ это время занимались исключительно земледѣіемъ и скотоводствомъ и что занятія эти только въ царствованіе Давида нарушались частыми войнами съ беспокойными сосѣдями.

нія неизбежно приведетъ ко взрыву. Ради блага самихъ евреевъ, не слѣдовало бы и толковать объ этомъ вопрестѣ.

«Евреевъ не нужно преслѣдовать: они — люди и, слѣдовательно, наши братья,—и проклятiе тому, кто сталъ бы говорить о нетерпимости! Никто не долженъ терпѣть притѣсненія изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Вы признали этотъ принципъ и тѣмъ самымъ обезпечили за ними самое широкое покровительство. Пусть же имъ покровительствуютъ, какъ людямъ вообще, но не какъ французамъ, ибо они не могутъ быть гражданами».

Такъ говорилъ ожесточенный противникъ новыхъ идей и всего, что было въ революціи хорошаго, возвышеннаго. Такъ разсуждалъ онъ, насилуя и перевирая факты, историческіе и современные, обвиняя евреевъ въ томъ порядкѣ вещей, котораго они сами были жертвами, клевета на ихъ религію и обычаи, утверждая, что евреи не могутъ быть ни гражданами, ни ремесленниками, ни воинами, и не стѣсняясь, наконецъ, прицѣпить ко всѣмъ этимъ лживымъ увѣреніямъ, дышавшимъ нетерпимостью, ярлыкъ гуманности и вѣротерпимости... Эта иезуитская уловка, однако, не удалась. Рѣчь клерикала Мори возмущила великаго радикала революціи—*Робеспьера*, который, впрочемъ, тогда еще не обнаружилъ своихъ радикальныхъ стремленій. Робеспьеръ почувалъ въ преновѣди Мори скверную отрыжку стараго порядка, понялъ и несправедливость его доводовъ относительно евреевъ, и когда Мори кончилъ, онъ всталъ и промолвилъ слѣдующую краткую, но выразительную рѣчь:

«Всякій гражданинъ, удовлетворяющій условіямъ избираемости, вами выработанными, имѣетъ тѣмъ самымъ право на общественныя должности. Когда вы обсуждали эти условія, вы уже рѣшали великую задачу человечества. Предшествующій ораторъ хотѣлъ сдѣлать изъ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ три разныхъ вопроса. Всѣ они заключаются въ самомъ принципѣ; но, ради правды и здраваго смысла, я ихъ разсмотрю ближе... (Переходя затѣмъ къ еврейскому вопросу, Робеспьеръ продолжаетъ):

«О евреяхъ вамъ наговорили вещи до-нельзя преувеличенныя и часто противорѣчащія исторіи. Пороки евреевъ происте-

каютъ изъ состоянія униженія, въ которое вы ихъ погрузили. Они станутъ хорошими, когда увидятъ, что выгодно быть таковыми...

«Я думаю, что нельзя отнимать ни у кого изъ особой этого класса тѣхъ священныхъ правъ, которыя даетъ имъ званіе человѣка. Этотъ вопросъ—вопросъ общій, и его слѣдуетъ рѣшить согласно принципу».

Робеспьеръ, такимъ образомъ, поставилъ еврейскій вопросъ на почву общихъ принциповъ и считалъ рѣшеніе его простымъ выводомъ изъ *Декларации человѣческихъ правъ*. Такая постановка была невыгодна противникамъ евреевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ отчасти и епископъ *Лафаръ* изъ Нанси. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что епископъ *Лафаръ* отнюдь не былъ ожесточеннымъ врагомъ еврейства, какъ аббатъ *Мори*; вдобавокъ, онъ былъ гораздо честнѣе и нравственнѣе послѣдняго, какъ человѣкъ. Противъ евреевъ, какъ людей, *Лафаръ* собственно ничего не имѣлъ, но какъ глава католической церкви, жившій въ сферѣ грубыхъ религіозныхъ предрасудковъ, онъ съ недовѣріемъ относился къ еврейству духовному, историческому. Его рѣчь, въ сущности благодушная, говоритъ гораздо больше за евреевъ, нежели противъ нихъ; ораторъ, повидимому, самъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій по этому вопросу и колебался между сторонниками и противниками еврейской эмансипаціи; въ одномъ мѣстѣ онъ даже признается, что говоритъ противъ евреевъ потому, что ему въ депутатской инструкціи такъ велѣно, и называетъ свое положеніе вынужденнымъ (*Situation impérissable*). Впрочемъ, послушаемъ его самого:

«Мои разсужденія и доводы едва-ли прибавятъ что либо къ тому, что сказалъ аббатъ *Мори*. Поставленный самою должностію, которою меня удостоили, въ блвазіи отношенія къ значительному числу евреевъ, я обязанъ вамъ представить свои наблюденія надъ ними—и вотъ что я пока скажу:

«Еврей, безъ сомнѣнія, терпѣли многія обиды, которыя слѣдуетъ загладить. Необходимо уничтожить законы, которые законодатель установилъ, забывая, что еврей—люди, и люди несчастные. Необходимо дать имъ покровительство, безопасность, свободу. Но слѣдуетъ-ли впустить въ семью племя ей чуж-

дое, непрестанно обращающее свои взоры къ общей своей родинѣ, стремящееся покинуть землю, которая теперь его носитъ; племя, которое, оставаясь вѣрнымъ своему закону, должно запрещать своимъ членамъ военныя упражненія, механическія и свободныя искусства, исправленіе должностей въ магистратурѣ и въ общинномъ управленіи, наконецъ, даже служительское состояніе; племя, которое, соблюдая свои національныя законы, имѣетъ въ году сто восемь гулевыиъ дней?

«Чтобы быть справедливымъ, я долженъ сказать, что евреи оказали большія услуги Лотарингіи и преимущественно городу Нанси; но бываютъ вынужденныя положенія: моя инструкція (депутатская, *saînet*) велитъ мнѣ возставать противъ предложенія, которое вамъ сдѣлано.

«Интересъ самихъ евреевъ требуетъ этого протеста. Для народа они—предметъ ужаса; въ Эльзасѣ они постоянно являются жертвами народныхъ движеній. Четыре мѣсяца тому назадъ хотѣли въ Нанси разграбить ихъ дома. Я отправился на мѣсто возстанія, я спрашивалъ, что имѣютъ противъ евреевъ,—и вотъ одни мнѣ заявили, что евреи были скупщиками хлѣба; другіе жаловались, что они слишкомъ распространяются, покупаютъ красивѣйшіе дома и что вскорѣ овладѣютъ всѣмъ городомъ. Одинъ изъ мятежниковъ прибавилъ: «Да, сударь, если мы васъ лишимся, то мы еще, пожалуй, увидимъ еврея въ качествѣ нашего епископа: такъ ловки они въ захватѣ всего».

«Декретъ, который предоставилъ бы евреямъ права гражданъ, можетъ вызвать большой взрывъ. Разъ они уже получили подобную милость отъ англійскаго парламента; но вскорѣ булочники отказались продавать имъ хлѣбъ — и эти несчастные сами просили о скорѣйшей отмѣнѣ благоспріятнаго имъ билля¹.

«Я предлагаю: образовать комитетъ и возложить на него пересмотръ всего законодательства, относящагося къ евреямъ».

¹ Ораторъ подразумѣвалъ, очевидно, извѣстную исторію объ отмѣнѣ въ 1754 г. билля о признаніи лондонскихъ евреевъ англійскими гражданами, принятаго парламентомъ и утвержденаго за годъ передъ тѣмъ, въ мартѣ 1753 г. Отмѣна эта была вызвана дѣйствительно протестомъ завистливаго лондонскаго купечества и фанатической толпы; но фактъ о булочникахъ, приводимый Лафаромъ, есть не болѣе какъ анекдотъ.

Благодушная рѣчь епископа Лафара должна была сослужить въ сущности дурную службу дѣлу настоящихъ юдофобовъ, въ родѣ аббата Мори. Рѣчь эта обличала шаткость позиціи, занимаемой противниками евреевъ, показывала, что они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и цѣпляются только за обломки разрушеннаго навсегда стараго порядка. Кроме того, самъ преподобный ораторъ свидѣтельствовалъ свое почтеніе евреямъ, признавалъ ихъ заслуги и необходимость уничтоженія стараго исключительнаго о нихъ законодательства; его только пугало званіе гражданъ, которое хотѣли предоставить евреямъ. По этому пункту Лафару отвѣчалъ знаменитый *Дюпортъ* (Dupont), одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вождей либерально-конституціонной партіи въ Національномъ Собраніи, — человекъ, которому впоследствии суждено было завершить дѣло еврейской эмансипаціи во Франціи. Вотъ что онъ, между прочимъ, сказалъ:

«Принять какое нибудь рѣшеніе безусловно необходимо... Необходимо также, чтобы рѣшеніе, которое будетъ принято, отвѣчало духу сдѣланнаго вамъ предложенія. Если бы какая нибудь народность пожелала слиться съ нами, если бы она просила для своихъ членовъ права французскаго гражданства, — могли-ли бы вы не удовлетворить этой просьбы? А вѣдь въ такомъ же положеніи находитесь и еврейская нація. Не наше дѣло изслѣдовать, вѣрны-ли евреи своему закону; достаточно, если они будутъ исполнять обязанности, которыя мы на нихъ будемъ налагать и которыя мы съ ними будемъ раздѣлять.

«Вамъ говорили, что законъ не властенъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, ибо самъ есть результатъ общественнаго мнѣнія. Но нужно различать законъ, который въ строгомъ смыслѣ есть справедливость, и нравы, которые должны стремиться сходствовать съ закономъ. Законъ скажетъ, что евреи могутъ быть избираемы (на общественныя должности); нравы, можетъ быть, будутъ противиться тому, чтобы ихъ избирали; но въ концѣ концовъ они сойдутся съ закономъ. Какъ бы то ни было, вы не можете отказаться освятить великій принципъ, когда онъ вамъ предлагается.

«Я предлагаю такую редакцію закона, которая заключала

бы въ себѣ только простой принципъ и въ которой не было бы выраженій о культѣ и исповѣданіи; вотъ эта редакція:

«Ни одинъ французъ не можетъ быть лишаемъ какъ права активнаго гражданства, такъ и права избираемости, иначе, какъ по причинамъ, объявленнымъ особыми декретами Национальнаго Собранія, отмѣняющаго всѣ законы и постановленія, противорѣчащія этому принципу».

Предложеніе Дюпора возбуждаетъ живые толки въ Собраніи. Клермонъ-Тоннеръ заявляетъ, что принимаетъ редакцію Дюпора; епископъ Нимскій и другіе депутаты стоятъ за редакцію, выработанную за два дня передъ тѣмъ. Предлагается отдать предпочтеніе формулъ Дюпора. Пускаютъ предложеніе на голоса — и получается 408 голосовъ за предложеніе и 403 противъ. Засѣданіе объявляется закрытымъ и дебаты по вопросу объ избираемости некаатоликовъ откладываются на слѣдующій день ¹.

Засѣданіе 24-го декабря было хотя менѣе продолжительнымъ, но не менѣе бурнымъ, чѣмъ предыдущее. Пренія по тому же вопросу продолжались. Герцогъ *Де-Бролли*, нерасположенный къ евреямъ, предложилъ редакцію близкую къ редакціи Дюпора, но требовалъ отсрочить обсужденіе вопроса о евреяхъ. Эта послѣдняя мысль понравилась очень многимъ, такъ какъ избавляла ихъ хотя бы на время отъ утомительныхъ преній. Недругъ евреевъ, упомянутый уже эльзасскій депутатъ Ревбель, ухватился за эту мысль и въ своей рѣчи выставилъ Собранію на видъ: что предубѣжденіе противъ евреевъ очень сильно въ народѣ и едва-ли устранимо; что въ Эльзасѣ ненависть народа къ евреямъ можетъ имѣть серьезныя послѣдствія; что евреи своимъ поведеніемъ заслужили такого къ себѣ отношенія и, наконецъ, что «неразумно предоставить евреямъ, по крайней мѣрѣ теперь, равныя права съ прочими гражданами». *Барназъ*, возражая Ревбелю, ссылается на *Декларацию*, предоставляющую всѣмъ гражданскія права, независимо отъ вѣроисповѣданія, но прибавляетъ, что если Собраніе намѣрено сейчасъ высказаться,

¹ Подробный отчетъ о засѣданіи 23 декабря — въ *Moniteur* того же и слѣдующихъ чиселъ, и *Halphen, Recueil des lois*, pp. 184—191.

те оно должно высказаться пока единственно въ пользу протестантовъ.

Епископъ Клермонтскій заявляетъ, что большинство Собранія не обнаружило никакого предубѣжденія противъ равноправности протестантовъ, но что гораде большій отпоръ встрѣчаетъ предложеніе касательно равноправности евреевъ; а потому онъ предлагаетъ отдѣлить одну часть вопроса отъ другой и сдѣлать изъ нихъ два разныхъ вопроса.

Послѣ долгихъ преній (впрочемъ, ни къ чему не приведшихъ) о формѣ постановки вопроса, одинъ депутатъ, *Бомецъ*, изъ лагера противниковъ эмансипаціи, сказалъ слѣдующее:

«Я думаю, что вопросъ о евреяхъ долженъ быть отсроченъ, и имѣю всѣя причины такъ думать. Можетъ быть, сами евреи не пожелаютъ занимать тѣ гражданскія и военныя должности, къ которымъ вы ихъ признаете способными, и тогда ваша дилеретъ будетъ по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ великодушіемъ (*générosité malentendue*). Прежде чѣмъ высказаться рѣшительно о судьбѣ этого искони несчастнаго народа, необходимо узнать отъ него, чѣмъ онъ хочетъ быть, какую цѣною онъ хочетъ купить свою свободу и, наконецъ, достоинъ-ли онъ ее получить. Я предлагаю внести въ предложеніе слѣдующія двѣ поправки: 1) Собраніе ничего не предрѣшаетъ пока о евреяхъ, о судьбѣ которыхъ оно предоставляетъ себѣ установить рѣшеніе впоследствии; 2) сверхъ этого, никакой гражданинъ не можетъ быть удаленъ отъ гражданскихъ и военныхъ должностей по инымъ мотивамъ, чѣмъ тѣ, которые опредѣлены въ предшущихъ декретахъ Собранія, подписанныхъ королемъ».

Рѣчь *Бомеча*, не смотря на всю несостоятельность ея доводовъ относительно евреевъ, вызываетъ тѣмъ не менѣе рукоплесканія большинства, которому, вѣроятно, уже надобно продолжительныя пренія по еврейскому вопросу. Нашелся, однако, человекъ въ Собраніи, который несерьезнѣе взглянулъ на дѣло и котораго возмутили нелѣпыя выдумки *Бомеча*. Это былъ — первый человекъ въ Собраніи, знакомый ужъ намъ *Мирабо*. Выслушавъ рѣчь *Бомеча* и замѣтивъ сильное впечатлѣніе, произведенное ею на большинство депутатовъ, онъ всталъ и сказалъ:

«Господа, чѣмъ больше успѣха выпало на долю г. Бомена за произнесенную имъ сейчасъ рѣчь, тѣмъ строже слѣдуетъ быть по отношенію къ нему.

«Не безъ изумленія слушалъ я рѣчь этого уважаемаго оратора, утверждающаго, будто евреи могутъ не захотѣть тѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностей, къ которымъ вы ихъ допустите, и дѣлающаго изъ этого весьма своеобразный выводъ, что съ вашей стороны будетъ напраснымъ и непрошеннымъ великодушіемъ, если вы провозгласите евреевъ правоспособными въ этомъ отношеніи.

«Ну, господа, неужели вы серьезно думаете, что не слѣдуетъ провозгласить евреевъ гражданами оттого, что они не захотятъ быть ими? Въ такомъ государствѣ, какое вы хотите воздвигнуть, необходимо, чтобы всѣ люди были люди; необходимо изгнать изъ нашей среды всѣхъ тѣхъ, которые не суть люди или не хотятъ ими сдѣлаться.

«Но прошеніе, съ которымъ евреи обратились въ это Собраніе, прямо говоритъ противъ утвержденія предшествующаго оратора. (Тутъ ораторъ прочитываетъ то мѣсто въ прошеніи, гдѣ евреи ясно выражаютъ свое желаніе, чтобы ихъ объявили гражданами). — Мое заключеніе такое: что слѣдуетъ отложить обсужденіе вопроса о евреяхъ потому только, что этотъ вопросъ недостаточно разъясненъ. Я счелъ только своимъ долгомъ разсѣять впечатлѣніе, которое предшествующій ораторъ могъ сдѣлать на васъ во вредъ народу, гораздо болѣе несчастному, нежели виновному».

Неизвѣстно, достигъ-ли Мирабо своей цѣли, разсѣялъ-ли онъ дѣйствительно своимъ короткимъ, но сильнымъ словомъ впечатлѣніе, произведенное на Собраніе рѣчами предыдущихъ ораторовъ; но вопросъ объ отсрочкѣ еврейскаго вопроса былъ въ принципѣ рѣшенъ, такъ какъ за отсрочку высказались почти всѣ, не исключая и Мирабо. Онъ былъ увѣренъ, что дѣло правды и свободы наконецъ восторжествуетъ, и что дальнѣйшее разъясненіе еврейскаго вопроса будетъ только способствовать скорѣйшему его рѣшенію въ благоприятномъ для евреевъ смыслѣ. Въ виду единодушія, высказаннаго по отношенію къ предложенію объ

отсрочкѣ, поправки Бомеца были подвергнуты голосованію; ихъ приняли, но только съ нѣкоторыми измѣненіями. Національное Собраніе постановило окончательно слѣдующее рѣшеніе: «1) Некатолики, которые будутъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ удовлетворять условіямъ, поставленнымъ въ предыдущихъ декретахъ касательно избирателей и избираемыхъ, могутъ быть избираемы на всякія общественныя должности безъ исключенія; 2) не католики могутъ занимать всякія должности, гражданскія и военныя (государственныя), подобно прочимъ гражданамъ. *Причемъ не вводится ничего новаго по отношенію къ евреямъ, о положеніи которыхъ Національное Собраніе предоставляетъ себѣ высказаться впоследствии* (Sans entendre rien innover relativement aux juifs, sur l'état desquels l'Assemblée Nationale se réserve de prononcer). Впрочемъ, нельзя противоставить избранію всякаго гражданина ничего, кромѣ мотивовъ исключительныхъ, вытекающихъ изъ предписаній конституціи»¹.

Затѣмъ засѣданіе было объявлено закрытымъ.

Это рѣшеніе Національнаго Собранія отъ 24-го декабря 1789 года послужило основаніемъ всей дальнѣйшей политики относительно евреевъ въ теченіе полутора года. Изъ этого рѣшенія вытекало ясно только одно: что рѣшеніе *всего* еврейскаго вопроса откладывалось на неопредѣленное время; что же касается частнаго вопроса объ избираемости евреевъ на государственныя и общественныя должности, то тутъ формула рѣшенія была такъ двусмысленна, что допускала толкованія совершенно противоположныя. Въ большей части случаевъ, однако, толковали этотъ пунктъ отрицательно, основываясь на выраженіи: «не вводится *ничего* новаго относительно евреевъ»². Такимъ образомъ, положеніе евреевъ оставалось по прежнему неопредѣленнымъ.

¹ *Moniteur* 25 Decembre; Halphen, pp. 191—193.

² Такъ, между прочимъ, поступили и при разъясненіи закона о выборахъ городскихъ чиновниковъ, 8 января 1790 г.; евреи были исключены изъ этихъ выборовъ.

V.

Первый шагъ къ эмансипаціи. — Провозглашеніе равноправности южно-французскихъ евреевъ.

Рѣшеніе 24-го декабря повергло евреевъ въ уныніе. Возбужденные общимъ ходомъ быстро смѣнявшихся событій, оптимистически настроенные первыми идеальными порывами революціи, они не сомнѣвались, что еврейскій вопросъ будетъ рѣшенъ въ Національномъ Собраніи тотчасъ какъ будетъ внесень туда, и что рѣшеніе его будетъ безусловно благопріятное для евреевъ. А тутъ вдругъ — такія продолжительныя пренія по этому вопросу и, что еще хуже, отсрочка его на неопредѣленное время! Тяжело было евреямъ мириться съ такимъ рѣшеніемъ, тягостно было сидѣть и выжидать въ то время, какъ кругомъ все кипѣло и рвалось впередъ... Особенно обидѣлись рѣшеніемъ 24-го декабря южно-французскіе евреи, извѣстные подъ общимъ именемъ испано-португальскихъ. Они всегда привыкли считать себя привилегированною, избранною частью еврейства; номинально они уже издавна пользовались равноправностью, а въ послѣднее время стали ею частенько пользоваться и фактически (такъ, на примѣръ, бордоскій еврей Градисъ баллотировался въ началѣ 1789 г. въ депутаты Генеральныхъ Штатовъ, и ему недоставало только трехъ голосовъ, чтобы быть избраннымъ; многіе бордоскіе евреи служили въ Національной гвардіи, etc.). А между тѣмъ Національное Собраніе, смѣшавъ ихъ съ эльзась-лотарингскими и прочими евреями, включило ихъ въ общій декретъ объ отсрочкѣ еврейскаго вопроса. Огорченные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, бордоскіе евреи наскоро снарядили въ Парижъ депутацію, которую уполномочили ходатайствовать предъ Національнымъ Собраніемъ о скорѣйшемъ признаніи гражданской равноправности португальскихъ евреевъ независимо отъ обсужденія еврейскаго вопроса, отложеннаго на время. Они выставяли на видъ, что евреи, живущіе на югѣ Франціи, еще съ 1550 г. пользуются *de jure* равноправіемъ и гражданскимъ состояніемъ, что и вполнѣдствіи ихъ права и привилегіи были не разъ

подтверждаемы королями, и что недостаетъ только санкціи новаго правительства, чтобы сдѣлать ихъ полноправными гражданами *de facto*. Національное Собраніе приняло къ свѣдѣнію всѣ эти мотивы и назначило обсужденіе просьбы португальскихъ евреевъ на 28 января 1790 г. Предварительное разсмотрѣніе этого дѣла поручено было особой комисіи, докладчикомъ которой долженъ былъ выступить епископъ Отѣнскій, знаменитый впоследствии дипломатъ *Талейранъ*.

Засѣданіе 28-го января вышло особенно шумнымъ и оживленнымъ. Докладчикъ изложилъ Собранію сущность дѣла и отъ имени комисіи предложилъ, чтобы евреи, натурализованные во Франціи и по грамотамъ обладавшіе званіемъ гражданъ, были на дѣлѣ признаны таковыми, вслѣдствіе чего тѣ изъ нихъ, которые удовлетворяютъ условіямъ, поставленнымъ для избирателей и избираемыхъ, могутъ пользоваться правомъ службы во всѣхъ учрежденіяхъ. Эльзасскій юдофобъ *Ревель* не соглашается съ предложеніемъ докладчика. По его мнѣнію, принятіе такого предложенія есть косвенная отмѣна рѣшенія 24-го декабря объ отсрочкѣ еврейскаго вопроса; если же предоставить равноправность евреямъ бордоскимъ, то придется признать ее и за эльзасскими евреями, которые въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ первыхъ, ибо также имѣютъ свои грамоты и привилегіи. *Аббатъ Мори* предлагаетъ предоставить евреямъ Бордо временно только мѣстныхъ права, которыя признаны за ними прежними грамотами. Депутатъ *Лешанелье* возражаетъ, что нельзя смѣшивать евреевъ бордоскихъ съ эльзасскими; вопросъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы за первыми *сохранить* ихъ прежнія гражданскія права, а послѣднимъ *дать* права, которыхъ они раньше не имѣли; во всемъ прочемъ онъ согласенъ съ мнѣніемъ комисіи. Депутатъ *Богарне* предлагаетъ слѣдующую формулу рѣшенія: «Евреи бордоскіе продолжаютъ пользоваться правами, которыми они пользовались до сихъ поръ въ силу королевскихъ грамотъ». Редакція эта встрѣчаетъ одобреніе и предпочитается редакціи комисіи. Понятно, что такая формула ничего ровно не выражала и въ сущности оставляла бордоскихъ евреевъ *in statu quo ante*.

Тогда въ защиту бордоскихъ евреевъ выступилъ депутатъ

города Бордо въ Собраніи *Де-Сезъ*: Онъ требовалъ такого рѣшенія, которое предоставило бы бордоскимъ евреямъ возможность пользоваться *на дѣль* правами *дѣйствительныхъ* гражданъ (*d'exercer les droits de citoyens actifs*), и прибавилъ, что, требуя такого рѣшенія, онъ только исполняетъ настоятельное желаніе города Бордо, своей родины. При этомъ *Де-Сезъ* не преминулъ указать и на многочисленныя услуги, оказанныя отечеству бордоскими евреями въ важныхъ случаяхъ; упомянулъ и о томъ, что негоціантъ Градисъ едва не былъ выбранъ депутатомъ Национальнаго Собранія отъ города Бордо, что доказываетъ довѣріе населенія къ евреямъ.

Справедливый аббатъ Грегюаръ заявилъ, что равноправіе слѣдуетъ дать не только бордоскимъ, но и всѣмъ евреямъ южной и западной Франціи, извѣстнымъ подъ именемъ: португальскихъ, испанскихъ и авиньонскихъ. Что же касается нѣмцевъ, т. е. эльзасъ-лотарингскихъ евреевъ, то онъ проситъ назначить опредѣленный день для разбора вопроса о нихъ и объявляетъ, что займется тогда опроверженіемъ ложныхъ доводовъ аббата Мори и прочихъ противниковъ еврейской эмансипаціи.

Долго еще шли въ Собраніи оживленныя пренія по поводу предложенія о бордоскихъ евреяхъ. Предлагались еще формулы и еще поправки, пробовали рѣшить окончательную редакцію предложенія простымъ вставаніемъ, но толку не было. Тогда потребовали поименнаго голосованія. Но (какъ рассказываетъ «*Moniteur*», гдѣ помѣщенъ отчетъ объ этомъ засѣданіи) въ одномъ мѣстѣ залы Собранія, справа отъ президентскаго кресла, образовалась группа депутатовъ, которые вслѣдствіе какихъ-то темныхъ соображеній противились поименному голосованію, и всякій разъ, когда секретарь брался вызывать имена депутатовъ, въ этой группѣ поднимался ропотъ и шумъ, заглушавшіе его голосъ. Большинство въ Собраніи съ прискорбіемъ смотрѣло на то, какъ драгоценное время теряется даромъ, только изъ-за упорства нѣсколькихъ депутатовъ. Такъ продолжалось цѣлый часъ, и Богъ знаетъ, сколько бы еще тянулось дѣло, еслибъ не всталъ герцогъ *Де-Лянкуръ* и не заявилъ, что и долгъ и честь Собранія требуютъ немедленнаго открытаго голосованія по предложенному вопросу, причемъ сослался на правило, что нача-

тое голосованіе не можетъ быть прервано. Нѣкоторые члены воспротивились этому предложенію и требовали отложить обсужденіе дѣла. Но наконецъ, послѣ многихъ препирательствъ и благодаря настойчивости большинства, вопросъ былъ положенъ на голоса, голосованіе прошло безъ перерыва — и вотъ какой результатъ получился: 374 депутата высказались *за* предоставленіе португальскимъ, испанскимъ и авиньонскимъ евреямъ правъ дѣйствительныхъ гражданъ, а 224 депутата были *противъ* этого рѣшенія.

Такимъ образомъ значительное большинство Собранія высказалось въ пользу равноправности южно-французскихъ евреевъ. На этомъ основаніи Собраніе въ то же засѣданіе постановило слѣдующее рѣшеніе: «Национальное Собраніе постановляетъ, что всѣ евреи, извѣстные во Франціи подъ именемъ португальскихъ, испанскихъ и авиньонскихъ, продолжаютъ пользоваться тѣми правами, коими пользовались доселѣ въ силу королевскихъ грамотъ; а потому они могутъ пользоваться всѣми правами *дѣйствительныхъ гражданъ*, если будутъ удовлетворять условіямъ, установленнымъ на этотъ счетъ Собраніемъ» (28 января 1790 г.)¹.

Декретъ Национальнаго Собранія былъ тотчасъ представленъ на утвержденіе королю, который и подписалъ его. Такимъ образомъ эмансипація евреевъ южно-французскихъ вступила въ законную силу. Первый шагъ къ рѣшенію еврейскаго вопроса былъ сдѣланъ.

С. Истиславскій.

(Продолженіе будетъ).

¹ Halphen, Recueil etc., pp. 183—95; Meassef, 1790, p. 187.

СОБРАТЬ ПО НЕДУГУ.

(О Ч Е Р К Ъ).

I.

Я отправлялся изъ Вѣны въ Триесте. Былъ январь, стояли почти русскіе морозы; почтовый поѣздъ отходилъ на зарѣ; едва свѣтало, вѣдущихъ было очень мало, а въ маленькомъ купѣ для некурящихъ, куда я помѣстился, никого кромѣ меня не оказалось.

Второй звонокъ давно прозвонилъ; кондуктора уже захлопнули вагоны, и только что я собрался растянуться на просторѣ и поплотнѣе закутаться въ толстый берлинскій пледъ и ватную шинель, запасливо захваченную мною изъ Петербурга, какъ дверца моего купѣ суетливо растворилась; какая-то дамочка, запыхавшись, проворно, но безшумно, впрорхнула въ вагонъ. Дверь захлопнулась; звонокъ, свистокъ, генеральный толчокъ—и нашъ поѣздъ съ мѣста помчался стремительно быстро, словно съ ледяной горы: вѣнская станція помѣщается на большой высотѣ.

Солнце еще не взошло, но застывшія, заиндивѣвшія, подбѣленные снѣгомъ окрестности Вѣны были залиты нѣжнымъ алымъ свѣтомъ, наполнявшимъ и наше купѣ. Съ грустію отложивъ мое намѣреніе растянуться и прижавшись въ уголь, діагонально противоположный тому, въ которомъ сидѣла моя спутница, я, конечно, насколько позволяло приличіе, ее разсматривалъ и наблюдалъ.

Она жалась въ свой уголь, какъ запуганный звѣрекъ, стараясь не глядѣть на меня; а можетъ быть, оттого жалась,

что ей было очень холодно. Одѣта она была очень изящно, но изумительно легко: просто въ шелковомъ платьѣ солидно-дорогой матеріи, таковой же кофточкѣ, черной бархатной шляпкѣ-*toque*—послѣдней парижской моды. И только. Даже ея запасная шаль была, правда, мохнатая, дорогая, но въ такой морозъ весьма легкомысленная. Дань температурѣ въ 16° ниже нуля выражалась мѣховыми напульсниками и крошечной хорошенькой муфтой въ видѣ мѣшечка, застегнутаго пуговкой окисленнаго серебра.

— Замерзнешь ты, барынька,—думалось мнѣ.—Аль ѣдешь недалеко.

Грѣлки, стоявшія у насъ въ ногахъ, почти не согрѣвали воздуха въ купѣ, да и очень быстро охлаждались. Солнце уже взошло, но тепла не прибавилось и отъ него.

Я рѣшился, самъ не знаю по какимъ соображеніямъ, не заводить знакомства, молчать. Но отъ наблюденія воздержаться не могъ, потому что звѣрекъ былъ очень миловидный. Изящный овалъ лица; блѣдная съ пріятнымъ смуглымъ оттѣнкомъ, тонкая, гладкая кожа; ярко малиновыя страстныя губы; продолговатые черные, южные глаза; умный, бодрый взглядъ; нѣсколько прядокъ черныхъ, очевидно, отъ природы вьющихся волосъ. Маленькая ручка совсѣмъ свободно шевелилась въ темной перчаткѣ, перебирая листы какой-то книги. И ноги крошечныя. Лѣтъ ей было 25. А мнѣ только что 20 минуло.

Можетъ, именно поэтому я и рѣшилъ: не буду заговаривать.

Однако, какъ тутъ не заговаривать. На ближайшихъ станціяхъ, гдѣ нашъ стремительный поѣздъ останавливался, впрочемъ, на мгновеніе ока, дама не вышла и никто къ намъ не сѣлъ. Въ купѣ мы были заперты на цѣлые 18 часовъ; только разъ насъ общали выпустить на 15 минутъ, чтобы покормить. Восемнадцать часовъ съ глазу на глазъ не шутка! Къ тому же Зиммерингъ—живописнѣйшая мѣстность; поѣздъ то въ гору, то подъ гору; то зигзагами вверхъ, то зигзагами внизъ. Когда мы дугой огибали какую-то гору и вагоны, какъ лошади въ циркѣ, шли подъ угломъ, склоняясь надъ пропастью, спадавшей Богъ знаетъ на какую глубину у самаго рельса, я вдругъ услышалъ:

— Ахъ... Ахъ... да мы упадемъ,—вскрикнула моя спутница, уцѣпившись рукой за обивку диванчика.

Такая она была миленькая и такой имѣла въ это мгновеніе безпомощный видъ, что я почувствовалъ великую къ ней симпатію, и улыбаясь возразилъ:

— Богъ милостивъ, будемъ живы.

Она вдругъ засмѣялась.

— Какая я глупая, чего я испугалась!

И я разсмѣялся. И оба мы глядѣли другъ другу въ глаза и сразу сдѣлались какъ старые знакомые.

— Я и васъ, кажется, испугала. Это нервы. Конечно, чего же бояться?.. Правда, страшно. Подъ поѣздомъ словно и земли не видно—одна пропасть.

— За то живописно-то какъ...

— Да, хорошо... Поглядите: водонады даже замерзли... Ледъ—какъ сталактиты; точно серебряная грива висеть...

— Какъ бы вы не (я хотѣлъ-было сказать: «не замерзли») озябли...

— А что? у меня муфта! Вотъ нарукавнички мѣховые...

— Ну, въ такой морозъ это не спасенье...

Мы разговорились.

Она говорила по нѣмецки съ южнымъ акцентомъ... Говорила умно, весело, безъ претензій, съ тончайшимъ отбѣнкомъ невиннаго, почти наивнаго кокетства. Она была и отлично воспитана, и хорошо образована. Въ складѣ ея ума и въ самой формѣ выраженія мыслей было нѣчто для меня новое. Ея взгляды были особенные, не потому чтобы ея общія понятія о предметахъ были чужды распространеннымъ понятіямъ, но она какъ будто видѣла предметъ съ той стороны, на которую другіе не заглядываютъ, и дѣлала неожиданные и оригинально-остроумные выводы...

И бесѣда была пріятная, и собесѣдница симпатичная, и виды несравненные, и ощущенія надъ безднами сильныя... Но все это, однако, не заглушало моего аппетита, начавшаго послѣ полудня переходить въ голодъ.

— До остановки еще больше трехъ часовъ,—съ оторченіемъ воскликнулъ я, справившись въ рописаніи.

— А зачѣмъ останавливаться! Скорѣе доѣдемъ не останавливаясь.

— Да, коли съ голоду не умремъ прежде...

— Ахъ, вотъ что!—засмѣялась она.—Вы проголодались! Такъ я васъ сейчасъ накормлю... и согрѣмся...

— Ага, и вы стали чувствовать морозъ...

— Да, немножко; это сейчасъ пройдетъ...

Она разомкнула серебряныя застежки небольшого плюшеваго сакъ-нессесера; сняла перчатки (руки оказались даже лучше, чѣмъ можно было ожидать); вынула что-то завернутое въ мягкую бѣлую бумагу: оказались пирожки, каждый въ особой бумажкѣ; съѣла сама двѣ-три штуки, остальные пошутя, полу-насиленно скормила мнѣ. «Вдругъ,—говорить,—вы въ самомъ дѣлѣ съ голоду умрете, меня въ тюрьму посадятъ». Потомъ вынула флакончикъ. Грѣшный человекъ, я думалъ—не коньякъ-ли, но оказался приятно надушившій наше купе одеколонъ; вымыла имъ свои руки. Все аккуратно убрала въ мѣшокъ, и опять прижалась въ уголь какъ звѣрекъ, объявивъ, что теперь будетъ теплѣе.

Однако, становилось не теплѣе, а холоднѣе.

На встрѣчу намъ изъ ущелій налетали мощныя норывы вѣтра, проникавшаго въ вагонъ. Грѣлки совсѣмъ остыли. Солнце заволокло сначала какимъ-то морознымъ туманомъ, потомъ грузной снѣговой тучей. Моя спутница разговаривала менѣе оживленно. Однако, повѣдала мнѣ, что возвращается въ Триестъ къ мужу, и сообщивъ мнѣ вѣчто о себѣ самой, робко спросила:

— А вы какой націи?

— Я—русскій.

— Настоящій русскій? Я никогда не видала русскихъ, т. е. видала, да не знакомилась...

— Настоящій. А вы венгерка?

Почему-то мнѣ представилось, что она непременно венгерка.

— Нѣтъ, я еврейка...

— Представьте, и я тоже никогда не знавалъ евреекъ...

Она насмѣшливо поглядѣла на меня. Я чувствовалъ, что выразился неумѣстно, и поправился еще неумѣстнѣе:

— То есть, я не видалъ такихъ евреекъ...

— Какихъ—такихъ?

— Такихъ, какъ вы...

Я чуть-было по молодости и неопытности не прибавилъ: такихъ образованныхъ, граціозныхъ, опрятныхъ, милыхъ. Но, къ счастью, не сказалъ этого.

Она сначала поглядѣла на меня строго, какъ будто хотѣла ожечь огонькомъ, который у ней загорался въ глазахъ. Но вдругъ словно проникла въ мою мысль, и засмѣялась...

— Ну вотъ, наблюдайте... И я васъ буду наблюдать... отъ нечего дѣлать,—язвительно прибавила она, и сейчасъ же, должно быть, чтобы загладить свою язвительность, попотчивала меня шоколадными лепешечками изъ круглой черепаховой коробочки.

Мы совсѣмъ стали друзьями—до того друзьями, что когда наконецъ въ ранніе сумерки насъ выпустили кормиться и она отказывалась идти въ буфетъ, отказывалась ѣсть, я, въ качествѣ эксперта по части морозовъ, пригрозивъ ей чуть не смертью отъ холода и голода, насильно накормилъ ее бульономъ и ростбифомъ; ростбифъ, впрочемъ, она только попробовала; усадивъ ее обратно въ купэ, я также насильно укуталъ ее въ мою шинель. Подъѣзжая къ Триесту, я думалъ, что она и подъ шинелью-то замерзнетъ. На дебаркадеръ я ее почти вынесъ... Морозъ былъ совсѣмъ русскій и холодный вѣтеръ задувалъ съ такой силой, что экипажи по улицамъ едва двигались: ихъ накренивало.

— Это наша Бора ¹,—поясняли мнѣ туземцы.

— Вотъ тебѣ и Италия, вотъ тебѣ и Адриатическія волны,—думалъ я.

Это было мое первое знакомство съ краемъ, гдѣ зрѣютъ апельсины. Въ первый день моего пребывания на ихъ родинѣ, я видѣлъ ихъ только на ларяхъ и въ кузовкахъ, посыпанныхъ сухимъ снѣжкомъ колющей, пронизывающей, опрокидывающей боры...

На дебаркадерѣ мою спутницу ждалъ ея мужъ, красивый, солиднаго вида молодой человекъ. Я ему, такъ сказать, сдалъ его жену съ рукъ на руки, почти полумертвую.

На другой день утромъ онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, чтобы

¹ Сильный холодный вѣтеръ.

поблагодарить за заботы о женѣ, и пригласилъ къ себѣ обѣдать.

Это оказалось одно изъ милѣйшихъ еврейскихъ семействъ. Ихъ фамилія была Грюнталь. Онъ былъ банкиръ. Покуда я жилъ въ Триестѣ, мы сблизились. Потомъ изрядка переписывались, когда я вернулся въ Россію; лѣтъ черезъ шесть я повторилъ мою заграничную поѣздку, и въ Вѣнѣ встрѣтился съ Грюнтальями. Они тогда собирались переселиться въ Венгрію по дѣламъ банкирскаго дома. Потомъ я ихъ потерялъ изъ виду.

Прошло безъ малаго 20 лѣтъ со времени нашего перваго знакомства, когда, посѣтя Неаполь, я внезапно былъ пораженъ нервною болѣзнию. Болѣзнь была весьма серьезная и сложная, и заболѣлъ я даже не въ самомъ городѣ, а въ нагорномъ селѣ, куда пріѣхалъ полюбоваться природой.

II.

Мои друзья рѣшили, что меня слѣдуетъ помѣстить въ неаполитанскій международный госпиталь, гдѣ и содержаніе больныхъ, и уходъ за ними, и леченіе были образцовые. Главный же докторъ и директоръ былъ мой знакомый.

Меня привезли въ больницу добросердечный русскій докторъ, случайно оказавшійся въ Неаполѣ, и одинъ мой итальянскій пріятель. Коляска наша остановилась у госпиталя, въ нагорномъ предмѣстьи Неаполя.

Меня мучили не столько острые боли, сколько сознаніе физической безпомощности: ноги—какъ безжизненные канаты, облитые свинцомъ; одна рука словно чужая; спина безъ опоры не держится прямо; мускулами, даже глазами, не могу распорядиться, какъ слѣдуетъ. А голова все это понимаетъ, все сознаетъ, можетъ разсуждать. Отъ пониманья и разсужденья тоска стоитъ во всемъ существѣ. Главное же—неизвѣстность: что изъ всего этого выйдетъ, а я не выношу неизвѣстности.

Ипрочемъ, и голову, нетронутую нервной болѣзнию—привели въ изрядный беспорядокъ нѣсколько бессонныхъ недужныхъ ночей, голодь, которымъ меня лечилъ нелѣпый деревенскій докторъ, двухъ-часовой переѣздъ изъ села въ городъ по

неописуемо пыльной и изрядно избитой дорогѣ, подѣ палящими лучами лѣтнаго неаполитанскаго солнца. Я сознавалъ и ощущалъ жизнь, какъ сновидѣніе, какъ яркую фантазію! Съ правой стороны—не то улицы, не то большой дороги, на которой стоялъ госпиталь, уступами, высѣченными въ высококомъ, отлогомъ утесѣ, пестрѣли сады, зеленѣли огороды, подымались богатыя листвою деревья. На возвышеніи передъ живописно разваливающимся сѣрокаменнымъ зданіемъ пальма величаво раскидывала свою перистую верхушку; кричали какія-то птицы... Мнѣ все это представлялось чѣмъ-то нематеріальнымъ, очарованнымъ; деревья и самыя зданія, раскиданныя въ зелени, утопающія въ густо-золотомъ свѣтѣ жаркаго вечера, принимали образы какихъ-то живыхъ существъ. Въ памяти дремотно вставали обрывки волшебныхъ сказокъ. Совершенно ослабѣвъ физически, я грезилъ на яву, почти не сознавая своего разбитаго болѣзнью я, и мгновенно это я очнулось съ болью и тоской, когда мой русскій докторъ и пріятель-итальянецъ пошевелили меня, чтобы вынуть изъ экипажа. Обернувшись налѣво, я увидѣлъ чистенькій фасадъ госпиталя, совсѣмъ непохожаго на госпиталь, а на уютную барскую виллу, нѣсколько человѣческихъ фигуръ на крыльцѣ... Передъ моей коляской стояла другая коляска, къ которой съ крыльца ринулись два здоровенныхъ парня въ синихъ фартукахъ.

— А-ааа! Ууо!—раздался жалобный стонъ, вмѣстѣ капризно-сердитый стонъ больного человѣка. И мнѣ показалось, что это мой собственный стонъ: мнѣ стало больно, неловко, я словно распадался, когда меня начали шевелить... Но стонъ исходилъ изъ другого экипажа, изъ впалой груди безпомощно сидѣвшаго въ немъ сухонькаго человѣка съ черной, серебрившейся сѣдиной, бородкой... Парни въ синихъ фартукахъ, словно испуганные крикомъ, не зная какъ взяться за больного, отскочили отъ его коляски, и по чьему-то распоряженію подошли ко мнѣ, извлекли меня, посадили на кожаныя кресла-носилки... Мнѣ было опять больно и неловко; но я удержалъ стонъ, за меня простоналъ уже кто-то другой...

— Васъ мы ждали,—пояснилъ одинъ изъ моихъ носильщи-

ковъ,—а подвезли къ госпиталю другого... такая же болѣзнь... не знаемъ за кого взяться...

Я, уносимый на крыльцо, оглянулся на остававшагося еще въ своемъ экипажѣ собрата по болѣзни и въ моемъ утомленномъ умѣ, въ моихъ разбитыхъ нервахъ сложилось какое-то представленіе тождественности съ этимъ несчастнымъ: то, что я ощущалъ, казалось, испытывалъ и онъ; казалось, и онъ мучился моими мученіями. Онъ-ли, я-ли — я не совсѣмъ разбиралъ покуда меня вносили на лѣстницу, усаживали на большое кресло въ заранѣе приготовленной для меня комнатѣ... Носильщики, уйдя отъ меня, оставили раскрытой мою дверь; она приходилась прямо противу лѣстницы: я видѣлъ, какъ тѣ же дѣтины въ синихъ фартукахъ вносили по ней на тѣхъ же кожаныхъ носилкахъ сухонькаго человѣчка съ черной бородкой, я видѣлъ его страдальческое лицо, и, словно меня самого несли второй разъ, чувствовалъ его боли; его стоны казались мнѣ моими, и я не былъ въ силахъ отдѣлится представленіе о самомъ себѣ отъ представленія о немъ.

III.

Госпиталь былъ новенькій, чистенькій, небольшой, почти не госпиталь, а мирный пансіонъ для недужныхъ. Директоръ, онъ же и старшій врачъ—мой старый знакомый, даровитый, искусный, добросовѣстный нѣмецъ съ французской кровью. Онъ меня сейчасъ же удобно устроилъ въ заранѣе приготовленной для меня отдѣльной комнатѣ, напоилъ, накормилъ и, прежде чѣмъ приступить къ діагнозу, старался дружеской бесѣдой развлечь меня и привести мои нервы въ возможный порядокъ.

Черезъ часъ послѣ моего прибытія я поокрѣпъ, освѣжилъ, сознавалъ дѣйствительность окружающаго; жизнь утратила характеръ дремотной грезы, но собрать по недугу продолжалъ меня интересовать.

— Кто онъ?—спросилъ я у доктора.

— Его привезли изъ маленькой гостинницы. Онъ тамъ жилъ всего два дня. Приѣхалъ изъ-за границы; искалъ въ Неаполѣ работы; кажется, онъ часовщикъ. Вчера (по крайней мѣрѣ мнѣ

такъ рассказывалъ хозяинъ гостинницы, который его доставилъ въ госпиталь) онъ вернулся домой часовъ въ 10 вечера, поужиналъ, пошелъ спать, а черезъ полчаса услышали, что въ его комнатѣ что-то рухнуло, застонало. Войдя въ номеръ, нашли его на полу, разбитаго параличомъ; и языкомъ не владѣеть.

— Онъ итальянецъ?

— Нѣтъ; вотъ паспортъ; паспортъ нашли въ его чемоданѣ.

Докторъ вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука бумагу и подалъ мнѣ:

— Не русскій-ли?—орелъ двуглавый.

Но двуглавый орелъ оказался не русскій, а австрійскій; паспортъ тоже австрійскій.

— По паспорту судя, изъ Галиціи,—замѣтилъ я.

— Вѣроятно, австрійскій полякъ,—предположилъ докторъ.

— Только фамилія не польская: Глюкштейнъ.

Я доктора сталъ спрашивать о сходствѣ моей болѣзни съ болѣзью Глюкштейна. Осторожный нѣмецъ убѣждалъ меня, что никакого сходства нѣтъ; но я ему не вѣрилъ.

Чувство тождественности съ Глюкштейномъ посѣщало меня часто въ первыя недѣли больничнаго существованія, хотя я собрата и не видалъ. Онъ былъ въ другомъ разрядѣ, въ другомъ этажѣ. Но до меня доносились его стоны, особенно ночью. Я по ночамъ почти не спалъ, и даже въ постель не могъ ложиться—боли возобновлялись. Сажу въ креслѣ и прислушиваюсь... Мою комнату занималъ я одинъ; съ обѣихъ же сторонъ были общія палаты.

Тихо вообще, а безпрестанно тишина прерывается звуками, наводящими на тоскливыя мысли. То бредъ больного; то сидѣлка въ стаканѣ лекарство мѣшаетъ; то ледъ откалываетъ и дробить въ коридорѣ; то капризный тихій плачь—и ласковые уговоры сестры милосердія. Иногда слышится предсмертное хрипѣніе; поспѣшный призывъ врача среди глубокой ночи; значить, кому-то плохо; а то такъ и однообразный голосъ священника, читающаго отходную, а потомъ зловѣщая тишина, вызывающая представленія о новомъ покойникѣ за стѣной.

Когда же я слышалъ, что наверху то болѣзненно жалобно, то какъ-то сердито-капризно стоналъ безсловесный Глюкштейнъ, я

сосредоточивалъ свое вниманіе только на немъ и всё остальные звуки ночи для меня пропадали.

Конечно, я о немъ разсирасивалъ то у моей сидѣлки, то у врача, то у директриссы-настелянши, приходившей ежедневно со мной побесѣдовать, то у фельдшера, сбѣгавшаго ко мнѣ съ верхняго этажа для нѣкоторыхъ манипуляцій.

Стонаадъ мой собратъ и отъ болей, сопряженныхъ съ главнымъ недугомъ, и отъ пролежней; сердился онъ потому, что его не понимаютъ и не знаютъ, какъ повернуть, какъ накрыть.

— Да, тамъ наверху въ 3-мъ разрядѣ этотъ долгоносый фельдшеръ дурно обращается съ больными; онъ нетерпѣливый, — конфиденціально инсинуировала моя сидѣлка, сама дѣвственно кроткая, ласковая, терпѣливая съ больными, но одержимая — если тамъ можно выразиться — патриотизмомъ, т. е. пристрастіемъ къ своему первому разряду и предубѣжденіемъ противу двухъ остальныхъ.

Администрація и докторъ, особенно докторъ, не дѣлали никакого различія между больными. Докторъ тоже сообщалъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о моемъ бѣдномъ «собратѣ», какъ я звалъ Глюкштейна.

— Острыя боли вполне устранимы; параличное состояніе — тоже, но только до известной степени. Правой рукой онъ никогда не будетъ владѣть какъ прежде.

— А работать?

— Онъ никогда не будетъ въ состояніи заниматься своимъ ремесломъ. Это самое ужасное...

Докторъ это говорилъ искренно, грустно: онъ сочувствовалъ своимъ больнымъ.

— А самое ужасное, что мы рѣшительно не знаемъ, есть-ли у него друзья и родные. Куда онъ дѣнется, когда его острое состояніе болѣзни будетъ устранено, и останется хроническое — неизлечимое, т. е. такое, при которомъ въ госпиталѣ держать нельзя? Не знаемъ откуда онъ.

— А паспортъ-то?

— Да мы по паспорту наводили справки: писали въ городское управленіе того мѣстечка, изъ котораго заграничный паспортъ выданъ, и получили отвѣтъ, что Глюкштейнъ въ этомъ

мѣстечкѣ, въ родникѣ; видѣла близкии знакомыи, но имѣла; что онъ родомъ изъ другого города. Вы; обратилась въ городское управление В.; откуда отговаривать, что Глюкштейнъ—дѣйствительно тамъ родился, но что, болѣе 15 лѣтъ, какъ выѣхалъ и гдѣ находился—неизвѣстно. Обратилась къ видянному амерійскому консулу; консулъ, какъ всѣ консулы, отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, что въ его распоряженіи нѣтъ средствъ ни платить за больнаго: госпиталь, ни содержать его въ богадѣльнѣ, ни перевести его на родину. Да и куда, къ кому его перевести?

Одиночество, безпомощность, невзлечимая мрего собрата усмилвала мое къ нему сочувствію. Я сравнивала себя съ нимъ: у меня и средства, и друзья, и родные, и болѣзнь, очевидно уступающая; денежно; и уютная комната; од доброй сидѣлкой. А онъ—однѣ одиноконокъ съ долготосыми фельдшеромъ. Мнѣ становилось за него ужасно больно и я проводилъ дѣлае нысы придумывая, чѣмъ бы можно было помочь этому несчастному...

Мои сидѣлки, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, стали заглядывать въ ненавистный ей 3-й классъ, и приносила мнѣ вѣсти о Глюкштейнѣ; когда его не мучили боли, онъ былъ очень кротокъ, глаза глядѣли на вѣкъ ласково и даже благодарно, если ему оказывали услугу или вниманіе.

IV.

Прорывъ оная двухъ мѣсяцевъ; я не слыкала болѣе его стонать; докторъ устранилъ боли и причины пролежней; возобновились нѣкоторыя движенія, стало замѣтно проясняться его сознаніе.

Директрисса-кастеляница каждый вечеръ считала своей обязанностью побесѣдовать съ каждымъ больнымъ, способнымъ къ бесѣдѣ, вонечно, — и ко мнѣ повадилась обыкновенно по окончаніи обхода, не какъ къ больному, а какъ къ знакомому. Она мнѣ сообщала самыя утѣшительныя о немъ свѣдѣнія.

— Понимаетъ, что ему говорить, улыбается, впрочемъ, какъ дѣтя, любить чтобы съ нимъ шутили. Я черезъ одѣяло пощекотала его ногу, отдернулъ живо — значить, владѣетъ муску-

лени, и захохотать громко... плутовски на меня смотреть, нравиться играть, — рассказывала мнѣ однажды старуха.

— Сегодня мы его въ окно погадали, онъ глядѣтъ на улицу, на экипажи, на лошадей, на людей — и жонингаль! — сообщила она мнѣ на слѣдующій день.

— А развѣ онъ не понималъ прежде?

— Не могу, ничего не понималъ внѣ своего собственного тѣла, внѣ непосредственныхъ личныхъ ощущений... Докторъ говоритъ, что большой успѣхъ.

Чтобы постепенно пробуждать его сознание, по моему совету, ему стали показывать картины; онъ его интересовали и къ объясненіямъ онъ прислушивался.

— Не хотите ли книгу почитать? — предложили ему.

Его глаза выразили радость, но когда передъ нимъ раскрыли книгу, онъ долго напряженно глядѣлъ въ нее и вдругъ сердито оттолкнулъ ее отъ себя и на весь остатокъ дня впалъ въ мрачное настроеніе. Очевидно, онъ не могъ заставить себя читать, но въ то же время понималъ, что это происходитъ отъ болѣзни, и мучился этимъ сознаніемъ. Докторъ говорилъ, однако, что и это успѣхъ.

Его стали спрашивать, — есть ли семья, родные, знакомые? гдѣ они? — надѣясь, что онъ знаками дастъ какія нибудь указанія. Онъ силился что-то вспомнить; хмурилъ брови, задумывался; начиналъ лопотать своимъ бѣднымъ параличнымъ языкомъ и опять сердился, видя, что его не понимаютъ. Наконецъ, однажды, приде въ особенное возбужденіе, рыча и указывая глазами на столъ фальдшера — очевидно требовалъ, чтобы ему дали карандашъ и бумагу. Съ величайшимъ напряженіемъ, съ жалкими гримасами, силился онъ что-то написать, но рука плохо шевелилась; онъ, въ безсиліи, вдругъ зарычалъ. Рычанье было мгновенное; онъ тотчасъ же стихъ, слезы потекли изъ глазъ; онъ опустился на подушку, и два дня оставался словно безчувственъ, погруженный въ какую-то глубокую печаль. Даже шекетаніе нѣтъ директриссой не производило никакого впечатлѣнія... Черезъ нѣсколько дней онъ опять потребовалъ бумаги; его усадили поудобнѣе докторъ

поддерживала и слегка подталкивала руку больного; она нацарапала каракули, похожія на слово *Глюкштейна*.

— Чудесно, чудесно, — наслово поощрили докторъ; экспансивная директрисса даже въ ладони заклопала; долгоносый фельдшеръ, стремясь угодить доктору, рассыпался въ восторженныхъ восклицаніяхъ, а Глюкштейнъ воіхъ ихъ оглядывалъ съ дѣтской, радостной, торжествующей улыбкой.

Потомъ я посовѣтовала показать ему часы, требующіе починки: онъ былъ часовщикъ. Сначала онъ выразилъ нѣкоторый интересъ, но скоро ему стало тяжело думать, и онъ оттокнулъ часы.

Опытъ съ письмомъ повторился нѣсколько разъ; кромѣ своего имени, онъ по нѣмецки писалъ каждый разъ какое-то слово, которое нельзя было разобрать, начинавшееся съ М. Докторъ и это находилъ успѣхомъ...

Разъ моя сидѣлка, сдѣлавъ визитъ Глюкштейну, порадовала меня сообщеніемъ, что онъ самъ меня вспомнилъ.

— Я ему отдала бискупиты, которые вы ему послали, — рассказывала она, — и объяснила, что ихъ прислалъ тотъ самый господинъ, котораго въ одно время съ нимъ привезли въ госпиталь, и спросила его: помнить-ли? Онъ качивалъ головой; нѣсколько разъ произнесъ свое «ан, ан», что значить да, да, — и велѣлъ васъ благодарить.

— Вы и это у него поняли?

— Какъ же не понять. Я привыкла понимать больныхъ. Я его спросила не хочеть-ли онъ васъ видѣть. Онъ заинтересовался, очень обрадовался. Вы бы какъ нибудъ принаутужились: можете, съ божьей и моею помощью доберемся...

Мнѣ было какъ-то особенно пріятно, что Глюкштейнъ, котораго въ самыя тяжкія минуты моей болѣзни я отождествлялъ съ собою, за котораго я страдалъ и, страдая за котораго, какъ бы забываясь личныя страданія, помнить обо мнѣ. Можетъ, онъ думалъ обо мнѣ, какъ и я думалъ о немъ... Доставить ему удовольствіе представлялось мнѣ почти радостью.

Я посовѣтовалась съ врачомъ. Добрякъ, любившій своихъ пациентовъ, какъ нѣжный отецъ дѣтей, былъ чрезвычайно доволенъ — и мои силы испытать, и содѣйствовать, быть можетъ,

данный яшному пробужденію сонника въ Владивостокъ, а то такъ и просто доставить намъ общія удовольствіе, развлеченіе.

Я при помощи сидѣлки и доктора добрался до палаты, въ которой лежалъ Глазковскій. Отъ меня сразу узналъ. Его красное, продолговатое, круглое лицо, осыпанное кругомъ курчавыми волосами и бородой съ просѣдью, засвѣтилось ласковой улыбкой. Онъ почти невиднымъ жестомъ своей здоровой руки пригласилъ меня сѣсть на его кровать... Я ему подаль мажорский бунтъ цѣлкомъ: мои знакомыя дамы постоянно свѣжили меня цѣлками во время моей болѣзни. Цѣлты ему доставили удовольствіе; отъ тотчасъ же распорядился — странными звуками и движеніями головы, которыхъ докторъ и сидѣлка понимали — чтобы цѣлты поставили въ воду у его кровати.

Я ему напомнилъ какъ насъ привезли. Онъ все понималъ. Лицо доктора, внимательно наблюдавшаго за больнымъ, выражало большое удовольствіе.

Я спросилъ моего собрата — лучше-ли ему? Онъ, благодарно, почти любовно завязнувъ на доктора, пошевелилъ знаками, гдѣ были и больше нѣтъ болѣи; какіе движенія не было и нѣмочесть... Заворожался.

Докторъ былъ совсѣмъ счастливъ и, возвращаясь со мной въ мою комнату, выразилъ надежду, что бѣдняку можно помочь, кажется, болѣе, чѣмъ онъ сначала предполагалъ.

— Отчего, вы думаете, съ нимъ приключилась эта болѣзнь? — спрашивалъ я.

— Во первый, организмъ истощенъ; повидному, питаніе было плохое уже давно, и это меня нѣсколько изумляетъ. Правда, при немъ не оказалось, или почти не оказалось денегъ. Но у него нѣтъ, между нами сказать, просто могли вырасть, когда его разбилъ параличъ. А манеры у него, не смотра на его бѣдноту, какія-то джентльменскія, изящныя, и по нѣкоторымъ признакамъ онъ долженъ быть человѣкъ образованный. Последнимъ поводомъ къ болѣзни, по моему мнѣнію, — прибавилъ докторъ, помолчавъ въ раздумьи, — было какое нибудь сильное нравственное, нервное потрясеніе. Если бы узнать въ чемъ оно заключается, то психическими вліяніями, пожалуй,

можно было бы помочь леченію. Вотъ бы вы попыткались возставить его чтонибудь объяснить. Онъ какъ-то особенно сознательно оживился съ вами, — попросилъ меня докторъ.

Мои визиты къ Глюкштейну стали повторяться чаще и мы изрядно понимали другъ друга. Докторъ почти всегда присутствовалъ при нашихъ свиданіяхъ и наблюдалъ. Однажды, по его просьбѣ, я рассказывалъ больному какъ меня самого поразила болѣзнь. Глюкштейнъ слушалъ сосредоточенно, сочувственно.. Когда я кончилъ свой рассказъ и, давъ ему подумать, свернулъ его:

— Ну, а какъ съ вами это случилось?

Онъ отвѣчалъ мнѣ вполнѣ сознательнымъ взглядомъ, но показывалъ на языкъ: дескать и радъ бы рассказать, да не могу..

— Ничего, какънибудь знаками.. видите, мы понимаемъ.

Онъ благодарно улыбнулся, и дѣйствительно что-то силится рассказать. Очень тяжело было видѣть его напряженные движенія, слышать невнятные звуки, вылетающіе изъ гортани, слѣдить за выраженіемъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась болѣзнь, что его не поймутъ.

Онъ волновался и, признаюсь, дѣйствительно его стало трудно понять, но я показывалъ видъ, что понимаю; а докторъ и сидѣлка поощряли нѣмого рассказчика восклицаніями сочувствія.

— Вотъ чудесно, — замѣтилъ, лаская его на плечу, докторъ, — отчего вы мнѣ всего этого прежде не рассказывали..

Глаза больного засвѣтились почти блаженствомъ: его поняли.

Но въ сущности, когда мы, спустясь внизъ, составили нѣкто въ родѣ консиліума — врачъ, сидѣлка и я — для опредѣленія сути его рассказа, то оказалось, что узнали мало кромѣ того, что знали раньше отъ содержателя гостинницы, доставившаго его въ больницу.

Сидѣлка, однако, догадалась, что передъ ударомъ Глюкштейнъ читалъ что-то, что произвѣдло его въразумъ, удручило. Мы съ докторомъ признали справедливость такой догадки. Но что онъ читалъ? Книжку, письмо, газету? а главное, что его поразило при чтеніи? (врядъ было теперь почти убѣжденъ,

что содержаніе читаемаго поразило его нервы, подготовленные къ болѣзни)—опредѣлить было невозможно.

Докторъ въ тотъ же день съѣздить въ гостиницу, гдѣ заболѣлъ Глюкштейнъ, чтобы распросить какіе около него наши бумаги или письма, но ничего не могъ разузнать.

Черезъ нѣсколько дней Глюкштейнъ, до того лежавшій въ постелѣ подъ одѣяломъ, потребовалъ, чтобы его одѣли въ то платье, въ которомъ онъ пріѣхалъ. Кажется, мой примѣръ на него подѣйствовалъ. Когда я, придя къ нему на другой день, засталъ его лежащимъ въ платьѣ, онъ почти хвастливо мнѣ указывалъ на панталоны и жилетъ. Словомъ, онъ сталъ поправляться, хотя на окончателное выздоровленіе надежды все-таки не было, и приближеніе его болѣзни къ мінімуму, за которымъ начиналось хроническое состояніе — сердечно ослабчивало и врача, и меня, по сочувствію къ собрату. Въ госпиталѣ его нельзя держать; безъ помощи онъ оставаться не можетъ. А откуда можно было вызвать для него помощь? Не на улицу же его вытолкать.

Мой бѣдный собратъ оставался для насъ горькой загадкой; для больницы—бременемъ.

V.

Однажды моя сидѣлка, вся сіяющая, увѣренная, что и мнѣ доставить большое удовольствіе, объявила:

— А знаете, Глюкштейнъ сегодня всталъ съ постели и ходилъ.

— Какъ, всталъ?

— Такъ, просто, спустилъ съ постели ноги, оперся на кровать и на столикъ руками, всталъ на ноги и пошелъ.

— По комнатѣ?

— Не совсѣмъ по комнатѣ, а потихоньку, полегоньку около своей кровати. Конечно, хватался за кровать, но твердо ступалъ.

— Никто его не поддерживалъ?

— Нѣтъ; служитель, увидавъ такое воскресеніе, подскочилъ было, но больной разсердился. Служитель только около стоялъ, на всякій случай.

Человѣческое сердце, — виновать, можетъ быть, мое только сердце, — имѣть глухія свойства. Я цѣлые три мѣсяца искренно сожалѣлъ Глюкштейна, болѣлъ за него душой, отождествлялъ его съ собой; а теперь, узнавъ, что онъ перегналъ меня (ибо я хотѣ ишибко поправлялся, но безъ поддержки ходить еще не могъ), почувствовалъ зависть. Отождествленіе окончательно исчезло. Впрочемъ, не смотря на пробудившуюся въ большомъ человѣкѣ зависть — я, какъ человѣкъ, вообще чувствовалъ все-таки нѣкоторое удовольствіе, но гдѣ-то въ глухомъ углу моего организма.

— Этакого успѣха докторъ не ожидалъ, — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ожидалъ. Докторъ еще не былъ сегодня. То-то обрадуется, когда узнаетъ...

И опять во мнѣ нивельнулось неприятное онцущеніе: а ну, какъ докторъ-то съ Глюкштейномъ ошибся въ одну сторону, а со мной въ другую: мнѣ обѣщаль выздоровленіе, а я останусь калѣжкой; Глюкштейну пророчилъ калѣчество, а онъ оправится. И мнѣ сдавалось, что обратное было бы для меня пріятнѣе... Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, я почувствовалъ ненависть къ самому себѣ, къ моему эгоизму.

Моя комната, какъ я, кажется, сказала, приходилась прямо противъ лѣстницы въ первомъ этажѣ, и поэтому, если не было въ госпиталѣ экстренныхъ больныхъ, докторъ нѣрѣдко дѣлалъ мнѣ первый визитъ. Такъ случилось и въ это утро.

Моя сидѣлка, почти заллебывалась отъ радости, рассказала ему о подвигѣ Глюкштейна. Добросердечный и впечатлительный докторъ тоже присіялъ; оба они глядѣли на меня радостно, они ожидали сочувствія человѣка, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ то и дѣло что толдовавшаго о «собрать по болѣзани». Мой гнусный эгоизмъ растаялъ въ сннни ихъ чистой радости — не только профессиональной, но и человѣческой радости. Я вдругъ пересталъ себя ненавидѣть и опять полюбилъ ближняго.

— Какъ это могла вдругъ случиться, докторъ? — спросилъ я.

Докторъ не сразу отвѣчалъ.

— При нервныхъ болѣзняхъ случаются явленія, которыя очень трудно объяснять патологически. Что его болѣзнь, — конечно, подгетовленная ралѣе общимъ состояніемъ организма, —

развилась общій параличъ отъ какого либо нравственнаго потрясенія, тяжкаго удара—я не сомнѣваюсь. Я полагаю, что сегодня утромъ его что нибудь тоже потрясло, но—приятно.

— А можетъ быть, и неприятно,—возразилъ я.—Мы не даромъ съ Глюкштейномъ братья. Я знаю же себя, что въ нервной болѣзни человѣкъ особенно воспримчивъ къ впечатлѣніямъ, какъ отрицательнымъ, такъ и положительнымъ. Отрицательныя: неприятныя, возбуждающія гнѣвъ, негодованіе, грусть,—тоже поднимаютъ силы; больной (я говорю о себѣ, наприимѣръ) чувствуетъ себя тверже въ движеніяхъ, даже внезапно приобретаетъ утраченную ранѣе способность нѣкоторыхъ движеній. Но равница въ томъ, что при впечатлѣніи приятномъ, сопровождаемымъ хорошимъ настроеніемъ дуа, возвратившіяся силы не исчезаютъ, и во всякомъ случаѣ не исчезаютъ совершенно; успѣхъ прочень. При отрицательныхъ же—подъемъ энергіи бываетъ временно даже больше, чѣмъ при положительныхъ, но успѣхъ обманчивъ; наступаетъ реакція...

— Правда,—согласился врачъ.

— Интересно знать въ какомъ состояніи находится теперь Глюкштейнъ послѣ своего подвига.

— Да. И надо изслѣдовать—чѣмъ могъ быть вызванъ этотъ подвигъ.

— Экстренныхъ больныхъ у меня сегодня нѣтъ. Вотъ мы сейчасъ этимъ займемся; прежде чѣмъ я пойду къ Глюкштейну, надо знать какъ съ нимъ обращаться. Потрудитесь, пожалуйста, позвать сверху фельдшера и прислужника, который былъ въ палатѣ, когда больной всталъ,—спросить врача сидѣлку.

Появившіеся сверху служитель и фельдшеръ рассказали намъ то же, что и сидѣлка. Подробности, въ которыхъ они вѣдали вѣдствіе вопросовъ доктора, ничего не разъяснили. Наконецъ они должны были сознаться, что больной, какъ только утромъ стали убирать комнату, впалъ въ раздраженіе, въ возбужденіе: не то сердился, не то чѣмъ-то мучился.

Докторъ задумался. Онъ, какъ и моя сидѣлка, имѣлъ основаніе подозрѣвать, что фельдшеръ не всегда кротко обращался съ больными. Если возбужденіе Глюкштейна было вызвано

какойнибудь непоказательной выходящей прикути, то раковотоя было ничего — ни за моего собрата, ни вообще.

— Я, какъ, бѣдныя проснулся, — какъ будто война что себя въ оправданіе говорилъ прислужникъ, — оно подождать къ нему, и не красая; открылъ окно, стало одѣло вывѣшивать; его пальтишко тоже вспомнилъ, оно давно въ углу въ коридорѣ висѣло, не провѣривалось; всталъ его, понесъ на балконъ — а Глюкштейнъ вдругъ сталъ кричать на меня...

Докторъ весь обратился во вниманіе.

— Что сталъ кричать?

— Чтобы я ему это пальто даю. Я сначала не понялъ, потому что онъ съ тѣхъ поръ, какъ его привезли, и не видалъ этого своего пальто.

— Подали вы ему пальто?

— Какъ же подать; коли больной вижу — сердится, я вѣдь понимаю, что это ему вредно, подаю..

— И что же онъ съ пальто сталъ дѣлать?

— Да ничего.

— Такъ вы и не ценяи, вѣдьмы оно ему было нужно?

— Такъ, должно быть; онъ обнаружилъ карманы, вынулъ какую-то старую газету — бѣдна ничего..

— А съ газетой что дѣлалъ?

— Да ничего не дѣлалъ, повертѣлъ ее; какъ будто сердился, потомъ плакалъ.

— Плакалъ? Этого, кажется, съ нимъ прежде ни разу не было.

— Не замѣчалъ сударь, — отвѣчался фельдшеръ.

— Плакалъ, — продолжалъ прислужникъ, — потомъ слова какія-то сказалъ: мир... мир... я не понималъ. Вдругъ поднялся, всталъ и пошелъ..

— А теперь какъ онъ?

— Лежитъ, скудный; кажется, ослабъ, пуще прежняго.

Докторъ велѣлъ принести газету, если она уцѣлѣла, только такъ, по возможности, чтобы Глюкштейнъ не видалъ.

VI.

Газета оказалась австрійскимъ провинціальнымъ органомъ, отъ 27 апрѣля. Глюкштейнъ заболѣлъ 9-го мая. Вѣроятность,

что прочитанная имъ въ газетѣ статья вызвала недугъ, усиливалась. Мы тщательно прочитали весь листъ, даже объявленія, отыскивая имя Глюкштейна, но не нашли его. Другихъ указаній у насъ не было.

— Позвольте, докторъ, вдругъ воскликнула я словно обвиненный вдохновеніемъ, — да не еврей-ли онъ?

— О, нѣтъ! — энергично протестовала сидѣлка, — не можетъ быть!

Докторъ ничего не сказалъ; онъ что-то обдумывалъ.

— Да отчего же нѣтъ? — спросилъ я у сидѣлки.

— Я хорошо помню, — отвѣчала она, — что въ Духовъ день, когда приходилъ въ госпиталь священникъ и обходилъ съ крестомъ и святой водой палаты, Глюкштейнъ приподнялся съ подушекъ и даже свою шапочку снялъ.

— Ну, это еще не доказательство. Онъ просто умѣетъ уважать то, что уважаютъ другіе.

Докторъ меня перебилъ.

— Васъ корреспонденція изъ города В. наведла на мысль, что Глюкштейнъ еврей? Да? — спросилъ врачъ.

— Да. Если у него въ этомъ городѣ были близкіе родные, дорогіе люди и если, какъ вы говорите, его организмъ былъ уже и весной подготовленъ къ болѣзни, то немудрено, что эта корреспонденція нанесла ему тяжкій ударъ.

Въ этой статьѣ сообщалось о странныхъ антиеврейскихъ буйствахъ и насиліяхъ; о разграбленіи домовъ; о разореніи нѣсколькихъ семействъ; о банкротствѣ торговаго дома; о раненыхъ и даже о смерти какой-то дѣвочки. Имени, впрочемъ, не было.

— Я давно имѣлъ основаніе предполагать, что онъ еврей, — наконецъ высказался докторъ, — теперь же, сообразивъ нѣкоторыя мои наблюденія, я даже не сомнѣваюсь въ этомъ.

— И полагаете, что эта статья...

— Могла его поразить? Да, но въ этомъ трудно быть увѣреннымъ, положительныхъ доказательствъ нѣтъ.

Все-таки вопросъ упрощался до нѣкоторой степени открытіемъ еврейскаго происхожденія моего собрата. Отъ бѣдъ отказывалось консульство. Можетъ статься, раввинъ не отка-

жется ему помочь. Но дѣло въ томъ, что въ Неаполѣ нѣтъ еврейской общины. Въ немъ живетъ всего нѣсколько десятковъ евреевъ. Къ счастью, по своимъ профессиональнымъ обязанностямъ, докторъ зналъ одного изъ нихъ и получилъ возможность пригласить раввина. Докторъ немало былъ изумленъ, узнавъ въ почтенномъ старикѣ-раввинѣ—одного изъ лучшихъ и добросовѣстѣйшихъ въ Неаполѣ торговцевъ сукнами, котораго всѣ считали итальянцемъ. Раввинъ изъявилъ полную готовность навѣстить больного, въ сопровожденіи своего соплеменника, говорившаго по нѣмецки.

Но надо было предупредить Глюкштейна. При всей мягкости, ласковости, съ которыми докторъ и директриса обратились къ нему съ вопросомъ—не еврей-ли онъ, мой собратъ взволновался; онъ сталъ какъ-то боязливо оглядываться и на своихъ больныхъ сотоварищей, и на фельдшера, и даже на самого доктора. Послѣдній, однако, умѣлъ обращаться съ больными, особенно съ нервными; ему удалось успокоить больного увѣреніемъ, что при помощи его соплеменниковъ легче будетъ помочь ему.

Посѣщеніе раввина доставило больному видимое удовольствіе, оживило его. Конечно, по совѣту врача избѣгали заводить рѣчь о его ближайшемъ прошломъ.

Раввину докторъ откровенно сознался, что несчастный Глюкштейнъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ выдеченъ настолько, насколько позволяетъ наука; что его въ сущности, какъ хроническаго больного, должно было давно выписать изъ госпиталя. Докторъ же, пользуясь своимъ директорскимъ правомъ, держалъ его въ больницѣ вопреки уставу. Тѣмъ болѣе—вопреки, что за содержаніе Глюкштейна не было уплачено и не предвидѣлось уплаты.

Раввинъ и его товарищъ взяли на себя разузнать есть-ли, и гдѣ именно есть родные или друзья больного, и обѣщали даже,—по сношенію съ римскими единоплеменниками,—найти провозкатаго и средства для его перевозки на родину. Они надѣялись, что если у него родныхъ не окажется, то все-таки его можно будетъ приютить.

— Только,—обратился раввинъ къ доктору,—если вы пола-

гаете, — и я думаю, весьма основательно, — что вѣсти съ родины ввергли его въ такую ужасную болѣзнь, то не должно-ли она-саться, что возвращеніе на родину... вѣдь она достаточно сдѣровъ, чтобы сообразить куда его везутъ?

— О, безъ сомнѣнія!

— Не должно-ли въ такомъ случаѣ опасаться, что возвращеніе на родину вновь усилитъ его болѣзнь, быть можетъ, убьетъ его?

Докторъ съ грустью согласился, что это весьма возможно.

По общему обсужденіи вопроса рѣшено было, что равнинъ одновременно съ родственниками родныхъ Глюкштейна въ Австріи займется прислаціемъ въ Неаполѣ болѣзньни, въ которую можно было бы его пристроить. Въ Неаполѣ, едва ли не болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было иномъ болѣешемъ городѣ Европы — всякаго рода армію и болѣзньни. Но оказалось, что ни въ одно, буквально ни въ одно изъ этихъ заведеній нельзя было помѣстить еврея даже за плату. Въ эти заведенія имѣются болѣе или менѣе значительные капиталы и имущества, завѣщанные благотворителями подъ вліяніемъ католическаго духовенства.

Нѣкоторые изъ болѣзньни находятя, послѣ объединенія Италіи, въ рукахъ гражданскихъ властей. Эти власти чужды племенныхъ предразсудковъ; наши докторъ и равнинъ обратились къ нимъ; они подтвердили жестокость отказа, однако, наотрѣвъ отказывались, въ виду уставовъ и статутовъ, принять бѣднаго еврея.

Вѣсти изъ Венгріи, полученныя равниномъ, были неудовлетворительныя. Мой несчастный собратъ оставался въ болѣзньни контрабандой, и рисковалъ, напр., въ случаѣ отъѣзда доктора-директора, или его болѣзньни, быть выписаннымъ изъ госпиталю.

... Что бы съ нимъ случилось?

Л. Рускинъ.

(Описаніе будетъ).

„ВЪ ЧИНЫИ ЖИДЪ“.

(Fantasia).

Въ книгѣ ветхой, полночью безмолвной,
При мерцаньи блѣдномъ ночника
Я читалъ старинное сказанье:

„... Изъ страны въ страну, изъ края въ край
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ, убогъ и мраченъ,
Ни на мигъ не находитъ покоя
Для своей тоскующей души.
Обреченный жить и жить — напрасно,
Смерти ищетъ онъ: коварна жизнь
Вьется вокругъ измученнаго тѣла,
Но не жжетъ его, не обжигаетъ.
Волны моря, въ жюветъ разбивая
Корабли-гиганты, сотни жерней
Въ мигъ одинъ на рѣки поглощая,
Закрываютъ передъ нимъ свое
Гибелью грозящія объята,
Съ ропотомъ, съ шипѣніемъ глухимъ
На-берегъ выбрасывая снова
Бездною непринятою жертву.“

Остріе той стали закаленной,
 Что однимъ ударомъ смерть приноситъ,
 По его груди, сухой и дряхлой,
 Словно по желѣзному пласти,
 Проскользнувъ, сѣѣда не оставляетъ...
 — Смерти! Смерти! — молитъ онъ. Но тщетно:
 Смерти нѣтъ. О, никогда никто
 Подъ сѣвирой палача такъ страстно
 Не молилъ о жизни, о пощадѣ,
 Какъ о смерти молитъ Агасеръ.
 Но напрасно... все напрасно"...

Ночь,

При мерцаньи тускломъ ночника
 Я читалъ — и вдругъ пародо нвомъ
 Тѣнь предстала: блѣдный, немощенный,
 Весь покрытый язвами, рубцами,
 Съ тайною тревогою во взорѣ,
 Съ ѣдкою усмѣшкой на устахъ
 Подошелъ ко мнѣ высокій старецъ:
 — „Нѣтъ!“ — воскликнулъ онъ, движеньемъ быстрымъ
 На страницу ветхаго сказанья
 Положивъ свою сухую руку:
 „Нѣтъ! Неправда!.. Слушай“...

И въ испугѣ,

Леденящемъ сердце, рѣвъ такую
 Я отъ старца блѣднаго услышалъ:

„Нѣтъ, не вѣрь, не вѣрь!“ — съ глубокой,

Жгучей скорбью, грозить, дикъ,

Раздавался надо мною

Старика безумный крикъ:—

„Нѣтъ, не смерти, не могилы—

Жизни, жизни я ищу!

Свѣта, радости и жажду,

Мира, воли я хочу!

Я... о, нѣтъ, не я—другіе

У меча, воды, огня,

У цѣпей, темницы, яда

Смерть искали для меня.

Не за смертью, но отъ смерти

Я бѣжалъ изъ края въ край;

Въ сердцѣ, кровью истекавшемъ,

Я носилъ не адъ, а рай:

Свѣтлый рай труда и мысли

Грезѣ радужной сіялъ,

Онъ въ душѣ моей скорбящей

Расцвѣталъ, благоухалъ...

Нѣтъ, не призраки, не тѣни—

Люди, злѣй волковъ и змѣй,

Гнались бѣшенною толпою

За больной душой моей...

О, взгляни: по этимъ язвамъ

Ты прочтешь такъ ясно всю

Повѣсть мукъ, скорбей, печалей—

Повѣсть горькую мою.

Сколько лѣтъ, вѣковъ минуло,
 Сколько... Ахъ, не все-ль равно!
 Эти язвы, эти муки
 Я ношу давно, давно.
 Я вовеки носить ихъ буду,—
 И покуда средь людей
 Не найду успокоенья
 Для больной души моей
 Отъ оковъ неволи душевой,
 Отъ стальныхъ ся веригъ,
 Стонъ мой, крикъ мой: „Жизни! жизни!“
 Не умолкнуть ни на мигъ!..

С. Фругъ.

ЗАБЛУДШІЙ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

ГЛАВА XI¹.

Счастье и мудрость.

Наконецъ наступилъ день рожденія близнецовъ, которымъ исполнилось теперь по двадцати лѣтъ. Адрианъ Бенедиктусъ, хорошо запомнившій это число, прислалъ Руои корзину розъ, что привело ее въ сильнѣйшее волненіе. Онъ вообще какъ-то смущалъ ее—и своею начитанностью, и своими пронизательными и правдивыми глазами; но не смотря на испытываемое ею чувство робости, ее невольно влекло къ нему, какъ это нерѣдко бываетъ при такихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, подарокъ отъ человѣка такъ мало знакомаго ей не доставилъ ей особеннаго удовольствія.

Что касается до м-съ Гоферъ, то она, въ простотѣ сердечной, не придавала ровно никакого значенія корзинѣ розъ, преподнесенной ей дочери. „Онъ такъ бѣденъ, напрасно онъ разорялся на эти розы,—замѣтила она только.—Но все-таки это очень мило съ его стороны; онъ, вѣроятно, хотѣлъ выказать этимъ свою благодарность за наше гостепримство. Все же Габріэлю не слѣдовало упоминать о днѣ рожденія Руои, потому что онъ могъ принять это за намекъ. Но ужъ теперь“...

¹ См. «Восходъ» кн. IV.
Восходъ, кн. 5.

— Но ужъ теперь Руэъ должна оставить у себя цвѣты, — докончилъ Габріэль.

Тира прислала Руэи изящную рабочую корзину, Гульельма — нѣсколькихъ канареекъ; бѣдная миссъ Нюдженъ, не смотря ни на какія препятствія, также ухитрилась прислать черезъ кого-то изъ своихъ эсмотскскихъ друзей новорожденнаго дрозда, состоявшаго изъ одного клюва и перьевъ и засаженнаго въ клетку изъ ивовыхъ прутьевъ, въ которую была вложена карточка почтенной миссъ съ замѣткой слѣдующаго содержанія: „Я назвала его въ честь моего друга — „Пенберти“ (его нужно кормить ячменной крупой, когда онъ запищитъ)“.

— Еще птицы! — со вздохомъ проговорила м-ссъ Гоферъ. — Что тебѣ пишетъ миссъ Нюдженъ, Руэъ?

— Ничего, мама, — заявляетъ только, что дроздъ названъ въ честь ея возлюбленнаго друга Пенберти.

Габріэль подарилъ сестрѣ ошейникъ для ея любимой собаки, а Эстелла — маленькій браслетъ; кромѣ того, отъ Тиры были присланы цвѣты въ подарокъ обоимъ новорожденнымъ.

— А на мою долю выпало что-то немного приношеній, — замѣтилъ Габріэль. — Гдѣ же мой-то подарокъ?

— Тира считаетъ тебя за одно съ сестрой, — возразила м-ссъ Гоферъ, которой особенно въ этотъ день хотѣлось, чтобъ всѣ вокругъ нея были довольны и счастливы. — Она прислала вамъ обоимъ цвѣтовъ — да еще какихъ прелестныхъ цвѣтовъ!

— Терпѣть не могу тепличныхъ цвѣтовъ въ комнатѣ! — вскричалъ Габріэль съ видомъ балованнаго ребенка. Взглянувъ на карточку Тиры, въ которой та въ короткихъ словахъ поздравляла сестру и брата съ рожденіемъ, онъ почувствовалъ себя еще болѣе раздосадованнымъ и обиженнымъ. — О, Тира, — съ отчаяніемъ въ душѣ подумалъ онъ, — какъ дорого цѣнилъ бы я, если бы ты прислала мнѣ — одному мнѣ — хоть маленькій пучокъ фіалокъ, хоть одну лилію, одинъ листикъ — я берегъ бы его всю жизнь какъ свя-

тыню. Но ты сочла это лишнимъ и прислала намъ вѣсть цѣлый снопъ камелій, папоротниковъ и чубунчиковъ, — пусть же Руэ одна наслаждается ими!

Замѣчательно, что люди даже съ самой чуткой душой, которыми тяжелѣе всего было бы думать, что они огорчили или обидѣли кого нибудь и въ которыхъ всякое чужое несчастіе и горе возбуждаютъ живѣйшее участіе, иногда совершенно бессознательно или по какому-то странному недоразумѣнію оскорбляютъ другихъ.

Примѣромъ этому могла служить Тира, на которую видъ человѣческихъ страданій производилъ самое удручающее дѣйствіе, а между тѣмъ ей, повидимому, и въ голову не приходило, какъ сильно желалъ Габріэль получить отъ нея хоть малѣйшій знакъ вниманія къ себѣ.

Но, можетъ быть, она была совсѣмъ не такъ непроницательна или слѣпа къ его любви, какъ то казалось. Можетъ быть, ей хотѣлось только лишить его всякой надежды на взаимность. Онъ теперь уже почти раскаявался въ томъ, что написалъ свое юмористическое посланіе къ Руэ. Зачѣмъ онъ огорчилъ ее? Развѣ онъ не могъ предвидѣть, что его ода произведетъ на нее такое же болѣзненное впечатлѣніе, какое произвело на него невниманіе Тирь?

Онъ закусилъ губы и оглянулся вокругъ, какъ раненый звѣрь, высматривающій, куда бы убѣжать. Наконецъ онъ съ досадою отбросилъ въ сторону карточку и отошелъ отъ стола.

— Что съ тобою, Габріэль?—спросила м-съ Гоферъ съ тѣмъ недостаткомъ такта, который близкіе намъ люди иногда съ самыми лучшими намѣреніями обнаруживаютъ въ своихъ отношеніяхъ къ намъ.—Я по твоему лицу вижу, что ты чѣмъ-то недоволенъ. Скажи же мнѣ, что тебя такъ растроило?

— Не обращай на это вниманія, мамочка. Во мнѣ просто заговорила зависть при видѣ подарковъ Руэ,—отвѣтилъ онъ такъ спокойно, что м-съ Гоферъ была совершенно сбита съ толку.

— Но, Габріэль, вѣдь это ваши общіе подарки, за исключеніемъ рабочей корзинки и букета м-ра Бенедиктуса.

— Они-то и подстрекнули во мнѣ зависть, — возразилъ Габріэль, стараясь перейти въ свой всегдашній безпечно-веселый тонъ.

— Но, другъ мой, тебѣ вѣдь такіе подарки совсѣмъ не нужны, — простодушно сказала м-съ Гоферъ, которой все-таки было пріятно, что Руен оказано было особенное вниманіе ея друзьями. — На что тебѣ рабочая корзинка, или букетъ цвѣтовъ, которые дарятся только дамамъ?

— Ровно ни на что, мамочка. Зачѣмъ мнѣ хоть бы такая записная книжка, или этотъ хорошенькій браслетъ? Но я просто задыхаюсь отъ запаха этихъ цвѣтовъ, — проговорилъ онъ и торопливо вышелъ изъ комнаты.

— Что съ нимъ? Отчего онъ убѣжалъ? — спросила Руен, очевидно и не ожидавшая отвѣта на свои вопросы. Эстелла молча встала съ своего мѣста и отправилась вслѣдъ за братомъ.

Она нашла его, по обыкновенію, за органомъ, но онъ не игралъ на этотъ разъ. Онъ сидѣлъ, наклонившись внизъ и запустивъ пальцы въ свои черные волосы; но когда онъ отвелъ руки отъ лица, то Эстелла замѣтила, что его всегда веселые и нѣсколько насмѣшливые глаза были отуманены грустью.

— Какъ перемѣнилась Тира! — печально и тихо проговорилъ онъ. — Помнишь, какими друзьями мы были съ нею прежде? Какъ намъ весело было вѣстѣ и какъ она любила разговаривать со мной?... А теперь она не вспомнила обо мнѣ даже въ день моего рожденія, — прибавилъ онъ трагическимъ тономъ. — Ты такъ часто выдаешься съ нею, Эстелла — не можешь-ли ты сказать ей, что я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы заслужить ея любовь.

— Что съ тобою, Габріэль? Подумай, какая разница между ея положеніемъ и твоимъ. Къ тому же ты еще такъ молодъ.

— Истинная любовь только и бываетъ въ эти годы, — съ

авторитетнымъ видомъ отвѣтилъ онъ. Съ его точки зрѣнія, Эстеллѣ уже недоступно было чувство любви.

— Я люблю Тиру и всегда буду любить ее, — съ увлеченіемъ продолжалъ онъ, помолчавъ. — Скажи мнѣ, Эстелла, вѣришь-ли ты въ постоянство первой любви?

— Конечно, вѣрю.

— Моя любовь никогда не измѣнится и преодолѣетъ всѣ препятствія. Ну, а ты что думаешь объ этомъ, Эстелла? — съ отъивкомъ нетерпѣнія спросилъ онъ.

— Ты хочешь, чтобы я говорила съ тобою совершенно откровенно?

— Разумѣется.

— Но что же ты хочешь знать — мое мнѣніе о первой любви вообще или о *твоей* первой любви... что именно?

— Говори, что хочешь, — съ жаромъ вскричалъ онъ, — я не могу долѣе молчать. Выслушай меня, Эстелла. Въ день моего прѣзда я прямо отправился въ степь, не повидавшись даже съ вами, и, набравъ полевныхъ цвѣтовъ, связалъ ихъ вмѣстѣ и отправилъ къ Тирѣ, съ надписью „отъ неизвѣстнаго“. И представь себѣ — она ни разу даже не упомянула мнѣ объ этомъ.

— Но она, вѣроятно, подумала, что цвѣты въ самомъ дѣлѣ были присланы неизвѣстнымъ. Она вѣдь все принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ.

— А мой почеркъ — кажется, онъ хорошо знакомъ ей. Нѣтъ, Эстелла, этого не можетъ быть.

— Милый мой мальчикъ, — ласково сказала Эстелла, садясь возлѣ него и глядя его по головѣ: — право, ты еще не разъ полюбишь въ жизни.

— О, Эстелла, какъ можешь ты говорить это!

— Къ тому же, — продолжала она, не обративъ вниманія на негодующій возгласъ брата, — насколько я знаю Тиру, я думаю,

что ей должны нравиться болѣе установленные и болѣе серьезные люди, чѣмъ ты.

— Такіе, напримѣръ, какъ и-ръ Адріанъ Бенедиктусъ?—презрительнымъ тономъ возразилъ Габріэль.

— Ты не имѣешь права дѣлать никакихъ предположеній на этотъ счетъ. Развѣ Тира никого не видитъ, кромя тебя да и-ра Бенедиктуса? Она окружена самымъ блестящимъ обществомъ и имѣетъ возможность пользоваться всѣми свѣтскими удовольствіями; но она и не помышляетъ теперь о замужствѣ.

— А неужели ты думаешь, что если бы я сталъ добиваться руки Тира по примѣру цѣлой толпы ея претендентовъ,—возразилъ Габріэль, подчеркивая послѣднія слова,—то удовольствовался бы въ будущемъ скромнымъ положеніемъ служителя алтара, въ потѣ лица зарабатывающаго свой хлѣбъ и обреченнаго всю свою жизнь проводить между несчастнымъ и обездоленнымъ людомъ?.. Ахъ, да,—прибавилъ онъ другимъ тономъ:—я и позабылъ, что Тира имѣетъ особенное пристрастіе къ этому люду. О, Эстелла, помози мнѣ, пожалуйста, посовѣтуй что нибудь.

— Я могу посовѣтовать тебѣ только не торопиться и подождать еще хоть годъ, и если ты убѣдишься, что не чувствуешь призванія къ избранной тобой профессіи, то не ставь себя въ безвыходное положеніе и откажись отъ нея, пока еще есть время. Не думай объ этомъ больше, если тебѣ это такъ непріятно.

— Эта профессія также имѣетъ нѣкоторыя хорошія стороны,—въ раздумьи проговорилъ Габріэль. — Если бы богослуженіе въ синагогахъ совершалось съ прежней торжественностью—съ гуслими, кивалами и віолами, или съ органомъ и смѣшаннымъ хоромъ—во всѣхъ синагогахъ, а не между нѣкоторыми только сектами,—то это навѣрно производило бы глубокое впечатлѣніе на собраніе молящихся.

— Современемъ это опять будетъ введено, и ты непременно увидишь наше богослуженіе возстановленнымъ во всемъ его преж-

неть валичи. Но возьми тебя несколько не интересуютъ другія обязанности слуги алтаря?

— По правдѣ сказать, почти нисколько. Католики перебрали самую грядисную сторону нашего богослуженія. Какой торжественностью они обставляютъ свои религиозные обряды, и какъ просто совершаются нами!

— Да, это правда. И заиѣть, какъ преданы они своей религии и какъ ревностно служатъ ей! А въ чемъ выражается наше религиозное чувство? Въ тебѣ, наприимѣръ, оно такъ слабо, что ты только ради музыки рѣшился бы посвятить себя духовному званію. Вѣдь это какой-то нездоровый романтизмъ. Ты требуешь только символа.

— Я нахожу этотъ символъ важнымъ и могущественнымъ. Музыка пробуждаетъ во мнѣ религиозное чувство сильнѣе — да, несравненно сильнѣе — чѣмъ печальныя зрѣлища нищеты, которыя ты неказывала мнѣ. Признаться, я совсѣмъ не понимаю Тиру въ этомъ отношеніи, — прибавилъ онъ нѣсколько мягче. — Впрочемъ, я вообще нахожу, что дѣвушкамъ не слѣдуетъ братья за такое дѣло, которое имъ совсѣмъ не по силамъ.

„Это второй экземпляръ сестры Алексини“, — невольно подумала Эстелла. Но какъ жестоко ошибалась она, воображая, что юноша съ такимъ живымъ и безпечнымъ характеромъ, какъ Габріэль, не любившій связывать себя никакаго рода обязательствами и инстинктивно отворачивавшійся отъ зрѣлища человѣческихъ страданій, — можетъ всецѣло посвятить себя на облегченіе этихъ страданій.

— Посмотри, Эстелла, — сказалъ онъ, доставая изъ груди потъ, лежавшихъ на полу, собственноручно написанную имъ тетрадь: — я нашелъ это въ одномъ изъ старинныхъ молитвенниковъ. Это *psalm* или *psalm* — что-то въ родѣ пѣснопѣнія или всалма. Еврейскія слова вообще легко укладываются въ риму, и въ оригиналѣ этотъ гимнъ такъ хорошъ, что я попробовалъ переложить

его на англійскій языкъ. Я непременно хочу видѣть самый старинный оригиналъ этой аріи и перерою весь Британскій музей, чтобъ отыскать его. А теперь я пропую тебѣ эту арію въ моемъ собственномъ переложеніи. Съ этими словами онъ выдвинулъ трубы органа и, откинувшись назадъ, съ чувствомъ запѣлъ своимъ прекраснымъ и замѣчательно хорошо обработаннымъ теноромъ:

„Лети скорѣй въ небесныя селенья
Къ Тому, въ комъ наша жизнь и свѣтъ,
Гдѣ нѣтъ ни скорби, ни томленья,
Гдѣ ждетъ тебѣ благословенье и пріятъ.

* *
* *

Лети въ храмъ свободы и мира,
Гдѣ нѣтъ ни оковъ, ни цѣпей, ни бичей,
Гдѣ имутъ опоры и защиты
Сонны подавленныхъ игомъ людей“, и т. д.

— Куда ты собралась?—спросилъ Габріэль, поднявъ глаза на сестру.

— Въ Кенсингтонъ,—отвѣтила Эстелла.

— Я такъ и думала. Забыла меня и г-жа Фрейндъ.

— На счетъ этого ты можешь быть спокоенъ. Ты всегда былъ любимцемъ г-жи Фрейндъ и увидишь самъ, что она не забыла тебя.

— Передай же, пожалуйста, Тиръ, какъ обрадовала она меня своимъ подаркомъ; скажи ей, что я никогда не забуду ея вниманія ко мнѣ, а также и того, что она видитъ въ насъ—во мнѣ и въ Руэн—не близкихъ своихъ друзей, а только близнецовъ, вышедшихъ изъ дѣтства, которые могутъ подѣлать между собою присланный имъ подарокъ. О, Тира! хоть бы чтонибудь, хоть бы одинъ цвѣтокъ—ты дала мнѣ одному!

Онъ такъ часто прибѣгалъ въ разговорѣ въ мелодраматическому тону, что и на этотъ разъ трудно было рѣшить, насколько глубоко и искренно было его чувство.

Однако, Эстелла замѣтила, что онъ украдкой отеръ слезу, быть можетъ, вызванную не столько огорченіемъ, сколько уязвленнымъ юношескимъ самолюбіемъ. Эстелла въ раздумьи наклонилась къ нему и поцѣловала его въ голову.

— Позабудь Тирю,—съ участіемъ сказала она.

— Такъ ты думаешь, что она никогда не полюбитъ меня?

— Но, милый, вѣдь ты и самъ сознаешь это въ глубинѣ души.

— Постой же!—вскричалъ онъ, гнѣвно вспыхнувъ,—скажи ей—непрѣменно скажи—что она принадлежитъ къ числу такихъ людей, которые могутъ сочувствовать только страданіямъ отъ нужды и лишеній и ни во что не ставятъ всякія другія страданія, которыя кажутся имъ слишкомъ ничтожными и мелкими...

— Мелкими—это жъ говорить это?—ласково и съ улыбкой возразила Эстелла.—Но не волнуйся, а главное, не приходи въ такое отчаяніе, голубчикъ.

Тутъ ей вспомнилось, какое восторженное поклоненіе Тирѣ выказывалъ онъ съ самаго дѣтства. Но тогда это только забавляло старшихъ, и они добродушно смотрѣли на это дѣтское чувство, не придавая ему ровно никакого значенія. Теперь же, какъ ни была расположена г-жа Фрейндъ къ Габріэлю, но она совсѣмъ иначе взглянула бы на дѣло, если бы онъ вздумалъ возобновить свои ухаживанія за ея дочерью. Пора дѣтскихъ иллюзій миновала, и г-жа Фрейндъ, разумѣется, нашла бы, что прежнія отношенія юноши къ Тирѣ неумѣстны. Прошлое прошло и было забыто. Тира превратилась въ прелестную молодую дѣвушку, съ наивнымъ удивленіемъ, смотрѣвшую на толпу окружавшихъ ее обожателей. Что же касается Габріэля, то онъ какъ былъ, такъ и теперь еще оставался пылкимъ, необузданнымъ и до-нельзя нетерпѣливымъ мальчикомъ, которому предстояла впереди трудная задача—продолжить себѣ дорогу въ жизни. Тѣмъ не менѣе, это былъ многообѣщавшій и чрезвычайно даровитый юноша, не допускавшій даже

и мысли о томъ, что его можетъ постигнуть неудача въ какомъ бы то ни было отношеніи. Но онъ проходилъ изъ небогатой семьи, выдвинувшейся изъ мелкой среды только благодаря своимъ блестящимъ талантамъ—въ особенности въ живописи—снискобительнымъ развитію природныхъ дарованій Габріэля, и никому изъ окружающихъ Тиру не могло бы и въ голову прийти, что этотъ двадцатилѣтній юноша, въ своей замкнутости, считаетъ себя приличной для нея партіей.

— Будь поласковѣе съ Руэю; она такъ любитъ тебя,—сказала Эстелла, уходя.

И Габріэль далъ себѣ слово принять къ свѣдѣнію этотъ дружескій совѣтъ. Онъ уже сожалѣлъ о сочиненной имъ одѣ-парадіи по случаю дня рожденія Руэи, въ которой онъ осмѣивалъ ее не совсемъ удачную попытку написать повѣсть. По уходѣ Эстеллы, онъ тотчасъ же отправился отыскивать Руэю и засталъ ее на этотъ разъ занятою дѣломъ, гораздо болѣе подходящимъ для нея, и, повидимому, совершенно позабывшею о своемъ „писательскомъ призваніи“. Она окачивала водой изъ лейки своихъ зеленыхъ понугавъ, которые съ наслажденіемъ подставляли свои граціозныя неумрудныя шейки подъ медленно ливніица и сверканія на солницѣ струи, издавая, отъ избытка удовольствія, горланныя звуки и взмахивая своими вѣжно-зелеными крыльями, между тѣмъ какъ заботливая хозяйка внушительно убѣждала ихъ быть смирнѣе и совершать свое омовеніе основательнѣе.

— Какъ ты уморительна, Руэинька, среди твоего птичьяго царства!—сказалъ Габріэль.—Я увѣренъ, что ты останешься старой дѣвой, какъ и мясъ Нюдженъ.

— Очень можетъ быть,—спокойно отвѣтила Руэя, которая, однако, ожидала гораздо большаго отъ жизни и совсемъ не желала, чтобъ ее постигла такая незавидная доля, какую пророчилъ ей братъ.

— Но, право, тебѣ гораздо болѣе пристало няньчиться съ

твоими кривлятинами и четвероногими питомцами, чѣмъ писать повѣсти.

— Какъ же другіе-то пишутъ?

— Да, другіе пишутъ и доставляютъ тебѣ удовольствіе читать ихъ произведенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что и ты можешь писать.

— Но если я люблю читать, то отчего же бы мнѣ и самой не писать?

— Писать, пожалуй, не я долженъ тебѣ сказать, что литературное призваніе проявляется не вдругъ, а съ самаго дѣтства. Будущіе писатели и писательницы обыкновенно начинаютъ съ того, что набрасываютъ свои рассказы или стихотворенія на всякомъ попавшемся имъ листкѣ бумаги — на поляхъ газетъ, на стѣнахъ, на пустыхъ мѣстахъ старыхъ счетныхъ книгъ, — и такимъ образомъ изъ нихъ мало-по-малу вырабатываются настоящіе романисты и романистки. Но довольно объ этомъ; пройдемся лучше кенного, если ты не боишься, что твой попуган схватитъ ревматизмъ или другую какую нибудь простудную болѣзнь.

И братъ съ сестрой, весело разговаривая и позабывъ житейскія невзгоды и разочарованія, вскорѣ очутились въ степи, посреди папоротниковъ и колокольчиковъ. Зеленая проталина живописно раскинулась передъ ними въ своемъ яркомъ глѣбномъ уборѣ.

Какъ хороша была степь, омытая и освѣщенная ночнымъ ливнемъ! Трава вся была испещрена распустившимися дикимъ тимьяномъ, трилистникомъ и другими полевыми растеніями. Глубокое уединеніе и видъ еще спокойно дремавшей природы, при солнечномъ сіяніи, производили сильное впечатлѣніе на восприимчивую душу Габріеля. Но скоро здѣсь все оживится — зной и движеніе проникнутъ и въ этотъ прохладный теперь и мирный уголокъ, который приметъ совсѣмъ другой видъ подъ лучезарнымъ сіяніемъ полуденнаго солнца.

Вдали раскинулся городъ въ видѣ туманной сѣрой громады.

Но въ эту пору тишина и безжизніе степи ничѣмъ не нарушаются и сюда не заглядываютъ ни конторщики, ни ремесленники; поздне въ этотъ уединенный уголокъ соберутся толпы всякаго рабочаго люда отдыхать послѣ трудового дня, и луга огласятся шумомъ и говоромъ человѣческихъ голосовъ.

А что дѣлалъ въ этотъ чудесный солнечный день Адрианъ Бенедиктусъ, такъ рѣшительно сбросившій съ себя путы своей религіи со всѣми ея обрядностями, и пытавшійся теперь наполнить дѣлами благотворительности пустоту своего неудовлетвореннаго сердца? Благодаря этой дѣятельности, у него составился довольно обширный кругъ знакомыхъ и интересныхъ для него, и оригинальныхъ, и такихъ, которые невольно располагали его къ себѣ тѣмъ, что слотрали на него какъ на самаго надежнаго помощника въ общей борьбѣ противъ бѣдствій, поражающихъ человѣчество. Но онъ все-таки чувствовалъ себя одинокимъ, несчастливымъ и ко всему охлажденнымъ.

Изъ новыхъ его знакомыхъ мысли его чаще всего останавливались на Тирѣ, Эстеллѣ и Руеѣ.

Каждая изъ нихъ по своему интересовала его. Подвижная и то застѣнчивая, то задорная Руеѣ забавляла его. Эстеллу же онъ цѣнилъ какъ дѣвушку съ возвышенными стремленіями и выдающимся талантомъ. Онъ сравнивалъ ее съ хлопотливой бабочкой, вѣчно ищущей для себя какого нибудь дѣла, когда ея свѣтлый образъ возставалъ въ его воображеніи, въ связи съ ея горячимъ желаніемъ быть полезной всѣмъ окружающимъ.

Но чаще всего передъ нимъ мелькало прелестное личико Тирѣ Фрейндъ, когда онъ отрывался на минуту отъ чтенія и въ раздумьи сидѣлъ, опершись на руку.

Какіе бы слухи ни распространялись на его счетъ (онъ не давалъ себѣ даже труда опровергать ихъ), но мы должны сказать, что любимымъ его занятіемъ было изученіе документовъ, касаю-

щился исторіи его народа, которая интересовала его несравненно больше всѣхъ современныхъ наукъ.

Но какъ только онъ откладывалъ въ сторону книгу, передъ нимъ тотчасъ же возставалъ образъ Тиръ, съ ея серьезными глазами, которые онъ съ улыбкой называлъ про себя живою и чрезвычайно краснорѣчивою книгою.

Переводчикъ „Потеряннаго Рая“ на еврейскій языкъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ эпиграфъ этого произведенія нужно было бы поставить слѣдующее изреченіе изъ Книги Бытія: „И Онъ изгналъ человѣка изъ рая“.

Въ интересномъ предисловіи къ этому переводу, очевидно написанномъ сначала по нѣмецки и потомъ черезчуръ буквально переведенномъ на англійскій языкъ, авторъ говоритъ, съ каинимъ наслажденіемъ и въ то же время съ какими затрудненіями онъ наслаживалъ разстроенную еврейскую лютню, стараясь передать это произведеніе во всей его патетической и величественной красотѣ.

Въ устахъ Бенедиктуса мѣрно и гармонически звучали слова такъ хорошо знакомаго ему языка, между тѣмъ какъ мысли его переносились то къ Тирѣ, то къ событіямъ его ранней молодости, проведенной въ Руминіи.

Звуки національной лиры, на которой старинные еврейскіе поэты наигрывали свои мелодіи, снова ласкали своей музыкой слухъ нашего добровольнаго изгнанника.

„И Онъ изгналъ человѣка изъ рая“,—повторилъ онъ.

Кто не побывалъ въ Эдемѣ хоть разъ въ жизни?

Но теперь всѣ его мечты о счастьи и о полезной дѣятельности разсѣялись, а вѣстѣ съ ними ушло и все его состояніе.

А если жизнь еще только начинается, какъ то доказывалъ м-ръ Беккеръ? Если онъ найдетъ въ Тирѣ Фрейнды воплощеніе своего идеала, и ради нея снова полюбитъ жизнь и свои прежнія мечты? Кому недоступны двери рая въ счастливую пору жизни? Но если онъ уже безжалостно затворился передъ нимъ и входъ

въ нихъ навсегда запретить ему, то неужели онъ долженъ отка-
заться даже отъ всякой попытки создать собою хотя подобіе утра-
ченного Эдмана? — Не вѣдь онъ будучи сравнительно съ Тирой
Фрейдъ!...—Нѣтъ! ужъ если онъ когда нибудь жаждалъ, то скорѣе
всего оставить свой выборъ на Руенъ Герфортъ.

Замѣчательно, что ему и въ голову никогда не приходило,
что Руенъ можетъ отвѣтить отказомъ на его предложеніе. Но увѣ-
ренность въ успѣхъ съ этой стороны слѣдилась у него скорѣе без-
сознательно, чѣмъ нуткомъ размышленія. Остановившись на мысли
сдѣлать современемъ предложеніе Руенъ (м-ръ Веллеръ, образній
самого себя на жизнь холостяка, настоятельно συμβούλαвъ ему же-
ниться), Бенедиктусъ рѣшился отправиться въ Кембригъ въ
своихъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми судьба свела его такъ
поздно. Онъ рассчитывалъ быть на вечеръ, который устраивала
Тира для потѣшанья работницъ. Можетъ быть, онъ встрѣтитъ
тамъ Руенъ. Да и Тира, конечно, будетъ.

Онъ кончилъ наконецъ бесѣду съ самимъ собой, отложивъ въ
сторону такъ сильно заинтересовавшую его живую книгу.

Счастье и мудрость — „Das Glück und die Weisheit“, о ко-
торыхъ говорить Шиллеръ — неужели они несомнѣтельны? Однако,
какъ рѣдко идутъ они рука въ руку, хотя, по увѣренію филосо-
фовъ, ихъ такъ легко достигнуть! Миръ продолжаетъ расти и под-
вигаться впередъ. Какъ ни дѣнно кажутся житейская рѣка, но
все же она прогрессируетъ въ своемъ теченіи... Но счастье... бла-
горазуміе... къ чаму изъ двухъ слѣдуетъ стремиться?

Вернемся, однако, къ Тирѣ Фрейдъ, у которой мы застанемъ
теперь мысль Эдди. Всегда довольная и рассудительная, Гульельма
въ концѣ концовъ свела разговоръ на свою любимую тему.

— Отчего тебя не было на открытіи дѣтскаго гулянья въ
Шедуэллѣ? — спросила она Тирю.

— Мнѣ не хотѣлось видѣть владѣльца превращеннымъ въ
мѣсто увеселенія, — отвѣтила Тира. — Смерть также имѣетъ свои

права. Да и для здоровья такіа мѣста для гулянья совсѣмъ не годятся, потому что воздухъ тамъ не можетъ быть хорошъ. Я нахожу даже, что это просто святотатство—право, Гули. Отчего ни никогда не ходитъ по могиламъ? Я не раздѣлю,—прибавила она, обращаясь къ сидѣвшей тутъ же Эстелль,—того мнѣнія, что слѣдуетъ возмекать пользу изъ всего, не щади даже того, что для насъ священо.

— Я нахожу, что ты нѣсколько преувеличиваешь, Тира, хотя, можетъ быть, ты и права до нѣкоторой степени,—возразила Гульельма съ невозмутимымъ видомъ.—Вспомни, что тутъ дѣло идетъ о цѣлой массѣ сѣднхъ дѣтей, которыя негдѣ даже и побѣгать послѣ школьныхъ занятій. Въ тому же, мѣсто это найдено совершенно безвреднымъ для здоровья.

Тира ничего не отвѣтила. Можетъ быть, мнѣніе ея было и невѣрно съ точки зрѣнія практическихъ людей, но оно было совершенно натурально, тѣмъ болѣе, что на еврейскихъ кладбищахъ царитъ всегда такая торжественная тишина, что нарушение ея крикомъ и топотомъ дѣтскихъ ногъ легко могло показаться чѣмъ-то въ родѣ святотатства.

— Какъ ни люблю я дѣтей, но мнѣ все-таки неприятно было бы думать, что они будутъ прыгать по моей могилѣ,—замѣтила Эстелла, невольно вздрогнувъ.

— Я непременно приду на сегодняшній вечеръ работницъ,—сказала миссъ Эшби.—Какъ я рада, Тира, что и ты будешь тамъ. Но вашихъ работницъ труднѣе собрать вмѣстѣ, чѣмъ нашихъ. Отчего это? Неужели онѣ совершенно довольны своимъ положеніемъ и не желаютъ ничего другого?

— Право, не знаю,—отвѣтила Тира.—Дѣло, видишь-ли, въ томъ, что ваша община гораздо больше нашей, и лучше понимаетъ, что ей нужно и что она должна дѣлать, чтобы помочь самой себѣ. Вотъ миссъ Гоферъ говоритъ также, что сѣднхамъ нашей общины очень вредитъ незнаніе англійскаго языка; между

нии такъ много иностранцевъ. Къ тому же, они до сихъ поръ еще придерживаются общаеъ своихъ предковъ, которые они считаютъ своимъ долгомъ передавать изъ поколѣнiя въ поколѣнiя. Восточной натурѣ, видно, не легко дается выдержка и спокойствiе жителей сѣвера.

— Узнаю въ твоихъ послѣднихъ словахъ изреченiе миссъ Гоферъ,—сказала Гульельма засмѣявшись.—На ваше собранiе интересно будетъ посмотрѣть, и я непременно приду сегодня. Что у васъ назначено въ программѣ?

— Дѣвушки придуть съ работой и сначала займутся починкой своей одежды,—но онъ, бѣдняжка, явится на вечеръ и безъ того уже уставши отъ работы. Потому братъ миссъ Гоферъ сыграетъ намъ что нибудь на скринкѣ, послѣ чего будутъ рассказывать, читать, и такъ далѣе.

— Право, это будетъ интересно,—повторила миссъ Эмби съ напускнымъ одушевленiемъ.—Отъ долгаго упражненiя въ разговорахъ этого рода получается навнѣ слушать, что говорятъ другiе, и въ то же время думать совсѣмъ о другомъ. Эта способность составляетъ тоже одинъ изъ немаловажныхъ свѣтскихъ талантовъ.

— Кажется, миссъ Гоферъ, я видѣла вашего брата на представленiи Шекспировой пьесы,—прибавила Гульельма.—Какъ я рада буду послушать его игру на скринкѣ,—онъ показанъ мнѣ такимъ симпатичнымъ.

Тутъ слуга доложилъ о приходѣ м-ра Бенедиктуса. Пожилая руку Тирѣ, молодой человекъ не могъ не замѣтить окружавшей ея роскоши, ея изящнаго наряда, вызолоченной кѣтки съ птицей, висѣвшей возлѣ нея, и множества другихъ красивыхъ и дорогихъ вещей, которыми была убрана комната.

Онъ тихо вздохнулъ и выпустилъ ея руку. Потому онъ раскланялся съ Гульельмой, казавшейся среди этой обстановки такой скромной въ своемъ сѣромъ платьѣ; но она ушла почти тотчасъ же послѣ его прихода.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Бенедиктусъ вторгнулся въ Эстел-
лой, но вскорѣ былъ прерванъ появленіемъ м-ра Фрейда.

— Мнѣ хотѣлось показать вамъ миниатюрный портретъ моей
дочери, работи миссъ Гофортъ, — сказала она, обильявшись вѣсело-
выми словами съ гостемъ. Онъ такъ близко принималъ къ сердцу
успѣхи Эстеллы, какъ будто это было его личное дѣло, въ кото-
ромъ онъ участвовалъ, если не какъ сотрудникъ, то какъ знатокъ
и цѣнитель. Онъ началъ восхищаться ея талантомъ съ перваго
же времени знакомства съ нею, и насколько искренне было это
восхищеніе — можно было судить по тому, что онъ безпрестанно
обращался къ ней съ просьбами воспроизводить Тиру во всѣхъ
видахъ.

Въ его домѣ находилось множество доказательствъ того, какъ
высоко цѣнилъ онъ талантъ Эстеллы. У него была великолѣпная
коллекція картинъ, но онъ гораздо чаще смотрѣлъ на изображенія
Тиры, чѣмъ на самыя дорогія изъ своихъ картинъ.

Ружинъ, бывшій также знатокъ въ живописи, тотчасъ подо-
шелъ къ миниатюрѣ, отличившейся необыкновенною свѣжестью и
нѣжностью красокъ, и, пристально всматриваясь въ нее, произнесъ
вполголоса слѣдующую цитату изъ своего любимаго произведенія
„Timon of Athens“:

How this grace
Speaks his own standing! what a mental power
This eye stoots forth! how big imagination
Moves in this lip! to the dumbness of the gesture
One might interpret. It i sa pretty mocking of the live t.

Къ кому или къ чему относилась эта цитата — къ красотѣ-ли
Тиры или къ таланту Эстеллы? Она была произнесена Бенедикту-
сомъ такъ просто и съ такимъ неподдѣльнымъ достоинствомъ, что

¹ Какъ выразительна эта грація! Какой глубокою мыслью свѣтится этотъ
взглядъ! Какимъ живымъ воображеніемъ дышатъ эти уста! Какъ краснорѣчива
даже эта нѣмая неподвижность! Но это горькая насмѣшка судьбы!..

ннѣ изъ присутствующихъ не рѣшился засмѣяться, хотя его неожиданная выходка всѣмъ показалась нѣсколько забавною.

— Какъ странно вы изучили Шекспира, — замѣтила Тира, покраснѣвъ. — Неужели ваши соотечественники всё такъ хорошо знакомы съ нимъ?

— Я не знаю ни съ кѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, — холодно отвѣтила Бенедиктусъ. — Они всё такъ ничтожны, что объ нихъ не стоитъ говорить; у нихъ нѣтъ ни литературы, ни благороднаго честолюбія и никакого стремленія въ чему нибудь высшему.

— Неужели они всё такіе? — спросилъ герръ Фрейндъ. Что же касается до Тирь, то рѣзкія слова Бенедиктуса такъ удивили ее, что она не знала даже, что и отвѣчать на нихъ. Простодушный герръ Фрейндъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что цѣтата его уста относилась къ таланту Этеллы. Можетъ быть, онъ поступилъ не совсѣмъ благоразумно, обративъ его вниманіе на миниатюрный портретъ въ бархатной рамкѣ, но имъ руководило въ этомъ случаѣ весьма понятное и вполне извинительное чувство родительской гордости.

— Но я читала, что румыны очень любятъ пѣніе и музыку, — робко сказала Тира, которую Бенедиктусъ еще сильнѣе заинтересовалъ своимъ гордымъ и страннымъ характеромъ и независимостью своихъ убѣжденій.

— У нихъ тоже есть „доша“, — продолжала она: она успѣла уже прочесть кое-что о его родинѣ съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ нимъ. — Какъ хороши должны быть ихъ народныя пѣсни!

— Также хороши, какъ и самъ народъ, — отвѣтилъ Бенедиктусъ, пожавъ плечами и бросивъ выразительный взглядъ на герра Фрейнда. — Едва-ли вы стали бы даже слушать ихъ.

Тира покраснѣла.

— Но Румынія должна быть такъ прекрасна, съ ея воспоминаніями, горами, розами.

— Воспоминаніями о деспотахъ, безжалостно придавливающихъ беззащитныхъ и слабыхъ!— Бенедиктусъ невольно возвысилъ голосъ и съ жаромъ продолжалъ:

— Да, эти горы были бы хороши, если бы возлѣ нихъ не ютились вѣковныя коварство и ханжество—результатъ забитости и рабства; воспоминанія были бы превосходны, если бы они говорили о безкорыстїи и справедливости. А что касается до розъ, то онѣ могутъ служить только символомъ моей многострадальной родины, облитой кровью. Если вы пожелаєте прочесть „Romanul“ „Revista Israelita“, „Situation des Juifs en Serbie et en Roumanie“ Исидора Леба, то, конечно, не назовете мое отечество прекрасной страной.

Онъ умолкъ и, вставъ съ мѣста, въ волненїи подошелъ къ камину, какъ бы въ надеждѣ встрѣтить тамъ другихъ слушателей, на которыхъ его слова могли произвести болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на благодушнаго герра Фрейнда, всегда спокойную Эстеллу и на безмолвную, озадаченную Тиру. Онъ подыалъ-было руку, но тотчасъ же опять опустилъ ее съ видомъ глубокаго отчаянїя, доходящаго почти до озлобленїя.

— Румынское правительство,—продолжалъ онъ,—утратило всякую энергію и ни о чемъ не помышляетъ кромѣ эгоистическаго спокойствїя. „Оставьте насъ спать, оставьте насъ въ покоѣ,—говорить оно.—Не будите насъ вашими протестующими криками противъ варварскихъ обычаевъ, освященныхъ давностью времени. Мы такъ свыклись съ этими старыми порядками, такъ погрязли въ окружающей насъ тинѣ, что наши дѣти не будутъ имѣть даже понятїя о томъ, что такое справедливость и правосудїе“. Да, — слово „правосудїе“ сдѣлалось у насъ однимъ пустынь звукомъ!

Онъ опять замолчалъ. Присутствующіе тоже молчали, не зная что отвѣчать, и продолжали вопросительно смотрѣть на него.

— Извините меня, герръ Фрейндъ, — проговорилъ онъ наконецъ: — я такъ увлекся, что зашелъ дальше, чѣмъ желалъ. Не лучше-ли было бы говорить о чемъ нибудь другомъ — о вашихъ цвѣтахъ, наприимѣръ, объ этомъ *stephanotis*, имѣющемъ несчастье расти въ Бухарестѣ; объ этой прелестной птицѣ, любимицѣ m-lle Тире. Птица эта видѣла своими смышленными глазами всѣ тайны далекихъ лѣсовъ, и какъ будто рассказываетъ намъ о нихъ, когда говорить. Съ молодыми леди приличнѣе всего разговаривать о птицахъ и цвѣтахъ.

— Да, это все-таки лучше, чѣмъ поднимать въ себѣ желчь разсужденіями о политикѣ, — возразилъ герръ Фрейндъ. — Оставайтесь съ нами завтракать, м-ръ Бенедиктусъ, а потомъ отправитесь вмѣстѣ на устраиваемый Тирю вечеръ для работницъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Бенедиктусъ, къ величайшей радости Тире. Она все болѣе и болѣе начинала увлекаться имъ, даже его недостатки и нѣкоторая натянутость въ обращеніи нравились ей. Она съ огорченіемъ замѣчала, что г-жа Фрейндъ смотритъ на него далеко не благосклонными глазами, а въ особенности огорчала ее мысль, что онъ, какъ ей казалось, обращаетъ больше вниманія на Этеллу и на Руоъ, чѣмъ на нее, Тирю.

Альмондъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

ШАУЛЬ ЮДИЧЪ ВАЛЬ ИЗЪ ВРЕСТА-ЛИТОВСКАГО, ПРЕЕМНИКЪ
СТЕФАНА БАТОРІЯ.

(Историческая легенда).

(Окончаніе) ¹.

III.

Время появленія легенды относится къ концу XVII в.—Вѣроятныя причины ея появленія. — Измѣненія отношеній шляхты къ евреямъ. — Разореніе евреевъ. — Золотая цѣль Шауль.—Тамбовскія матеріалы его печатей.—Случайности при избраніи королей.—Необходимость бездѣлительной еврейск. королевской власти для изданія тѣхъ льготныхъ законовъ, которыми пользовались евреи до козацкихъ войнъ. — Этическая основа легенды— апофеозъ благочестію, построенный на библейскихъ воспоминаніяхъ и на созвучіи словъ.—Образецъ новѣйшихъ легендъ, въ параллель съ легендою о Шаулѣ Валь.—Историческое значеніе легенды.—Точность ея главнѣйшихъ повѣстаній не только не содержитъ, но и по-еврейски, къ второму они отходятъ.—Подтвержденіе историческими данными тѣхъ правъ, которыми пользовались евреи якобы къ силу законовъ Шаула Валь: наказаніе за убійство еврея, какъ за убійство шляхтича. — Автономія еврейскаго суда.—Право занятія ремеслами.—Право возведенія синагогъ не иначе, какъ безъ особнхъ украшеній. — Право аренды населенныхъ мѣстъ. — Причины развитія аренды въ концѣ XVI в.—Реальная основанія легенды о дружбѣ Шаула съ Радзивилломъ— въ отношеніяхъ знатнѣйшихъ дворянъ до Люблинской уни.—
Общая оцѣнка сказанія о Шаулѣ Валь, какъ историческаго матеріала.

Попытаемся теперь, на основаніи приведенныхъ выше еврейскихъ сказаній и официальныхъ документовъ: 1) опредѣлить время появленія легенды; 2) объяснить вѣроятныя причины ея происхожденія; 3) указать на этическую подкладку леген-

¹ См. Восходъ, кн. IV.

ды, и наконецъ, 4) опѣнить ея достоинство въ качествѣ историческаго матеріала.

Самый древній вариантъ легенды принадлежитъ праправнуку Шауля Валя, писавшему со словъ своего отца около 1714 года. Изъ этого видно, что легенда существовала уже въ концѣ XVII в., т. е. лѣтъ 70 или 80 послѣ смерти Шауля.

Быть можетъ, покажется страннымъ, какимъ образомъ въ такое короткое время историческая личность превращается въ легендарную.

Для объясненія этого слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) что правнуку Шауля сообщаетъ легенду въ томъ видѣ, какъ слышалъ ее отъ своей матери, внучки Шауля по женскому колѣну, слѣдовательно, легенда сложилась среди женщинъ, или, по крайности, преданіе о могуществѣ и богатствѣ Валя получило, благодаря женщинамъ, совершенно миѳическій оттѣнокъ. 2) Весь колоритъ легенды и всѣ сообщаемые въ ней факты показываютъ, что легенда возникаетъ въ то время, когда и у мужскаго населенія представленіе о коренныхъ началахъ литовскаго государственнаго права и даже знакомство съ законами о евреяхъ почти совершенно исчезаетъ.

Такимъ временемъ могъ быть только конецъ XVII в., тяжкое время конечнаго опустошенія Польско-Литовскаго государства.

Среди всеобщей нищеты, на развалинахъ городовъ и деревень, въ странѣ, наполненной бродячими шайками наемныхъ войскъ и просто разбойниковъ, среди одичавшаго населенія, способнаго уважать лишь право сильнаго, естественно для человѣческаго воображенія представлять прошлыя мирныя, благопріятныя времена въ необычайно разовомъ свѣтѣ, а дѣятелей прошлаго—окруженными мистическимъ ореоломъ.

Шляхта, привыкшая, въ теченіи тридцатилѣтней безурядицы, пренебрежительно относиться къ правамъ кого бы то ни было, естественно ни во что ставила права низшихъ сословій. Поэтому, на долгое время, положенія Третьяго Литовскаго Статута, опредѣлявшія права евреевъ, стали простою бумагой.

Въ концѣ XVII вѣка евреямъ нечего было и думать объ осуществленіи того артикула Статута, по которому шляхтичъ

наказывался за убійство еврея, какъ за убійство шляхтича... А между тѣмъ въ половинѣ XVII ст., вскорѣ послѣ смерти Шауля Валя, шляхтичи, ворвавшіеся въ брестскую синагогу и причинившіе евреямъ увѣчья и раны, отъ которыхъ послѣдовала смерть, были приговорены къ наказанію согласно требованію Литовскаго Статута ¹.

Безъ денегъ и безъ кредита, евреи могли развѣ только вздыхать во тѣмъ временамъ, когда «славный жидъ турецкій Ицко Абрамовичъ» и сотни, и тысячи ему подобныхъ получаютъ на откупъ у князей и другихъ магнатовъ города и мѣстечки съ цѣлыми округами, вступая во всё права, принадлежащія помещицу ², или же когда брестскіе евреи Мендель Изаковичъ и Исакъ Бородавка берутъ на откупъ таможенные пошлины во всемъ в. княжествѣ Литовскомъ ³.

Среди всеобщаго разоренія, въ виду упраздненія старыхъ основъ еврейской жизни, въ виду неяснаго, туманнаго будущаго и печальнаго настоящаго, возвратившіеся въ испепеленный городъ члены еврейской брестской общины съ изумленіемъ читали на стѣнахъ опустѣвшей синагоги: «Шауль Юдичъ, властимушій, построилъ эту синагогу въ память жены своей Деборы Друкеръ!»

Не имѣющіе куда приклонить голову—читали о томъ, какъ одинъ изъ членовъ ихъ же общины воздвигалъ каменныя синагоги!

Сравнивая свою жалкую бѣдность съ золотыми временами до-казацкихъ войнъ, естественно было разореннымъ взглянуть на Шауля, какъ на какую-то необыкновенную величину.

¹ Акты Виленск. Археогр. Ком., т. V и VI, дѣла о евреяхъ, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ Брестскаго градскаго суда №№ 435, 434, 430.

² *Граматы В. Князей Литовскихъ*—Автоновича и Коваловскаго. Кіевъ, 1868 г. №№ 40, 46, 47, 48, 50.

³ См. Акты, издаваемые времен. комис. для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ и волын. ген.-губерн., т. III. Славный жидъ Ицко Абрамовичъ арендуетъ въ 1593 г. у князя Садегушки-Коширскаго мѣстечко Локази «со всемъ правомъ и панствомъ», не исключая и права смертной казни. См. также рядъ подлинныхъ документовъ Кіевскаго и Виленскаго Ц. Архивовъ за конецъ XVI и начало XVII вѣка.

Подготовка, нажитая отъ украинскихъ арендъ, были на памяти у всѣхъ: естественно предположить, что Шауль не только самъ разбогатѣлъ отъ арендъ, но, быть можетъ, иконопаталъ, даровалъ такія же права и своимъ единоверцамъ.

Тѣ, для кого золото имѣло цѣну жизни какъ реальная величина, дающая возможность вернуть хотя часть старыхъ правъ; тѣ, которые понавалѣ думали только о сегодняшнемъ днѣ и не смѣли показаться на улицу иначе, какъ въ устарѣвшемъ еврейскомъ уборѣ, выслушивали во безъ нѣкотораго недоумѣнія повѣсть о томъ, что Шауль Валь украсилъ себя золотомъ цѣною.

Быть можетъ, впоследствии, съ возвращеніемъ въ Брестъ стариннаго архива общины, отысканы были грамоты конца XVI в., исходатайствованныя Шаулемъ, или же тѣ, на которыя онъ ссылался, напр., о неподсудности евреевъ не-еврейскому суду, о правѣ занятія торговлею и ремеслами, о возвышеніи съ брестскихъ евреевъ нашинскихъ сборовъ и т. п.

Быть можетъ, у потомковъ Шауля сохранились королевскія грамоты съ привѣщенными печатами, почтенные пергаменты на непонятномъ латинскомъ языкѣ.

Почему же—являлся вопросъ—у потомковъ Шауля такія грамоты, почему такія льготы даны были евреямъ?

Ключомъ къ загадкѣ явились печати Шауля: на одной — левъ, держащій законы; на другой—левъ, коронующій орла.

Что же означаютъ эти печати?

Отвѣтъ очень простъ: левъ — владыка, власть имущій, Шауль Валь: онъ держитъ законы—законодатель.

Онъ коронуетъ одноглаваго орла, гербъ Польши,—значить, Шауль коронуетъ главу польскаго государства.

Но какъ же это могло случиться?

Отвѣтомъ служить избраніе Шауля въ короли польскіе и коронованіе имъ своего преемника!

Ничего невозможнаго не было въ такой комбинаціи для лицъ, видѣвшихъ избраніе въ короли Михаила Вишневецкаго.

О выборахъ этихъ извѣстный пр. Шуйскій говорить такъ: «Потерявшей терпѣніе шляхтѣ понравилось провознесенное Кшицикимъ имя князя Михаила Вишневецкаго... Поднялись

неумолимая восклицанія: да здравствует король Михаилъ! И въ шестомъ часу вечера принцъ принужденъ былъ провозгласить королемъ замудраго, неизвестнаго князика, призрѣваемаго при вѣнскомъ дворѣ и еще недавно занимавшаго у лотарингскаго посла ничтожную сумму въ 300 талеровъ»¹.

Король Шауль Юдичъ и даровалъ евреямъ всѣ тѣ права, которыми они пользовались до казацкихъ войнъ!

Такимъ путемъ для людей XVII в. объяснялось и льготное положеніе евреевъ въ Литвѣ въ старину, и особенное положеніе Шауля Юдича, смѣшнаго называть себя владыкою, власть имѣющимъ, щеголять въ золотой цѣпи подобно магнатамъ, бросать деньги на синагоги, госпитали, больницы. Для воображенія еврея тѣхъ временъ, воспитаннаго на Библии и Талмудѣ, сказаніе о Шаулѣ становилось въ связь, невольнo напоминая известное ветхозавѣтное событіе: избраніе въ цари израильскіе Саула и въ коѣнѣ Гудина (Шауля Юдича!).

Здѣсь-то коренится этическая мысль, которая и въ сказаніи о Шаулѣ составляетъ прикрытую, но не подлежащую сомнѣнію основу легенды!

Мы знаемъ, что евреи, современники казако-шляхетскихъ войнъ, въ родѣ автора «Явашъ - Мецула», склонны были искать причину несчастій, обрушившихся на евреевъ, не въ чемъ иномъ, какъ въ упадкѣ учености и благочестія: естественно поэтому, что евреи старыхъ временъ должны были въ концѣ XVII в. представляться своимъ потомкамъ не иначе, какъ столпами учености и благочестія.

Такое предположеніе подтверждалось фѣльмъ рядомъ талмудическихъ свѣтилъ, выставленныхъ Литвою и Польшею въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ родѣ С. Лурьи, М. Иссерлеса и др.

Поэтому-то и Шауль Валь представляется народной легендѣ не въ видѣ откупщика или арендатора, а какъ идеаль учености и благочестія, кротости и смиренія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи народная версія знать не хочетъ семейныхъ преданій потомковъ Шауля.

Подобно тому, какъ первый царь израильскій Шауль изъ

¹ Hist. Polskiej. Książ dwanascie. Wrsz. 1880, st. 301.

колѣна Иудина указанъ былъ Господомъ народу израильскому для его блага и въ вознагражденіе благочестія Шауля,—такъ точно ученый и благочестивый Шауль Юдичъ изъ Бреста, потомокъ Давидовъ, былъ избранъ въ короли по невидимому указанію Господню для блага народа израильскаго въ Литвѣ и Польшѣ.

Наградю благочестія является царская корона!

Подтверждая этимъ фактомъ высокое значеніе учестности и благочестія, легенда въ то же время оправдывала и фамилію Шауля Юдича—*Валь* (Wahl)—избранный¹.

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятныя причины появленія легенды о Шаулѣ Валь.

Если наше объясненіе покажется натянутымъ, а легенда— простымъ плодомъ глубокаго невѣжества, достойнымъ XVI в., но никакъ невозможнымъ въ нашъ просвѣщенный XIX в., то мы позволимъ себѣ привести, для сравненія, образчикъ легенды, сложившейся какой нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ и не въ темномъ уголкѣ старой Литвы, а въ одномъ изъ европейскихкихъ государствъ, наиболѣе гордящихся шириною народнаго образованія.

«Въ 1875 г., по ходатайству германскаго антропологическаго общества, предписано было учителямъ народныхъ школъ сдѣлать отиѣтки относительно цвѣта кожи, волосъ и глазъ обучающихся дѣтей, съ тою, вѣроятно, цѣлью, чтобы на основаніи полученныхъ свѣдѣній вывести заключеніе объ этнографическомъ происхожденіи населенія.

«Вслѣдъ за этимъ въ округахъ: Данцигскомъ, Торнекомъ, Кульскомъ, а затѣмъ и во всей Повнанской провинціи, стали распространяться, сперва между крестьянами, а затѣмъ и въ городахъ, самые невѣроятные слухи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

¹ Подобное истолкованіе фамиліи Шауля Юдича совершенно естественно: для конца XVII в., когда русскіе евреи совершенно растаяли въ волнахъ германскаго еврейства. Между тѣмъ, не подлежатъ сомнѣнію, что любой брестскій еврей въ концѣ XVI в. прочелъ бы фамилію Шауля Юдича „Валъ“ не Валь, а „Волохъ“, т. е. „итальянецъ“, что и было бы справедливо, такъ какъ Шауль былъ родомъ изъ Падуи. (Этимъ замѣчаніемъ мы обязаны одному изъ потомковъ Шауля, г. М., студенту петербургскаго унив.).

дѣло дошло частью до прискорбныхъ, частью до комическихъ происшествій: между родителями распространилась безумная паника, какъ будто ихъ дѣтямъ угрожаетъ какое-то необыкновенное бѣдствіе. Одни перестали посылать дѣтей въ школы, другіе брали ихъ неожиданно, массами, изъ школъ, со слезами и криками, обвиняя учителей, какъ соучастниковъ въ какой-то извѣнчѣ, и т. под.».

«Объясненіемъ этому необыкновенному волненію послужила, вскорѣ сдѣлавшаяся извѣстною, слѣдующая легенда»:

«Прускій король, — такъ рассказывали въ окрестностяхъ Торна и Кульма, — проигралъ въ карты турецкому султану 10,000 дѣтей, и султанъ послалъ теперь за ними негровъ, которые и хватаютъ дѣтей при возвращеніи ихъ изъ школъ домой; учителя же помогаютъ этой ловлѣ, такъ какъ за каждаго выданнаго ребенка они получаютъ по 5 талеровъ».

«Газеты завалены были со всѣхъ сторонъ корреспонденціями съ различными вариантами этой легенды».

«Въ самомъ же городѣ Познани дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ, такъ какъ жители приняли трупну акробатовъ, негровъ и арабовъ, пріѣхавшихъ для представленій въ народномъ саду, за посланныхъ турецкаго султана».

«Эпизодъ этотъ, — говоритъ извѣстный специалистъ В. Шварцъ, — не только любопытенъ... но имѣетъ важный общественный интересъ, такъ какъ напоминаетъ образованному обществу, какого рода наумительныя представленія еще понынѣ господствуютъ въ ограниченномъ горизонтѣ... низшихъ общественныхъ классовъ и какого рода внезапныя движенія могутъ возникнуть въ этой средѣ, въ особенности же среди легко увлекающихся жевщинъ»¹.

Если мы сравнимъ только что приведенную легенду со сказаніемъ о Шаулѣ Валь, то не подлежитъ сомнѣнію, что преимущество и большей трезвости и цѣнности, въ качествѣ историческаго матеріала, находится несомнѣнно на сторонѣ легенды XVII в.

¹ Dr. W. Schwartz. Prähistorisch-anthropologische Studien. Berl. 1884 г., 306—316, XVII. Die neueste, durch die anthropologische Gesellschaft veranlasste Sagenbildung.

Между тѣмъ какъ историкъ для легенды о проигрывшій дѣтой прусскимъ королемъ турецкому султану, приходится искать подходящихъ фактовъ, по крайности идти за это, въ продажѣ, напр., нѣмецкими фюрстами солдатъ англичанамъ, или въ продажѣ, залогѣ, мѣшѣ и т. д. этими же фюрстами населенныхъ помѣстій и даже частей государствъ, — легенда о Шаулѣ Валѣ представляетъ въ высшей степени любознательный историческій памятникъ, такъ какъ не только общія основы положенія евреевъ въ Польшо-Литовскомъ государствѣ доказанныхъ войнъ очерчены совершенно правильно, но даже самыя ничтожныя детали подтверждаются несомнѣнными историческими памятниками конца XVI и начала XVII в.

Наказаніе за убійство еврея какъ за убійство шляхтича, кова и не установлено Шаулемъ Валемъ, но, перекладъ изъ одной льготной грамоты въ другую, получаетъ наконецъ легальную санкцію, входитъ въ общео-литовскій сводъ законовъ т. е. въ Третій Литовскій Статутъ, несомнѣнно во времена Валя, т. е. въ 1588 г.

Право безпречаственнаго занятія ремеслами и торговлею, дарованное гродненскимъ евреямъ грамотою Витовта, отъ 1389 г., и подтвержденное за тѣмъ королемъ Александромъ и Сигизмундомъ, получаетъ характеръ не подлежащаго сомнѣнію права, благодаря судебному рѣшенію короля Стефана Баторія отъ 1582 г.

Неподсудность евреевъ по еврейскимъ дѣламъ христіанскому суду утверждена окончательнo грамотою, исходящею отъ Шауля Валемъ.

Если во времена Шауля и не существовало еще ограниченный относительно наружнаго вида синагогъ, то все же не подлежитъ сомнѣнію, что, вѣроятно, при его еще жизни, въ началѣ XVII в., брестская синагога была значительно поднята надъ остальными зданіями.

Не Шаулъ, конечно, издалъ законъ, въ силу котораго евреи получили право арендовать на многіе годы цѣлые города и фольварки, — такого закона мы напрасно искали бы среди литовскихъ или же польскихъ законовъ, — но не подлежитъ сомнѣнію, что

начало взысканія евреевъ арендами шляхетскихъ имѣній относится ко временамъ Шауля Валя, т. е. къ концу XVI в.

Ранѣе того, съ стародавнихъ временъ, начиная съ Витовта, евреи занимались въ Литвѣ откупамъ таможенныхъ и внутреннихъ заставныхъ государственныхъ пошлинъ. Жалобы на откупщиковъ-евреевъ были однимъ изъ мотивовъ изгнанія евреевъ изъ Литвы при в. князѣ Александрѣ Ягеллонѣ въ 1496 г., какъ мы старались доказать это на основаніи открытыхъ нами документовъ ¹, и что вполне подтверждается хрониками XVI в.; такъ, напр., Ганзейская хроника Бернта Пртегманна выражается объ этомъ такъ:

«Александръ, сынъ Казимира, былъ выбранъ, по смерти своего отца, въ в. князья литовскіе... Онъ приказалъ изгнать изъ своего государства евреевъ, которые были откупщиками таможенныхъ пошлинъ; вмѣсто нихъ онъ назначалъ откупщиками христіанъ и между прочимъ нѣмцевъ; они оказались, однако, еще хуже евреевъ, такъ какъ ввели неслыханные до того обманы на вѣсѣ и на пошлинахъ» ².

По возвращеніи въ Литву, евреи до второй половины XVI в. продолжаютъ заниматься частью откупамъ таможенныхъ государственныхъ пошлинъ, частью торговлею, ремеслами, отдачею денегъ на проценты, наконецъ, обработкою земли. Если и встрѣчаются евреи, распоряжающіеся чужою землею, то не иначе какъ самыми ничтожными клочками и притомъ въ видѣ процентовъ за деньги, ссуженныя подъ залогъ земли.

Съ Люблинской уніи картина совершенно измѣняется: въ концѣ XVI в. не только на богатой Украинѣ, но и въ бѣдной Литвѣ появляются крупныя арендаторы-евреи, располагающіе сотнями

¹ Литовскіе евреи, СПб., 1883, глава II: «Первый еврейскій погромъ въ Литвѣ».

² S.riptores rerum Prussicarum, T. V, p. 498 — 499, Hansatische Chronik, написанная около 1521 г. Приведемъ соответствующее мѣсто въ подлинникъ: «Alexander Konig Kazymirus son... nach seynes Vaters toda wart grosfurste gekoren in Littawen... dy juden lis her aus dem lande vortreyben, dy waren czolners; her seitze cresten czolner auch Dewtsche, dy waren vele arger wen dy juden; dy brachten auf wage, czolle, newge funde».

тысячъ рублей, на наши деньги, и снимающіе огромныя имѣнія на долгіе сроки.

Причиною такого явленія было не изданіе какого либо спеціальнаго закона, а измѣненіе общественныхъ отношеній въ Литвѣ, такъ:

во 1) огромная масса литовскихъ помѣщиковъ, благодаря Люблинской уніи, перешла изъ разряда помѣщиковъ въ разрядъ вотчинниковъ, т. е. изъ условныхъ владѣльцевъ землями в. князя стала полными ихъ собственниками. Громадное различіе этихъ двухъ видовъ владѣнія землею заключалось не столько въ правѣ распоряженія, сколько въ различіи отношеній помѣщика и вотчинника къ населенію, сидѣвшему на его земляхъ.

Въ то время какъ помѣщикъ принужденъ былъ ограничиваться старинными податями и данями крестьянъ, не имѣя права увеличивать этихъ тягостей, подъ опасеніемъ ответственности по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ—крестьянъ, въ то время какъ право суда и наказанія жителей помѣстій принадлежало великокняжескимъ судьямъ, — вотчинникъ былъ полнымъ господиномъ всего *вотчиннаго* населенія (за исключеніемъ свободныхъ людей, похожихъ крестьянъ и т. п.) съ правомъ суда и наложенія штрафовъ по своему собственному усмотрѣнію.

Во 2) до Люблинской уніи право постройки богослужебныхъ зданій всѣхъ вѣроисповѣданій, право открытія торговъ, ярмарокъ, устройства населеній на нѣмецкомъ правѣ, право приготовленія и продажи крѣпкихъ напитковъ, установленія мостовыхъ и заставныхъ пошлинъ—принадлежало только одному в. князю,—съ Люблинской же уніи всякій вотчинникъ получилъ въ свое распоряженіе пользование всѣми этими правами въ предѣлахъ своей вотчины.

Въ 3) до Люблинской уніи всѣ незаселенныя, не разработанныя земли, лежавшія внѣ старинныхъ границъ данныхъ вотчинъ, принадлежали в. князю, распоряжавшемуся этими землями по своему усмотрѣнію, или же поручавшему раздачу и вообще утилизированіе этихъ земель усмотрѣнію мѣстныхъ чиновниковъ. Съ Люблинской уніи эти земли частью захватываются мѣстною шляхтою, такъ какъ надзоръ за в.-княжескимъ

имуществомъ въ мѣстности почти исчезаетъ; частью раздаются семейными конституціями различнымъ магнатамъ.

Благодаря этимъ условіямъ, къ концу XVI в. однимъ изъ самыхъ выгодныхъ занятій, какъ въ самой Литвѣ, такъ, въ особенности, въ богатѣйшихъ отъ природы земляхъ Подолии и Украины, по старому причисляемыхъ народомъ къ Литвѣ, сдѣлалась аренда населенныхъ мѣстностей.

Привлекательнѣйшую сторону такихъ арендъ составляли не столько продукты земледѣлія и животноводства, сколько право взысканія съ населенія разнообразныхъ поборовъ: и прямо, и косвенно, благодаря праву арендатора устраивать въ имѣніи монопольную продажу не только напитковъ, но и всѣхъ вообще товаровъ.

Повышеніе податныхъ обязанностей населенія происходило постепенно, не встрѣчая, на первыхъ порахъ, энергичнаго протеста со стороны крестьянъ, такъ какъ арендаторы не были принуждены конкуренціею къ непопулярнымъ платежамъ, а крестьяне, благодаря вѣковымъ благоприятнымъ условіямъ, т. е. определенной высотѣ податей, были довольно зажиточны, не смотря на хроническіе неурожаи, постоянныя войны, нападенія татаръ, эпидемическія болѣзни. Такъ, напр., въ 1547 г. крѣпостные крестьяне, «тянувшіе» къ Воронскому двору, имѣютъ, за ничтожными исключеніями, и лошадей, и рогатый скотъ¹. Въ другомъ имѣніи, въ 1540 г., мы встрѣчаемъ у одного крестьянина 3 коровы съ телятами, быка, 14 овецъ, маленький запасъ денегъ прочерный день (около 60 нашихъ рублей); у другого крестьянина имѣется шесть рубахъ, а у его жены 7 годовныхъ уборовъ и т. п.; у третьяго описываются скатерти, перины и т. п. Мало того, крѣпостные крестьяне, въ свою очередь, владѣютъ крѣпостными же людьми².

Замѣтимъ, что мы привели примѣры изъ бѣдной Литвы, и притомъ примѣры зажиточности самаго низшаго разряда крестьянъ.

¹ Метр. Литовская. Книга «Судныхъ дѣлъ» № 10, листъ 111.

² Ibidem, Судныхъ дѣлъ № 6, «человѣкъ Государскій Олексій Матвѣвичъ заложилъ боярину Государскому Нк. Яновичу человека» своего Петра у 5 копяхъ грошей».

внѣ, а именно «людей пашель»; крестьяне же, занимавшие какую либо дашность, т. е. принадлежавшие къ высшимъ разрядамъ крупнотныхъ, бывали гораздо зажиточнѣе, какъ, напр., «нутные» бояре, тивуны (приказники), врудники (мельники) и т. д. Вотъ, напр., бояринъ Одоевскъ, служившій помѣщику Кларботкичу, оставилъ своей жевѣ 3 воловь, 4 коровы, 3 подтока, 30 свиней, 40 овецъ, 40 ульевъ пчель, 140 бочекъ жита, 70 бочекъ овса и т. д. вмѣстѣ съ приличною домашнею обстановкой; или *тивуна* Варненскій Баршеть, наприимѣръ: у него 8 кони, 4 вола, 4 коровы; а у *мельника* имѣются 3 серкати, 2 козула, у жевы его шуба, крытая сукномъ, шалеа подобная лисцама и т. д., движимости на наши деньги на 1,200 рублей¹.

Когда въ силу Люблинской уни помѣщики стали вотчинниками, съ неограниченными правами надъ своими крестьянами, то само собою понятно, какого рода соблавъ представлялся для всякаго значительнаго вотчинника, покинуть скучное сельское уединеніе и хлопотливую возню съ хозяйственными мелочами, переселиться въ близъ лежащій городъ для занятія высшею политикой и для вкушенія благи цивилизаціи, доставляемыхъ для шляхты изъ за-границы безданно и безноплинно. Однако, для этого сладкаго препровожденія времени нужны были деньги, а единственнымъ занятіемъ, приличнымъ для шляхтича, уше со Второго Литовскаго статута (1566), считается только занятіе земледѣліемъ: лично, по примѣру древнихъ римлянъ, или же, въ болѣе приятной формѣ—черезъ арендаторовъ... Нечего и говорить, что шляхта не особенно торопилась подражать Цинцинату.

Одновременно съ такимъ поворотомъ въ жизни литовской шляхты появляются изъ-за польской границы многочисленные переселенцы-евреи, частью изъ Польши, частью изъ Богеміи и

¹ Метр. Литовская. «Судныхъ дѣлъ» № 25, отъ 1550 г. мая 24. — Другой мельникъ, имущество котораго было также исчислено въ этомъ документѣ, имѣлъ движимости на 1,800 руб. Въ числѣ его вещей были между прочимъ скрутку изъ лонскаго бархата съ серебряными пуговицами, шелковій кафтанъ, панталоны изъ дорогаго сукна и т. д. — Не слѣдуетъ забывать, что матерія въ тѣ времена были страшно дорога, напр. аршинъ заграничнаго сукна 12 рублей, аршинъ шелковой матеріи 20 руб. на наши деньги и т. д.

Германи. Въ короткое время отъ стариннаго русскаго еврейства не остается и воспоминанія.

Снабженные значительными капиталами и опытные въ дѣлѣ извлеченія доходовъ, пришельцы берутъ въ аренду чуть-ли не всю Украину и значительную часть Литвы.

Такимъ образомъ, безъ всякаго спеціальнаго закона, а совершенно естественнымъ путемъ евреи становятся изъ слугъ государства слугами поземельной аристократіи и бросаются эксплуатировать тѣ имущественныя силы населенія, которыя были накоплены вѣками.

Богатства евреевъ быстро растутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ширится ученость и благочестіе, такъ наивно описанныя авторомъ Яванъ-Мецула, а Польша и Литва становятся талмудическими свѣточами для всѣхъ европейскіхъ евреевъ.

Эти событія происходятъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв., во времена Шауля Валя, такъ что и здѣсь легенда ни на волосъ не ошибается во времени.

Быть можетъ, во всемъ сказаніи однимъ изъ наименѣе вѣроятныхъ эпизодовъ слѣдовало бы считать разговоръ о дружественныхъ отношеніяхъ Шауля къ Радзивиллу: такъ, напр., на свадьбу Шауля является не только самъ Радзивиллъ, но и множество иныхъ польскіхъ и литовскіхъ магнатовъ.

Дѣйствительно, судя по XVIII или XIX вв., подобнаго рода отношенія не вѣроятны: для польскаго пана всякій еврей былъ прежде всего невѣрнымъ жидомъ. Услугами его панъ, пожалуй, не прочь былъ воспользоваться, но водить съ нимъ компанію—никогда!

Однако, совсѣмъ иные отношенія были между шляхтою и евреями въ XVI в.

Отсылая желающихъ болѣе подробно познакомиться съ этимъ предметомъ къ нашей книгѣ «Литовскіе евреи», мы приведемъ здѣсь, на выдержку, нѣсколько новыхъ, недавно открытыхъ нами фактовъ:

Въ 1519 г., января 4, Янъ Яновичъ Заберезинскій, воевода Новгородскій, державца Марковскій и Довкговскій, членъ государственнаго совѣта в. княжества Литовскаго, даетъ обязательство «пану» Айзаку, Михелеву брату, брестскому еврею,

что онъ умѣялъ «*ею милости*» занять ивъ 20 копъ грошей въ назначенный срокъ. Будучи, затѣмъ, маршалкомъ земскимъ, слѣдовательно, занимая одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей, этотъ же Я. Я. Заберезинскій по вѣчному называетъ Айзака «*паномъ*», т. е. придаетъ ему тотъ титулъ, которыми пользовались только знатнѣйшіе изъ членовъ литовской шляхты ¹.

Вдова М. Юр. Заберезинскаго, маршалка посполдарскаго, въ своихъ письмахъ къ Айзаку Езофовичу точно также называетъ его паномъ ².

Въ 20 годахъ XVI ст. мы видимъ, что знатный панъ Янъ Довойновичъ, владѣлецъ мѣстечка Индуры, родственникъ воеводы Полоцкаго Ст. Ст. Довойновича, приглашаетъ къ себѣ на вечеръ вмѣстѣ съ католическимъ ксендзомъ и еврея Ковельскаго. Приглашенный еврей не только раздѣляетъ съ гостями круговую чашу («тамъ самъ потпилъ», говоритъ онъ), не принимаетъ дѣятельное участіе и въ другихъ забавахъ гостей, такъ какъ ссорится съ ксендзомъ, наноситъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ, и тутъ же, на пиру, и примиряется съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, запивая дружески мировую ³.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ историческіе факты, приводимые въ легендѣ, оказываются по существу своему совершенно вѣрными и приуроченными къ надлежащему времени.

Поэтому намъ кажется, что сказаніемъ о Шаулѣ Валѣ можно пользоваться, при извѣстной осторожности, съ такимъ же правомъ, съ какимъ, напр., историкъ пользуется «Похвалою о великомъ князѣ Витовтѣ», помѣщенной въ извѣстной «Лѣтописи великихъ князей Литовскихъ».

¹ Метр. Литов., «*Судныхъ дѣлъ*» № VII, f. 211—211(в). А Заберезинскій былъ не только персоною, но и богачомъ, такъ какъ имѣлъ не менѣе 15,000 крестьянъ см. М. Л. *Публ. дѣлъ*, № I, f. 1(в).

² Ibid. 10, f. 210 (в).

³ «и чествовалъ, и досытъ еси вчинилъ». Ibid. «*Судныхъ дѣлъ*» № III, f. 118. Занемалъ-ли хозяинъ пира Янъ Довойновичъ какую либо земскую должность мы не знаемъ, но что онъ былъ богатымъ землевладѣльцемъ, это видно изъ того, что въ 1529 г. Станиславъ (Яновичъ?) Довойновичъ ставилъ со своихъ имѣній 31 тяжелооруженнаго всадника, т. е. владѣлъ около 2,500 душъ крестьянъ.

Понятно, что историкъ не станеть заниматься провѣркою такихъ словъ «Похвалы», какъ, напр.: «...И посла (Витовтъ) послы своя королю Оугорскому, зовемому Цезарю Римскому, и повеле ему быти къ себе. Онъ же (цезарь!!) *безъ всякаго ослушанія*, оускоре приедеть къ нему и своею королицею»; но когда онъ встрѣтитъ въ этой же «Похвалѣ» рядъ свѣдѣній о коронаціи Витовта, объ отношеніяхъ Витовта къ крымскимъ татарамъ, къ различнымъ крупнымъ и мелкимъ русскимъ князьямъ и т. под., о чемъ имѣются лишь весьма смутныя свѣдѣнія, то естественно, что надъ показаніями лѣтописца приходится останавливаться, они—цѣнный матеріалъ для науки. Вѣдь и свѣдѣнія объ отношеніяхъ Витовта къ германскому императору только освѣщены неправильно, по существу же своему совершенно вѣрны; отношенія эти существовали, и на Луцкомъ съѣздѣ императоръ дѣйствительно блисталъ среди другихъ коронованныхъ особъ.

Увлечение лѣтописца славою Витовта не мѣшаетъ, однако, истинности сообщаемыхъ имъ фактовъ.

Подобно этому и легенда о Шаулѣ Валѣ выражаетъ лишь въ краскахъ и образахъ реальные историческіе факты.

Шаулъ Валъ—это лишь опорный пунктъ, вокругъ котораго группируются опредѣленія литовскаго права о евреяхъ.

Реально—Шаулъ Валъ не былъ ни коронованъ, ни возведенъ на польскій престолъ, но, въ переносномъ смыслѣ, избраніе Сигизмунда III на польскій престолъ было избраніемъ Шауля Валя.

Съ точки зрѣнія легенды, Шаулъ Валъ даруетъ евреямъ права, которыя даютъ имъ возможность жить счастливо, т. е. не нуждаться матеріально и удѣлять досугъ дѣламъ благочестія, молитвы и талмудической науки.

Въ дѣйствительности же восшествіе короля Сигизмунда III на польскій престолъ даетъ польскимъ и литовскимъ евреямъ именно все то, что по легендѣ получено ими отъ короля Шауля Валя.

С. А. Бершадскій.

БИБЛЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.

(Изъ книги Притчей Соломоновыхъ, гл. 7, ст. 6—24).

„Однажды сквозь рѣшетку
Въ окошко я смотрѣлъ;
И вотъ склонилось солнце,
И день завечерѣлъ.

И, вздрогнувъ, я увидѣлъ,
Сквозь дычатую мглу,
Какъ появился кто-то
За дежомъ на углу

И, миновавши площадь,
Приблизился ко мнѣ...
То—юноша безумный
Спѣшилъ къ чужой женѣ.

И вотъ, къ нему навстрѣчу
Выходитъ и она,—
Нарядна, какъ блудница,
Коварна, какъ волна.

Шумливо и безстыдно
 Прохожимъ строя ковъ,
 Она имъ расточаетъ
 Соблазны лъстивыхъ словъ—

На каждомъ перекресткѣ,
 У каждаго угла...
 И вотъ она безумца
 Притворно обняла,

И страстно цѣловала
 Въ пурпурныя уста,
 И нѣжно говорила:
 — „Сегодня я чиста,

Обѣтъ о мирной жертвѣ
 Исполненъ свято мной,—
 И вышла я навстрѣчу
 Къ тебѣ, мой дорогой!...

Въ разлукѣ я томилась,
 Страдая и скорбя;
 Постель мою коврами
 Убрала для тебя,

Египетскія твани
 Постлала на ковры...
 Какъ нѣжны ихъ узоры,
 Какъ ярки и пестры!

Я надушила спальню:

Она, какъ вешній садъ,

Вся—нѣга и лобзанье,

Любовь и аромат...

Алоэ и корица,

И смирна льютъ вокругъ

Волну благоуханій...

Туда, мой нѣжный другъ,

Приди туда скорѣ!

Я жду тебя, пора!

И снова мы усьемся

Блаженствомъ до утра...

Мой мужъ до полнолуныя

Пробудеть вдалекѣ:

Съ нимъ серебра немало

Въ дорожномъ кошелкѣ"...

И льется рѣчь блудницы

Все мягче, все нѣжнѣй,—

И юноша послушно

Послѣдовалъ за ней.

Такъ воля идетъ могучій

Покорно на убой,

И такъ олень подходитъ

На выстрѣлъ роковой,—

И вотъ стрѣлою въ печень
Разять его стрѣлки...
Такъ птицъ безпечныхъ губять
Коварные силки“.

Константинъ Льдовъ.

ХОРОШІЙ РОМАНЪ.

Въ книжкахъ «Недѣли» въ прошломъ году печатался нынѣ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ романъ подъ названіемъ «Во время оно» *. Авторъ его—Льюисъ Уоллесъ, бывшій посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Константинополь. Давая русскій переводъ англійскаго произведенія, редакция «Недѣли» сочла нужнымъ предупредить свою публику, что произведеніе это «полно поразительно яркихъ, мастерски написанныхъ сценъ» и что всюду въ Европѣ оно имѣетъ «колоссальный успѣхъ».

Поразительно яркія сцены — это гипербола. Уоллесъ человѣкъ несомнѣнно талантливый. Онъ пишетъ легкою и не лишненною выразительности кистью. Онъ любитъ широкія полотна и блестящія декорации. У него богатая и подвижная фантазія, искусная въ замысленіи эффектныхъ обстановокъ. Онъ великодушнѣе одѣваетъ своихъ героевъ и любитъ ихъ «внѣшностью», какъ истый знатокъ своего дѣла. Не даромъ же онъ семь лѣтъ употребилъ на собраніе «историческихъ» матеріаловъ и вообще

* Мы слыхали русскій переводъ романа Уоллеса съ оригиналомъ. Оказывается, что редакция «Недѣли» дала русской публикѣ иностранное произведеніе съ значительными купюрами и во многихъ мѣстахъ въ довольно вольномъ пересказѣ «собственными словами». Въ самомъ началѣ романа редакция сдѣлала значительный пропускъ цѣлыхъ пяти главъ; есть болѣе или менѣе значительные пропуски и въ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ признать, что и въ настоящемъ, такъ сказать, *сокращенномъ* видѣ романъ Уоллеса обладаетъ всеми типическими качествами подлинника и если потерпѣлъ въ чемъ либо, то развѣ только въ отдѣльныхъ подробностяхъ, серьезнаго значенія не имѣющихъ. Не понимаемъ только, почему переводчикъ считъ нужнымъ измѣнить названіе романа «Бенъ-Гуръ» въ ничего незначащее «Во время оно»?

А. В.

на подготовку своего произведенія. Но до истинно «яркихъ» картинъ Уоллесу все-таки далеко. Авторъ «Во время оно» лишь, что называется, драматической жилки. Онъ не сгущаетъ своихъ красокъ, гдѣ это нужно, и слишкомъ цвѣтистъ, крикливъ тамъ, гдѣ по обстоятельствамъ времени и мѣста всего приличнѣе былъ бы тонъ спокойный и вразумительный. Сѣверо-американскій романистъ сумѣлъ *избрать* для своего романа сюжетъ чрезвычайно драматическій и глубокий, но онъ едва-ли сумѣлъ стать хоть сколько нибудь выше его. Психологическій талантъ Уоллеса не великъ,—конечно, поскольку о немъ можно судить по настоящему произведенію.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать вотъ чего. «Во время оно»—романъ историческій, романъ изъ отдаленнѣйшей и запутаннѣйшей жизни. Автору приходилось изучать своихъ героевъ въ темнѣйшей исторической перспективѣ. Дѣйствующія лица романа—современники Христа. Всѣ они, такъ или иначе, поставлены на одну и ту же линію, тяготящую къ Голгофѣ. Безсознательно или сознательно, они готовятъ развязку двумъ великимъ классическимъ исторіямъ—исторіи гордаго и деспотическаго Рима и исторіи несчастной Іудей, нѣкогда вольнолюбивой и могущественной. Тутъ мало быть психологомъ, знатокомъ человѣческаго сердца вообще. Тутъ нужно сообразить сложнѣйшія обстоятельства и распутать одну изъ труднѣйшихъ комбинацій. Извольте-ка теперь выматывать въ одиночку нити, на тысячу ладовъ запутанныя и перепутанныя въ одномъ небольшомъ, сравнительно, клубкѣ.

Такая задача очень часто не по силамъ даже и настоящимъ, великимъ дарованіямъ, а Уоллесъ только *хорошій*, интересный романистъ—ни больше, ни меньше. Такимъ мы его и рекомендуемъ нашимъ читателямъ.

Какъ мы уже сказали, дѣйствіе романа происходитъ въ началѣ новой эры. Его арена раздвинута отъ центра Палестины до Рима. Герои его—подданные великой Римской имперіи, самыхъ разнообразныхъ національностей и классовъ. Предъ нами картина общественной и политической жизни Іудей наканунѣ ея полного уничтоженія и разграбленія. Римъ, уже подчинившій своей власти всѣ страны древняго міра, тоже

обнаруживаетъ зловѣщіе признаки—въ немъ не перевелись еще герои стараго республиканскаго заката, но что они значать въ той широкой волнѣ распущенности, цинизма и безвѣрія, которая охватила всѣ его классы и проникла во всѣ его окраины? Провинціи, еще не романизованныя окончательно, раздираются борьбою партій. Кто тянетъ къ Риму, кто ежеминутно готовъ возстать на защиту родныхъ, національныхъ интересовъ. На всемъ огромномъ протяженіи Римской имперіи происходитъ какое-то глухое, но всеобщее броженіе. Народы теряютъ вѣру въ своихъ боговъ, не сумѣвшихъ защитить ихъ отъ жестокихъ почитателей Марса и лучшіе умы среди нихъ ищутъ новыхъ символовъ вѣры и жизненныхъ принциповъ. На знойную почву Египта падаютъ сѣмена греческой философіи и религіи Зороастра, увлекаая людей, извѣрившихся въ прежніе кумиры, къ совершенно новымъ, мистическимъ идеямъ. Только Палестина еще вѣрна своему Богу и, притѣняемая римскими правителями, грезитъ местию и возстаньемъ. Дѣйствительно, римляне не падая самыхъ священныхъ чувствъ еврейскаго народа.

Уже болѣе 80 лѣтъ, какъ Іудея—римская провинція, присоединенная къ сирійской префектурѣ. Въмѣсто царя, правящаго страной изъ Иродова дворца на Сіонской горѣ, Іерусалимъ подпалъ подъ власть второстепеннаго правителя—прокуратора, сносящагося съ метрополіею черезъ сирійскаго легата, живущаго въ Антиохіи. Этого мало. Чтобы сильнѣе уязвить чувство побѣжденнаго народа, прокуратору запрещено было жить въ Іерусалимѣ, и правительственная резиденція переносится въ Цезарею, а Самарія, ничтожная, презираемая Самарія, какъ бы въ насмѣшку, приобщается къ Іудеѣ. Жизнь гражданъ въ рукахъ прокуратора; правосудіе отправляется именемъ Рима и согласно его декретамъ. Правда, во дворцѣ Ирода живетъ и іерусалимскій первосвященникъ, но тутъ же бокъ-о-бокъ съ нимъ процвѣтаетъ и имперскій сборщикъ податей, располагая большимъ штатомъ чиновниковъ и лазутчиковъ. Патриотамъ оставалось одно только утѣшеніе: номинальнымъ правителемъ во дворцѣ былъ еврей. «И жили, такимъ образомъ, Іудеи надеждами, терпя и покоряясь, въ ожиданіи обѣщаннаго

Мессія, который долженъ былъ сдѣлаться царемъ Израиля». Въ теченіи болѣе 80 лѣтъ римскіе цезари имѣли, конечно, достаточно времени изучить характеръ іудейскаго народа, готово жертвовать всѣмъ, кромѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій. Первые прокураторы понимали это и великодушно отстранялись отъ этой стороны еврейской жизни. Но со вступленіемъ въ должность прокуратора Валерія Грата положеніе вещей намѣнилось сразу и круто. Почти первымъ дѣломъ его было смѣщеніе первосвященника Анны, челоуѣка, хотя и принадлежавшаго къ аристократической партіи, но умѣвшаго, въ глухой и напряженной борьбѣ, поддерживать сравнительное спокойствіе въ своемъ народѣ. Оскорбленный первосвященникъ немедленно же взялъ на себя руководство партіей сепаратистовъ, — и вотъ, спустя мѣсяць послѣ назначенія новаго первосвященника, римляне уже должны были педумать о болѣе серьезныхъ мѣрахъ противъ Палестины. «Гарнизонъ Антонійской башни былъ усиленъ цѣлой когортой римскихъ легионеровъ и узы побѣжденнаго народа были скрѣплены еще тѣснѣе».

Начало разсказа совпадаетъ съ назначеніемъ Валерія Грата. Въ это именно время, наканунѣ пріѣзда намѣстника, авторъ выводитъ передъ нами своего героя—Бенъ-Гура, представителя древняго рода Гуровъ изъ колѣна Іуды. Молодой Бенъ-Гуръ выросъ подъ впечатлѣніемъ униженій, градомъ сыпавшихся на его страну, и съ ранней юности въ немъ уже тлѣетъ искра негодованія и патриотизма. Послѣ пятилѣтней разлуки, онъ сходитса съ другомъ дѣтства—молодымъ римскимъ аристократомъ Мессалой, сыномъ сборщика податей въ Іерусалимѣ. Мессала настоящій римлянинъ временъ упадка,—это дерзкій красавецъ, бравирующій безвѣріемъ и развратомъ, холодный, насмѣшливый и заносчивый. Въ первыя же минуты свиданія онъ оскорбляетъ Бенъ-Гура во всѣхъ его лучшихъ чувствахъ. «Клянусь пьянымъ сыномъ Семелы, ты истый еврей! говоритъ онъ. Все намѣняется, люди и вещи, даже небо и земля; еврей же никогда. Онъ не двигается ни взадъ, ни впередъ. Онъ вѣчно такой, какими были его предки съ самаго начала. Вотъ, гляди, я описываю кругъ на песнѣ; скажи, развѣ не такова же жизнь еврея? Все кругомъ, все кругомъ! Здѣсь Авраамъ, тутъ Исаакъ,

тамъ Яковъ, а въ серединѣ Богъ... И атотъ кругъ еще слинкомъ широкъ... Вотъ здѣсь (Мессала уперся большимъ пальцемъ въ песокъ, а другимъ пальцемъ обвелъ вокругъ черту) въ серединѣ храмъ, а эта черта вокругъ—Иудея. За этимъ рубежомъ для еврея ничего не существуетъ. Искусства—Иродъ покровительствовалъ зодчеству, и за это его проклинали. Живопись, скульптура,—на нихъ и глядѣть-то грѣхъ. Поэзія вы прикрѣпили къ своимъ алтарямъ. Витійство, — оно у васъ запрятано въ синагогу. На войнѣ, — все завоеванное въ шесть дней вы теряете въ седьмой. Вотъ въ какихъ предѣлахъ вращается ваша жизнь. Ну, какъ же надъ вами не смѣяться? Что значить вашъ Богъ, довольствующійся такими поклонниками, передъ нашимъ Зевсомъ, орлы котораго разносятъ славу нашего оружія по всему міру? Гиллель, Симеонъ, Шамай, Абталіонъ, — что они значать передъ учителями, которые учатъ, что все слѣдуетъ знать, что доступно знанію?» Мессала воспитывался въ Римѣ и вынесъ отсюда твердое убѣжденіе, что на землѣ все-силенъ только Марсъ и что Эротъ уже прозрѣлъ. Мессала будетъ воиномъ. Міръ еще не весь завоеванъ. На морѣ есть еще не открытые острова, на дальнемъ сѣверѣ есть народы, еще невиданные римскими солдатами.

Мессала прошелъ школу римской софистики. Онъ понимаетъ, что воинскіе успѣхи сами по себѣ — вещь, не стоящая труда. Война хороша только тѣмъ, что она сулитъ жирную префектуру. «Подумай только, — жить въ Римѣ съ деньгами: круглый годъ вино, женщины, игра, поэты за столомъ, придворныя интриги... Жирная префектура даетъ средства на такую жизнь». Семнадцатилѣтній Бенъ-Гуръ еще слинкомъ юнъ и неопытенъ, чтобы побѣдить въ спорѣ Мессалу. Волнуясь, воамущаясь и чувствуя себя задѣтымъ въ интимнѣйшихъ своихъ привязанностяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не находитъ ничего возразить самоувѣренному римлянину. И что хуже всего: Мессала опирается на фактическую правду, ужасную, но неоспоримую. «Спроси кого хочешь: что такое Римъ? Тебѣ отвѣтять: вселенная. А Иудея?—раба Рима». Таковъ Мессала—отважный, дерзкій авантюристъ, съ молодыхъ ногтей появившій, что жизнь безъ женщинъ и вина недостойна умнаго чело-

вѣка. На жирной префектурѣ и на животныхъ наслажденіяхъ основано все его міросозерцаніе. Онъ воинственъ не изъ патриотизма, а по корыстолюбивымъ соображеніямъ.

Бенъ-Гуръ — еще сущій младенецъ. Огорошенный цинической откровенностью своего друга, онъ проводитъ остатокъ дня ничкомъ на диванѣ, положи голову на скрепченныя руки. Въ немъ сотрясено все его нравственное существо. «Скажи мнѣ, о, мать моя, — спрашиваетъ онъ черезъ нѣкоторое время послѣ разговора съ Мессалой, — скажи мнѣ чисто-сердечно, имѣютъ ли римляне какойнибудь основательный поводъ презирать насъ? Чѣмъ я ниже Мессалы? Чѣмъ народъ нашъ ниже его народа? Зачѣмъ мнѣ чувствовать рабскій трепетъ хотя бы передъ лицомъ самого цезаря? Скажи, развѣ не въ правѣ и я стремиться ко всякимъ почестямъ и достигать ихъ, развѣ что мнѣ дана душа? Развѣ не могу и я быть великимъ воиномъ, или поэтомъ, или ваятелемъ? Разрѣши мнѣ мое сомнѣніе: скажи, развѣ не можетъ сынъ Израиля дѣлать все то, что дѣлаютъ римлянинъ?» Умная женщина находитъ въ своей душѣ слова, разрушающія всѣ соображенія Мессалы и внушающія Бенъ-Гуру глубокую вѣру въ духовныя преимущества своего народа. «Эллины-ли первые отреклись отъ вѣры въ гребую силу? Нѣтъ, сынъ мой, эта честь принадлежитъ намъ, евреямъ. Мы первые замѣнили въ нашихъ молитвахъ вопль ужаса Осанной и псалмами». «Если бы даже римляне разбили Іудею какъ миндальный орѣхъ, и пожрали Іерусалимъ какъ сладкое зерно его, то и тогда слава сыновъ Израиля продолжала бы сіять, подобно свѣточу, на недоступной для рукъ ихъ высотѣ». Подъ вліяніемъ бесѣды съ матерью у Бенъ-Гура слагается твердое намѣреніе избрать карьеру воина. Онъ поѣдетъ въ Римъ, чтобы выучиться въ его легіонахъ военному искусству, въ которомъ такъ мало смыслила побѣжденная Іудея.

Утро слѣдующаго дня застаетъ Бенъ-Гура свѣжимъ, бодрымъ и готовымъ немедленно приступить къ выполнению своихъ плановъ. Въ обществѣ сестры своей, прелестной, поэтической Тирзы, онъ впервые для самого себя даетъ точное выраженіе своимъ надеждамъ. «Да, я буду сражаться за Римъ, — говоритъ онъ, — если взаимнѣ того онъ выучитъ меня сражаться

противъ него». Но не проходитъ и часу, какъ грубая случайность вторгается въ его жизнь и вноситъ въ нее горе и отчаяніе. Іуда и Тирза смотрятъ съ кровли своего дома на торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ римскаго прокуратора В. Грата. Народъ встрѣчаетъ облеченнаго властью чужеземца криками негодованія и презрѣнія. Лицо прокуратора сумрачно и грозно. Въ его взглядѣ свѣтится огонь такой ненависти и такого озлобленія, что менѣе смѣлые изъ народа содрогаются отъ ужаса. Торжественное шествіе приближается къ дому Гуровъ. Іуда, охваченный любопытствомъ, перегибается черезъ парапетъ кровли. Въ эту минуту одна изъ черепицъ ея отрывается ною его рукою и, соскользнувъ, падаетъ на голову Грата и сбиваетъ его съ лошади. Случайная неосторожность была принята за намѣренное покушеніе на жизнь намѣстника. Семья Бенъ-Гуровъ въ одно мгновеніе сдѣлалась жертвой мщенія раздраженнаго прокуратора. Іуда схваченъ былъ легіонерами и обреченъ на службу въ галерахъ, а мать и сестра его были брошены въ глухую, зараженную проказой камеру государственной тюрьмы. Большая же часть ихъ имущества была раздѣлена между намѣстникомъ и Мессалой, помогшимъ власти въ минуту смятенія отыскать виновника несчастія.

Таковъ трагическій прологъ романа. Прошло три года. Дѣйствіе переносится далеко за предѣлы Іудеи. Бенъ-Гуръ невольный каторжникъ на военной галерѣ, отплывающей отъ береговъ Неаполитанскаго залива, подъ начальствомъ Квинта Аррія. Три года одуряющей механической работы не убили въ немъ человѣка. Молодость и прирожденная крѣпость тѣлосложенія поддерживали его жизнь въ условіяхъ, которыя немногими выносятся дольше года. Благородная наружность, ловкость и сила работы, вмѣстѣ съ похвальными отзывами ближайшихъ надсмотрщиковъ, почти сразу же расположили Квинта Аррія въ пользу молодого каторжника-еврея. Судьбѣ угодно было, чтобы въ одной морской битвѣ Бенъ-Гуръ спасъ жизнь своего начальника. Квинтъ Аррій безпомощно бился въ волнахъ моря, когда съ опасностью для собственной жизни Іуда вытащилъ его къ себѣ на плотъ. Аррій, сомнѣваясь въ исходѣ боя, молитъ своего спасителя возвратитъ его смерти и

даетъ ему кольцо, по которому Гуръ можетъ сдѣлаться свободнымъ наследникомъ его безчисленныхъ богатствъ. Но Иуда бросаетъ кольцо въ воду. «Законъ мойкъ отцовъ, — говоритъ онъ, — не простилъ бы мнѣ такого поступка во всю мою жизнь. Возьми назадъ всё твои обѣщанія на случай спасенія. Приговоръ, пославшій меня на галеры сдѣлать меня пожизненнымъ рабомъ; но въ душѣ я не рабъ и не отступленникъ. Я сынъ Израиля и въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, могу располагать собой». Но счастливое стеченіе обстоятельствъ спасаетъ обоихъ изъ опаснаго положенія, и Аррій, въ награду за безкорыстіе и храбрость, усыновляетъ Бенъ-Гура.

Прошло еще пять лѣтъ. Бенъ-Гуръ провелъ все это время въ Римѣ, какъ формальный сынъ Аррія. Сообразно со своими прежними планами, онъ беретъ отъ Рима только то, что могло помочь ему въ борьбѣ за свой народъ, которому неизвѣстно принадлежать его жизнь, надежды и намѣренія. Онъ избралъ военное ремесло и приобрѣлъ всё знанія и качества, необходимыя солдату. Онъ сталъ извѣстенъ и въ палестрѣ, и въ циркѣ, и въ военномъ лагерѣ, и получилъ уже жемало триумфальныхъ вѣнковъ. По смерти своего благодѣтеля, Бенъ-Гуръ, унаследовавъ всё его богатства, покидаетъ Римъ, чтобы сопровождать консула Максентія въ предполагаемомъ походѣ противъ парянъ. Причисленный къ свитѣ консула, онъ ѣдетъ временно въ Антиохію, чтобы оттуда отправиться далѣе. Но уже вблизи сирійской столицы случайный разговоръ пассажировъ открываетъ передъ нимъ новую перспективу. Онъ узнаетъ, что Симонидъ, бывший рабъ его отца, завѣдывавшій всѣми его торговыми операціями, спасъ отъ хищничества прокуратора значительную часть состоянія и удачными оборотами достигъ въ настоящее время положенія перваго по богатству и значенію купца Востока. Симониду изломали и вывернули всё кости, но это не заставило его сознаться, что капиталъ, на который онъ повелъ свои дѣла, составляетъ часть конфискованнаго имущества семьи Гуровъ. Бенъ-Гуръ отправляется къ нему. Онъ застаётъ его въ скромномъ жилищѣ, въ обществѣ его единственной дочери — юной, нѣжной Эсфири. Его тѣло, изломанное пыткой, представляло какую-то безформенную массу. Но

надъ этой кучей сіяла почти царственная голова, «идеальный типъ головы государственнаго человѣка и завоевателя, съ широкимъ основаніемъ и куполообразнымъ збомъ». Сѣдые волосы обсыпали его бѣлый лобъ, придавая очень много выразительности глубокимъ, чернымъ глазамъ, горѣвшимъ мрачнымъ огнемъ. Бѣлаго взгляда достаточно было, чтобы убѣдиться, что этотъ человѣкъ могъ скорѣе поколебать весь міръ, чѣмъ дать кому бы то ни было поколебать себя. Пытки римлянъ не сломили его духа, но зажгли въ немъ ужасную ненависть и жажду мести. «Не говори мнѣ, что право возмездія принадлежитъ одному Богу,—говорить онъ своей дочери:—орудіями Его гнѣва, какъ и Его любви, бываютъ люди. Не Онъ ли далъ людямъ законъ, гласящій: «око за око, рука за руку, нога за ногу?» О, дочь моя, если бы ты знала, какъ я мечталъ о мести во всѣ эти года!»... Въ откровенной бесѣдѣ Іуда раскрываетъ передъ Симонидомъ всѣ свои завѣтныя мысли и свой планъ мести деспотическому Риму. Симонидъ не колеблется исполнить свои обязанности по отношенію къ сыну своего господина. Но мудрый старецъ еще не вполне довѣряетъ молодому человѣку и потому приставляетъ къ нему для наблюденій вѣрнаго слугу своего, Маллуха.

Въ ожиданіи, пока Симонидъ придетъ къ окончательному рѣшенію относительно находящихся въ его рукахъ имуществъ, Іуда отправляется осматривать восточный городъ. На ристалищѣ онъ видитъ въ числѣ состязующихся своего стараго врага Мессалу. Соперникъ Мессалы, не умѣя справиться съ огненной арабской четверней владѣтельнаго шейха Ильдерима, проигрываетъ партію. Страстное желаніе унижить во что бы то ни стало своего врага и тщеславное честолюбіе охватываютъ Бенъ-Гура. Онъ готовъ принять вызовъ Ильдерима, приглашающаго умѣлаго возницу для своихъ коней, и въ тотъ же вечеръ отправляется въ станъ шейха, расположенный въ принадлежащей ему рощѣ Пальмъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа Уоллесъ съ большимъ искусствомъ влетаетъ новую нить въ исторію Бенъ-Гура. Возвращаясь съ ристалища, Іуда встрѣчаетъ у Кастельскаго источника ѣдущихъ на верблюдѣ богатыхъ иностранцевъ — египтя-

нина Валтазара и прекрасную дочь его Иру. Въ немногихъ строкахъ сѣверо-американскій романистъ даетъ намъ отчетливые портреты отца и дочери. Они сидятъ на очень высокомъ, красивомъ верблюдѣ, съ большими, черными глазами, съ необыкновенно бѣлою, мягкой шерстью и съ гибкими, прямо ступающими лапами. У Валтазара худое, сморщенное лицо, съ кожей цвѣта муми, все прячется подъ огромнымъ тюрбаномъ. Ира, по восточному обычаю, вся въ волнахъ газа и кружевъ необычайной тонкости. У нея красивыя, совершенно обнаженныя руки, обвитыя powyше локтя золотыми браслетами. На головѣ у нея сѣтка съ кораллами и золотыми монетами, сверкающими на темномъ фонѣ чудеснѣйшихъ волосъ. Прозрачная кожа лица ея съ просвѣчивающею кровью—такого цвѣта, какой придаетъ человѣку яркое солнце верхняго Нила. Бѣлыя зубы ея блестятъ изъ полуоткрытыхъ губъ.

Въ то время, какъ огромныхъ размѣровъ погонщикъ-эеіопъ подводитъ верблюда къ бассейну и заставляетъ его опуститься на колѣни, вдали раздается грохотъ колесъ и топотъ быстро бѣгущихъ лошадей. Толпа, громко вскрикнувъ и шарахнувшись въ обѣ стороны, отерываеъ верблюда, который въ эту минуту лежитъ съ закрытыми глазами и безопасно жуеъ свою безконечную жвачку. Енѣ мгновеніе и бѣшеннй Мессала раздавилъ бы Валтазара съ дочерью, если бы не смѣлость и находчивость Бенъ-Гура, схватившаго за узду одну изъ переднихъ лошадей. Благодарность связала отнынѣ египтянина и его дочь съ молодымъ евреемъ, а разныя обстоятельства надолго сдѣлали эту связь чрезвычайно серьезною. Личность Валтазара авторъ романа изображаетъ по готовому образцу. Много дѣтъ тому назадъ въ шатеръ шейха Ильдерима зашли три странника: одинъ—индусъ, другой—грекъ, третій—египтянинъ. Приѣхали всѣ трое на бѣлыхъ верблюдахъ необыкновеннаго размѣра. Арабы оказали имъ гостепрїимство и оставили ихъ ночевать. Вставъ поутру, они стали молиться и, помолившись, объяснили шейху, кто они и откуда держатъ путь. Каждый изъ нихъ видѣлъ на небѣ звѣзду и слышалъ голосъ, повелѣвавшій имъ ѣхать въ Іерусалимъ и спросить: «Гдѣ родившійся царь Іудейскій?» Изъ Іерусалима звѣзда повела ихъ въ Ви-

елеемъ, гдѣ они нашли въ пещерѣ новорожденное дитя. Они пали ницъ передъ нимъ и затѣмъ, поклонившись, сѣли на своихъ верблюдовъ и, не останавливаясь, поѣхали къ шейху, опасаясь преслѣдованія Ирода. Валтазаръ и есть одинъ изъ этихъ трехъ спутниковъ, уже долгое время не покидающій гостеприимнаго шатра Ильдерима. Онъ египетскій жрецъ и князь. Въ немъ рано пробудилось недовольство своею религіею, предписывающей вѣрить, что послѣ смерти человѣка душа его начинаетъ прогрессивный переходъ отъ низшихъ формъ животной жизни до высшей и послѣдней, безъ всякаго отношенія къ поведенію человѣка на землѣ. Болнуемый желаніемъ лучшаго, онъ обратился къ персидскому царству свѣта. Если Богъ справедливъ, то какъ же могъ бы Онъ не отличить добрыхъ отъ злыхъ? Думая такъ, Валтазаръ пришелъ къ убѣжденію, что смерть есть точка раздѣленія добрыхъ людей и злыхъ: послѣдніе погибаютъ, а добрые и вѣрующіе переходятъ въ лучший міръ — въ жизнь съ Богомъ. Однажды Валтазаръ пошелъ въ самый населенный изъ александрійскихъ кварталовъ и началъ проповѣдывать. Онъ говорилъ о Богѣ, о добрѣ, о злѣ и прочемъ, но слушатели, подивившись, смѣялись надъ нимъ. «Меня, моего Бога, мое небо осыпали эпиграммами». Въ другой разъ Валтазаръ пошелъ къ огородникамъ и пастухамъ и они стали разносить его ученіе по всѣмъ окрестностямъ. Тогда-то онъ сказалъ себѣ: «Не ходи проповѣдывать истину къ богатымъ и сильнымъ; ступай къ тѣмъ, у кого кубокъ счастья пустъ, къ бѣднымъ и униженнымъ». И съ тѣхъ поръ Валтазаръ плавалъ по Нилу, ходилъ по прибрежнымъ деревнямъ и проповѣдывалъ всѣмъ племенамъ ученіе о единомъ Богѣ, о праведной жизни и наградѣ на небесахъ. Но его постоянно смущала одна мысль: что останется отъ посѣянныхъ имъ истинъ, когда его не будетъ? Онъ пытался не разъ сплотить, организовать своихъ послѣдователей, но каждый разъ безъ всякаго успѣха. «Міръ находится въ настоящее время, — говоритъ онъ, — въ такомъ положеніи, что реформаторъ долженъ быть болѣе, чѣмъ человѣкъ. Человѣческій умъ такъ загроможденъ мѣрами; земля, воздухъ, небо — все такъ переполнено божествами, что разчистить дорогу къ истинѣ можно только

кровью; вѣрующіе должны быть готовы претерпѣть гоненія и смерть».

Таковъ Валтазаръ, такова его вѣра. Въ душѣ Бенъ-Гуръ слова египтянина поднимаютъ цѣлую бурю. Мысль о неизбежномъ пришествіи царя Іудейскаго углубляетъ въ немъ мечту юности о служеніи мечемъ родному народу. Наступало время привести ее въ исполненіе, близилась минута торжественнаго появленія Мессіи. Но, не смотря на горячій патриотизмъ, Бенъ-Гуръ не принадлежалъ къ числу великихъ натуръ, у которыхъ разъ созрѣвшая глубокая идея не оставляетъ мѣста чувствамъ и побужденіямъ сравнительно мелкимъ. Іуда пыловъ, впечатлителенъ и потому не застрахованъ отъ соблазновъ міра. Въ минуту, когда, полный размышленій о своемъ назначеніи, онъ выходитъ изъ шатра Ильдерима, его неожиданно захватываетъ волна женскаго очарованія. Къ нему доносится пѣсня прекрасной египтянки, катающейся по озеру, — пѣсня полная знойной страсти и чувственнаго томленія. «Ему вспомнились ея большіе глаза, полужакрытые длинными рѣсницами; ея овальныя, розовыя щеки; полныя губы съ ямочками по угламъ, грація ея высокаго, гибкаго стана». На минуту нѣжный образъ дочери Симонида мелькнулъ въ его воображеніи, какъ бы для сравненія, но египтянка заслонила его. Безсердечная, тщеславная, умная и лукавая, полная кокетства въ каждомъ словѣ и движеніи, она сразу же завладѣваетъ сердцемъ пылкаго юноши. Подъ ея кошачьей граціей, подъ ея рассчитанной сдержанностью таится страстная женщина. Но сильнѣе всего въ ней говорить тщеславіе и она до времени сдерживаетъ въ себѣ потоки горячей и волнуемой чувственности. Она отдастся со всею страстью только тому, кто поразитъ ея суетное воображеніе. Ее успѣлъ уже взволновать блестящій Мессала. Но Бенъ-Гуръ идетъ въ гору, ему должны принадлежать несмѣтные богатства Симонида; мало того: онъ питаетъ честолюбивые замыслы и хочетъ быть однимъ изъ полководцевъ арміи грядущаго царя міра, побѣдителя Рима. Онъ будетъ, можетъ быть, намѣстникомъ одной изъ провинцій возрожденной Іудеи и создастъ блестящее и завидное положеніе той, которой будетъ принадлежать его сердце. Все это еще невѣрно, но на всякій

случай Бенъ-Гура выпускать изъ рукъ не слѣдуетъ. И она дѣйствительно забираетъ его въ свои руки, играя имъ своими бархатными, коначьими ланками. Красота Иры туманитъ юношѣ голову, а тщеславіе ея не совсѣмъ чуждо и его душѣ. Бенъ-Гуръ со своими великими планами освобожденія порабожденной Іудеи не сильнѣе этой женщины, съ ея разчитаннымъ кокетствомъ и загадочнымъ взглядомъ.

Вотъ и всѣ герои романа. Изъ нихъ Бенъ-Гуръ, Симонидъ, Ильдеримъ и Валтазаръ образуютъ тотъ центръ, въ которомъ романистъ сосредоточиваетъ основную свою мысль, основную свою концепцію. Всѣ они вѣрятъ въ пришествіе царя: Бенъ-Гуръ, Симонидъ и Ильдеримъ — въ царя грознаго, съ десницею, вооруженною мечомъ, сильнаго на полѣ брани; Валтазаръ — въ царя кроткаго, царя-искупителя, безъ всякихъ *политическихъ* намѣреній. Бенъ-Гуръ, Симонидъ, Ильдеримъ жаждутъ мести Риму — они не успокоятся, пока великая столица не будетъ скрыта съ семи своихъ холмовъ, пока не положенъ будетъ конецъ тираніи; простиершей свои притязанія далеко на востокъ и на западъ. Симонидъ только и живетъ мечтою о мести. Валтазаръ своимъ предвѣщаніемъ грядущаго царя раздулъ въ душѣ его цѣлый пожаръ. Онъ ждетъ пришествія его изо дня въ день. «Святые отцы Израиля, — восклицаетъ онъ въ восторгѣ, — какое счастье въ одной этой мысли! Мнѣ кажется, что я слышу трескъ падающихъ стѣнъ и радостный крикъ всеобщаго возрожденія! И къ вящей радости людей, земля разверзается и поглощаетъ Римъ, и всѣ глядятъ, и смѣются, и поютъ, видя, что его нѣтъ болѣе»... Въ ушахъ его постоянно раздаются звуки кимваловъ и арфъ и голоса толпы, стоящей вокругъ нововоздвигнутаго престола. Грядущему царю понадобятся деньги и полководцы... Бенъ-Гуръ! Какое счастье, что Бенъ-Гуръ здѣсь, на мѣстѣ! «Вотъ оно что! вотъ! Видишь ли ты, — говоритъ Симонидъ своей дочери, — какая широкая дорога открывается для меня и для нашего молодого господина! Усматриваешь ли ты въ концѣ блескъ славы и сладость мести»... Ильдеримъ, этотъ дикій, но свободный начальникъ свободнаго народа, ненавистный римскимъ властямъ за вольный и капризный нравъ свой, тоже снѣдаемъ

жаждою мести. «Слышишь ли, сынъ Гура? Будь я такимъ какъ ты, и съ такимъ грузомъ ала, требующаго возмездія, съ такими, какъ твои, воспоминаніями, я не сидѣлъ бы сложа руки,—нѣтъ; не сидѣлъ бы! Я слилъ бы личное ало со аломъ, терпимымъ всѣмъ міромъ, и посвятилъ бы себя мщению. Я пошелъ бы изъ страны въ страну, зажигая умы людей». «Клянусь величіемъ Бога, я поднялъ бы стаю волковъ, сошелся бы съ львами и тиграми противъ общаго врага». «Огню и мечу предалъ бы я все, что носить римское имя. Я молилъ бы боговъ, и добрыхъ, и злыхъ, дать мнѣ всѣ бичи, которыми они располагаютъ: и бури, и грозы, и морозы, и засуху, и безчисленные яды, отравляющіе воздухъ, чтобы известъ всѣхъ римлянъ на сушѣ и моряхъ. О, я не могъ бы спать!» Все свое огромное достояніе—людей, лошадей, верблюдовъ, пустыню, все это Ильдеримъ хочетъ предоставить въ руки мстителя. Симонидъ и шейхъ не колеблются сейчасъ же приступить къ дѣлу. Бенъ-Гуръ долженъ набирать и формировать войско, обучая его въ пустынѣ. Ильдеримъ будетъ со своими арабами оберегать отъ враговъ дороги. Симонидъ останется въ Антиохіи и будетъ наблюдать, чтобы не изсякалъ источникъ денежныхъ силъ. Этотъ планъ свой они сообщаютъ Бенъ-Гуру съ тѣмъ, чтобы услышать отъ него рѣшительное слово. Бенъ-Гуръ не герой по натурѣ, но предложеніе своихъ друзей онъ принимаетъ, хотя не безъ чувства нѣкоторой скорби. «Для каждаго человѣка,—говоритъ онъ,—есть въ запасѣ у судьбы кубокъ наслажденья, и рано или поздно онъ доходитъ до его усть,—для каждаго, кромѣ меня. Я понимаю, добрый Симонидъ, понимаю, великодушный шейхъ, къ чему клонится ваше предложеніе. Если я приму его и вступлю на эту дорогу, которую вы мнѣ указываете, мнѣ придется распроститься со счастьемъ и спокойствіемъ. Двери къ нимъ навѣкъ затворятся за мною, такъ какъ Римъ сторожитъ каждую изъ нихъ». «Но мнѣ не остается другого выбора, какъ принять роль, на которую вы меня обрекаете. Оставаться здѣсь значило бы обречь себя позорной смерти; я предпочитаю начать дѣйствовать». Такъ-то судьба поставила Бенъ-Гура на путь, съ котораго онъ уже не могъ сойти подъ страхомъ позорной смерти отъ козней ненавист-

наго врага. Местъ Риму, жившая въ душѣ его со времени самоуправства Грата, честолюбіе—все побуждало его понести свою долю съ воодушевленнымъ мужествомъ. Но уже въ началѣ этого опаснаго и важнаго пути Бенъ-Гуръ не можетъ отказать себѣ въ мелкомъ удовольствіи. Онъ хочетъ побѣдить Мессалу на предстоящихъ играхъ и затѣмъ уже приняться за исполненіе возложенной на него мисси.

На этомъ мѣстѣ мы приостанавливаемъ подробный пересказъ романа. Описаніе ристалища, на которомъ Бенъ-Гуръ одержалъ блестящую побѣду и искалѣчилъ своего врага Мессалу,—одно изъ наиболѣе удачныхъ въ декоративномъ отношеніи мѣстъ въ рассказѣ. Для таланта Уоллеса это мѣсто типическое. Романистъ съумѣлъ вложить много огня и вдохновенья въ свое описаніе и оно въ самомъ дѣлѣ вышло живымъ и увлекательнымъ. Затѣмъ Уоллесъ переноситъ своего героя въ Іерусалимъ и наводитъ его на слѣдъ его матери и сестры. Въ Іудеѣ произошла значительная перемѣна. Валерій Гратъ замѣняетъ Понтіемъ Пилатомъ. Новый прокураторъ пожелалъ провѣрить судебные приговоры своего предшественника. Тюрьмы отворились, чтобы услышать провѣрочный приговоръ болѣе безпристрастнаго судьи. Въ числѣ невинно-заключенныхъ были выпущены мать и сестра Бенъ-Гура. Но семь лѣтъ жизни въ зараженной тюрьмѣ положили пропасть между ними и міромъ. Онѣ вышли одержимыя проказой, безъ права приближаться къ жилымъ человѣческимъ помѣщеніямъ. Все дальнѣйшее въ романѣ—это простой пересказъ Евангелія. Не забыто и исцѣленіе отъ проказы матери и сестры Бенъ-Гура. Планы Бенъ-Гура заволакиваются сомнѣніями. Онъ еще полонъ честолюбія, разжитаемаго Ирой, онъ еще вѣритъ, что его трудъ, собравшій войско для грядущаго царя, не пропадетъ даромъ. Но дѣло мщенія забыто и даже Симонидъ, убѣжденнѣйшій фанатикъ этого дѣла, переходитъ на сторону Валтазара.

Идея романа въ послѣдней его части—въ разочарованіи Бенъ-Гура и Симонида, въ побѣдѣ Валтазара. Уоллесъ затронулъ вопросъ огромной исторической важности, но только затронулъ. Ни въ историческомъ, ни въ философскомъ смыслѣ романъ «Во время оно» не представляетъ собою явленія, сколько

нибудъ глубокаго и оригинальнаго. Уоллесъ не принялъ въ расчетъ, или даже, можетъ быть, совсѣмъ не понялъ, что его Бенъ-Гуръ и его Симонидъ не типическіе представители народа, непреклоннаго въ своей вѣрѣ и своихъ идеалахъ, политическихъ и нравственныхъ. Бенъ-Гуръ—добрый сынъ своей семьи, но не призванный ратоборецъ за дѣло безусловно справедливое, возвышенное, и даже теперь, когда на него глядитъ почти двухтысячелѣтная исторія, еще совсѣмъ не устарѣвшее. То же надо сказать о Симонидѣ. Уоллесъ не разгадалъ тѣхъ настоящихъ причинъ, которыя уединяютъ судьбу еврейства во всемірной исторіи. Онъ не понялъ, что между Вальтазаремъ и Бенъ-Гуромъ, если бы послѣдній воплощалъ въ себѣ вѣрныя и характернѣйшія черты еврейства, существовала бы непроходимая пропасть, та самая пропасть, которая до сихъ поръ еще не наполнена и которая, Богъ вѣсть, когда еще будетъ наполнена. Уоллесъ не вникъ въ духовную суть еврейскаго характера. Онъ не понялъ истиннаго драматизма тогдашнихъ событій. Онъ поставилъ всѣхъ своихъ героевъ на путь, тяготеющій къ одной извѣстной точкѣ, можно сказать, вопреки исторической дѣйствительности. Ибо въ дѣйствительности была еще одна большая дорога, по которой пошло все еврейство и по которой оно идетъ и донинѣ, одушевленное пламенною вѣрою и непоколебимымъ убѣжденіемъ... Бывали, конечно, среди еврейства всяческіе Бенъ-Гуры, что и говорить! Но еврейство, суть еврейства, его мощь и глубина, его неизсякающій паосъ, его неисощимая энергія—не въ нихъ, понятно...

А. Волынский.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. С. АБРАМОВИЧА ¹.

Имя М. С. Абрамовича давно извѣстно еврейской читающей публикѣ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ произведенія молодого автора появились на страницахъ нашей періодической печати и преимущественно въ нашемъ изданіи. Въ изданный теперь г. Абрамовичемъ сборникъ, кромѣ пьесъ, написанныхъ на библейскіе сюжеты и на темы специально еврейскія, вошелъ также рядъ стихотвореній «общаго» характера, занимающій 112 страницъ, т. е. почти половину сборника. Предоставляя разборъ этой части сборника «общиннѣ» органу печати, сдѣлаемъ краткій обзоръ библейскихъ поэмъ и прочихъ пьесъ, по своему содержанію и значенію болѣе близкое отношеніе къ нашему изданію.

«Люблю я тихій часъ, когда, утомлена
Тревожной суетой, душа моя большая
Почуетъ, что близка туманная волна
Неуловимыхъ грезъ, и ждетъ ихъ, замирая.
И вотъ онѣ пришли,—и на востокъ съдой
Уносится душа ихъ гибкою струей...
Какъ ласточки въ вѣстѣхъ тоскующей березы,
Мнѣ снится сонъ тогда про пальмы и мимозы».

Такъ начинается первая пьеса отдѣла библейскихъ поэмъ, носящая заглавіе «Мечты». Если не ошибаемся, это стихотвореніе первоначально было озаглавлено: «Палестина»,—и такое заглавіе болѣе соответствовало содержанію стихотворенія, въ которомъ авторъ въ проникнутыхъ теплымъ чувствомъ строфахъ воспроизводитъ мысли и ощущенія, вызываемыя въ немъ воспоминаніемъ о родинѣ древняго Израиля. Если бы задача рецензента сти-

¹ М. Абрамовичъ. Стихотворенія. Спб. 1889 г.

Восходъ, кн. 5.

хотворнаго произведенія заключалась въ одной только провѣркѣ «содержанія», т. е. въ опредѣленіи естественности ощущеній и правдивости мысли, положенныхъ въ основу даннаго произведенія, то мы прямо могли бы назвать разсматриваемое нами стихотвореніе прекраснѣйш. Авторъ глубоко и искренно прочувствовалъ избранный имъ сюжетъ и, читая его «Мечты» о нашей древней, нѣкогда богатой и цвѣтущей, а нынѣ запустѣлой и забытой родинѣ, читатель невольно проникается той же глубокою грустью, какая сквозитъ въ каждой строкѣ этой пьесы. Но передъ нами въ то же время произведеніе *поэзіи*; теплое чувство и возвышенная мысль облечены въ тѣ «одежды», которыя должны быть безусловно чисты и изящны. Наши талмудисты выразились въ томъ смыслѣ, что *talmid-chochom* (ученый), на одеждѣ котораго замѣтно хотя одно пятнышко, заслуживаетъ смертной казни. Это строгое требованіе безусловной чистоты «одежды» вполне пригнѣнно и къ поэзіи.

И вотъ, отдавая должную дань искренности чувства и возвышенности мысли г. Абрамовича, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сдѣлать того же и по отношенію къ формѣ его пьесы. Кромѣ отдѣльных неблагозвучныхъ выраженій, какъ, напр., — «быть *дней* своихъ *борцомъ*», «не *душею* сердцу *сѣсть*» и т. п., пьеса содержитъ цѣлыя строки и даже строфы либо крайне неблагозвучныя, либо заволочнутыя такимъ густымъ туманомъ, сквозь который съ трудомъ удастся различить отдѣльные штрихи расплывающагося и блекнущаго образа.

«О, Палестина, край преданій и чудесъ,
Творенья колнбеля, храмъ *перваго* кумира,
Гдѣ прахъ *сѣдой* руины *подъ* *пологомъ* небесъ
Безмолвно погруженъ въ воспоминанья *міра*».

Что это значить — *сѣдой* прахъ руинъ погруженъ въ воспоминанья *міра*? Да къ тому еще это «безмолвно» — какъ будто можно быть *погруженнымъ* въ воспоминанья *не* безмолвно, а праху — вѣдь и подавно нельзя. Затѣмъ эта насильственная приставка «подъ *пологомъ* небесъ», нисколько не дополняющая образа, а, наоборотъ, еще болѣе затемняющая его. Или, далѣе:

«Изгнѣженный *эфиръ* *закатомъ* упоенъ;
Лучистый *солнца шаръ* торжественно *несется*
Туда, гдѣ скоро *валъ* съ *зарей* небесъ *сольется*».

Выраженіе «эфиръ упоенъ *закатомъ*» требуетъ обширныхъ комментаріевъ, а образъ солнца, которое *несется* къ западу, просто не естествененъ,

какъ и неправиленъ слѣдующій образъ—«валъ сольется съ зарей». Правильнѣе было бы какъ разъ наоборотъ, потому что съ приближеніемъ солнца къ западу приближается появленіе зари на горизонтѣ, а вовсе не морской валъ, или морская волна начинаетъ выростать, приближаясь къ горизонту, гдѣ имѣетъ появиться зари.

Не касаясь нѣкоторой тенденціозности этой, зершей по общему содержанию пьесы, перейдемъ къ слѣдующему стихотворенію—«Дебора».

Уже съ этой второй вещи вы убѣждаетесь въ способности автора къ серьезной и глубокой вдумчивости, въ умѣніи его захватывать обширныя арены историческихъ событій; но видѣть съ тѣмъ вы замѣчаете и одну слабую его сторону: давая вѣрную *въ обшамъ* картину, онъ оставляетъ въ ней отдѣльныя черты, либо небрежно проведенныя, либо вовсе неумѣстныя, нарушающія цѣльность общаго рисунка.

Пестрая панорама картинъ, нарисованныхъ авторомъ для изображенія свѣтлой, славной эпохи пророчицы Деборы, открывается прекраснымъ видомъ въ Ефремовыхъ горахъ. Тамъ, гдѣ —

«...прятались птицы въ уютную сѣнь
Дубравъ необъятной равнины, —
Сбирались подъ пальму въ укромную тѣнь
За серною серна съ вершиной:
Лѣнливо внимая болтливой струѣ,
Въ сонливый покой погружались онѣ».

Стихъ гораздо лучше, чѣмъ въ предыдущемъ стихотвореніи, а отдѣльные рисунки даже очень хороши, какъ, напр., слѣдующій:

«Года протекали. Однажды пришли
Подъ пальму, обычая гѣрны,—
И кинулись прочь, и исчезли вдали
Пугливыя, легкія серны.
Подъ пальмой, царицей Ефремовыхъ горъ,
Гнѣздо не орлица свѣвала:
Тамъ царскій раскинулся бѣлый шатеръ,
Людская толпа хлопотала;
Одинъ за другимъ по уступамъ горы,
Тѣснясь выростали шатры и шатры».

Въ этой строфѣ, за исключеніемъ неточнаго образа «*подъ* пальмой» примѣнительно къ гнѣзду орлицы (если даже допустить, что орлы вьютъ свои гнѣзда на пальмахъ, то вѣдь, во всякомъ случаѣ, не *подъ* деревомъ,

а на деревѣ), общая картинка очень мило нарисована, какъ и другая, на стр. 135:

«...ночью огни закигались костровъ;
Ихъ отблескъ хлѣбный порохъ
Изъ тьмы высѣкалъ грунну бѣлыхъ шатровъ,
Разбитыхъ педъ иррачной свалкой,
И трепетно тѣни чертили на скалѣ,
Какъ черныя думы на гордомъ челѣ».

И внаряду съ этими хорошевыми картинками вы почти въ каждой строкѣ спотыкаетесь о невозможныя выраженія. Именно—спотыкаетесь, потому что эти промахи являются, самыми досадными образомъ, въ ту именно минуту, когда вниманіе легко и свободно скользитъ по ровному и плавному теченію удачно начатой строфы. Въ самомъ дѣлѣ, что это за выраженія:

«И съ горъ устремляеъ Дебора съ толпой,
Какъ валъ оторвавшійся моря» —

или:

«Подъ бровью нависшей блеститъ ея взглядъ,
Какъ въ облакъ молній сверкающихъ рядъ» —

рядъ молній—какъ это ватавучо и неестественно. Далѣе: «топотъ улеся какъ валъ», «мелькнула въ шатеръ», «онъ стоялъ рѣчей обаятельныхъ плынный» и т. п. Или вотъ, на стр. 137 говорится:

«Встаетъ онъ (т. е. Вракъ) посѣбно. Отброшенный мечъ
Со звономъ ударилъ въ камень».

Правильнѣе было бы: «ударился о камень», или «ударилъ по камень-якъ». Впрочемъ, талантливый авторъ разрѣшаетъ себѣ иногда и болѣе непростительныя вольности, допуская, наряду съ хорошими, выразительными строфами, строчки и даже цѣлыя строфы, для которыхъ не можетъ быть никакого оправданія. Напр. —

«И годы рождались обычной чредой,
Обычной чредою мужаля,
И старцами въ вѣчности вѣдра сѣдой.
Спокойно и тихо вступали».

Годы рождались, годы мужаля, годы становились старцами... Вѣдь такъ можно, пожалуй, и дальше идти въ этой сѣшной антитезѣ, обозначивъ еще, что годы хворали (дождливою, пасмурною осевью), корчилились въ предсмертной агоніи (31-го декабря, съ приближеніемъ полночи) и т. д. За-

чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, такіа невозможныя, насильственные уподобленія, которыя поэзіа ужасно не любитъ?

Чтобы вознаградить себя за неудовольствіе, причиненное намъ небрежностью автора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его «Деборы», обратимся къ его поэзіи «Іеремія», по нашему мнѣнію, лучшей вещи во всемъ сборникѣ. Она почти въ четыре раза меньше «Деборы», за то во много разъ лучше. Эти широкіе приливы и отливы великой пророческой печали; этотъ могучій перебой гигантскихъ колоколовъ, то звонкими раскатами падающей съ недостигаемой, лучезарной вышины, то глухимъ, подавленнымъ гуломъ будто доносящейся изъ глубины какой-то бездны, словомъ—все то, чѣмъ такъ неотразимо дѣйствуютъ на насъ пророчества Исаи, Іеремія, Іезекіиля, Амоса,—требуетъ отъ поэта и глубокой вдумчивости, и особеннаго подъема душевныхъ силъ для того, чтобы, уловивъ вѣрный тонъ, передать основное содержаніе и общій духъ цѣлой книги въ сравнительно небольшомъ стихотвореніи. И «Іеремія» г. Абрамовича тѣмъ и симпатиченъ, что въ этомъ стихотвореніи талантливому автору удалось приблизиться значительно къ отиѣченному нами идеалу: тонъ взятъ вѣрный, краски хороши, общій духъ пророчества переданъ умѣло, и вещь въ общемъ производитъ сильное впечатлѣніе. Мы не приводимъ цитаты, потому что это одна изъ тѣхъ вещей, которыя не даются для выдержекъ, — ихъ надо прочитывать цѣликомъ, тогда получается и впечатлѣніе цѣльное.

Симпатичнымъ мѣстомъ въ разбираемомъ нами отдѣлѣ библейскихъ мотивовъ является также стихотвореніе «Божья кара», по книгѣ пророка Іоиля (гл. I и II). И опять-таки надо сказать, что и въ этой пьесѣ нашъ авторъ выступаетъ въ полной наличности своихъ качествъ, и положительныхъ, и отрицательныхъ. Въ общемъ переложеніе удачно: іоильская саранча проносится предъ вашими глазами такъ же ясно, какъ и при чтеніи книги этого пророка; это очень хорошо. А все-таки, и при такомъ криминальномъ приключеніи, какъ нашествіе іоильской саранчи, не слѣдуетъ поэту допускать выраженія въ родѣ:

«Но солнечный лучъ
Потухъ уже рано.
День мглы и тумана!
День мрака и туч!»

«Потухъ уже рано» такъ же не хорошо, какъ, напр., «потухъ еще поздно». Затѣмъ, въ слѣдующихъ двухъ строчкахъ цѣлыхъ четыре эпитета для обозначенія *тѣмы*: мгла, туманъ, мракъ, тучи — одинъ другого ни-

сколько не дополняющіе и всѣ четыре вѣстѣ—ничего, въ сущности, не говорящія ни воображенію, ни чувству. Вообще, въ этомъ стихотвореніи крайне неудачны рефрены, подобные вышеприведенному. Напримѣръ:

«То рои саранчи—
Полей Палестины
За многія сины
Егови бичи».

Или въ другомъ мѣстѣ:

«Пусть гремятъ трубы!
Забейте тревогу!
Ко гнѣвному Богу
Пусть хлынетъ топа!»

Не очень мягко звучитъ также строка: «Пусть туча вечера преисница лазури», или другая: «Все ближе и ближе, все ниже и ниже». Эти четыре «ниже» въ одной строкѣ—не правда-ли?—не хорошо какъ-то во рту отъ нихъ становится: точно песокъ на зубы попалъ. Вообще выборъ «эпите товъ» не удастся г. Абрамовичу. Обиліе ихъ всегда вещь излишняя, а при такомъ подборѣ, какъ, напр., въ строкѣ: «Съ сверканьемъ и блескомъ, съ гуденьемъ и трескомъ»—даже очень не хорошо. Гуденье и трескъ еще куда ни шло, а ужъ *сверканье* и *блескъ* совсѣмъ одно и то же, одно другого нисколько не дополняетъ.

Вслѣдъ за мрачною картиной опустошенія и гибели, развернутой поэтомъ въ пьесѣ «Божья кара», освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на читателя граціозная пѣснь Суламиты, дышащая нѣгой и обаяніемъ восточнаго романа, такъ прекрасно исполненнаго царемъ Соломономъ, какъ извѣстно, знавшимъ толкъ въ этихъ дѣлахъ. Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что реставрированная г. Абрамовичемъ соломоновская Лаура не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, въ которыхъ ни подъ какими видомъ нельзя упрекнуть ея первообразъ, такъ рельефно отлитый въ очаровательныхъ строфахъ «Пѣсни Пѣсней». Суламита г. Абрамовича поетъ по русски гораздо хуже, чѣмъ пѣла нѣкогда на родномъ языкѣ; она позволяетъ себѣ такую вычурность и кудреватость слога, какихъ вы не встрѣчаете въ оригинальной ея пѣснѣ. Напримѣръ:

«Это сладкій голось друга,
Голось друга!..
На вершину оъ съ вершины,
На вершину

Мой одеск прекрасный читается,
 Скатчетъ, мчитса...
 ... «Кто тамъ? Чу! Онъ тихо мечтаетъ,
 Тихо мечтаетъ:
 Встань, желанная, проснись,
 Встань, проснись!
 Встань, проснись и прочь со мною,
 Прочь со мною!»...

и т. д. Нѣтъ, прекрасная соломоновская Суламита не говорила такими языкомъ—она не жеманичала и не ломалась, цѣпляясь за слова: проснись, проснись и опять проснись, какъ за цѣпной, колючий ремешокъ. Сила и обаяніе ея страстной пѣсни заключались не въ сугубой кудреватости слога, а во внутренней теплотѣ и глубинѣ мотива.

12 страницъ занято переводомъ пяти главъ книги Іова. Это большой подвигъ со стороны нашего поэта. Именно—подвигъ, потому что *трудно* поднята нѣтъ цѣлая гора, а результатъ, въ строгости смысла слова, не получился, да и не могъ получиться особенно блестящій. Есть вещи, раз навсегда, изъятые изъ области критики. Таковы Вавилъ и книги Пророковъ, такова въ нихъ числѣ и книга Іова. Но современный читатель, памятуя и то, что даже и Гомеръ, и Овидій критикѣ болѣе не подлежатъ, не можетъ, однако, не улыбаться при чтеніи нѣкоторыхъ эпикъ, въ которыхъ академически-торжественный тонъ повѣствованія не совсѣмъ гармонируетъ со слишкомъ ужъ большою наивностью самой фабулы. То же самое должно случиться и при чтеніи книги Іова. Неизвѣстный авторъ этой эпикъ былъ, повидному, человекъ сильно ущемляющійся,—и Господь Богъ является въ его поэмѣ несвободнымъ отъ такой слабости, за каковую и нашего брата, грѣшнаго человѣка, далеко не хвалятъ. Судите сами: «Ты,—слышится Іову голосъ:—ты что? Тьфу! Захочу—въ порошокъ тебяivotру, захочу—въ турій рогъ согну, а не то, такъ вотъ, просто, дуну—и нѣтъ тебя! Я... о, я все могу сдѣлать: я и овагра сотворилъ, и носорога, и бегемота, и слона, и жаръ-птицу»... и т. д. Основная черта эпикъ сама по себѣ и глубока, и симпатична, но она совершенно подавляется грозоздкою массой этого кривляваго и неумѣстнаго самовыхваливанія.

Книга Іова—это апофеозъ божеству и вѣдѣтъ съ тѣмъ—восторженный гнѣвъ человеческой душѣ, которая у такихъ сильныхъ натуръ, какъ Іовъ, не теряетъ ни на секунду своей стоической крѣпости, у натуръ менѣе сильныхъ, пожалуй, гнется подъ тяжестью физическихъ страданій, но нигдѣ и никогда не уступаетъ *окончательно* въ этой борьбѣ. Величіе Го-

спода вовсе не заключается въ обилии этой зоологической выставки, которою пестрѣеть Его монологъ, а именно въ томъ, что *душа человека*, душа этого Иова беретъ верхъ надъ всѣми силами его истерзанной, вопиющей плоти, покорно принимая всѣ испытанія, и ни на мигъ не сомнѣваясь въ *справедливости* божества. Эту-то идею г. Абрамовичу слѣдовало выдвинуть на первый планъ; но онъ, къ сожалѣнью, увлекся вѣщней пестротой, вѣщными звономъ и блескомъ всѣхъ этихъ «чудесъ», которыми переполненъ монологъ.

Однако, изъ всѣхъ этихъ «дичь» и «чудесъ» одно только мѣсто въ этой предстваленнй нѣкоторый интересъ — чисто художественный, впрочемъ. Это — мѣсто, гдѣ говорится о мифическомъ чудовищѣ «Левіаганѣ». Воображенію неизвестнаго автора — загадать надо, сына Восхода — тутъ представлялся удобный пунктъ для «упражнений». Левіагана, котораго и до сихъ поръ не показывали ни въ одномъ акваріумѣ въ мірѣ, можно вѣдь надѣлать какими угодно органическими и символическими ужасами, и чѣмъ больше будетъ этихъ ужасовъ, тѣмъ лучше. Скажите, напр., про левиагана:

«Чихаетъ-ли — заблещутъ лучи по струямъ;
Откроетъ-ли пасть свою — факелъ пылаетъ
И сыплются искры по влагѣ кругомъ»...
«...Его-ль дуновение воды взволнуетъ —
Въ нихъ словно онъ пламя и угли раздуетъ».

Скажите чтонибудь подобное о левиаганѣ — и никто съ вами спорить не станетъ: на то это и левиаганъ, чтобы отъ одного его чиханья «лучи блистали по струямъ», въ пасти его факелъ пылалъ и чтобы онъ однимъ дуновеніемъ своимъ «пламя раздувалъ въ водѣ» — отъ такого чудовища всего ожидать можно. Спросите у лрбого хедернаго мальчугана: «Лежить въ морѣ-окианѣ, вокругъ земли, хвостъ въ зубахъ держитъ, а шевелнется — землетрясеніе произойдетъ. Кто это?» — «Левіаганъ!» — воскликнетъ умница. «Кто, мать, этого не знаетъ?» Представьте же себѣ, что мы слово «левиаганъ» замѣнимъ словомъ «крокодилъ» и про него-то скажемъ, что у него-де и факелы пылаютъ во рту, и чихаетъ онъ лучами, и т. п. — и все это, прошу замѣтить, скажемъ не какойнибудь профанъ, никогда не видавшій крокодила и ничего о немъ не знающій, а самъ Господь Богъ, творецъ дѣламъ миллиардовъ крокодиловъ и настоянентовъ, вампировъ, саламандръ и всякихъ иныхъ чудовищъ, — не будетъ-ли оно комично? Да, это будетъ очень комично, — и совершенно напрасно г. Абрамовичъ сдѣ-

лазь это въ своемъ переложени, заимъвъ левіаѳана крокодилонъ. То обстоятельство, что Іовскій левіаѳанъ надѣленъ нѣкоторыми органическими свойствами, замѣченными у крокодила (напр., мускусными железами) — ничего не значитъ. Вѣдь авторъ эпопеи *выдумывалъ* свое чудовище, и вполне понятно, что для извѣстной цѣльности образа ему приходилось надѣлять это чудовище хотя нѣкоторыми особенностями, присущими крупнѣйшимъ видамъ водяныхъ и земноводныхъ организмовъ. Онъ и взялъ мускусныя железа у крокодила, нѣчто въ родѣ выбрасыванія воды столбомъ — у кита и нѣкоторые другіе чудовищныя аксессуары у прочихъ морскихъ чудовищ — у ската, однозуба, мокоя, морской гіены и т. д. И если слово «левіаѳанъ» и переводится нѣкоторыми толкователями словомъ «крокодилъ», то вѣдь оно въ то же время считается и синонимомъ слова «драконъ». Какъ хотите — левіаѳанъ-ли, драконъ-ли, но ужъ никоимъ образомъ не крокодилъ.

«Чихнетъ-ли — заблещутъ лучи по струямъ;
Откроетъ-ли пасть свою — факель пылаетъ»...

Даже крокодилъ, изображенный у Достоевскаго, чудовище, которое статскихъ совѣтниковъ живьемъ заглатывало (чихнетъ — и нѣтъ статскаго совѣтника!) — даже и этотъ крокодилъ не чихалъ такимъ ошеломляющимъ образомъ. Нѣтъ, совершенно напрасно г. Абрамовичъ окрокодилилъ нашего заповѣднаго «Liwjason'a», съ которымъ связаны столь пріятныя, очаровательныя легенды...

Не останавливаясь на девяти пьскахъ съ общимъ заглавіемъ «Пѣсни дня», въ сборникѣ можно отмѣтить, какъ болѣе удачныя, два стихотворенія, относящіяся къ болѣе раннимъ произведеніямъ г. Абрамовича: «Ошейникъ» и «Изъ Іезекііля». Первое отличается сжатостью, образностью и экспрессіей, къ какъ мы, къ сожалѣнію, не замѣчаемъ ни въ одной изъ «Пѣсенъ дня». Это хорошая вещь, которую авторъ можетъ гордиться. Но едва-ли не болѣе удачно стихотвореніе «Изъ Іезекііля». Эта пьска прекрасна во многихъ отношеніяхъ — и было бы очень хорошо, если бы отъ благодарныхъ и вообще мало поэтичныхъ сюжетовъ въ родѣ «Пѣсенъ дня» г. Абрамовичъ возвратился къ прекраснымъ мотивамъ «Ошейника», «Іереміи» и подражанія «Іезекіілю».

Есть еще въ сборникѣ отрывокъ «Волшебница Эндора», небольшой діалогъ «Илія въ пустынѣ» и еще двѣ-три вещицы. О всѣхъ этихъ пьскахъ можно сказать лишь то, что онѣ ужасно туманны и къ тому еще

густо покрыты тѣми роковыми «пятнышками», о которыхъ мы упомянули выше. Выраженія въ родѣ: *выхремъ слова, сотрясся прахъ, тишь чревата проломъ*—портятъ и лучшую вещь, а при не особенно богатомъ содержаніи пьесы окончательно ее убиваютъ. Тушанность же, мутность и неопредѣленность образа вообще не говорятъ въ пользу писателя: мутная вода вѣдь знаменуетъ мелководье... Нашему симпатичному поэту слѣдуетъ сильно поработать надъ собою въ этомъ отношеніи. У г. Абрамовича есть хорошія качества—глубокая и серьезная вдумчивость, теплота и искренность чувства. Болѣе того, прочтите «Добору» и вы убѣдитесь, что нашъ поэтъ умѣетъ не только видѣть душу своего героя, но и отражать ее ясно и рельефно на его внѣшнемъ обликѣ. Дебора, напр., нарисована очень хорошо; ея появленіе, сначала въ черномъ траурномъ облаченіи, а затѣмъ во всеоружіи вождя—въ блестящихъ боевыхъ доспѣхахъ—передано живо, ярко, выразительно. Образъ бедуинки Яили, ожидающей мужа въ зеленой чащѣ оазиса, вышалъ также яснымъ и дѣльнымъ. Но всѣ эти качества хороши у поэта лишь въ соединеніи съ правильнымъ, звучнымъ, красивымъ стихомъ. Боги или нектаръ изъ *золотой* чаши. И повторяетъ, г. Абрамовичъ хорошо сдѣлаетъ, если энергично поработаетъ надъ своимъ стихомъ, которому не достаетъ простоты и плавности, а въ выборѣ сюжетовъ будетъ отдавать предпочтеніе мотивамъ библейскимъ, въ родѣ «Іереміи» и подражаній Іезекиили, которые и болѣе сродны его дарованію.

С. Г.

ВИБЛІОГРАФІЯ.

72777: *Всеобщая Энциклопедія на еврейскомъ языкѣ. Выпуски I—VI. Изданіе II. и Г. Гольдмановъ и К^о: Варшава, 1888 (766 столб. in 8°).*

Съ годъ тому назадъ варшавскіе типографы-издатели Гольдманы приступили къ осуществленію громаднаго литературнаго предпріятія — изданія всеобщей энциклопедіи на древне-еврейскомъ языкѣ. Но вотъ ужъ съ полгода, какъ изданіе это прекратилось на шестомъ выпускѣ, едва одолѣвъ начало буквы *А*. Чѣмъ объяснить такую скорую и печальную кончину? Несостоятельностью самой мысли изданія, неудовлетворительностью исполненія, или же иными какиминибудь причинами?

Но мысль, лежащая въ основаніи предпріятія гг. Гольдмановъ — мысль прекрасная, достойная всяческаго поощренія. Не говоря уже о принципиальномъ значеніи всеобщей энциклопедіи, этого, такъ сказать, основного капитала всякой порядочной литературы, не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ еврейской литературѣ такой трудъ особенно необходимъ, что именно въ ней онъ могъ бы принести наибольшую пользу. Ибо чѣмъ бѣднѣе какаянибудь литература спеціальными книгами по различнымъ отраслямъ знанія, тѣмъ важнѣе для нея всеобщая справочная энциклопедія, дающая возможность публикѣ ознакомиться по существу со всѣми явленіями въ безграничной области мысли. Еврейская образованная или полу-образованная публика состоитъ главнымъ образомъ изъ самоучекъ, крайне нуждающихся въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ и научныхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ не находятъ въ нашей бѣдной литературѣ, а для такихъ людей всеобщая энциклопедія могла бы стать идеальнымъ учителемъ, готовымъ давать отвѣты на всевозможные вопросы и всегда ищущимся подъ рукой. Мысль изданія, стало быть, безусловно хорошая; теперь посмотримъ каково исполненіе.

Внимательный просмотръ вышедшихъ и лежащихъ передъ нами шести

выпусковъ «Га-Эшкола» рѣшаетъ и этотъ вопросъ въ благоприятномъ смыслѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тутъ рѣчь идетъ не объ оригинальной энциклопедіи, а о переводѣ или передѣлкѣ существующихъ большихъ энциклопедій, въ родѣ Брокгауза или Мейера. Тутъ нужны только дѣльные сотрудники, иногда специалисты, нуженъ трудъ упорный и непрерывный, да нужна еще хорошая редакция, воодушевленная сознаниемъ полезности и важности своего дѣла и соображающаяся съ потребностями своей публики. Судя по имѣющимся выпускамъ изданія гг. Гольдмановъ, надо думать, что всѣ эти условія имѣлись издателями въ виду и что прилагалось стараніе къ удовлетворенію ихъ. Богатство свѣдѣній огромное, самыя свѣдѣнія — подробныя и точныя, терминологія — тщательно выработанная. Но помимо того рассматриваемое изданіе имѣетъ еще одно большое достоинство. Издатели не удовольствовались передѣлкою существующихъ общихъ энциклопедій, но прибавили отъ себя и оригинальную часть, а именно — еврейскую энциклопедію, въ которой по общему алфавитному порядку даются болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ фактахъ еврейской исторіи, литературы и науки, равно какъ о замѣчательныхъ лицахъ изъ евреевъ. Такъ, напримеръ, подъ словомъ *Австрія* имѣется, кромѣ обширнаго историко-географическаго описанія страны, и подробная исторія австрійскихъ евреевъ, занимающая 15 столбцовъ плотнѣйшаго шрифта. То же мы замѣчаемъ и подъ названіями другихъ странъ и историческихъ мѣстностей, вошедшими въ составъ напечатанныхъ выпусковъ (*Венрія, Австралія, Украина, Одесса, Адрианополь, Умань* etc.). Подъ рубрикою *Свѣтъ* (7ж) мы имѣемъ, кромѣ описанія явленій оптики, и объясненіе смысла термина «свѣтъ» въ Каббалѣ (столб. 750—52). Сверхъ того, въ означенныхъ выпускахъ разсѣяно множество біографическихъ замѣтокъ о различныхъ еврейскихъ писателяхъ, ученыхъ и вообще замѣчательныхъ дѣятеляхъ. Не пропущены даже имена позднѣйшихъ раввиновъ и хасидскихъ богослововъ.

Во всемъ этомъ видна любовь къ дѣлу, видно самое серьезное отношеніе къ своей задачѣ. И если бы планъ изданія осуществился вполне, то мы имѣли бы на еврейскомъ языкѣ не только всеобщую, но также и еврейскую энциклопедію. Но вотъ, не дано же издателямъ свершить свои благія стремленія, повидимому, вслѣдствіе недостатка въ «сочувствіи публики», которой не привлекли ни серьезность замысла, ни прекрасное исполненіе¹. Чѣмъ

¹ Надо еще прибавить, что внѣшность изданія опрятна и дѣна (30 коп. за выпускъ въ 4 большихъ печатныхъ листа компактной печати) — умѣренная.

же объяснить такой печальный фактъ? Мы думаемъ—тѣмъ, что наша публика, читающая по еврейски, сама не понимаетъ своихъ духовныхъ интересовъ какъ должно. Свои духовныя потребности она, конечно, сознаетъ, но не понимаетъ, какъ и какими средствами ихъ удовлетворять, и часто пренебрегаетъ именно тѣмъ, что ей всего нужнѣе. Сотни посредственныхъ или совсѣмъ бездарныхъ мелкихъ произведеній расходятся изрядно, а крупныя и серьезныя изданія лопаются на первыхъ выпускахъ, или впадаютъ въ самое жалкое существованіе. Объяснить это одною только бѣдностью еврейской публики нельзя, такъ какъ издатели съ этою бѣдностью почти всегда соображаются и удешевляютъ свои изданія до-нельзя; нѣтъ, надо допустить порядочную долю равнодушія и невѣжества. Нѣтъ у насъ духовной солидарности въ широкомъ смыслѣ слова, нѣтъ яснаго понятія о народной литературѣ, какъ о лучшемъ достояніи культурной націи, нѣтъ поддержки хорошихъ и полезныхъ книгамъ и нѣтъ заботы объ ихъ распространеніи. Все у насъ пошло въ разбродъ; «всякій изъ насъ въ свою сторону бредетъ, какъ овцы блуждающія»...

Хотѣлось бы надѣяться, что «Га-Эшколь» не навсегда прекращенъ и что онъ еще воспрянетъ послѣ временнаго перерыва. Во всякомъ случаѣ, издателямъ слѣдовало бы запастись большимъ терпѣніемъ и продолжать свое дѣло съ большей энергіей. Мысль о всеобщей энциклопедіи совершенно нова у евреевъ; съ ней еще не успѣли освоиться, а какъ освоятся и поймутъ, тогда, можетъ быть—чѣмъ чертъ не шутить?—и оцѣнить, и поддерживать хорошее дѣло.

לרשמיך לך ילמ. *Вотъ въ чемъ наши грѣхи. Національная исторія Я. И. Мазе. С.-Петербургъ, 1888 (41 стр. in 8°).*

Въ послѣдніе годы въ извѣстной части еврейской публицистики установилось ложное мнѣніе, будто въ настоящее время, когда насъ, евреевъ, повсюду преслѣдуютъ и травяютъ, мы должны только защищаться, отмахиваться отъ ударовъ и, въ назиданіе супостатамъ, заниматься перечисленіемъ своихъ добродѣтелей; о своихъ же недостаткахъ, даже самыхъ вопіющихъ, мы должны умалчивать, ибо теперь «не время обличать». Противъ этого ложнаго и вреднаго взгляда, возмущающаго всѣхъ приподушныхъ, правдолюбивыхъ людей, вооружается авторъ настоящей брошюрки. Онъ ясно и убѣдительно доказываетъ, что грѣшно таить правду отъ самихъ себя даже при такихъ печальныхъ условіяхъ, при какихъ теперь живемъ; что всякій честный человѣкъ нравственно обязанъ, не взирая ни

на что; обличать недостатки и неурядицы въ жизни своего народа, ибо только такое обличеніе можетъ повести къ самоисправленію. Старая, старая истина,—а вотъ же пришлось ее повторить, пришлось напомнить о ней слишкомъ поддавшимся «духу времени» публицистамъ...

Вѣрный своему взгляду, авторъ разсматриваемой книжки съ рѣдкой искренностью и правдивостью «исповѣдуется въ грѣхахъ Израиля». Г. Мазе мало говорить о социальнo-экономическихъ вопросахъ, часто обсуждаемыхъ въ періодической печати (изъ нихъ онъ касается лишь вопроса о школьномъ воспитаніи и о внутреннемъ еврейскомъ міроѣдствѣ), но главнымъ образомъ имѣетъ въ виду тѣ чисто-правственные недостатки и дурныя привычки, которые въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ стали какъ бы присущими той или другой изъ нашихъ общественныхъ группъ. Такъ, онъ бичуетъ позорную страсть къ доносамъ, сильно развитую среди евреевъ и давно уже охарактеризованную извѣстнымъ изреченіемъ императора Николая; онъ возстаетъ противъ нашихъ постоянныхъ раздоровъ изъ-за пустяковъ въ дѣлахъ общинныхъ, противъ нашей «крѣпковѣности», оставшейся еще до сихъ поръ со времени Моисея, противъ нашей склонности «все высиживать», противъ неискренности нашихъ представителей, старающихся отпихивать отъ себя подъ разными предлогами починъ или участіе въ полезныхъ общественныхъ дѣлахъ, лишь бы «себѣ было покойнѣе». Онъ обличаетъ еще одинъ страшный порокъ, присущій намъ и состоящій въ томъ, что мы любимъ, чтобы насъ непрежѣнно хвалили, чтобы постоянно говорили о нашихъ добродѣтеляхъ, и ненавидимъ и преслѣдуемъ какъ врага того изъ нашей среды, который изъ горячей любви къ своему народу раскрываетъ ему глаза на его недостатки и предлагаетъ средства для ихъ исправленія. Онъ упоминаетъ и о жалкомъ положеніи нашихъ писателей, являющемся результатомъ преступнаго равнодушія къ духовнымъ интересамъ своего народа. Все это отиѣчается бѣгло, въ коротенькихъ главкахъ, но виѣстѣ съ тѣмъ ярко и убѣдительно. Глубокая скорбь, которою проникнута эта «національная исповѣдь», невольно сообщается и читателю. Кончая свою исповѣдь, авторъ выражаетъ искреннее желаніе, чтобы его «вздохи и слезы» не пропали даромъ и чтобы его слова, вышедшія изъ сердца, проникли въ сердца его читателей. Мы отъ души присоединяемся къ этому честному желанію г. Мазе, книжку котораго можно смѣло поставить въ образецъ большей части нашихъ публицистовъ, любящихъ разсуждать вкривъ и вкось о «вопросахъ, стоящихъ на вершинѣ вселенной», и не замѣчающихъ того, что у нихъ подъ носомъ

дѣлается и что должно было бы составить главный предметъ ихъ сужденій и писаній.

Школа и трудъ по Талмуду. Историко-педагогическій этюдъ, изложенный въ формѣ литературнаго чтенія. Сочиненіе Е. А. Шура. Одесса, 1888 (VI+45 стр. in 12°).

Эта маленькая книжка есть настоящій складъ курьезовъ идейныхъ и стилистическихъ. Авторъ взялъ пошлую и избитую тему, на которую уже написана масса книгъ и статей, и обработалъ ее «въ формѣ литературнаго чтенія». Это значить, что авторъ, хотя собственно нигдѣ не читалъ своего труда, но во время писанія старался представлять себѣ, будто читаетъ его передъ кѣмъ-то, передъ какой-то незримой аудиторіей. «Сочиненіе мое,—поясняетъ г. Шуръ,—изложено въ формѣ литературнаго чтенія, въ духъ ораторской рѣчи (!), считая такой способъ изложенія наиболѣе удобнымъ для популяризаціи такихъ научныхъ истинъ, которыя желательнѣе, чтобы онѣ сдѣлались достояніемъ народнымъ». Этотъ остроумный, изобрѣтенный г. Шуромъ способъ изложенія сводится единственно къ тому, что авторъ, вмѣсто того, чтобы писать «любезные читатели», «будемъ разсматривать» etc., пишетъ: «Мм. Гг.» или «почтенные слушатели», «буду имѣть честь читать передъ вами» и тому подобныя коварныя «ораторскія» выраженія, «болѣе удобныя для популяризаціи такихъ научныхъ истинъ», etc.

«Научныя истины», открываемыя міру г. Шуромъ, заключаются въ старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ талмудическихъ изреченіяхъ о важности школьнаго образованія, о вредѣ невѣжества и пользѣ знанія, и о необходимости физическаго труда. Большая часть талмудическихъ цитатъ взята прямо изъ «Мировоззрѣнія талмудистовъ»—книги, изданной «Обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи». Г. Шуръ только перепечатываетъ эти цитаты и, разиѣщая по группамъ, снабжаетъ каждую изъ группъ предисловіями и послѣсловіями. Предисловія заключаютъ въ себѣ оригинальныя «научныя истины» въ родѣ слѣдующихъ: «Талмудъ, составляющій terra incognita для большинства нашей (какой?) публики, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ литературнымъ памятникамъ не только древняго міра, но и въ новомъ мірѣ» (стр. 1). «Огульное порицаніе Талмуда, служащаго какъ бы пугаломъ въ нашемъ (?) обществѣ, происходитъ, по нашему мнѣнію (т. е. по мнѣнію г. Шура только), вслѣдствіе своей (?) малой популярности и почти недоступности его en masse (!)

для всенароднаго ознакомленія» (стр. 26). Какъ это ново, оригинально и, главное, какъ прекрасно выражено,—совсѣмъ «въ духѣ ораторской рѣчи», для которой, повидимому, и грамотность ни почемъ!

Истинными перлами глубокомыслия и краснорѣчія слѣдуетъ почитать заключенія и обобщенія автора, дѣлаемыя послѣ каждой группы цитатъ. Авторъ то и дѣло «резюмируетъ все вышесказанное» и резюмируетъ такъ азартно, что подчасъ не замѣчаетъ, какъ его выводы противорѣчатъ другъ другу. Такъ, въ первомъ своемъ чтеніи онъ стремится доказать, что, согласно духу Талмуда, знаніе и умственное развитіе должны цѣниться выше всего, что «невѣжество есть величайшій порокъ» и что «умственной аристократіи» слѣдуетъ отдавать предпочтеніе» etc. (стр. 22 и др.), причѣмъ упрекаетъ современныхъ евреевъ въ томъ, что они не слѣдуютъ этимъ заветамъ Талмуда. Во второмъ же чтеніи онъ дѣлаетъ выводъ, что «ненормальности социальнаго бытія» еврейскаго народа замѣчаются въ... «ослабленіи матеріальныхъ, производительныхъ силъ и въ *чрезмѣрномъ накопленіи и усиленіи интеллектуальныхъ силъ*» (стр. 40). Такимъ образомъ, у г. Шура одно «чтеніе» побиваетъ другое, и окончательно сбивъ съ толку читатель—ахъ, виновать: слушатель—самъ не знаетъ, чего отъ него хочетъ авторъ... то-бишь, «ораторъ».

Та же логичность замѣтна и въ выборѣ цитатъ. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, авторъ приводитъ изреченіе р. Меира, что «всякій обязанъ обучать сына опрятному и *не грубому* (въ Талмудѣ сказано: *легкому*) ремеслу» (стр. 31), а въ другомъ цитируетъ изъ того же Талмуда изреченія, совѣтующія не гнушаться самыхъ униженныхъ и грязныхъ ремеслъ (стр. 36),—и не смотря на взаимное противорѣчіе этихъ цитатъ, авторъ всѣ ихъ ставитъ въ образецъ и предается по ихъ поводу восторженными восклицаніями.

Въ концѣ книжки помѣщены «краткія объяснительныя примѣчанія», во главѣ коихъ красуется слѣдующая фраза: «Назначая этотъ эту для чтенія *еврейской публики*, большинство которой мало или вовсе незнакомо съ талмудической литературой, я счелъ необходимымъ прибавить ниже слѣдующія примѣчанія» (стр. 41). Ну, а если бы авторъ «назначилъ» свой трудъ для не-еврейской публики, то примѣчанія не понадобились бы,—не такъ-ли?

Въ предисловіи авторъ предупреждаетъ, что нѣкоторыя талмудическія цитаты переведены имъ съ подлинника «буквально», иногда даже «немного въ ущербъ плавности русской рѣчи». Мы же можемъ сказать, что

не только переводъ нѣкоторыхъ цитатъ, но и почти всѣ оригинальныя мысли автора выражены не только «въ ущербъ плавности», но просто даже въ ущербъ грамматикѣ и русскому языку, а нерѣдко и здравому смыслу. Хотя это показаніе уже достаточно подтвердилось предыдущими ссылками, но мы не можемъ удержаться, чтобы *roug la bonne bouche* не привести еще нѣкоторыхъ обрашковъ. Вотъ они: «Чтобы пробудить въ молодомъ поколѣніи любовь къ изученію обширной науки іудаизма, я рѣшился разрабатывать нѣкоторые вопросы по духу этой науки въ ходѣ живого ораторскаго слова для всенароднаго ознакомленія» (стр. III). «Ихъ (талмудистовъ) умышленный кругозоръ охватилъ, что высокая степень цивилизации» etc. (стр. 6). «Систематичность строго разграничена, за рубежомъ которой преподаватель не долженъ перешагнуть» (стр. 9). «Гоненія Израиля въ то мрачное время заставляли талмудистовъ собрать эти законы письменно, боясь, чтобы устный способъ передачи ихъ не пришелъ со-*всѣмъ въ забвеніе*» (стр. 45; авторъ, видно, хотѣлъ сказать: «чтобы вслѣдствіе устнаго способа передачи они, законы, не пришли въ забвеніе», а сказалъ чепуху). Въ одною мѣстѣ, цитируя «Исторію еврейской литературы» Карпелеса, г. Шуръ присовокупляетъ: «Передаю *подлинными* словами *переводчика* Вейнберга» (стр. 29), что неволью вызываетъ смѣхъ. Стараясь уснастить свой трудъ латинскими и французскими выраженіями, но очевидно не понимая ихъ смысла, бѣдный г. Шуръ попадаетъ нерѣдко впросакъ и пишетъ: «*Non multum, sed multa*», не подозревая, что прямо переначилъ извѣстное изреченіе (стр. 24); «недоступность его *en masse*» въ смыслѣ «недоступности массъ» (стр. 26), а *propos*—въ смыслѣ мимоходомъ, т. е. не кстати (стр. 34) etc. Не говоримъ уже о массѣ мелкихъ ошибокъ, искажающихъ смыслъ большей части предложеній.

Человѣку съ такими литературными ресурсами самый лучшій совѣтъ— «не прилагать къ перу свои руки», дабы не смѣшить почтенной публики

С. М.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

(Окончаніе) ¹.

Наиболѣе рѣзкимъ фактомъ внутренней жизни евреевъ за прошлый годъ является смерть многихъ болѣе или менѣе выдающихся въ той или другой области жизни людей. Умеръ Думашевскій, Леванда, Цвейфель, Розенталь и мн. др. Въ поминальной рѣчи по поводу смерти Розенталя, д-ръ А. Я. Гаркави, между прочимъ, выразился: «Мы, русскіе евреи, не умѣемъ ни жить толково, ни умереть порядочно». Фраза эта врѣзалась мнѣ въ память и я невольно вспоминаю ее въ каждомъ соотвѣтствующемъ случаѣ.

Человѣкъ, который въ теченіи всей своей жизни хлопоталъ объ увеличеніи средствъ для распространенія просвѣщенія среди еврейской массы, не оставилъ ни одного гроша для того, чтобы обезпечить возможность дѣятельности въ этомъ же духѣ послѣ его смерти. То-есть въ сущности онъ оставилъ, по свѣдѣніямъ А. Я. Гаркави, значительныя суммы, но оставилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, не облекъ своего завѣщанія въ обязательную для его потомства форму. У него, повидимому, были добрыя желанія, но не было достаточной энергіи для того, чтобы осуществить ихъ. При его жизни, въ умѣ его, очевидно, бродило неясное сознаніе, что залогъ преуспѣянія его единоплеменниковъ заключается въ распространеніи среди нихъ знанія, что нужно помочь людямъ выбиться къ свѣту, что безъ опоры и поддержки многіе гибнутъ на поль-пути. Но, повторяю, это было только неясное сознаніе, и оно осталось такимъ до того момента, когда онъ сводилъ расчеты съ жизнью. И вотъ результаты!

Эта-то черта или, вѣрнѣе, это-то неопредѣленное настроеніе, повидимому присуще громадному большинству русскихъ евреевъ. Нельзя сказать, что они не цѣнятъ знанія и людей, обладающихъ имъ, что они не при-

¹ См. Восходъ, кн. III.

знать значенія и силы знанія, что они не относятся съ уваженіемъ къ людямъ, работающимъ на пользу общую. Исслушайте, какъ поминается умершие дѣатели, какъ оплакивается ихъ преждевременная смерть, какъ чувствуютъ, хотя бы и на словахъ только, ихъ память. Но отъ всѣхъ словъ, преносимыхъ обыкновенно по такому поводу, вѣсть холодно; встрѣчаются среди нихъ весьма прочувствованныя, сопровождаемыя неподдѣльными словами, свидѣтельствующими о томъ, что люди, изъ главъ которыхъ онѣ исторгнуты, знали и понимали что они теряютъ. Но что же было сдѣлаво при жизни того или другого общественнаго дѣателя, чтобы продлить его существованіе, чтобы оградить его отъ смертельныхъ ракъ, наносимыхъ жестокою борьбой за существованіе. Не всѣ они, конечно, нуждались въ постороннемъ содѣйствіи, — и благо имъ. Дунаевскій и Левада, напримѣръ, были истомыо практичны, что съумѣли устроить свои житейскія дѣла. Что пришлось въ жертву этой практичности, это другой вопросъ; но были и есть многіе, которые такою практичностью не обладаютъ.

Не о помощи въ видѣ благотворительности говорю я. Люди, обладающіе знаніемъ, люди, съ дѣтства мечтающіе о работѣ для пользы общей и становящіеся общественными дѣателями, въ такой помощи не нуждаются и, конечно, принципиально отвергаютъ ее. Единственное, что необходимо для нихъ — это пониманіе обществомъ ценности ихъ труда, умѣнье достойнымъ образомъ оцѣнить его.

Поясню это примѣромъ и, кажется, достаточно убѣдительнымъ и яснымъ для того, чтобы уразумѣли моя мысль. Покойный Оршанскій видѣлъ цѣль своей жизни въ научной и публицистической дѣятельности. Насколько плодотворна была эта дѣятельность, какъ въ области юриспруденціи, такъ и въ области спеціально-еврейскаго вопроса, между которыми онъ дѣлилъ свое время, извѣстнае спеціалистамъ-юристамъ, съ одной стороны, и людямъ, занимающимся еврейскими вопросами, — съ другой стороны. Онъ прокладывалъ новые пути, вносилъ громадный запасъ знаний въ разработку вопросовъ той и другой области и долго еще, очень долго, придется считаться съ его взглядами и сгруппированными имъ фактами въ указанныхъ двухъ областяхъ. А между тѣмъ онъ почти до самой смерти своей не выпускалъ пера изъ рукъ, не только потому, что хотѣлъ работать, но потому, что долженъ былъ работать для добыванія средствъ существованія. Что же, — онъ нуждался въ помощи благотворителей? Да нѣтъ же! Покойный Оршанскій отлично понималъ, что научно-публицистическая дѣятельность, при

вышшихъ условіяхъ оцѣты этого труда, не въ состояніи обеспечить труженника науки или публициста. И вотъ онъ, будучи еще въ Одессѣ, попытался заняться адвокатурой, конечно, какъ подспорье. Оказалось, что къ нему кліенты не шли. Не шли потому, что онъ слишкомъ много звалъ, по мѣрѣ этихъ господъ, для того, чтобы быть полезнымъ для нихъ практикомъ-юристомъ.

Вотъ въ этой-то волѣности вся загадка возмутительнаго отношенія русскихъ евреевъ къ болѣе или менѣе выдающимся среди нихъ людямъ. Они якобы уважаютъ всякую умственную силу при жизни и чествуютъ ее послѣ смерти; на сценѣ дѣлъ они ставятъ ее выше всякой отчаянной посредственности, не понимая, что умственная сила, способная къ тому, чтобы совершить большее, легко и, конечно, вполне добросовѣстно исполнить меньшее. Несомнѣнно, что Орманскій, будучи выдающимся юристомъ, былъ бы отличнымъ практикомъ, и кліенты нисколько бы не пострадали отъ веденія имъ ихъ дѣлъ, а послѣднія минуты его жизни не были бы отравлены необходимостью работать не покладая пера.

Вы видите таинъ образомъ, что это мнимое уваженіе къ людямъ знанія, къ общественнымъ дѣятелямъ, въ сущности равносильно полному пренебреженію къ нимъ, какъ къ людямъ имъ къ чему не пригоднымъ, что посмертное чествованіе ихъ и возвышеніе ихъ заслугъ смыкается въ самомъ дѣлѣ на ханжество... А между тѣмъ, повторяю, уваженіе къ нимъ зачастую доходить до благоговѣнія, а въ посмертномъ чествованіи проявляется много искренности.

Извѣстно изреченіе Фридриха Великаго: Если бы я захотѣлъ разорвать провинцію, я бы отдалъ ее въ управленіе идеологамъ. Это говорилъ король-философъ. Съ этою идеологою, и на самомъ дѣлѣ зловредною мыслью русскіе евреи никакъ не могутъ расстаться, не смотря на то, что за рубежомъ, среди германскихъ евреевъ, она давно счѣтена за дѣстонство. Число интеллигентныхъ евреевъ, не обладающихъ наследственными капиталами, неизмѣримо велико среди нѣмецкихъ евреевъ, въ сравненіи съ тою горстью, которая живетъ у насъ. Между тѣмъ всѣ они пристрастны къ какому нибудь практическому дѣлу, не препятствующему имъ дѣйствовать по влеченію сердца или по склонности ума въ той или другой области общественной жизни, въ той или другой области знанія.

Пора кончить бесѣду на эту тему. Одно скажу: было бы невредно, если бы поменьше чествовали умершихъ и побольше думали о живыхъ-

Это было бы невредно не только для этихъ отдѣльныхъ лицъ, но и для другихъ, на пользу которыхъ они работали и желаютъ работать.

VI.

Было бы странно, конечно, если бы, вспоминая событія прошлаго года, я не остановился хоть вкратцѣ на пожертвованіи барона Гирша. Это пожертвованіе донныѣ окружено мнѣстескимъ туманомъ, хотя само по себѣ предложеніе жертвователя далеко не мнѣ. Оно было предложено въ официальной формѣ, т. е. предложеніе сдѣлано было правительству, и рѣчь шла только объ употребленіи пожертвованія. Увѣряютъ, что именно въ-за разногласія по вопросу объ употребленіи пожертвованія оно же болѣе и болѣе становится мнѣстескимъ.

Если на самомъ дѣлѣ существуетъ такое разногласіе относительно способа употребленія пожертвованія, то это есть крупное недоразумѣніе, вызванное тѣмъ, что постановка вопроса была съ самаго начала не ясная и сдѣлана не въ принципиальной формѣ. Одно изъ двухъ: или необходимо стремиться къ слиянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, къ обрусенію еврейскаго населенія, т. е. къ осуществленію той задачи, которая поставлена была еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, къ осуществленію которой, и безуспѣшно, стремились и впоследствии. Въ такомъ случаѣ пожертвованіе въ 20 милліоновъ рублей получаетъ вполне ясное назначеніе. Знаніе и производительный трудъ — вотъ тѣ средства, которыя ведутъ къ указанной цѣли. При такой постановкѣ вопроса не можетъ возбуждать споровъ разница въ мнѣніяхъ о томъ, слѣдуетъ-ли затратить большую сумму на устройство земледѣльческихъ колоній, или на устройство школъ, въ томъ числѣ и земледѣльческихъ.

Признаюсь поставивъ «или», я нѣсколько затрудняюсь теперь прибавить другое «или». Казалось бы, что нѣтъ выбора между двумя задачами, а есть только одна задача и другой въ культурномъ государствѣ быть не можетъ. Но вотъ различные празднующіеся публицисты изо дня въ день твердятъ, что евреевъ надо гнать, вытѣснить изъ всѣхъ сферъ дѣятельности, что это зловредный элементъ, который не долженъ и не можетъ ассимилироваться съ остальнымъ населеніемъ. Это говорятъ все люди, у которыхъ языкъ безъ костей, которые болтаютъ безответственно, и я не думаю, чтобы солидные люди могли принять въ серьезъ такія вздорныя мысли. Но допустимъ въ видѣ гипотезы, что фельетонисты нѣкоторыхъ

нръ нашихъ печатныхъ простыней вдругъ получили возможность принять свои взгляды на дѣлѣ. Въ такомъ случаѣ 20 милліоновъ рублей могли и должны были бы идти на содѣйствіе къ выселенію, хотя бы въ Америку, того элемента населенія, который признается непригоднымъ къ ассимилированію. Очевидно, что, и съ этой точки зрѣнія, ясная постановка вопроса устранена бы равнеликія и дада бы возможность примѣнить съ пользою пожертвованіе.

Такимъ образомъ, повторю, недоразумѣнія вызваны тѣмъ, что дуталидѣ въ мелочахъ и вопросъ не былъ поставленъ на принципиальную почву. Только пристрастіе къ увержанью, къ выводу, къ игрѣ въ журики—могло повести къ тому, что великодушное пожертвованіе барона Гирна, столь нужное для русскихъ евреевъ при изыбщеніи ихъ тяжелою недоженіи, все болѣе и болѣе ускользаетъ отъ нихъ, какъ заколдованный кладъ.

М. Кулишеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА. (Продолженіе). Е. Хисина.	3
II. ЦАРЬ СІОНСКІЙ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. (Окончаніе). А. Носсига	19
III. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ. Къ годовщинѣ революціи 1789 года. (Продолженіе). С. Мстиславскаго.	31
IV. СОВРАТЬ ПО НЕДУГУ. Очеркъ. Л. Русина.	55
V. ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ. (Фантазія). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	77
VI. ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). Съ ан- глійскаго. Альмонда.	81
VII. ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста-Ли- товскаго, преемникъ Стефана Баторія. (Историческая легенда). (Окончаніе). Проф. С. А. Бершадскаго	101
VIII. БИБЛЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ. Стихотвореніе. Н. Льдова.	116
IX. ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Съ при- мѣчаніями А. Я. Гарнави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. ХОРОШІЙ РОМАНЪ. А. Волинскаго.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Стихотворенія М. С. Абрамовича.	17
XII. БИБЛИОГРАФІЯ:	

1) תכלת: *Всеобщая Энциклопедія на еврейскомъ языкѣ.*

<i>Выпуски I—VI. Изданіе И. и Г. Гольдмановъ и К^о. Варшава, 1888.</i>	27
2) <i>משנה תורה. Вотъ въ чемъ наши вѣри. Національная исповѣдь Я. И. Мазе. С.-Петербургъ, 1888.</i>	29
3) <i>Школа и трудъ по Талмуду. Историко-педагогическій этюдь, изложенный въ формѣ литературнаго чтенія. Сочиненіе Е. А. Шура. Одесса, 1888.</i>	31
XIII. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. (Окончаніе). М. И. Кулишера	34

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

І ю н ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольшого Театра, 2.

1889.

ALGEBRA

1887

ALGEBRA

ПЕРВАЯ ГРОЗА.

То было въ день грѣхонадѣнья.
Отъ непомогающимъ явился серафимъ,
И грѣшная чета бѣжала передъ нимъ
Черезъ рая свѣтлыя селенья.

И вотъ уже врата... Тогда въ послѣдній разъ
На рай потерянный жена и мужъ ваглянули...
Въ сѣньи дня холмы предъ ними развернули
Долины мирныя, ласкающія глазъ,
Цвѣтушіе сады и сумрачныя чащи.
Бывало, полдень тамъ прохладой дышалъ,
А теплою ночью ключъ журчащій
Любви лобзанья заглушалъ...

И все потеряно! Горитъ красой прощальной
Лазурь безоблачныхъ небесъ,
И пѣсни яркихъ птицъ слилися въ хоръ печальный,
Киваетъ грустныхъ пальмъ раскидистый навѣсъ.
И звѣри вроткіе сошлись, покинувъ рощи,
Взглянуть на бѣглецовъ, своихъ царей досель:
Жирафъ высокій, страусъ тощій,
И слонъ задумчивый, и рѣзвая газель...

Увы, возврата нѣтъ! Не ждётъ посоль суровнй:
 Онъ шумно распахнулъ и запахнулъ врата.
 Изгнанники стоятъ среди природы новой,—
 Эдемъ потерявъ навсегда!

О, что за мрачный видъ! Небесный сводъ въ движенъи...
 Несутся стаи тучъ.— „Какъ этихъ птицъ зовутъ?“ —
 — Не знаю, шепчетъ мужъ. — „Смотри: онѣ растутъ!“ —
 И тучи разрослись. Какъ въ ночь, сгустились тѣни
 И вихорь налетѣлъ среди внезапной мглы.

„Вто это гонитъ насъ, незримый и сердитый?“
 — Не знаю. — И бѣгутъ они искать защиты
 Туда, гдѣ двѣ сосны впились въ грудь скалы,
 И за узлы корней хватаются руками.

Но вихря бѣшеный порывъ—
 И сосны, вырваны съ корнями,
 Летятъ въ зияющій обрывъ...

Тогда, пещеры выходъ черный
 Въ скалѣ завидѣвъ, человекъ
 Съ подругой плачущей туда направилъ бѣгъ
 Черезъ камни острые и вьющіяся терны.

Но чутъ: онъ добѣжалъ, блестящая стрѣла
 Ударилъ съ небесъ, рассыпалась скала,
 И громъ загрохоталъ, и въ дивнй бой метнулись

Всѣ силы неба и земли—
И первую грозой природу потрясли...

Когда жъ гроза прошла, жена и мужъ очнулись—

И вотъ предъ ними свѣтлый духъ
И такъ имъ говорить, лаская робкій слухъ:

„О, дѣти слабыя, игралище природы,
Добыча случая, рабы Господнихъ слугъ!

Не плачьте: я—вашъ мощный другъ!

Послѣдуйте за мной—и вольный вихрь, и воды,
И землю, и огонь я вамъ порабочу
И здѣсь, средь сѣрыхъ скалъ, среди степи безводной,

Гдѣ нынѣ чахнетъ хвощъ голодный,

Эдежь я новый возрошу,

Вашъ собственный эдежь, гдѣ, не боясь изгнанья,
Вы будете вкушать плоды любви и знанья!

А если какъ нибудь сомнѣнія змѣя

Подкрадется къ вамъ вновь, или тоска, или злоба,

Иль страхъ предъ вѣчной ночью гроба,—

Ко мнѣ зывайте лишь—и я

Верну утраченныя силы,

Вмигъ разорву сомнѣній сѣть,

И научу васъ въ мракъ могилы

Съ душой безтрепетной глядѣть“...

Такъ говорилъ имъ духъ. И наги на каменнѣи
Предъ нимъ жена и мужъ, и слезы счастья льютъ.

— „Повѣдай, какъ тебя зовуть?“

— Трудомъ, — отвѣтилъ свѣтлый гений.

Н. Минскій.

СОБРАТЬ ПО НЕДУГУ.

(О Ч Е Р К Ъ).

(Окончаніе).

VII 1.

Я почти совсѣмъ оправился и доживалъ въ больницѣ послѣдніе дни. Меня ежедневно навѣщали знакомые.

Быль прелестный октябрьскій день на исходѣ, когда меня совершенно неожиданно посѣтили Грюнталы. Они пріѣхали въ Неаполь на короткое время и случайно узнали о моей болѣзни отъ моего банкира. Вспомнили наше старинное знакомство и рѣшились меня навѣстить. Я былъ очень обрадованъ. Я сидѣлъ на большой террасѣ, общей для всего перваго разряда. Такъ какъ я въ это время былъ единственный изъ перворазрядныхъ больныхъ, которому недуги позволяли пользоваться воздухомъ и движеніемъ, то терраса эта служила мнѣ и столовой, и кабинетомъ, и пріемной. Днемъ я даже спалъ тамъ. Грюнталей я тоже принялъ на террасѣ. Покуда они у меня сидѣли, нашъ докторъ, закончивъ свой вечерній обходъ, по обыкновенію пришелъ ко мнѣ. Человѣкъ онъ былъ весьма общительный и симпатичный. Я его тотчасъ же познакомилъ съ моими гостями. Черезъ полчаса они сошлись какъ старые знакомые, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, г-жа Грюнталь интересовалась болѣзненнымъ дѣломъ. Она у себя на родинѣ была одной изъ учредительницъ и дѣятельныхъ попечительницъ пріюта и больницы для еврейскихъ дѣтей.

Мой докторъ, конечно, вызвался показать гостямъ нашу

¹ См. Восходъ, кн. V.

больницу, которая была обязана своимъ существованіемъ главнымъ образомъ его инициативѣ и заботамъ.

Я, опираясь на палку, въ сопровожденіи моей сидѣлки, тоже послѣдовалъ за ними, по настоянію самого эскулапа, который любилъ, чтобы больные по мѣрѣ возможности разнообразили свое существованіе и не закидали, какъ онъ выражался.

Г-жа Грюнталь такъ внимательно, толково и любовно относилась къ больничному дѣлу, что докторъ, которому это было по вкусу, не щадилъ времени и объясненій. Мы долго пробыли въ дѣтской палатѣ, гдѣ ласковая, умѣлая привѣтливость гостыи вызывала счастливую улыбку на многихъ личикахъ маленькихъ страдальцевъ.

— Вы умѣете лечить дѣтей,—замѣтилъ ей докторъ.

— Я совсѣмъ не умѣю лечить, — смѣясь отвѣчала г-жа Грюнталь.

— Умѣть заставлять больныхъ забывать ихъ страданія — лучший способъ леченья,—возразилъ врачъ;—искренній привѣтъ, ласковая улыбка—во многихъ случаяхъ спасительнѣе нашихъ лекарствъ:

Послѣднія палаты, въ томъ числѣ и ту, въ которой лежалъ Глюкштейнъ, мы проходили быстро, не останавливаясь. Гости съ докторомъ вышли уже на большую террасу, окаймлявшую эту палату, когда я, изрядно утомленный, медленно ковыляя со своей палкой, остановился перевести духъ около кровати Глюкштейна.

— Здравствуйте,—обратилась къ нему моя сидѣлка.

Обыкновенно онъ отвѣчалъ радостною улыбкой на ея привѣтствія; на этотъ же разъ даже не обратилъ вниманія ни на нее, ни на меня. Онъ слѣдилъ широко расширенными, словно изумленными глазами за проходившими гостями; глядѣлъ на нихъ сквозь окно, выходившее на террасу, приподнял немного голову, повидимому прислушиваясь къ тому, что они говорили съ докторомъ.

Я попытался съ нимъ заговорить, онъ даже не замѣтилъ меня. Мы тоже вышли на террасу. Съ нея открывался видъ на тотъ амфитеатръ садовъ и виноградниковъ, который въ день моего прибытія въ больницу казался мнѣ заколдованнымъ са-

домъ. Теперь онъ не являлъ моему воображенію ничего сверхъестественнаго, но былъ еще очаровательнѣе. Богатая, пышная, разнообразная зелень нынче, въ октябрѣ, была еще сочивѣе и свѣжѣе; солнечный свѣтъ не былъ зноимъ, не ослѣпительно бѣлъ какъ весной. Онъ теперь, мягко розовѣя, золотилъ листву; темно-синія съ красноватымъ оттѣнкомъ гроздья винограда, живые группы фиговыхъ и тутовыхъ деревьевъ, темныя колонны кипарисовъ, пронизанныя лучами солнца, и зонтикообразныя широкія вершины итальянскихъ кедровъ отчетливо вырисовывались на яркой лазури неба.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! — воскликнула г-жа Грюнталь, — и посмотри, мой другъ, — обратилась она къ мужу, — какъ это напоминаетъ Ж.: вотъ этотъ домъ очень похожъ на нашъ.

— Ну, растительность-то здѣсь побогаче, — улыбаясь отозвался супругъ.

— Нѣтъ, право, напоминаетъ; даже этотъ виноградникъ точно тотъ, что между нашей землей и дачей Орлея.

— А вы въ Ж. постоянно живете? — осведомился докторъ.

— Жили долго; а теперь въ этомъ году переселились отсюда, — отвѣчала она. Тѣнь грусти скользнула по ея выразительному и все еще, не взирая на ея 45 лѣтъ, привлекательному лицу. — Мнѣ было жалко покидать Ж., — добавила она.

— Вернетесь опять когда нибудь, *on revient toujours à ses premiers amours*.

Она вдохнула и переглянулась съ мужемъ.

— Не знаю... Вѣдь мы евреи, насъ оттуда почти выгнали. Жить стало невозможно.

Она своимъ открытымъ взглядомъ смѣло взглянула въ глаза доктора, словно желая знать его мысли о еврейскомъ вопросѣ.

Докторъ понялъ ея взглядъ, и возразилъ:

— Я глубоко уважаю евреевъ, которые не скрываютъ своего происхожденія и въ образованіи ищутъ средствъ для борьбы противъ средневѣковыхъ предразсудковъ.

Въ его словахъ было много искренняго убѣжденія. Тѣнь грусти сбѣжала съ лица г-жи Грюнталь.

— Да, борьба-то покуда не видно конца, — возразила она,

прислонясь къ парапету террасы и задумчиво глядя на зелѣющій передъ нами амфитеатръ.

Разговоръ затѣлъ объ еврейскомъ вопросѣ. Грюнталь въ короткихъ словахъ разсказалъ, что, выдержавъ года два тому назадъ въ Ж. первый взрывъ юдофобскаго движенія, они весной этого года должны были уступить и покинуть Ж., вѣрдысь вторичнаго, еще болѣе свирѣлаго взрыва племенной ненависти.

— Ну, что дѣлать, никто какъ Богъ!—закончилъ разговоръ г. Грюнталь.—Намъ, однако, пора домой. Мы и то злоупотребили вашей любезностью, докторъ.

И, поблагодаривъ врача, гости направились; минуя палаты, къ спуску съ террасы, выходящему прямо въ садъ.

— Вотъ бы Марія была рада взглянуть на этотъ видъ; онъ напомнилъ бы ей родину,—сказала мужу г-жа Грюнталь, останавливаясь на первыхъ ступенькахъ.

— Эта ваша дочь?—спросилъ докторъ;—привезите ее сюда.

— Нѣтъ, не дочь,—воспитанница. Но по сердцу; пожалуй, дочь; у насъ нѣтъ дѣтей.

— Тоже жертва средневѣковыхъ предрассудковъ,—съ горькой усмѣшкой добавилъ мужъ.

— Я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ, докторъ, и привезу Марію. И вы съ ней познакомитесь, вы любите дѣтей, а Марія чудесный ребенокъ, — добавила г-жа Грюнталь, обращаясь ко мнѣ.

Затѣмъ всѣ быстро спустились съ террасы и, не останавливаясь въ саду, прошли къ воротамъ, гдѣ пѣсѣтителей ожидалъ экипажъ ихъ, четырехмѣстная коляска.

VIII.

Экипажъ былъ поданъ; г-жа Грюнталь заговорила съ докторомъ о больничной гигиенѣ и о дѣтскихъ палатахъ. Всѣ мы стояли у подъѣзда, спиной къ дверямъ больницы. Вдругъ какой-то странный голосъ довольно громко, но глухо и нетвердо прозвнесъ:

— Грюнталь!

Мы всё обернулись: передъ нами стоялъ Глюкштейнъ. Стоялъ онъ твердо; никто его не поддерживалъ; глаза его искрились возбужденіемъ; лицо было взволнованное; но видно было что онъ совершенно сознательно старался сдерживать это волненіе и владѣть собой. Сзади него стояли фельдшеръ и болничный слуга, растерянные, блѣдные отъ испуга и изумленія. Моя сидѣлка инстинктивно приблизилась къ Глюкштейну, чтобъ быть на-готовѣ поддержать его. Докторъ же отступилъ назадъ, тоже пораженный, и внимательно вглядывался въ него. Всѣ мы глядѣли на моего собрата какъ на чудо, какъ на воскресшаго изъ мертвыхъ.

Грюнталь были только удивлены и, повидимому, обрадованы.

— Вотъ ты гдѣ!—воскликнуть банкиръ,—что ты здѣсь дѣлаешь?

— Мы васъ искали, — добавила г-жа Грюнталь.

— Искали? Марія... умерла?

Глюкштейнъ произнесъ эти слова внятно, но съ разстановкой, съ замѣтнымъ усиленіемъ, и впился глазами, въ которыхъ свѣтился ужасъ, въ глаза Грюнталья...

— Никогда, никогда!.. Съ чего вы взяли? Она жива и здорова!—воскликнули почти въ одинъ голосъ и мужъ и жена съ такимъ выраженіемъ энергическаго протеста, что по глазамъ Глюкштейна видно было, что онъ повѣрилъ. Что-то въ родѣ радости стало проступать въ его взглядѣ сквозь смертельный ужасъ. Онъ нахмурилъ брови, сился сообразать.

— Мы не знали гдѣ вы, съ апрѣля мѣсяца мы не получали отъ васъ писемъ. Что съ вами было?

— Онъ былъ боленъ,—вѣшался докторъ и поспѣшно добавилъ, продолжая подозрительно наблюдать за своимъ пациентомъ:—только теперь ему лучше, гораздо—гораздо лучше.

Глюкштейнъ не слышалъ доктора, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія опять также старательно, внятно, съ разстановкой произнесъ:

— Марія жива? вѣрно?

— Какой вы, Глюкштейнъ,—воскликнула г-жа Грюнталь.— Конечно, жива. Она здѣсь, въ Неаполь... Хотите ее видѣть?

Лицо больного озарилось свѣтлой радостью; онъ что-то хо-

тѣлъ сказать и не могъ, только дотронулся до руки стоявшей передъ нимъ пріятельницы, а на глазахъ у него проступили слезы. По лицу доктора я замѣтилъ, что эти слезы онъ считалъ добрымъ признакомъ.

— Докторъ, онъ можетъ ѣхать съ нами? — спросила г-жа Грюнталь.

Докторъ хорошо сознавалъ невозможность выпустить больного въ такой критическій моментъ изъ-подъ своего надвора. Но отвѣтить отказомъ онъ боялся — не зная какъ это подѣйствуетъ на Глюкштейна. Къ счастью, послѣдній, кажется, не слыхалъ вопроса.

— Да, можетъ, — отвѣтилъ врачъ, нѣсколько подумавъ; — только ужъ позвольте и мнѣ васъ сопровождать, я только кой-что захвачу съ собой... Докторъ пошелъ въ свой кабинетъ, чтобы запастись необходимыми лекарствами.

— Ну, Глюкштейнъ, въ такомъ случаѣ садитесь; ѣдемъ, — и г-жа Грюнталь взяла его подъ руку.

— Къ Маріи? — спросилъ больной. Глаза его радостно, но тревожно бѣгали; мускульная дрожь стала замѣтнѣе.

— Садитесь въ коляску...

— Позвольте, мы поможемъ, — предложилъ фельдшеръ, приближаясь вмѣстѣ со слугой и съ моей сидѣлкой.

Они хотѣли-было приподнять и посадить Глюкштейна въ экипажъ. Когда они дотронулись до больного, онъ оглянулся, какъ будто что-то вспомнилъ. По лицу было видно, что онъ сдержалъ одолевавшее его волненіе, сознавая опасность поддаться ему. Онъ улыбнулся своей почти дѣтской, доброй улыбкой, произнесъ тихо: «нѣтъ, ничего; я самъ», дѣйствительно, безъ посторонней помощи, осторожно и несмѣло влѣзъ и помѣстился въ экипажъ.

Слуга побѣждалъ за его шляпой.

Когда коляска уѣхала, фельдшеръ и палатный служитель рассказывали намъ, что Глюкштейнъ, съ того мгновенія, какъ черезъ комнату прошли на сосѣднюю террасу Грюнталь, не сводилъ глазъ съ окна, черезъ которое ихъ было видно, и казалось, прислушивался къ ихъ разговору. Выраженіе его лица сдѣлалось строгое, серьезное, болѣе чѣмъ когда либо осмы-

сленное. Видно было, что онъ о чемъ-то крѣпко думалъ, понималъ, что говорить, и что-то замышлялъ.

Когда Грюнтали съ докторомъ спустились съ террасы, онъ медленно, но довольно твердо и свободно всталъ съ кровати, вышелъ на террасу и сталъ спускаться съ лѣстницы. Фельдшеръ и прислуга были такъ поражены неожиданностью, что не догадались — можетъ быть, и къ лучшему — остановить его, и увлекаемые, не столько долгомъ, сколько любопытствомъ, пошли вслѣдъ за нимъ.

IX.

Вотъ, что я узналъ на другой день отъ Грюнталя о прошломъ моего бѣднаго собрата по болѣзни. Онъ былъ родомъ изъ Галиціи; отецъ его, состоятельный еврей, крѣпко державшійся старины, не пренятствовалъ ему учиться и образовать себя; но когда сыну было около 21-го года, онъ покинулъ родной городъ, ибо съ родителями жить ему становилось тяжело. Онъ оставался вѣренъ своей религіи, но былъ нуждъ старинныхъ предразсудковъ, обособляющихъ евреевъ. Отъ природы добрый, любящій, общительный и неглухой, онъ тяготился этой обособленностью. Поселясь въ Венгріи, въ городѣ К., онъ сближался безразлично и съ своими единоплеменниками и съ христіанами. Онъ женился на дочери мѣстнаго банкира, на двоюродной сестрѣ моего знакомаго Грюнталя. Открылъ часовой магазинъ; отецъ и тесть дали ему денегъ; дѣла шли превосходно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. 9 лѣтъ тому назадъ у него родилась дочь Марія. Маріи было 7 лѣтъ, когда въ К. разразилось антисемитское движеніе, вскорѣ перешедшее въ стихійное буйство черни, преслѣдовавшей евреевъ. Добрыя, искренне-человѣческія отношенія Глюкштейна къ согражданамъ-христіанамъ послужили ему же во вредъ. Марія росла одна; ея родители доставляли ей возможность играть со сверстницами; дѣти сосѣдей-христіанъ, по преимуществу людей бѣдныхъ и простыхъ, радушно, ласково принимались Глюкштейномъ и его женой; въ ихъ большомъ саду, обнесенномъ высокимъ заборомъ, часто звенѣли веселые дѣтскіе голоса.

Когда въ городѣ разразились волненія, прошелъ слухъ, что еврей Глюкштейнъ нарочно привлекаетъ въ свой домъ христіанскихъ дѣтей, склоняетъ ихъ въ еврейство, а, можетъ быть, и мѣсть и еще боже предосудительныя цѣли.

Разъяренная толпа вринула громить домъ и магазинъ Глюкштейна. На свою пуцую бѣду, Глюкштейнъ нѣсколькими мѣсяцами раньше взялъ къ себѣ въ домъ для воспитанія и обученія часовому ремеслу 10-ти лѣтняго мальчика-сироту; мальчикъ былъ христіанинъ. Когда толпа ворвалась въ домъ, онъ, не понимая смысла движенія, въ испугѣ спрятался на чердакъ; но когда ему послышалось, что буяны и туда добираются, онъ выкарабкался на крышу черезъ слуховое окно. Дѣло было послѣ дождя; крыша была мокрая, бѣдняжка поскользнулся, скатился и уналъ въ садъ. Домъ былъ, правда, невысокій, всего въ два этажа; по счастью, ребенокъ не убится, но ворвавшаяся въ садъ толпа нашла его безъ чувствъ и въ крови. Это казалось лучшимъ подтвержденіемъ слуховъ о коварномъ обращеніи Глюкштейна съ христіанскими дѣтьми; никто не хотѣлъ сомнѣваться, въ моментъ стадового возбужденія, что мальчикъ, съ крестомъ на шеѣ, былъ сброшенъ съ крыши евреями. Толпа не удовольствовалась разграбленіемъ дома и магазина; она захватила Глюкштейна, его жену, дочь, и направилась со своей добычей къ рѣкѣ, угрожая на глазахъ отца и матери бросить въ потокъ ихъ Марію, въ возмездіе за истязаніе ими христіанскаго мальчика.

Подоспѣвшія къ мосту власти, полиція и войска успѣли прекратить буйство и освободить несчастныхъ; Марія была спасена. Но черезъ нѣсколько дней, отъ болѣзни, порожденной испугомъ, умерла жена Глюкштейна: она была беременна. Имущество его обратилось почти въ ничто. Состояніе и его отца и его тестя за довольно продолжительный періодъ волнений, вспыхнувшихъ и въ другихъ городахъ, было такъ потрясено, что съ ихъ стороны онъ не могъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ рассчитывать на помощь. Къ тому же, въ видахъ личной безопасности, ему необходимо было переселиться въ другое мѣсто. Онъ переѣхалъ въ Ж., гдѣ было спокойнѣе и гдѣ жили мои знакомые Грюнталі. У Грюнталі было хорошее состояніе, онъ

предложить разорившемуся родственнику ссуду для новаго торговаго обезаженія. Но Глюкштейнъ, по независимости своего права, не будучи увѣренъ, что добьется возможности уплатить долгъ, отказался отъ ссуды. Онъ хотѣлъ начать жизнь снова, жить своимъ трудомъ. Онъ давно уже обдумывалъ какое-то новое изобрѣтеніе, усовершенствованіе часового механизма, и когда нѣсколько успокоился послѣ постигнутаго его несчастія, рѣшился отправиться въ Швейцарію, гдѣ надѣялся довести свое изобрѣтеніе до совершенства. Денегъ у него осталось достаточно, чтобы скромно прожить годъ или полтора.

Только съ дочуркой, съ Маріей, ему было также расставаться. Грюнтали полюбили ее какъ дочь и взяли ее къ себѣ; она была въ хорошихъ рукахъ. Но все-таки отецъ мучился, оставляя ее въ австрійскихъ владѣніяхъ. Кромѣ грусти разлуки съ единственнымъ своимъ дѣтищемъ, его терзала непреодолимый, доходившій до безумія страхъ: а что если и здѣсь начнутся волненія, что если Марію бросятъ въ рѣку, убьютъ; можетъ статься, будутъ истязать. Стомчески переносившій свое личное тяжкое горе, на этомъ пунктѣ, на опасности, которой могла подвергнуться Марія, онъ какъ бы терялъ самообладаніе и рассудокъ. Грюнтали, рассчитывая на благотѣльное вліяніе поѣздки и интересовавшей его работы, побудили его уѣхать въ Швейцарію. Онъ работалъ тамъ около года, и аккуратно переписывался съ Грюнталами. Изъ его писемъ было видно, что вопросъ объ изобрѣтеніи подвигался впередъ, а также что его почти безумная тревога о ребенкѣ и тоска по немъ постоянно возрастали. Эту тревогу питали слухи, доходившіе до него изъ Венгріи о враждебномъ отношеніи населенія къ евреямъ, хотя безпорядковъ и буйствъ еще не происходило.

Въ концѣ зимы текущаго года Грюнтали получили отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что ему по какимъ-то соображеніямъ, связаннымъ съ его изобрѣтеніемъ, надо побывать въ Миланѣ и что затѣмъ онъ вернется на родину. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ уже изъ Милана, что не нашелъ тѣхъ, съ кѣмъ ему нужно было видѣться, и долженъ проѣхать во Флоренцію. Послѣ этого письма друзья Глюкштейна

никакихъ вѣстей отъ него не получали. Можетъ быть, онъ и писалъ Грюнталу даже изъ Неаполя; но письма до нихъ не доходили, ибо въ ихъ городѣ разразились волненія и они сами должны были поспѣшно оттуда уѣхать.

Волненія, побудившія ихъ покинуть Ж., были описаны въ корреспонденціи той газеты, которая была найдена въ пальто Глюкштейна и которая, какъ предполагалъ докторъ, нанесла ему болѣзненный ударъ. По всей вѣроятности, онъ предполагалъ, что погибшая еврейская дѣвочка, о которой сообщалъ корреспондентъ; была его Марія.

Однимъ изъ поводовъ къ пріѣзду Грюнталей въ Италію было желаніе отыскать Глюкштейна. Они справлялись о немъ въ Миланѣ и во Флоренціи; узнали на почтѣ, что онъ изъ Флоренціи долженъ былъ проѣхать въ Римъ. Но въ Римѣ слѣдовъ его не было. Въ Неаполѣ они не рассчитывали его найти.

Надо замѣтить, что передъ отъѣдомъ въ Швейцарію Глюкштейну понадобилось по семейнымъ дѣламъ побывать въ Галиціи, гдѣ и былъ имъ взятъ его заграничный паспортъ.

X.

Отъ больницы до отеля, гдѣ стояли Грюнталы, было недалеко, всего съ четверть часа ѣзды, но докторъ говорилъ мнѣ потомъ, что эта четверть часа показалась ему чуть не цѣлымъ вѣкомъ, мучительнымъ вѣкомъ: врачъ не могъ себѣ уяснить, что происходитъ въ организмѣ Глюкштейна, какъ съ нимъ слѣдуетъ обращаться. Неосторожное слово, необдуманное движеніе могло его погубить. Быть можетъ, было такое слово, такое движеніе, которое могло совершенно его излечить—докторъ и въ это начиналъ вѣрить—но какъ найти это слово?

Свиданіе съ дочерью могло быть спасеніемъ, а можетъ статься, онъ не вынесетъ радостнаго потрясенія.

Въ коляскѣ путники не беспокоили его разговорами, ѣхали молча и наблюдали за нимъ, стараясь не показывать вида, что наблюдаютъ.

Впрочемъ, онъ едва-ли примѣчалъ что. Онъ очевидно былъ

въ полномъ сознаніи, но всѣмъ этимъ сознаніемъ ушелъ въ самого себя, въ свое прошлое, въ мучительную потребность видѣть дочь, въ боязнь, что ея обманываютъ и утѣшаютъ.

Сидѣлъ онъ довольно бодро. Но какъ помѣстился въ экипажъ, такъ всю дорогу и не оправился, не пошевелился. Широкополая шляпа оставалась сдвинутой на одну сторону; жилетъ былъ растегнутъ до нижнихъ пуговицъ и видно было по колебанію складокъ бѣлой рубашки, какъ усиленно билось его сердце. Иврѣдва онъ глубоко вдыхалъ, словно набирая воздуха въ легкія; иногда—казалось доктору—онъ сдерживалъ дыханіе, какъ будто боясь растратить внезапно возвратившіяся силы, понимая, что онѣ могутъ также внезапно вновь исчезнуть.

Грюнталь, переглянувшись съ докторомъ, рѣшился тихонько заговорить съ больнымъ. Тотъ не шевельнулся, даже не взглянулъ на пріятеля.

Коляска повернула въ улицу, въ которой находился отель. Г-жа Грюнталь легонько дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ, поднялъ глаза; они выражали испугъ; но взоръ его встрѣтился съ такимъ ласковымъ, сердечно-добрымъ, честнымъ взглядомъ женщины, что и по его лицу разлилась улыбка,—улыбка, однако, болѣзненная, улыбка страдальца; словно онъ хотѣлъ сказать: «я вѣрю, что вы добры ко мнѣ; но не вѣрю еще, что дочь жива».

— Вотъ мы и пріѣхали; сейчасъ увидимъ Марію,—сказала г-жа Грюнталь.

Глюкштейнъ пристально, серьезно, и опять испуганно, поглядѣлъ на нее.

Отель былъ большой, роскошный; подъѣздъ со двора, обсаженный пальмами и апельсинными деревьями; въ обширныхъ сѣняхъ мраморъ, статуи, перспектива колоннъ; зеркала, бархатные ковры, и душистые и яркіе цвѣты. Тучный швейцаръ, съ сѣдыми баками, и нѣсколько юркихъ лакеевъ во фракахъ, съ подобострастными бритыми фізіономіями, подскочили къ экипажу.

Глюкштейнъ не отказался на этотъ разъ отъ помощи («понижаетъ, что надо беречь силы»,—подумалъ докторъ), двинулся

слабо, но свободно. Вѣдя въ сѣни, онъ тревожно оглядѣлся, чего-то искать.

— Наша дѣвочка съ гувернанткой наверху? — спросила у швейцара г-жа Грюнталь.

— Сейчасъ только что на Виллу¹ ушли; приказали ихъ позвать, какъ вы изволите возвратиться.

Подозрительность и испугъ опять проступили въ глазахъ Глюкштейна; онъ грузнѣе оперся на руки поддерживавшихъ его — Грюнталь съ одной стороны и отельнаго слуги съ другой.

— Такъ поспѣйте за ними, пожалуйста, поскорѣе; и чтобъ вернулись сейчасъ же, — приказала г-жа Грюнталь.

— Ну вотъ, онѣ сейчасъ придутъ; а мы покуда отдохнемъ, — обратилась она къ Глюкштейну, когда всѣ вошли въ комнаты. Вилла почти рядомъ, вонъ, — указала она сквозь открытую дверь балкона, — отсюда все видно.

Глюкштейнъ освободился отъ поддерживающихъ его рукъ и самъ прошелъ на балконъ.

— Я хочу видѣть, — произнесъ онъ довольно внятно.

Докторъ радостно переглянулся съ Грюнтальями; надежды возрастали.

Его усадили на балконъ. Докторъ предложилъ ему принять какое-то лекарство; онъ его послушно проглотилъ.

— Вонъ за ними послали, видишь, мальчикъ въ синей курткѣ бѣжать, — обратился къ нему банкиръ.

Глюкштейнъ кивнулъ головой... Солнце заходило; тропическая зелень Виллы еще золотилась въ его лучахъ; бирюзовый цвѣтъ моря отливалъ аметистами; Везувій казался прозрачно-розовымъ; величавый султанъ его пара высоко подымался съ неба и потомъ перисто растягивался къ югу надъ горами, весь въ пурпурѣ заката. Изъ отельнаго сада доносились струйки аромата апельсиновыхъ цвѣтовъ; на набережной рыбаки, въ красныхъ фригійскихъ шалкахъ, распутывали сѣти и пѣли свою любимую пѣсню, гимнъ любви красавцу Неаполю...

¹ Villa Nazionale, большой общественный садъ.

O, dolce Napoli,
 Suolo beato...
 Dovè sorridere
 Vuol'è creato!

Блаженство жизни разливалось въ природѣ и исходило въ сердца людей; блаженство безсознательное, откидѣное, — блаженство единенія съ прекраснымъ въ природѣ.

— Вотъ, поглядите, — указала г-жа Грюнталь на набережную. — Это она...

Въ сопровожденіи отелънаго карачка и дождилой дамы въ сѣромъ костюмѣ, по набережной проворно шла нарядная какъ куколка, пестренькая и пышненькая какъ мотылекъ, дѣвочка; она подыала голову къ балкону, засмѣялась большими черными, плутовскими глазками, звоняль дѣтскимъ смѣломъ, и быстро перебирая стройными ножками въ длинныхъ красныхъ чулкахъ, побѣжала къ отелю вмѣстѣ со своей бѣлой лохматой собачкой, катившейся впереди, словно комъ снѣга.

— Это она! — не то спросилъ — не то слабо воскликнулъ Глюкштейнъ. По немъ прошелъ трепеть; складка бѣлой рубашки надъ сердцемъ приподнималась еще сильнѣе. Глаза его загорѣлись радостью, — радостью, которая казалась выше разлитой въ природѣ. Онъ стиснулъ губы и крѣпко сжалъ ладони рукъ, видимо борясь съ одолѣвавшимъ его волненіемъ, стараясь сберечь свои силы. Онъ приподнялся; докторъ и Грюнталь хотѣли поддержать его; онъ отстранился и произнесъ:

— Я самъ пойду... Марія...

И ступая тверже, чѣмъ часть тому назадъ, онъ направился къ двери корридора. За дверью звенѣлъ дѣтскій голосокъ:

— Буль, ісі! Буль, не трогай цвѣтовъ!

Дверь распахнулась: дѣвочка стояла на порогѣ; она смѣялась, раскрывъ сочный розовый ротикъ; соломенная шляпка спала назадъ; черная кудрявая головка на палевомъ фонѣ, какъ въ рамкѣ, была очаровательна...

Г-жа Грюнталь, быстро приблизясь къ ней и взявъ ее за руки, сказала:

— Вотъ—папа; ты рада?

Смѣхъ и улыбка какъ бы застыли отъ неожиданности и

изумленія на дѣтскомъ личикѣ; на мгновенье, когда она взглянула на стоявшаго передъ ней старика, въ ея глазахъ проступилъ испугъ; но воспоминанія и сердце тотчасъ же сдѣлали свое дѣло...

Дѣвочка бросилась на шею къ отцу. Отецъ какъ будто хотѣлъ зарыдать, затрепеталъ, заколыхался, и, прежде чѣмъ его успѣли подхватить, рухнулъ на коверъ вмѣстѣ съ дѣвочкой; рухнулъ грузно, словно все его тѣло распалось.

Бѣлый Буль залился сердитымъ лаемъ, призывая добрыхъ людей на помощь къ своей, маленькой госпожѣ.

Богъвнъ возвратилась съ сугубой силой и черезъ два мѣсяца мы похоронили моего бѣднаго собрата.

Л. Рускинъ.

ЗАБЛУДШІЙ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

ГЛАВА XII ¹.

Краковлягъ.

Въ наше время стали часто устраивать публичные митинги съ цѣлью увеселенія бѣднаго люда. Въ программѣ развлеченій, предлагаемыхъ на подобныхъ вечерахъ, самое видное мѣсто обыкновенно отводится пѣнію комическихъ, чувствительныхъ или воинственныхъ пѣсней и чтенію избранныхъ мѣстъ изъ Диккенса, снѣняющемуся обыкновенно лекціями по части врачеванія и кулинарнаго искусства, которыя, вмѣсто чрезчуръ разорительныхъ иллюстрацій, сопровождаются аппетитнымъ запахомъ съѣстного. Все это взятое вмѣстѣ помогаетъ нѣкоторымъ скучающимъ барышнямъ и бойкимъ барышнямъ пріятно разнообразить свое ничѣмъ незанятое время и, сверхъ того, наполняетъ ихъ нѣжныя сердца самыми высшними и сладостными ощущеніями. Повторяемъ—пѣніе, страпни и чтеніе составляютъ неизмѣнную принадлежность всѣхъ благотворительныхъ митинговъ. Во время урока страпни въ публикѣ обыкновенно замѣчается сильнѣйшее возбужденіе. Всѣ требуютъ себѣ напитки, приготовленнаго изъ отрубей (и даже оставшейся отъ него гущи); всѣ объявляютъ, что у нихъ болятъ или можетъ заболѣть

¹ См. Выходъ, кн. V.

горло; всѣмъ хочется поскорѣе отвѣдать сдѣланнаго на пробу бланманже изъ пшеничной муки. Юныя и изящныя страпухи очевидно робѣютъ, въ виду могущей произойти распри, вслѣдствіе чего тѣ лакомства, приготовленію которыхъ онѣ стараются научить свою аудиторію, достаются на долю тѣхъ, кто первый завладѣетъ ими. Безъ криковъ и спора дѣло, разумеется, и здѣсь не обходится. Лимонадъ можно обносить кругомъ, чтобы всѣ присутствующіе—числомъ отъ сорока до пятидесяти человекъ—могли попробовать его (одной и той же ложкой). Это просто и удобно, покуда не выищется какая нибудь женщина, которая, громко кашлянувъ, небрежно отстраняетъ предлагаемую ей ложку и, овладѣвъ всею чашей, выпиваетъ ее до дна. Аррорутъ также былъ бы превосходенъ, если бы не вязалъ нѣсколько во рту. Но вотъ на столѣ является только что приготовленный мясной бульонъ—и собраніе разомъ протягиваетъ къ нему руки, громогласно изъявляя желаніе немедленно попробовать его. Отъ бульона осталась еще совершенно вываренная говядина—не желаетъ-ли кто вареной говядины?

Руки опять торопливо протягиваются къ столу, свидѣтельствуя этимъ, что и остатками вареной говядины никто не пренебрегаетъ.

Грубый эгоизмъ, не сдерживаемый ни чувствомъ самоуваженія, ни опасеніемъ получить публично выговоръ, особенно рѣзко бросается въ глаза на всѣхъ подобныхъ собраніяхъ. Въ этихъ жалкихъ, забытыхъ нуждою созданіяхъ, повидимому, ничто не возбуждаетъ сочувствія—ни безпомощная старость, ни видъ чужого страданія, что ясно свидѣлствуетъ объ ожесточающемъ дѣйствіи нищеты, заглушающей въ человѣкѣ всякое доброе чувство и дѣлающей его слѣпымъ ко всему, кромѣ своего личнаго горя.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ, гостямъ былъ поданъ горячій чай съ кѣксами, мгновенно разогрѣвшій всѣмъ сердца и сдѣлавшій всѣхъ не только общительнѣе, но даже до извѣстной сте-

неин любезнѣе и вѣжливѣе. На сборищахъ этого рода непременно слѣдуетъ подавать это неприхотливое угощеніе. Чай, какъ финіамъ кадильный, долженъ служить умилостивительной жертвой, возливаемой на алтарь этихъ ожесточенныхъ боговъ, прежде чѣмъ имъ будетъ предложена духовная пища. Да и разумно-ли говорить съ голоднымъ человѣкомъ о возвышенныхъ предметахъ, не удовлетворивъ сначала его голода? Это было бы все равно, что пристудать къ возведенію какой нибудь архитектурной постройки, не заложивъ предварительно необходимаго для нея фундамента.

Тира наняла для своего вечера большое помѣщеніе, въ родѣ кладовой, находившееся на самомъ отдаленномъ концѣ Исть-Энда, надъ складомъ фарфоровыхъ издѣлій, и оказавшееся болѣе удобнымъ и болѣе подходящимъ относительно условій найма, чѣмъ тутъ же находившееся и тоже пустовавшее помѣщеніе пріютской школы. Нанятое помѣщеніе было тщательно вымыто, вычищено и уставлено простыми деревянными столами. Не смотря на дѣтнее время, въ каминахъ кривѣтливо и весело цыпала огонь. На столахъ были разложены стереоскопы, иллюстрированные журналы, учебныя пособія въ видѣ игръ, книги, которыя могли быть отлучены на домъ. Для пожилыхъ гостей было приготовлено до полудожнымъ кресель, а для молодежи—цѣлые ряды деревянныхъ скамеекъ. Ничто не было унужено изъ виду: ни картины, ни фортеціано, ни даже конторки для желающихъ писать, или, по ходячему выраженію, „набивать себѣ руку въ письмѣ“. На всемъ лежала печать домашней простоты, заботливости и опрятности. Тира не позабыла украсить цвѣтами этотъ уютный уголокъ, который, благодаря совѣстнымъ стараніямъ Эстеллы и миссъ Эшби, а также личнымъ, хотя и не частымъ посѣщеніямъ самой Тиры, можно было принять теперь и за классную педагога-любителя, и за учебный кабинетъ, и за концертный залъ.

Этотъ митингъ не подлежалъ вѣденію никакого комитета, и во главѣ его не было никакихъ попечителей и попечительницъ, кромѣ

Тиры, Эстеллы и Гульельми, которыя употребляли все зависящее отъ нихъ, чтобы улучшить положеніе бѣдныхъ швей и расширить ихъ умственный кругозоръ. Старухи-матери и бабки, явившіяся на митингъ, были очень рады посидѣть въ теплой и свѣтлой комнатѣ и приготовились молча и внимательно слушать все, чему ихъ будутъ поучать для ихъ пользы, или же что будутъ читать для ихъ развлечения. Эстелла и Гульельма были главными распорядительницами вечера. Гульельма, кромѣ того, сочла небезполезнымъ подать собранію нѣсколько практическихъ совѣтовъ относительно уменьшенія расходовъ, причемъ слушательницы ея съ очевиднымъ самодовольствіемъ взвѣшивали на рукахъ свои тяжелыя кошелеки съ мѣдными пенсами, которыя—увы! утрачивали весь свой внушительный вѣсъ послѣ обихъ на серебряную монету. Миссъ Нюджентъ, также присутствовавшая, помогала бѣднымъ швеямъ почищать ихъ изношенную одежду.

Эти вечера подраздѣлялись на руководѣльныя и увеселительныя, и на вечера для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Обходились они сравнительно дешево, даже съ угощеніемъ чаемъ и кэксами, а между тѣмъ сколько оживленія и радости они должны были вносить въ однообразное существованіе бѣдныхъ труженицъ, не имѣвшихъ въ перспективѣ ничего, кромѣ тяжелой и безвыходной нужды. На вечеръ являлись также нѣкоторые изъ такъ называемыхъ „Друзей“, которые степенно и съ достоинствомъ обращались съ рѣчью къ присутствующимъ и, казалось, съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ, что они видѣли и слышали на митингѣ, устроенномъ главнымъ образомъ для того, чтобы отвлечь „избранный народъ“ отъ такихъ развлеченій, которыя считались ими предосудительными.

Собраніе наконецъ смолкло, и одинъ изъ присутствующихъ любителей приступилъ къ чтенію поэмы „Rizrah“.

Эта грандіозная поэма произвела глубокое впечатлѣніе на слушателей, а у нѣкоторыхъ вызвала даже слезы на глазахъ и рас-

трогала также и самого отца своей задумчивостью и жизненной правдой.

Одна словоохотливая старушка заметила, что въ доброе старое время въ газетахъ то и дѣло упоминалось о разграбленіяхъ ночью, а публичныя наказанія, которыя подвергались преступники, считались самыми любопытными зрѣлищами.

— Ахъ, какая славная книжка! — воскликнула другая женщина неколеже, утирая слезы. — Какъ вѣрно тутъ описаны историческія чувства!

— А написано-то какъ сказки, точно въ пѣснѣ — прибавила еще одна изъ слушательницъ.

Потомъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ, приступили къ чтенію какого-то романическаго разсказа, вызвавшаго въ публикѣ громкій и дружный восторгъ, при послѣднихъ взрывахъ котораго въ комнату вошла Тира, въ сопровожденіи своего отца и Адриана Бендиктуса, обѣдвшаго въ Кенсингтонѣ.

Присутствующіе всѣ разомъ поднялись съ мѣсть. Тира внушила всѣмъ этихъ бѣдныхъ дѣвушкамъ и женщинамъ чувство, доходившее почти до обожанія. Онѣ безусловно преклонялись передъ нею, навѣвно восторгались ея милосердіемъ, ласковостью обращенія, красивыми нарядами, изящными канерами и даже ея маленькой испанской собакой, вездѣ сопровождавшей свою госпожу. Онѣ видѣли въ ней существо, явившееся въ нихъ изъ совершенно чуждаго имъ міра — изъ міра, населеннаго тѣми прекрасными лордами и леди, о роскошной и безвѣчной жизни которыхъ имъ приходилось иногда читать въ дешевыхъ журналахъ. Такимъ образомъ, Тира была, въ полномъ смыслѣ слова, царицей этихъ собраний. Слухи объ опасной болѣзни, которую она схватила посѣщая убогія жилища бѣдняковъ и которая вынудила ее рѣже показываться между ними, еще болѣе возвышали ее во мнѣніи ея почитательницъ, а вѣчная заботливость, которою окружалъ ее отецъ,

тѣмъ болѣе тревожила ихъ, что онѣ и повятія не имѣли до сихъ поръ о подобныхъ семейныхъ отношеніяхъ.

„Конечно, и миссъ Гофферъ тоже добрая, ласковая и уминая барышня,—разсуждали между собою молоденькія миссы,—но ей все-таки чего-то недостаетъ... Сейчасъ видно, что она живетъ совсѣмъ не въ томъ фешенебельномъ кругу, въ которому принадлежитъ миссъ Фрейнъ“. Тира олицетворяла для нихъ идеалъ самой блестящей и красивой леди, на какихъ имъ только издали удавалось иногда полюбоваться.

Вѣдныя дѣвушки! И какъ много было между ними хорошихъ, и такихъ молоденькихъ, которыя легко могли бы усвоить себѣ свѣтскій лоскъ, а можетъ быть, и известную степень образованія! Между тѣмъ, онѣ острѣли на Тирю безъ всякой зависти и равно любовались ея непринужденными движеніями и переливами свѣта на ея роскошныхъ блондурихъ волосахъ.

Когда въ комнату вошла Тира со своими спутницами, Габріэль только что началъ пѣть.

Почтительный и мелчаливый поклонъ, которымъ она была встрѣчена, не помѣшалъ продолжать пѣніе. Все уже привыкли къ тому, что Тира являлась нѣсколько позже другихъ и свѣтскіи направлялась къ своему мѣсту.

Прелестный теноръ Габріэла зазвучалъ какъ-то особенно выразительно и вѣрно въ *una furtiva lagrima*, какъ будто появленіе Тиринъ придавало ему особенную музыкальную гибкость и силу; такъ по крайней мѣрѣ показалось нѣкоторымъ изъ молодыхъ дѣвушекъ—изъ числа сентиментальныхъ и, слѣдовательно, наиболѣе впечатлительныхъ. Нѣжныя ноты прозвучали въ ихъ ушахъ какъ сладостный призывъ къ чему-то высшему и пробудили въ ихъ сердцахъ хотя и тревожныя, но настолько пріятныя ощущенія, что ихъ усталыя лица оживились и въ глазахъ появился блескъ. Имъ съ особенной ясностью представилась разница между ихъ долей и долей счастливцы Тиринъ. Этотъ молодой человекъ поетъ только

для нея — и как поеть! Для нихъ такъ никогда не будутъ нѣтъ! Ни отъ одной изъ нихъ не удержалось — какія чувства питають онѣ къ ихъ королеви. Да и можно-ли не обожать леди, разбрызгивающую въ твоемъ прекрасномъ экипажѣ!

„Миссъ Гоферъ всегда ходитъ въ шпеконъ, и миссъ Ньюджетъ также — развѣ ктонибудь изъ знакомыхъ подвезетъ ее, когда встретится съ нею. Миссъ Гоферъ, конечно, ѣздитъ домой по желѣзной дорогѣ, какъ и я, и Сара, и всѣ мы, — можеть быть, не въ одну ночь классѣ съ нами, но это почти все равно“.

Экипажъ миссъ Эшболъ тоже далеко не роскошный — настоящая „пильная коробка“, но ивнннѣ некоторыхъ юмористекъ, любящихъ позабавиться на чейнибудь счетъ. А карета миссъ Тирнъ — просто замѣдленье — подушки точно атласныя, лакей въ свѣтлой ливрѣ, упряжь изъ накладного серебра, а лошади такъ и несутся во весь духъ!

И поклонницы Тирнъ, не дослушавъ только что начавшейся пѣсни, съ любовитствомъ подбѣжали къ окну, чтобы какъ можно внимательнѣе рассмотреть необыкновенную карету своей царяцн. — „Ну, что? не гворила-ли я вамъ, что подушки атласныя! А Сара увѣрять, что кожаныя. — Неужели! Не можеть быть — на-вѣрно атласныя. Неужели миссъ Фрейдъ станетъ сидѣть на подушкахъ, обитутыхъ такой же кожей, изъ какой мы дѣлаемъ портсигары на продажу?“

Старухи и занужныя женщины смотрять на житейскія блага гораздо хладнокровнѣе; великолѣпная карета Тирнъ не возбуждала въ нихъ такого наивнаго удивленія, какъ въ молоденькихъ пертникахъ и зонтичникахъ. — Всякому свое, — философски рассуждали онѣ: — намъ простая телѣга, а ей карета съ ливровыми лакеями. Кому же и кататься въ каретахъ, какъ не ей? Да и можно-ли намъ равняться съ нею? Она сегодня здѣсь, а тамъ, глядишь, и уѣхала за границу. — Что и говорить, м-ссъ Джонсъ, намъ и послѣ болѣзни приходится трястись на какойнибудь замореной клячѣ,

а то и цѣликомъ бродить во всякую погоду.—И чего онъ тамъ не видалъ, глупенькія? Карета — тамъ и всѣ кареты, а онъ смотритъ точно на мордѣ лордъ-моръ! Сколько ни смотрите, милыя, а кататься въ каретахъ вамъ не по карману.— Съ такими мудрыми замѣчаніями обращались къ легкомысленной молодежи старшія и болѣе разсудительныя изъ присутствующихъ, очевидно принадлежащія не къ той безпокойной демократіи, которая предается порывамъ буйной ярости и стремится къ разрушенію, а къ людямъ смиреннымъ, которые безропотно подчиняются установленному порядку вещей, — не пытались разъяснить себѣ темную загадку жизни и не задавались вопросомъ: почему онъ богатъ, а мы бѣдны?

Попробуемъ теперь воспроизвести передъ нашими читателями общій видъ картины, представляемой нитингомъ съ хозяйками и гостями вкупѣ. Герръ Фрайндъ замѣтно озабоченъ и какъ-то особенно молчаливъ. Онъ считаетъ часы и минуты и очень доволенъ, что время идетъ довольно быстро. Онъ, по своему обыкновенію, привѣтливъ и ласковъ со всеми, и взгляды его часто и съ замѣтнымъ участіемъ останавливаются на бѣдныхъ дѣвучкахъ, которымъ, не смотря на ихъ молодость — многія изъ нихъ кажутся не старше его дочерей, — приходится вести трудную борьбу съ жизнью. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ отрѣшиться сразу отъ тѣхъ понятій, въ которыхъ выросъ, и чувствуетъ, что въ глубинѣ его души невольно поднимается какое-то безпокойство, когда онъ обводитъ задумчивымъ взглядомъ эту незаманчивую группу дѣвучекъ и женщинъ, съ которыми его Тира такъ жаждетъ завязать самыя короткія сношенія. Какъ любить онъ обвивать себя бахромами и какъ странно одѣтъ! Вотъ дѣвучка, которая никакъ не могла пристроиться на мѣсто и теперь наблюдаетъ папиросы гдѣ-то на фабрикѣ. Считаая себя выше разныхъ предразсудковъ и стѣснительныхъ предписаній моды, она не нашла нужнымъ надѣть чистый воротничокъ, а просто накинула на себя малиновую шерстаную шаль — далеко не безукоризненной чистоты, которую небрежно спустила съ одного плеча, наивно воображая,

что это придает ей видъ настоящей леди. Спереди у ней волосы спущены челкой и почти наполовину закрываютъ нахмуренный лобъ, а сзади небрежно прикрѣплены на затылкѣ, въ видѣ спутанной массы, въ которой красуется что-то въ родѣ игрушечной шпильки съ мѣднымъ шарикомъ; такой же шпилькой пристегнута и малиновая шаль. Она является представительницей того класса дѣвушекъ, которыя ни за что не хотять поступать въ дома при-слугой, считая всякое зависимое положеніе такой же тяжелой но-волей, въ какой ихъ предки топились въ Египтѣ.

„Не лучше-ли было бы дать имъ денегъ и распустить по домамъ?“ — подумалъ герръ Фрейндъ, волнуемый, съ одной стороны чувствомъ состраданія къ ближнему, а съ другой—опасеніями за Тиру. Онъ, пожалуй, не прочь былъ бы подойти и поговорить съ этими бѣдными женщинами, но, какъ богатый человѣкъ, постоянно вращавшійся въ большомъ свѣтѣ и никогда не присматривавшійся къ жизни простого народа, онъ рѣшительно не зналъ, о чемъ вести рѣчь съ его представительницами и какъ выразить имъ свое сочувствіе. Онъ украдкой поглядывалъ на свои часы.

Но бѣдныя женщины, въ описываемый нами вечеръ, не особенно нуждались въ изъявленіяхъ участія; онѣ и такъ уже считали себя несказанно счастливыми, что могли наслаждаться лицезрѣніемъ такого богатаго человѣка, какъ герръ Фрейндъ: Онѣ очень хорошо понимали, что папа миссъ Тиры нисколько не похожъ на того „папу“, котораго онѣ оставили дома, но который, впрочемъ, довольно благосклонно отпустилъ жену и дочь на этотъ увеселительный вечеръ. Тотъ папа зарабатываетъ мало, одѣтъ плохо, но все-таки онъ, въ качествѣ отца и потомка ветхозавѣтныхъ патриарховъ, не позволяетъ себѣ напиваться до такого состоянія, въ которомъ иные отцы забиваютъ до полусмерти женъ и дѣтей.

Миссъ Нюдженъ также присутствуетъ здѣсь въ своемъ изношенномъ платьѣ и кажется такой оживленной и счастливой; какъ

будто этотъ вечеръ доставляетъ ей такое же великое удовольствіе, какъ и тѣмъ, для кого онъ устроенъ.

И дѣйствительно, она чувствуетъ себя такъ хорошо въ этой большой, свѣтлой комнатѣ, посреди живыхъ людей, что ей неприятно даже и подумать о томъ, что она должна будетъ опять вернуться въ свое одинокое жилище, погрузиться въ мрачное молчаніе, которое доводитъ ее иногда просто до болѣзненнаго состоянія. Она старается держаться подалеже отъ чрезчуръ бойкихъ дѣвушекъ, потому что знаетъ, что онѣ надеживаются надъ ней—и, пожалуй, онѣ правы. Что жъ она такое? Старая дѣва въ изношенномъ платьѣ, похожемъ на рубище. Чего же ей ждать отъ людей, кромѣ равнодушія, насмѣшки и пренебреженія? Дѣвушки даже въ глаза смѣются надъ ней, но она дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Но ихъ матери и бабушки всегда вѣжливы съ нею и не только терпятъ ее, но очень охотно выслушиваютъ тѣ благіе совѣты, которые она подаетъ имъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ. Она такъ искренно желала имъ добра, такъ ласкала и баловала ихъ дѣтей, такъ старалась быть имъ полезной чѣмъ только могла—писала, вышивала, собирала для нихъ деньги, что ей наконецъ удалось приобрести ихъ довѣріе и благодарность, и хотя онѣ и не выказываютъ ей особеннаго расположенія, но все-таки смутно сознаютъ, что это хлопотливое, любящее и самоотверженное созданіе заслуживало бы не такой доли, какую послала ей судьба.

Она сѣла сначала въ кресло, но вдругъ ей показалось, что ей не подобаетъ занимать такого почетнаго мѣста и что этимъ она какъ будто предъявляетъ нѣкоторые притязанія на равноправность съ настоящими хозяевами вечера. Она отнюдь не желала казаться выскочкой, втираться не въ свою сферу, хотя въ жизни ея нерѣдко встрѣчаются такіе сложные случаи, когда ей волею-неволею приходится „втираться“. Пристальные взгляды, бросаемые на ея убогій нарядъ молодыми швеями, изощрившими свое остро-

уміе надъ ея непопомненными перчатками, еще болѣе усмиряли ея смущеніе.

Она робко встала съ кресла и пересѣла на скамью, возлѣ какой-то дородной женщины, которая съ апатичнымъ видомъ слушала лекцію о санитарныхъ правилахъ. По окончаніи ея, она обнаружила нѣкоторые признаки жизни и даже принялась, вмѣстѣ съ другими, громко апплодировать лектрисѣ, словно и она тоже убѣдилась въ великомъ значеніи чистоты въ санитарномъ отношеніи; но можно было смѣло утверждать, что если она и признала эту истину, то только съ теоретической стороны, — на практикѣ же въ ея домашнемъ обиходѣ все будетъ идти по старому.

Миссъ Нюджентъ вскорѣ смутно почувствовала, что она скорѣе проиграла, чѣмъ выиграла перемѣнивъ мѣсто, потому что чѣмъ больше присматривалась она къ своей сосѣдкѣ, тѣмъ сильнѣе въ ней укоренялось печальное убѣжденіе, что тѣ благія мѣры, которыя предпринимаются для улучшенія быта меншихъ классовъ, не приводятъ къ особенно успѣшнымъ результатамъ.

Вдругъ она подняла глаза и увидѣла словно выросшую передъ ней высокую фигуру Адриана Бенедиктуса, который давно уже слѣдилъ издали за робкими движеніями почтенной леди и видѣлъ, какъ она то инстинктивно отворачивалась, чтобы не видѣть своей неравнодушно одѣтой сосѣдки, то съ рѣшительнымъ видомъ опять поворачивалась въ ея сторону, какъ бы стараясь побороть въ себѣ поднимавшееся въ ней чувство безразличности. Черезъ минуту, трепещущая и сконфуженная миссъ Нюджентъ очутилась сидящей возлѣ казихъ-то кузницъ Гульельмы.

Перемѣна мѣста совершилась такъ быстро, что никто не обратилъ на это вниманія, за исключеніемъ Тирн, которая подумала, что изъ всѣхъ средневѣковыхъ рыцарей едва-ли кому нибудь удавалось совершить болѣе великодушный и благородный подвигъ, чѣмъ тотъ, который такъ скромно и просто былъ совершенъ у нея на глазахъ. Хотя она и не поняла причины, заставившей Бенедик-

туса пересадить инсь Ерджентъ на другое мѣсто, но по взволнованному и растроганному выраженію лица этой послѣдней догадалась, что онъ вывелъ ее изъ какого-то затрудненія. „Какой онъ добрый!—подумала Тира.—Всегда поддержитъ слабого“. Она уже не разъ подвѣчала въ немъ такіе черныи, которые убѣждали ее, что за его рѣвностью скрывается самая великодушная натура.

Г-жа Фрейндъ совсѣмъ не знала его съ этой стороны; она, впрочемъ, и не старалась узнать его получше. Онъ вообще не нравился ей: ее шокировали и его оригинальныя выходки, и его манера, въ нервнѣ увлеченія, отходить въ сторону и обращаться съ рѣчью въ пустое пространство, позабывъ о присутствующихъ, и тотъ, какъ ей казалось, театральнй тонъ, къ которому онъ прибѣгалъ каждый разъ, какъ заговаривалъ въ обществѣ ноложеніи своихъ соотечественниковъ. Въ описываемый нами день она была особенно не въ духѣ и отказалась почтить своимъ присутствіемъ вечеръ, устроенный ея дочерью.

Что касается до Габріэля, то онъ былъ такъ переполненъ своею любовью, что не могъ, да и не старался скрывать своихъ чувствъ, которыя, какъ онъ налагалъ, были безъизвѣстны подругѣ его дѣтскихъ игръ.

Но Тира казалась еще сдержаннѣе и холоднѣе обыкновеннаго. Она вѣжливо, но довольно сухо поблагодарила его, когда онъ окончилъ свою нѣжную и меланхолическую арію, и подошла къ группѣ дѣвушекъ. Онъ не выдержалъ и послѣдовалъ за нею.

О, безтактнй юноша! Неужели онъ не замѣтилъ, какими глазами Адрианъ Бенедиктусъ смотрѣлъ на него и на Тиру? Кто далъ ему право ходить за нею по пятамъ и надобѣдать ей своею непрошеною любовью? Но, можетъ быть, онъ совсѣмъ не былъ такъ недогадливъ, какъ то казалось со стороны. Быть можетъ, онъ желалъ дать понять Бенедиктусу, что между нимъ и Тирой существуетъ нѣчто такое, что даетъ ему право питать надежды, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

— Мистеръ Гоферъ, узнайте, пожалуйста, что такое безпокойно миссъ Нюджентъ?

Тира показала, что не терпитъ навязчивости: слова эти были сказаны такимъ тономъ, что Габріэлю не оставалось ничего болѣе, какъ удалиться.

Затѣмъ, кузиною миссъ Эшби былъ прочитанъ небольшой рассказъ о самоотверженномъ подвигѣ, совершенномъ одною американкою съ цѣлью обращенія на путь истины одного изъ дикихъ племенъ. Рассказъ былъ прочитанъ съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, съ какими нѣкоторые чувствительные люди читаютъ адреса и разныя трогательныя новѣствованія, въ основѣ которыхъ лежитъ излюбленная ими идея. Не смотря, однако же, ни на похвальные усилія лектрисы доказать спасительное дѣйствіе благого примѣра даже на ожесточенныхъ язычниковъ, ни на возвышенный слогъ рассказа, — онъ не особенно понравился слушателямъ.

Лектриса принадлежала къ числу „Друзей“ съ пуританскимъ направленіемъ, державшихъ себя степенно и любившихъ употреблять въ разговорѣ библейскія изреченія, какъ то было принято между первыми послѣдователями Джорджа Фокса. Она была такъ же спокойна и ласкова въ обращеніи, какъ и Гульельма, но отличалась отъ этой послѣдней тѣмъ, что принадлежала къ разряду „Друзей“ простѣйшаго типа — *pur et simple*, — которыхъ ни воспитаніе, ни позднѣйшія ученія не могли заставить отказаться отъ принциповъ, усвоенныхъ ими разъ навсегда.

Избранный ею рассказъ, — прекрасный по своему направленію, — погрѣшалъ, однако, въ томъ отношеніи, что, противъ воли автора, наводилъ слушателей на размышленія скорѣе комическаго, чѣмъ трагическаго свойства. Содержаніемъ ему послужили приключенія одной американской леди, отправившейся вмѣстѣ съ своей дочерью въ самую отдаленную часть Африки, населенную варварскими племенами людодѣловъ, которые ежедневно совершали жертвоприношенія идоламъ, а когда къ нимъ проникали европейцы, то они съ не-

истовыми криками наседавали на нихъ и захватывали ихъ въ плѣнъ. Несчастливая дочь отважной леди была безжалостно зарѣзана, изжарена и съѣдена за публичнымъ пиршествомъ, устроеннымъ начальникомъ племени, но мать какимъ-то чудомъ избѣжала жестокой участи своей дочери и осталась при главѣ людѣдовъ въ качествѣ его экономки — если только можно было предположить, что такому варвару могла понадобиться экономка.

Съ теченіемъ времени, ей пришлось побывать во многихъ мѣстностяхъ страны, такъ какъ ее повелитель-людѣдъ безпрестанно перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, и она, какъ несчастная плѣнница, вынуждена была всюду слѣдовать за нимъ.

Изъ ее біографіи видно, что она была надѣлена желѣзными нервами и притомъ обладала счастливой способностью примѣняться ко всякаго рода обстоятельствамъ, что въ ее критическомъ положеніи было особенно полезно для нея. Въ концѣ концовъ, она приобрѣла такое вліяніе надъ своимъ властелиномъ, что начала даже убѣждать его отказаться отъ идолопоклонства, указывая ему на то, какое блаженство онъ уготовитъ себѣ на небесахъ, если обратится на путь истины.

Такое по-истинѣ изумительное смиреніе, съ какимъ почтенная леди не только примирилась съ злополучной судьбой своей дочери, но даже взяла на себя заботу о спасеніи души изверга, хладнокровно зарѣзавшаго и съѣвшаго ее, показалось нѣкоторымъ изъ слушателей ужъ черезчуръ утрированнымъ, а другимъ — даже совсѣмъ невѣроятнымъ. „Неужели религіозное чувство можетъ довести человѣческую природу до такого извращенія?“

Венедиктусъ только пожалъ плечами.

Миссъ Нюджентъ казалась озадаченной и взволнованной, но старалась успокоить себя мыслью, что въ рассказъ, вѣроятно, вкралась какая нибудь важная опечатка, совершенно исказившая его смыслъ.

Одна изъ молоденькихъ вѣтрянницъ, давно уже ожидавшая слу-

чая устроить увеселительный дивертисментъ, разразилась громкимъ смѣхомъ, увлекши также и ея сверстницъ. Всегда спокойная Гюльельма почувствовала нѣкоторую неловкость и невольно подумала, что кузинѣ ея не слѣдовало выбирать такой иррациальный и неестественный рассказъ для публичнаго чтенія.

Эстелла сидѣла задумавшись, старалась отвѣтить себѣ на невыходившій у нея изъ головы вопросъ: могла-ли несчастная мать, въ силу религіознаго чувства, провиниться желаніемъ спасти изверга, заставившаго ее такъ много выстрадать? „Нѣтъ, это невозможно!“ — рѣшила она, нервно вздрагивая и стараясь дать своимъ мыслямъ другое направленіе.

Герръ Фрейндъ видимо скучалъ и все чаще и чаще устремлялъ взглядъ на часовую стрѣлку.

Что же касается до самой лектрисы, то она казалась до такой степени невозмутимо-спокойной, что хототь, раздавшійся было въ публикѣ, стихъ самъ собою. Молчаніе дѣйствуетъ на неблаговоспитанныхъ людей сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ и убѣжденій.

Не въ иѣру развеселившіяся швейки принялись утирать выступившія у нихъ на глазахъ слезы, между тѣмъ какъ ихъ матери, для водворенія тишины и порядка, начали награждать ихъ внушительными толчками, не разбирая чужихъ дочерей отъ своихъ.

— Вотъ вы и присмирѣли, милныя, — ласково сказалъ кто-то изъ присутствующихъ, обращаясь къ успокоившимся дѣвушкамъ. — Теперь не споеть-ли намъ котораянибудь изъ васъ свою любимую пѣсню?

Это предложеніе было одобрено всѣми, такъ какъ оно доставляло возможность природнымъ талантамъ вступить въ состязаніе съ усовершенствованными талантами образованныхъ посѣтителей, явившихся сюда для увеселенія простыхъ людей.

Но тутъ возникло неожиданное затрудненіе: желающихъ блеснуть своими талантами оказалось ужъ слишкомъ много, и такъ

какъ всѣ кричали и всѣ разомъ вызывались пѣть, то произошло новое замѣшательство. Но всему было видно, что гости, явившіяся на митингъ, не страдали избыткомъ скромности.

Наконецъ Эстелла, зная всѣхъ лично— что почти необходимо, когда приходится имѣть дѣло съ тѣмъ разрядомъ людей, у которыхъ мысль еще дремлетъ и на которыхъ нужно дѣйствовать съ особеннымъ умѣньемъ для того, чтобы удержать ихъ въ границахъ приличія — подошла къ одной полькѣ, съ довольно пріятной наружностью, скромно сознавшей, что у нея былъ когда-то недурной голосъ,— и попросила ее спѣть какуюнибудь изъ своихъ національных пѣсень.

Изъ толпы выдѣлилась худощавая и бѣдно одѣтая женщина, лѣтъ за пятьдесятъ, свободныя и неторопливыя движенія которой вполне гармонировали съ характерными чертами ея выразительнаго и правильнаго лица, съ черными волосами и черными же пронзительными и нѣсколько сурово смотрящими глазами.

Она пѣла сначала *Varsoviana*, а потомъ *Krakoviak*, подъ аккомпаниментъ фортепiano, которое, подъ искусной рукой Габріэля, издавало хотя и тихіе, но необыкновенно нѣжные и мелодичные звуки. Въ заключеніе она спѣла еще *Volkslied*, одну изъ самыхъ любимыхъ престонародныхъ пѣсень въ Польшѣ, которая была известна почти всѣмъ ея соотечественницамъ, присутствовавшимъ въ собраніи. Она пѣла съ такимъ чувствомъ, и въ голосѣ ея, хотя и ослабѣвшемъ отъ лѣтъ и отъ суровой жизни, по временамъ звучали такія скорбныя ноты, что присутствующимъ невольно казалось, что они какъ будто вдругъ перенеслись въ эпоху самой отдаленной старины и слушаютъ одну изъ тѣхъ заунывныхъ пѣсень, которыя были сложены и пѣлись народомъ, томившимся подъ гнетомъ тяжелой неволи. Пѣвица, казалось, тоже изливалась въ жалобахъ на свою судьбу, и какое глубокое впечатлѣніе производила эта жалоба, выраженная хотя и на незнако-

момъ языкѣ, но такими трогательными и проникающими въ душу звуками!

Наконецъ былъ поданъ чай. Первая половина вечера прошла, и герръ Фрейндъ пересталъ смотрѣть на часы. Онъ бисере всталъ съ мѣста и направился къ столу, но не для того, чтобы помочать угощать гостей, а для того, чтобы не унустать изъ вида Тиру и не дать ей чрезечуръ утомить себя въ роли заботливой хозяйки. Всѣ какъ будто сговорились между собою оберегать прелестную хозяйку вечера отъ всякаго безпокойства и неприятныхъ хлопотъ. Бенедиктусъ и еще одинъ изъ присутствующихъ тутъ же джантименовъ услужливо взяли подносы съ налитымъ чаемъ и стали разносить его гостямъ по очереди, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нетерпѣливыя взгляды нѣкоторыхъ хорошенкыхъ и чрезечуръ бойкихъ дѣвушекъ, требовавшихъ себя лишнихъ порцій.

Такое же безпристрастіе въ дѣлѣ распредѣленія угощенія обнаруживала и кузина Гульельмы, та самая, которая читала разсказъ о людодѣ и которая, не смотря на все свое благодушіе, не выносила грубого проявленія венастной жадности.

Габріэль чувствовалъ себя теперь почти лишнимъ, такъ какъ онъ не отличается умѣньемъ прелуживать гостямъ. Онъ безъ разбора выполнялъ всякое требованіе, съ которымъ обращались къ нему, причемъ прежде всего выполнялъ требованія хорошенкыхъ дѣвушекъ. „У него нѣтъ никакого чувства справедливости“, съ негодованіемъ подумала про него Тира въ своемъ ироническомъ увлеченіи.

Миссъ Нюджентъ тоже погрѣшала противъ чувства справедливости: какъ ни любила она этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ и женщинъ, но все-таки любила не одинаково, поэтому и количество выдаваемыхъ ею казеновъ соразмѣряла съ большей или меньшей степенью своего благоволенія.

— Дайте же ей еще, миссъ Нюджентъ, — въ подголоса заиѣтила ей наконецъ Гульельма, когда она вступила-было въ го-

рячій споръ съ одною изъ женщинъ.—Право, тутъ достанетъ на всѣхъ. Нужно только раздавать поровну, чтобъ всѣ остались довольны. Конечно, это ужасно непріятная и сварливая женщина, но она все-таки должна получить свою порцію.

— Миссъ Нюджентъ, должно быть, завидно, что моя дочь принарядилась въ ожерелье, — жаловалась между тѣмъ своей сосѣдкѣ женщина, которую почтенная миссъ хотѣла оставить, въ наказаніе, безъ кэсовъ.

— Ну, ужъ это не хорошо! А вотъ миссъ Фрейндъ такъ любить мою дочь, какъ родную сестру, — самодовольно возразила другая.

— А румынскія леди устраиваютъ такія собранія? — благодушно спросила Венедиктуса миссъ Нюджентъ, нимало не смутившаяся только что понесеннымъ ею пораженіемъ. Наивная миссъ, не отличавшаяся большой начитанностью, конечно, очень удивилась бы, если бы румынъ далъ ей понять несообразность ея вопроса, и, вѣроятно, съ недоумѣніемъ спросила бы: почему же въ Бухарестѣ или въ Яссахъ не могутъ устраиваться благотворительные митинги?

Въ Англіи подобныя собранія представляютъ самое обыкновенное явленіе. Здѣсь люди считаютъ своимъ долгомъ относиться къ своимъ меньшимъ братьямъ по человѣчески, поэтому нанимаютъ для нихъ удобныя помѣщенія, собираютъ ихъ вѣчетъ и стараются развлечь ихъ музыкой, пѣніемъ и чтеніемъ разныхъ выдающихся произведеній, которыя стараются сдѣлать какъ можно болѣе доступными для ихъ пониманія. Наконецъ, ихъ и съ анатоміей стараются познакомить—имъ чертятъ на доскѣ изображенія скелетовъ и отдѣльныхъ ихъ частей, причемъ подробно объясняютъ причины разныхъ болѣзней и указываютъ на способы леченія ихъ, а изумленная аудиторія только ахаетъ и съ любопытствомъ выслушиваетъ тѣ диковинки, которыя ей рассказываютъ, и уходитъ изъ залы собранія если и не вполне уразумѣвъ то, чему ее поучали, то все же съ большимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ вошла въ нее.

Но мисль Нюджентъ, конечно, и въ голову не приходило, что ея вопрось могъ показаться Бенедиктусу по меньшей мѣрѣ страннымъ; она думала, напротивъ, что завела съ нимъ рѣчь на самую интересную для него тему.

— Я не знакомъ ни съ одной изъ румынскихъ леди, и ничего не могу сказать вамъ о нихъ, — отвѣтила ей Бенедиктусъ.

— Какой вы странный человекъ! Зачѣмъ вы такъ уклончиво отвѣчаете мнѣ? Я думаю, что румынскимъ леди не помѣшало бы посмотреть, какъ мы трудимся на пользу этого темнаго люда, — можетъ быть, это вдохновило бы ихъ.

— Едва-ли, — холодно возразилъ Бенедиктусъ.

— Но вѣдь вы, конечно, преклоняетесь передъ великимъ идеаломъ нашего вѣка — передъ благотворительностью? — продолжала мисль Нюджентъ и, не дождавшись отвѣта, совершенно неожиданно прибавила: — А пѣніе вы любите?

— Пѣніе?... — Вы говорите о пѣніи этой старой польки?

— Какой у васъ злой языкъ! — вскричала она съ комической живостью старой дѣвы. — Но вотъ начинаютъ, давайте слушать.

Габріэль уже взялся-было за свою скрипку, въ надеждѣ, что ему придется теперь аккомпанировать Тиръ. Но герръ Фрейндъ, не смотря ни на какія просьбы и убѣжденія, наотрѣзъ отказался позволить своей любимицѣ пѣть для увеселенія этого простонароднаго собранія. Это до-нельзя раздосадовало и разстроило Габріэля, но онъ видѣлъ ясно, что рѣшеніе почтеннаго джентльмена было неизмѣнно.

Волей-неволей ему пришлось аккомпанировать одной молоденькой леди, съ довольно пріятнымъ, но самымъ обыкновеннымъ голоскомъ, которую попросили спѣть серенаду Браги. Выразительное лицо юноши омрачилось, и онъ началъ аккомпанировать, не взглянувъ даже на миловидную, но далеко не искусную пѣвицу, слабый голосокъ которой не разъ обрывался во время пѣнія.

Онъ старался не думать о Тирѣ, но взглядъ его невольнo слѣдилъ за нею всюду. Вотъ она стоитъ возлѣ Бенедиктуса, и какъ типичны ихъ красивыя лица! Какъ гармонируютъ они между собою!... Тутъ Габріель такъ энергично провелъ смычкомъ по струнамъ, что воодушевилъ даже робкую пѣвицу, голосъ которой вдругъ какъ бы окрѣпъ и дрогнулъ чѣмъ-то похожимъ на страсть.

Любить-ли Тира музыку?

Конечно, любить, но она любитъ также и многое другое, кромѣ музыки.

Наконецъ серенада смолкла и раздались шумныя рывоплесканія и громкіе возгласы:—еще! еще!

На этотъ разъ Габріелю уже пришлось пѣть самому, и если онъ не обнаружилъ особеннаго таланта при распредѣленіи порцій экзковъ, за что музыкальныя его дарованія высказались въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Правда, не смотря на его талантливость, онъ былъ еще только взрослый мальчикъ, но, быть можетъ, причина суровости къ нему Тирѣ заключалась именно въ томъ, что она сама была еще только взрослая дѣвочка.

Романсъ, пропѣтый имъ и имъ же самимъ сочиненный, привелъ въ такой восторгъ публику и вызвалъ такія продолжительныя и бурныя рывоплесканія, въ особенности со стороны чувствительныхъ швей,—которыхъ, какъ онъ самъ выразился, онъ „ужъ слишкомъ подогрѣлъ“, — что ему насилу удалось уклониться отъ повторенія его.

Герръ Фрейндъ остался тѣмъ болѣе доволенъ успѣхомъ юнаго поэта и музыканта, что былъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній на счетъ того, чьего сочувствія и одобренія онъ преимущественно добивался и къ кому были обращены слова романса, пропѣтаго имъ съ такимъ одушевленіемъ. Точно также и Бенедиктусъ. ничего не знавшій о чувствахъ его къ Тирѣ и, слѣдовательно, смотрѣвшій на него безъ всякой затаенной непріязни соперника, вполне оцѣ-

нелъ его выдающійся талантъ, который возбудилъ въ немъ особенно живой интересъ къ искусству, готовившемуся посвятить себя не блестящей дѣятельности артиста, а суровымъ обязанностямъ служителя алтара.

„Я Габриэль, предстоящій предъ лицомъ Господа“, невольно вспомнились Бенедиктусу слова Св. Писанія, хотя ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было примѣнить къ этому блестящему искусству, который задумывался только тогда, когда его постигала какая-нибудь неудача, и всегда дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, неудержимо стремясь туда, куда его влекла его горячая и порывистая натура. Бенедиктусъ рѣшительно не могъ представить себѣ пылкаго и подвижнаго Габриэля Гофера, такъ быстро переходившаго отъ одного ощущенія къ другому, въ роли проникнутаго своимъ долгомъ и самоотверженнаго служителя храма.

Наконецъ, вечеръ кончился. Въ заключеніе сдѣлана была слабая попытка пропѣть хоромъ національный антифонъ. Но публика не могла спѣться и, не успѣвъ нѣсколько времени и нахотѣвшись досыта, предоставила доканчивать начатый антифонъ нольгѣ, пѣвшей *Кракюэльъ*. Въ разомъ поднялись со своихъ мѣстъ и не имѣя привычки ни здороваться, ни прощаться другъ съ другомъ, — что, быть можетъ, объяснилось весьма простой причиной: взаимнымъ нежеланіемъ протягивать и пожимать не совсемъ чистыя руки, — торопливо направляясь къ выходу, считая, повидимому, совершенно излишнимъ обращаться съ изъясненіями благодарности къ устроителямъ вечера.

Герръ Фрейндъ дружелюбно раскланивался съ расходящеюся публикой. Онъ теперь совершенно успокоился и замѣтно повеселѣлъ, отъ души радуясь, что этотъ скучный для него вечеръ кончился наконецъ. Тира теперь уже не будетъ такъ норовиться къ своимъ protégés и дастъ ему отдохнуть нѣсколько времени, а потомъ... потомъ они уйдутъ въ Вѣну.

Если бы герръ Фрейндъ зналъ, какъ равнодушно относились

старшія посѣдательницы собраній, устраиваемыхъ Тирою, къ тому—присутствуетъ-ли она на нихъ или нѣтъ, когда на ея мѣсто являлись другія распорядительницы, которыя могли угощать ихъ и доставлять имъ обычные развлечения, то онъ, разумѣется, еще энергичнѣе сталъ бы возставать противъ посѣщенія ею самою этихъ вечеровъ, въ виду того, что отъ этого могли серьезно пострадать ея здоровье и красота. Эти почтенныя особы были удивительно проникательны и практичны, и составляли свои сужденія на основаніи гораздо болѣе вѣсныхъ данныхъ, чѣмъ ихъ вѣтронныя и легко увлекавшіяся дочки; поэтому онѣ хорошо понимали, что Тиръ только изъ снисхожденія дозволялось вступать въ сношеніе съ ихъ дочерьми, которыя, однако, тоже были молоды, хотя и не такъ красивы, какъ она. „Что и говорить: она писаная красавица, но какой же имъ прокъ отъ этого? Черезъ годъ-два она навѣрное выйдетъ замужъ, и имъ все равно придется проститься съ нею. Вотъ миссъ Нюджантъ—другое дѣло: для этой поры замужества давно миновала. Миссъ Гоферъ тоже наврядъ-ли выйдетъ замужъ, а миссъ Эмби если и выйдетъ, то не уйдетъ отъ нихъ: у нея собственный домъ въ Тоттенгемѣ. Эти три будутъ понадежнѣе и, пожалуй, никогда не оставятъ ихъ. Ну, а миссъ Фрейнды, хотя и красотка, и добра, какъ ангель, а на нее нельзя слишкомъ рассчитывать:—какъ разъ улетитъ!“

Вотъ какія соображенія высказывали прозорливыя матери семействъ на счетъ будущей судьбы ихъ патронеесъ. Это было и просто, и главное—откровенно.

Въ отвѣтъ на прощальное привѣтствіе Тирн, послышался дружный, хотя и не совсѣмъ стройный гулъ десятковъ голосовъ. Когда она приходила по лѣстницѣ, то нѣкоторыя изъ любознательныхъ миссъ, руководимыхъ не столько эстетическимъ чувствомъ, сколько коммерческими соображеніями, сочли не лишнимъ даже пощупать матерію, изъ которой было сдѣлано ея платье.

Внизу уже дождался Габріэль, чтобы помочь ей одѣться.

Накидывая на себя подавное ивъ rag-dessus, она невольно подумала, что ей было бы пріятнѣе, если бы эта услуга была оказана ей Бенедиктусомъ.

— Благодарю васъ, Габріэль... но извините— мнѣ некогда — папа очень торопится домой.

— Зачѣмъ ссылаться на другихъ, Тира? Скажите лучше, что вы сами хотите поскорѣе отдѣлаться отъ меня, — горячо возразилъ Габріэль. — Теперь мы съ вами если и встрѣчаемся, то сейчасъ же опять расходимся въ разные стороны, точно калейдоскопическія фигуры. Наши отношенія совершенно утратили свой прежній характеръ, и я не слышу уже отъ васъ ничего, кромѣ — *поскорѣе! мнѣ некогда!* Тира, что съ вами сдѣлалось?

— Какой вы стали несносный, Габріэль! Къ чему вы завели рѣчь о калейдоскопическихъ фигурахъ и о нашихъ отношеніяхъ? И что за фантазія начинать отвлеченный разговоръ, когда вы знаете, что меня ждутъ.

— Но вы теперь постоянно убѣгаете отъ меня. Если бы вы знали, Тира, чего мнѣ стоитъ почти совѣмъ не видаться съ вами, или же видѣться въ такой толпѣ, какъ сегодня! Дорогая моя, — прибавилъ онъ, наклоняясь къ ней и понижая голосъ до шепота: — неужели вы не поняли, для кого я пѣлъ мой романсъ и кому онъ посвященъ.

— Я никакъ не ожидала отъ васъ такой нелѣпой, ребяческой выходки, — холодно отвѣтила Тира. — Распѣвать чувствительныя серенады въ честь милой, да еще въ публичномъ собраніи — протитительно только мальчику. Хорошо еще, что я не придала никакого значенія этой серенадѣ.

Габріэль такъ быстро отшатнулся назадъ, какъ будто его ударилъ кто нибудь по лицу.

— Ну, Тира, поздравляю васъ: вы сдѣлались настоящею свѣтскою женщиной! — вскричалъ онъ съ такой неподдѣльной горечью, что молодой дѣвушкѣ невольно сдѣлалось жаль его, тѣмъ болѣе,

что она сознавала всю справедливость сдѣланнаго ей упрека. Воспитаніе выработало въ ней нѣсколько ироническое отношеніе къ чужому чувству—это утонченное орудіе свѣтскихъ женщинъ, которыми она при случаѣ умѣла ловко наносить раны.

— Неужели вы не понимаете, что я являюсь на тавіа соборища, какъ здѣсь или какъ въ Мальденъ-Будѣ, для того только, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на васъ или перекинуться съ вами словомъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же отчасти укоризненнымъ, отчасти негодующимъ голосомъ, которому онъ сумѣлъ придать такую интонацію, что эта, повидимому, пустая жалоба прозвучала какъ-то особенно выразительно и сильно.

— Эстелла такъ часто бываетъ у васъ,—заговорилъ онъ опять тихимъ и умоляющимъ голосомъ:—вѣрзя-ли мнѣ хоть изрѣдка заходить съ нею къ вамъ?

Онъ мучительно покраснѣлъ при послѣднихъ словахъ. Видно было, что ему не легко приносить свою юношескую гордость въ жертву своей первой любви. Но Тира въ этомъ случаѣ поступила точно такъ, какъ поступаютъ всѣ наши кроткія и милыя женщины: хотя ей, конечно, не трудно было понять, какъ тяжело было ей бывшему другу и товарищу дѣтства направиться на приглашеніе, она все - такъ холодно отвѣтила ему, завидѣвъ подходящаго къ нимъ Бенедиктуса:

— Это не мое дѣло, Габріэль. Хозяйка въ домѣ—мама, а не я. Я готова, и-рѣ Бенедиктусъ,—прибавила она, обращаясь къ румяну, и, взявъ его подъ руку, отошла отъ Габріэля, не сказавъ ему болѣе ни слова.

Какъ жестоки и безсердечны иногда могутъ быть даже лучшіе изъ людей! Подъ вліяніемъ обиды, въ чувствахъ Габріэля вдругъ произошло нѣчто въ родѣ реакціи, и въ пылу негодованія онъ приписалъ Тирѣ такіа посужденія, которыми она была совершенно не причастна. Для него стало теперь очевидно, что она хотѣла дать ему понять какъ ничтоженъ онъ, бѣдный юноша, безъ всякаго

положенія въ обществѣ, въ сравненіи съ нею, знатной и богатой свѣтской дѣвушкой. И она третируетъ такъ его, любимаго товарища своихъ дѣтскихъ игръ, которому повѣрляла все свои тайны и мечты, съ которыми была откровенна почти настолько же, насколько и съ Альбертой! Могъ ли онъ ожидать отъ нея этого?

Онъ неподвижно простоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, какъ бы стараясь оправиться отъ нанесеннаго ему удара; наконецъ встрепенулся, вытеръ слезы, застилавшія ему глаза, и медленно направился въ опустѣвшую уже залу. Если бы онъ рѣшился опять подойти къ Тирѣ, то она, подъ впечатлѣніемъ того удовольствія, которое доставляло ей присутствіе Бенедиктуса, вѣроятно, постаралась бы какъ нибудь загладить свои не совѣмъ пріятныя слова. Онъ не имѣла намѣренія оскорбить его и не искала предлога къ ссорѣ съ нимъ, но хотѣла только дать ему понять, что о возобновеніи ихъ прежнихъ дружескихъ отношеній и душевныхъ разговоровъ, о которыхъ онъ вспоминалъ съ такой нѣжностью, теперь не можетъ быть и рѣчи.

Незамѣтно надвинувшаяся гроза вдругъ разразилась проливнымъ дождемъ, сопровождаемымъ громомъ и молніей. Карета герра Фрейнда, завернувшая на какой-то постоялый дворъ, на противоположной сторонѣ улицы, не подѣвжала. Герръ Фрейнъ стоялъ молча, волнуемый опасеніями, что Тира можетъ схватить простуду и дорого заплатить за свою прихоть. Тира тоже казалась нѣсколько озабоченной, но сворѣе разстроеннымъ видомъ отца, чѣмъ неприятой развязкой ея невинной затѣи. „А во всемъ виноватъ Габріэль, — думала она; — если бы онъ не задержалъ ее внизу, то она благополучно дошла бы до кареты со своими спутниками и успѣла бы уѣхать до дождя, въ одно время съ Гульельмой и ея кузинами“. Подъ ветхимъ навѣсомъ крыльца столпилось нѣсколько бѣдныхъ женщинъ, не имѣвшихъ дождевыхъ зонтовъ и поэтому не рѣшавшихся отправиться домой въ такой ливень. Онъ съ покорнымъ видомъ смотрѣли на мутные потоки, образовавшіеся на

улицѣ, и, пронизываемыя дождемъ и сыростью, ежесекундно вздрагивали подъ своими сильно поношенными платками, между тѣмъ какъ герръ Фрейндъ мысленно разрѣшалъ вопросъ о томъ, что будетъ безопаснѣе для его дочери:—перобѣжать-ли подъ проливнымъ дождемъ на противоположную сторону улицы, или же остаться подъ навѣсомъ на неопредѣленное время, въ ожиданіи кареты.

Бѣдныя женщины, привыкшія ко всякаго рода случайностямъ, отъ души сожалѣли почтеннаго джентльмена, очутившагося въ такомъ непріятномъ положеніи, и тѣмъ больше сочувствовали ему, что смотрѣли на Тиру, какъ на прелестную и всѣми обожаемую фею, которую слѣдовало оберегать отъ малѣйшаго дуновения вѣтерка. Но какъ ни старался Бенедиктусъ укрыть ее съ помощью зонта отъ ливня, это ему не совсѣмъ удавалось, потому что навѣсъ былъ старыи и полуразрушенный, а другого убѣжища нигдѣ не было.

— Не отправиться-ли намъ самимъ на поиски за каретой?—сказалъ наконецъ герръ Фрейндъ, видя, что дождь полилъ еще сильнѣе послѣ ярко сверкнувшей молніи, заставившей всѣхъ вздрогнуть.

— Вамъ стоитъ только добѣжать вонъ до того угла, сэръ, — вѣжливо замѣтила ему одна изъ женщинъ. — Если вашъ человекъ (ливрейный лакей, тоже державшій распущенный зонтъ надъ Тирой) закутастъ хорошенько барышню, то ей лучше будетъ перейти черезъ улицу, чѣмъ стоять злѣе на сырости, гдѣ она можетъ прозабнуть и—чего добраго—заболѣть. Дайте ручку вашему папашѣ, моя красавица, — прибавила женщина, обращаясь къ Тирѣ, — и ступайте себѣ съ Богомъ.

Герръ Фрейндъ, нашедшій этотъ совѣтъ довольно основательнымъ, досталъ изъ кармана свой кошелекъ и, съ несказанной радости бѣдныхъ женщинъ, такъ терпѣливо мирившихся съ житейскими невзгодами, сдѣлалъ имъ довольно щедрый подарокъ. Наконецъ, Тира, наотрѣвъ отказавшаяся позволить слугѣ перенести

ее черезъ улицу, вышла изъ-подъ навѣса и принялась храбро шагать по лужамъ, въ сопровожденіи Бенедиктуса и герра Фрейнда, который только вздыхалъ и ахалъ при видѣ того, какъ двѣ маленькія и легко обутыя ножки погружались чю самую щиколку въ воду.

— Но, папа, вѣдь это могло бы случиться и послѣ бала, — сказала Тира отцу заискивающимъ тономъ, когда маленькое общество усѣлось наконецъ въ карету. — Вы видѣли, какъ терпѣливо стояли эти бѣдныя женщины на дождѣ, а какая же разница между мною и ими?

— Громадная разница, — возразилъ ей отецъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ. — Пожалуйста, не заводи со мною преній на счетъ разныхъ социальныхъ и филантропическихъ тонкостей, — до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока ты не обсохнешь и не обогрѣешься.

Тира замолчала, но черезъ минуту громко вскричала:

— Посмотрите, папа! вѣдь это онъ... Габріэль Гоферъ... Видѣли вы его? Воображаю себѣ какъ онъ промокъ, бѣдняжка!

— Экій сумасшедшій мальчишка! Что же ты не позвала его? Онъ могъ бы захватить пока къ намъ.

— Но, папа, почему же мнѣ знать, что вы желаете этого? Сегодня мнѣ приходится отвѣчать за все и за всѣхъ — и за поднявшуюся грозу, и за сумазбродство Габріэля, — вскричала Тира, которая подчасъ и сама была не меньше сумазбродна, чѣмъ ее бывшій пріятель.

— Не велѣть-ли кучеру повернуть назадъ, чтобы захватить его? — спросилъ Тирю Бенедиктусъ, у котораго вдругъ мелькнуло подозрѣніе, что въ ней, быть можетъ, говорило не одно состраданіе къ молодому человѣку, но и другое, болѣе сильное чувство.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! — рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ ему герръ Фрейндъ. — Но отчего же онъ отправился одинъ, а не съ сестрою?

Тира промолчала. Ей было хорошо извѣстно, что Габріэль

нарочно медлилъ до послѣдней минуты, въ надеждѣ, что его пригласятъ ѣхать съ ними. Что касается до Эстеллы, то Тира думала, что та уѣхала вмѣстѣ съ Гувальмой.

— Избалованный аристократикъ, раскрѣвающій чувствительные романсы подъ аккомпаниментъ своей скрипки и воображающій, что въ этомъ только и состоитъ задача жизни,—замѣтилъ Бенедиктусъ, глядя въ сторону.—Впрочемъ, вѣдь онъ еще совсѣмъ мальчикъ.

— Вѣдний мальчикъ! Вѣдний Габріэль!—подумала съ своей стороны Тира.

Альфонсъ.

(Продолженіе будетъ).

О ЧЕРТЬ ОСВѢДЛОСТИ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА ¹.

I. Мотивы историко-національныя.

Устраненіе евреевъ изъ внутреннихъ частей Имперіи, какъ и всѣ вообще репрессивныя мѣры въ отношеніи ихъ, объясняется многими, какъ сказано выше, силою стихійной борьбы съ скрывающимися въ еврейской расѣ и еврейской вѣрѣ непріязненными для русскаго народа элементами. Борьба эта, по мнѣнію этихъ лицъ, всегда существовала на Руси, отражаясь съ глубокой древности на нашихъ національно-политическихъ отношеніяхъ къ евреямъ.

Подобная идея, находящая у насъ рзвѣстныхъ пропагандистовъ и высказанная, нѣкоторымъ образомъ, въ научной формѣ г. Леонтовичемъ, профессоромъ Новороссійскаго университета, въ запискѣ, послужившей основаніемъ тѣхъ заключеній, къ какимъ пришла, между прочимъ, бывшая одесская по еврейскому вопросу коммисія, даетъ понятіе какъ бы о постоянномъ существованіи въ нашей политической сферѣ безусловной нетерпимости къ лицамъ еврейскаго происхожденія и еврейской вѣры.

Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Терпимость и нетерпимость суть два противоположныя политическія направленія, взаимно исключаютъ одно другое. Какое же изъ этихъ двухъ направленій преобладало на Руси въ прежнее время и какое изъ нихъ существуетъ въ современный намъ моментъ?

¹ См. Восходъ, кн. IV.

Восходъ, кн. 6.

Нѣтъ сомнѣнiя, что вѣковое закрытiе для евреевъ большей части Россiи можетъ давать поводъ къ предположенiямъ о господствѣ нетерпимости къ евреямъ, завѣщанной намъ стариною. Между тѣмъ, это состоитъ въ явномъ противорѣчiи какъ съ фактомъ существованiя въ предѣлахъ русскаго государства многомиллионнаго еврейскаго населенiя, такъ и съ основными положенiями русскихъ законовъ, которыми торжественно провозглашена повсемѣстная въ государствѣ терпимость ко всѣмъ вообще официально признаваемымъ иновѣрнымъ исповѣданiямъ, христіанскимъ и нехристіанскимъ, въ томъ числѣ и въ *еврейскому* (Св. Зак. т. I Осн. Зак., ст. 45; т. XI, ч. 1. Уст. Дух. Дѣль Иностр. Испов., ст. 1 и 2, и т. XIV, Уст. о пред. и пресѣч. прест., изд. 1876 г., ст. 73).

Изъ этого видно, что политической формѣ отношенiй къ евреямъ, выражающейся нынѣ въ ихъ локализациа, нельзя справедливѣмъ образомъ присвоить наименованiе политики безусловной нетерпимости,—политики, которая ставила бы для евреевъ дилемму: принять христіанскую вѣру или оставить предѣлы государства, и которая имѣла свои примѣры на Востокаѣ—въ Византiи, на Западѣ—въ католическихъ и протестантскихъ странахъ и, наконецъ, отчасти, у насъ въ Россiи, въ царствованiе Екаторины I, Анны Иоанновны и особенно Елисаветы Петровны.

Въ настоящее время евреи допущены къ постоянному жительству въ предѣлахъ государства, хотя и въ особо предназначенной для этого области. Они живутъ, слѣдовательно, на русской землѣ, пользуются въ ней и значенiемъ русскихъ подданныхъ, и правами русскаго гражданства, и свободою отиравленiя обрядовъ своей вѣры, наравнѣ почти съ другими тамъ подданными. Нѣкоторые изъ евреевъ допускаются не только къ временному приѣзду, но и къ постоянному жительству внутри Россiи. Поэтому, нынѣшняя политика относительно ихъ, при совершенно объективномъ на нее взглядѣ, не имѣетъ ничего общаго ни съ духомъ проявившихся вслѣдъ за кончиною Петра I политическихъ стремленiй къ очищенiю отъ евреевъ русской территорiи, ни съ тою снхидною нетерпимостью къ нимъ, которая столь настойчиво приписывается иными нашему національно-политическому образу дѣйствiя съ самыхъ первыхъ временъ существованiя Руси.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что, по всѣмъ признакамъ, въ

нашей политической сферѣ господствуютъ въ настоящее время известная терпимость въ еврействѣ. Не нельзя не замѣтить, что терпимость эта представляетъ черты совершенно своеобразной политики, которая до ея возникновения въ концѣ XVIII столѣтія не имѣла вполне тождественнаго примѣра, не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ христіанскихъ странахъ, въ томъ числѣ и Польшѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ существовали тоже ограниченія въ правахъ жительства евреевъ и ихъ свободнаго передвиженія по государству. Но ограниченія эти заключались преимущественно въ недопущеніи ихъ къ жительству въ известнѣхъ только центрахъ населенія: иной разъ въ селеніяхъ, иной разъ въ городахъ. Существовалъ обычай выдавать этимъ послѣднимъ особныя грамоты или привилегіи на изгнаніе евреевъ изъ своей черты, а также отводить имъ въ городахъ, для ихъ жительства, особые кварталы, которые были известны подъ названіемъ Ghetto, Judenviertel, и имѣли верѣдно дѣлюю безопасность самихъ евреевъ отъ нападокъ фанатической черни. Слѣдовъ же отведенія евреевъ сплошныхъ областей, которымъ присвоивалось бы значеніе ихъ родины и гдѣ, только на званіи какъ бы основаніи, имъ была бы предоставлена равноправность съ прочими тамъ жителями, не встрѣчается въ исторіи законодательства тѣхъ странъ. Своеобразие, кама пріадаетъ нашей современной политикѣ относительно евреевъ ихъ локализацией въ юго-западнѣхъ частяхъ Имперіи и приислянскихъ губерніяхъ, не можетъ признаваться, поэтому, заимствованною изъ Западной Европы; она не имѣетъ и въ Россіи своей отдаленной исторіи. Отсюда дѣлается очевиднымъ, что и мотивы этой политики, строго говоря, не подлежатъ собственно изслѣдованію на почвѣ историко-національныхъ преданій древней Руси. Повѣствованія о встрѣчавшихся у насъ случаяхъ проявленія нетерпимости въ еврействѣ, объ истребленіяхъ ихъ при отказѣ отъ крещенія, объ изгнаніяхъ и различныхъ стѣсненіяхъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ евреевъ, при всей достовѣрности этихъ фактовъ, не могутъ представлять полезнаго и практическаго для законодательства матеріала. Не только древнія, завѣщанная стариною, но и болѣе близкія по времени формы и установленія не стѣсняють обмененно и не должны стѣснять законодательную дѣятельность, разъ ихъ измѣненіе признано

необходимымъ и полезнымъ. Держаться въ политикѣ много правила и стремиться къ удержанію какихъ либо формъ и установлений на томъ только основаніи, что они существовали въ известное время національному духу, могло бы привести пошлительно въ абсурда. При такихъ возрѣніяхъ, можно было бы прийти къ выводу о необходимости удержанія прежнихъ вытокъ и казней, крѣпостного права и множества другихъ формъ и установлений прежняго времени, въ томъ числѣ и отмигнутого въ 1887 году закона, воспрещавшаго евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ. Такимъ образомъ можно было дойти, пожалуй, и до заключенія, что допущеніе свободнаго употребленія табака и торговли этимъ товаромъ противно также историко-національнымъ преданіямъ русскаго народа, въ виду того лишь, что всѣ десять статей XXV главы Уложения Царя Алексія Михайловича, согласно съ предшествовавшими царскими повелѣніями и распоряженіями, посвящены строгимъ воспрещеніямъ относительно держанія и употребленія табака и особенно торговли имъ, подъ страхомъ «битія кнутомъ на вождь», вытокъ и смертной даже казни. Нѣтъ сомнѣнія, что наши старовѣры, чуждающіеся до сихъ поръ этого «богопротивнаго зелья», должны признавать его воспрещеніе однимъ изъ самыхъ національныхъ законовъ нашихъ и соблюдать объ его отмигнѣ.

И такъ, въ дѣлѣ изслѣдованія мотивовъ, лежащихъ въ основаніи вышеизложенныхъ ограниченій въ правахъ жительства евреевъ, преданія нашей старины, съ законодательной точки зрѣнія, едва ли могутъ имѣть какое либо существенное значеніе.

При всемъ томъ, есть, однако, обстоятельства, въ виду которыхъ, при разсмотрѣніи мотивовъ локалізаціи евреевъ въ Россіи, нельзя не воспользоваться и историко-національной стороной отношеній государства къ лицамъ этого исповѣданія.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе—это то, что стихійные элементы дѣйствительной или воображаемой борьбы у насъ съ евреями—*раса* и *стра*, какъ факторы постоянно присутствующіе, сами по себѣ даютъ понятіе о необходимой связи настоящаго съ прошлымъ. Поэтому, ходячіе толки о сказанной борьбѣ, какъ о многовѣковомъ явленіи въ русской странѣ, могутъ легко

приобрѣтать полную вѣроятность въ убѣжденіи массы людей, которыми неопытны историческіе факты, касающіеся этого предмета. При незнакомотѣ съ этими фактами, явленія, зависящія отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, могутъ быть принимаемы за послѣдствія принципиально установленнаго національно-политическаго вооруженія и привести къ заключенію, что борьба съ евреями была обычнымъ образомъ дѣйствія правившихъ русскою землею верховныхъ ея властителей. Это именно и даетъ, главнымъ образомъ, средство и возможность лицамъ, склоннымъ къ агитации противъ евреевъ, распространять ложныя и неимѣящія въ себѣ чувства и удерживать отъ волеющихъ реформъ гражданскаго быта этой части русскаго народонаселенія. Одно лишь тщательное изслѣдованіе данныхъ древнихъ національно-политическихъ отношеній къ евреямъ можетъ устранить этотъ мотивъ, которому въ правительственныхъ сферахъ, по видимому, придаются еще, къ сожалѣнію, вѣсъ и значеніе.

Но при разсмотрѣніи этого предмета мы имѣемъ въ некоторомъ основаніи къ оставленію вовсе въ сторонѣ собственно *расовой* или *племенной* вопросъ.

Въ какомъ бы смыслѣ его ни принимать: въ смыслѣ ли *антисемитизма*, т. е. врожденнаго чувства неприятия къ человѣческой натурѣ восточнаго происхожденія, или въ смыслѣ какой либо *национальной вражды* къ евреямъ, какъ отдѣльному племени или націи, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не видимъ надобности много распространяться объ этомъ предметѣ.

Приведенные раньше наглядные факты о природномъ свойствѣ всѣхъ классовъ русскаго народонаселенія—внѣшнихъ и внѣшнихъ—къ уживчивости съ людьми семитическаго происхожденія, не исключая евреевъ, достаточно убѣждаютъ въ ошибочности предположеній о присутствіи въ русскомъ человѣкѣ чувства какаго либо непреодолимаго отвращенія къ ихъ расѣ. У насъ существуетъ, такъ сказать, лишь напускная антисемитизмъ, проявляющійся преимущественно въ чиновничьемъ мірѣ и среди представителей нѣкоторыхъ органовъ печати, преслѣдующихъ личныя цѣли.

Что касается племенной или національной вражды къ евреямъ, какъ отдѣльному народу или націи, отстаивавшей свои права на независимое политическое существованіе, то историческія данныя

исключать всякую возможность предположенія чего либо недобнаго. Въ древній періодъ, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, они не являлись на Руси въ сплоченномъ видѣ, жили разбѣянно среди славяно-русскихъ и литовскихъ племенъ и не давали никакого повода смотрѣть на себя какъ на отдѣльный, независимый народъ или націю, которая вызвала бы необходимость къ какой либо борьбѣ съ нею. Нефѣйшія историческія изысканія вполне убѣждаютъ, что евреи имѣли способность къ ассимиляціи съ туземными жителями въ такой степени, что усвоивали себѣ ихъ нравы, обычаи и языкъ и носили ихъ языческія, а впоследствии и христіанскія имена, мужскія и женскія¹.

Но главнымъ и примитивъ поводомъ для насъ къ устраненію изъ нашихъ изслѣдованій расоваго или племеннаго мотива можетъ служить то обстоятельство, что онъ никогда не усвоивался и нашимъ законодательствомъ, а напротивъ, всегда исключался имъ, какъ *до*, такъ и *послѣ* принятія евреями въ русское подданство. Содержащееся въ именномъ указѣ императрицы Елисаветы Петровны 2 декабря 1742 г. повелѣніе о прекращеніи изъ Русской имперіи евреевъ, принявшихъ православную вѣру, а равно введенное въ царствованіе императрицы Екатерины II правило о денуціи обращающихся въ христіанство евреевъ къ новому жительствоу въ Россіи и воздѣйствія подобнаго же законодательства ясно свидѣтельствуютъ, что въ нашихъ національно-политическихъ воззрѣніяхъ на евреевъ не *раса*, а *религія* служила главнымъ стимуломъ. Въ такомъ же, отдѣльномъ отъ понятія *расы* видѣ является религіозный мотивъ и въ нашемъ современномъ законодательствѣ. Это явственно видно изъ закона, содержащагося въ ст. 864 т. IX о еост., изд. 1876 г., въ силу котораго каждый еврей, съ момента принятія христіанства, не только православнаго, но и всякаго другого исповѣданія, приобретаетъ полноправность и подлежитъ исключенію изъ еврейскихъ обществъ. Это даетъ право заключать, что еслибъ все еврейское населеніе Россіи, котораго считается свыше 3.500,000, приняло христіан-

¹ „О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси“, изслѣд. А. Я. Гаркави, и „Литовскіе евреи“, соч. проф. Спб. университета С. А. Бершадскаго, стр. 385.

ство, то дѣйствующее у насъ исключительное законодательство о евреяхъ, въ частяхъ и дѣлести, а следовательно, и установленіе чертой ихъ постоянной особѣности, тотчасъ утратило бы со іраа свою силу и значеніе. Очевидно, что раса здѣсь не причесть и что русскіе наши законы, какъ прежде, такъ и теперь, не придаютъ этому собственно стихійному элементу никакого особаго значенія.

Это одво достаточно, кажется, убѣждаетъ, что въ группѣ историко-національныхъ мотивовъ приходится считаться лишь ед *религіозными* и что эти только мотивы, какъ имѣющіе жизненность въ нашемъ законодательствѣ до настоящаго времени, заслуживаютъ нѣсколько болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

Религіозные поводы дѣйствія обуславливаются понятіемъ о присутствіи въ государственной сферѣ такъ называемаго *принципа господствующаго исповѣданія* (*religion d'Etat, Staatsreligion*). Тамъ, гдѣ этотъ принципъ дѣйствуетъ въ смыслѣ законодательнаго начала, можетъ существовать одна лишь вѣротерпимость, но не можетъ быть рѣчи о религіозной свободѣ и совершенной полноты правосудія исповѣданій и ихъ послѣдователей, такъ какъ съ ограниченіями религіозныхъ правъ тѣсно связаны и многія ограниченія въ правахъ гражданскихъ и политическихъ. То или другое положеніе иновѣрнаго исповѣданія зависитъ, при этомъ, отъ степени вѣротерпимости къ нему. Исторія свидѣтельствуетъ, что существовали эпохи, когда въ политической сферѣ христіанскихъ народовъ искони появлялась идея господствующаго исповѣданія исключала собою всякое понятіе о вѣротерпимости. Въ то время тѣсный союзъ государства съ церковью имѣлъ самия неблаготворныя послѣдствія для благоденствія массъ подданныхъ. Такъ это было не только на Западѣ—въ католическихъ и протестантскихъ странахъ, но и на Востокѣ, въ одновѣрной съ нами Византіи.

Тамъ, въ рукахъ одвѣленныхъ фанатизмомъ свѣтскихъ и духовныхъ властей превращавшаяся въ органическое начало идея господствующаго исповѣданія отождествлялась съ понятіемъ о безусловной нетерпимости къ людямъ исповѣдывавшимъ другую вѣру. Вслѣдствіе этого, появлялся рядъ дышавшихъ безчеловѣчьемъ эдиктовъ, декретовъ, буллъ и законовъ, съ цѣлію истреб-

ленія такихъ людей или ихъ принужденія къ перемѣнѣ вѣры путемъ возмутительныхъ насилій союбсти. Для достиженія этой цѣли разнуздывались народныя страсти, воздегались костры, порождались внутреннія смуты, Варолюмеевскія ночи, жесточайшія войны, оставлявшія за собою потоки крови множества невинныхъ жертвъ.

Въ нашей же, именно святой въ этомъ отношеніи, Руси, съ самыхъ первыхъ временъ принятія ею христіанства, союзъ государства съ церковью и усвоенный принципъ ея господства въ немъ, въ противоположность Западу и Византіи, имѣли совершенно ниня послѣдствія,—послѣдствія болѣе счастливыя для началъ вѣротерпимости и общаго благоденствія различныхъ въ русской странѣ племенъ и народностей. Русь, въ тихомъ единеніи съ своею «помѣстной» церковью, никогда не была и не могла быть свидѣтельницею вышесказанныхъ, освящавшихся духовными и свѣтскими законами, ужасовъ. Въ ея политической жизни нѣтъ періода, гдѣ господство вѣры дѣвало бы поводъ къ проявленію надъ исповѣданіемъ безчеловѣчій и жестокостей, подобныхъ тѣмъ, которыя составляютъ темное пятно въ исторіи не только католическихъ, но и протестантскихъ странъ. Подъ сѣнью православія и законовъ русскихъ, всея племена, даже языческія, всегда пользовались у насъ, въ несравненно большей степени, спокойствіемъ и мирнымъ житіемъ, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Встрѣчавшіеся на Руси, съ вѣковыми промежутками времени, случаи религіозныхъ вспышекъ фанатизма или буйства мѣстной толпы, жертвами которыхъ дѣлались евреи, представляютъ весьма рѣдкіе примѣры, имѣвшіе, какъ мы увидимъ ниже, совершенно случайный характеръ, не находившіе органической поддержки въ законахъ, и они, во всякомъ случаѣ, никакъ не могутъ быть объясняемы цѣлями, какія преслѣдовались въ русской странѣ принципомъ господствующаго исповѣданія.

Между тѣмъ, многіе незнавomme близко съ существомъ этого принципа и тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ и имѣетъ у насъ на Руси, склонны отождествлять его съ началомъ религіозной нетерпимости и относить къ нему, въ смыслѣ необходимаго его послѣдствія, какъ тѣ случайныя вспышки религіознаго фанатизма, которыя встрѣчались въ прежнее время относительно евреевъ,

такъ и возникшія въ XVIII столѣтіи ограничительныя узаконенія, ихъ касающіяся. Усматривая въ этомъ дѣйствіе одного и того же общаго начала, лица тѣ склонны устанавливать и внутреннюю съ нимъ связь сказанныхъ событій, съ присвоеніемъ имъ значенія *національно-политическаго* образа дѣйствія, имѣющаго прямое отношеніе къ *религіознымъ* интересамъ русской земли.

Вслѣдствіе этого не только въ обществѣ, но и въ правительственныхныхъ сферахъ замѣчается крайнее смѣшеніе различныхъ политическихъ моментовъ,—смѣшеніе, лишающее возможности отдѣлять отъ нашей старинны не только то положеніе вещей, которое начинается съ момента принятія евреевъ въ 1772 году въ русское подданство, но и положеніе современное намъ. Этому слѣдуетъ приписать распространеніе у насъ того мнѣнія, что репрессивная политика, каковая принята относительно евреевъ, имѣетъ у насъ на Руси, съ самой глубокой старинны, свою непрерывную нить, оставшуюся нетронутою даже политикою Екатерины II. Последнее даетъ тоже поводъ къ отождествленію ея образа дѣйствія съ тѣмъ, каковой былъ доущенъ въ предшествующія ей царствованія императрица Екатерина I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Какъ примѣръ смутнаго понятія, какое постоянно господствовало объ этихъ двухъ совершенно различныхъ, по положенію вещей, періодахъ времени, можно привести, между прочимъ, тотъ фактъ, что когда, въ царствованіе императора Александра I, министерство финансовъ вошло съ представленіемъ о закрытіи для евреевъ вновь Астраханской губерніи и Кавказской области, куда евреямъ, на основаніи Положенія о нихъ 1804 года, было разрѣшено переселиться изъ мѣстъ постоянной ихъ осѣдлости, то въ числѣ другихъ доводовъ министерствомъ тѣмъ приведено то, что со времени императрицы Елисаветы Петровны правительство всегда закрывало путь къ водворенію во внутреннихъ губерніяхъ Россіи¹. Между тѣмъ, подобное сравненіе никакъ не могло и тогда уже имѣть мѣста, такъ какъ евреи, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, число ихъ было незначительное и но представлявшейся въ то время возможности къ тому было повелѣно выслать ихъ

¹ П. С. З. т., XL № 30404.

встѣхъ за границу. Тогдашняя политика относительно евреевъ не могла, слѣдовательно, представлять никакого подходящаго примѣра для времени, когда они вошли дѣльными массами въ составъ общаго народонаселенія государства въ качествѣ его подданныхъ, и къ высылкамъ ихъ за границу не представлялось уже ни основанія, ни возможности. Случай смѣшенія этого новѣйшаго у насъ періода времени съ тѣми, когда прѣзжавшіе и жившіе въ Россіи евреи не имѣли еще другого значенія какъ заѣзжихъ, чужеземныхъ людей, встрѣчается въ нашей правительственной сферѣ по настоящее время. Такъ, состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комитетъ о евреяхъ, съ цѣлію подтвержденія своихъ доводовъ о необходимости принятія проактивированныхъ имъ временныхъ о нихъ правилъ 3 мая 1882 года, объяснилъ, между прочимъ, что «вообще при императрицахъ Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, какъ видно изъ ея манифеста о вступленіи на престолъ, правительство не желало имѣть евреевъ въ Россіи». Между тѣмъ, такой выводъ совершенно несогласенъ съ дѣйствительными фактами. Въ манифестѣ Екатерины о вступленіи на престолъ нѣтъ ни слова о евреяхъ. Если же въ другомъ ея манифестѣ, воспомыдовавшемъ 4 декабря 1762 года, т. е. пять мѣсяцевъ спустя, дѣйствительно и было подтверждено повелѣніе императрицы Елисаветы Петровны о недопущеніи евреевъ въ Россію, въ числѣ другихъ иностранцевъ, то этотъ законъ не имѣетъ никакого отношенія къ вновь вступившему затѣмъ періоду времени, когда, вслѣдствіе измѣненія нравственнымъ Императрицы 30 іюля 1767 года характера взглядовъ на начало вѣротерпимости, евреи были вновь допущены ею въ Россію, сперва разрѣшеніемъ имъ селиться въ Новороссійскомъ краѣ, а затѣмъ и принятіемъ ихъ, въ 1772 году, въ подданство.

Вслѣдствіе такой невѣрности и сбивчивости понятій объ отношеніяхъ русскаго государства къ евреямъ въ различные періоды времени, необходимо рассмотреть этотъ предметъ нѣсколько ближе, въ связи съ жившими проявлениями принципа господствующаго несовѣданія въ нашей религіозно-политической сферѣ. Но какъ принципъ этотъ есть общее христіанскимъ странамъ начало, искони установившееся и различнымъ образомъ себя проявлявшее, то необходимо предварительно отдать себѣ сколь воз-

можно болѣе ленивъ отчетъ о его существѣ и значеніи, сообразно съ политическими взглядами на него въ различные эпохи. Это дастъ имѣть и возможность предостатить то разительное отличіе, какое замѣчается въ этомъ отношеніи между Русью и другими христіанскими странами, и выяснитъ—имѣть-ли вышнѣшая у насъ исключительная политика относительно заревъ, посылая печать енособразности, какое либо основаніе въ требованіяхъ иривципа, устанавливающаго какъ основанія государства къ церкви, такъ и относительное положеніе всѣхъ прочихъ въ немъ христіанства и нехристіанскихъ исповѣданій.

Христіанская вѣра, какъ извѣстно, восторжествовала впервые въ Восточной Римской имперіи, при Константинѣ Великомъ и матери его св. Еленѣ. Хотя крещеніе было принято этимъ императоромъ лично лишь передъ самою его кончиною, послѣдовавшей въ 337 году, но вслѣдствіе извѣстнаго небснаго видѣнія, какое онъ имѣлъ передъ битвою съ Максентіемъ еще въ 319 году, имъ было повелѣно замѣнить серебрянаго орла крестообразными знаменами и украсить щиты именамъ Христа. Изображеніе символа христіанской вѣры на вышнихъ знакахъ государственнаго могущества имѣло имѣть значеніе торжественнаго провозглашенія въ монархіи господства славной вѣры. Съ этого момента можно считать появленіе въ политической сферѣ европейскихъ народовъ *идеи господствующей церкви* въ лицѣ христіанства — идеи, которой верховная власть, удовлетворяя потребности времени и собственнымъ чувствамъ религіозной ревности, не замедлила присвоить значеніе *ограниченнаго канала*, выразившагося и въ законахъ.

Въ историческомъ развитіи и примѣненіи на дѣлѣ этого принципа различаются *два эпохи*: первая, когда естественная въ религіозной области нетерпимость въ вѣрованіяхъ, не признававшихся истинными, переносилась въ политическую сферу и отождествляется тамъ съ нетерпимостью къ самимъ ихъ послѣдователямъ, вслѣдствіе чего, посягательствомъ съ ихъ стороны на цѣлость и неприкосновенность религіозныхъ правъ вервенствующей церкви признается одинъ лишь фактъ исповѣданія ими своей вѣры. Это эпоха *безусловной религіозно-политической нетерпимости*. При господствѣ такой нетерпимости, вышеупомянутому принципу при-

соединяются двѣ, какъ бы нераздѣльныя цѣли: не только защита и оборона церкви отъ совращеній и пропаганды, но и установление закономъ мѣръ къ искорененію въ государствѣ всѣхъ вообще признающихся основанными на лжеученіяхъ ислѣдованій, путемъ насильственного обращенія въ православіе, нередко съ помощью меча и огня, казней или изгнаній изъ страны.

Другая эпоха есть та, когда, при успѣшнѣйшемъ усвоеніи истинъ христіанской религіи, фанатизмъ нѣсколько утихаетъ и проявляются понятія о вѣротерпимости, началомъ которой мало-по-малу подчиняется и вышеупомянутый принципъ, вследствие чего онъ утрачиваетъ свою первоначальную суровость и начинаетъ ограничиваться изъ соединяемыхъ съ нимъ цѣлей преимущественно одною защитною и оборонною церковью отъ притисковъ на нее посягательствъ, заключающихся въ дѣяніяхъ, которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ стѣсненіе ея исключительнаго права на пропаганду и уменьшеніе числа послѣдователей православія. Это—эпоха условной религіозно-политической терпимости. При господствѣ такой терпимости допускается существованіе въ государствѣ иновѣрцевъ съ известными ограниченіями въ правахъ и допущеніемъ, въ то же время, болѣе или менѣе безпретѣсвеннаго отпращиванія или обрядовъ своей вѣры.

Христіанскія страны на Востоцѣ, гдѣ господствовали византійскіе законы и греческіе законы, имѣли свою эпоху безусловной религіозно-политической нетерпимости, выражавшейся въ суровыхъ формахъ религіозныхъ гоненій и преслѣдованій, между прочимъ, и по отношенію къ евреямъ. Нетерпимость эта ослабла, однако, въ концѣ существованія Византійской имперіи и никогда не достигала тамъ тѣхъ безчеловѣчій, свидѣтелемъ которыхъ былъ впоследствии Западъ. Въ христіанскихъ странахъ, гдѣ водворился абсолютизмъ римско-католическій, а затѣмъ и протестантскій, эпоха религіозныхъ гоненій и преслѣдованій приняла болѣе жестокаго характера и имѣла весьма продолжительный періодъ времени.

Что касается собственно русской страны, то, съ принятіемъ православія, она въ то же время была озарена, въ сказанномъ отношеніи, какъ бы особымъ свѣтомъ. Можно сказать, что Русь, возрожденная христіанствомъ, появилась въ союзѣ съ нашею

«помѣстною» православною церковью, съ началами вѣротерпимости. Эпохи абсолютной невѣротерпимости, соединенной съ фанатическими склонностями къ религиознымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, на Руси вовсе не было. Хотя общая идея христіанства о его миссіи—распространять евангельское ученіе среди народовъ—была присуща и нашей православной церкви, но съ самаго начала у насъ установились вѣстѣ и понятія, *во первыхъ*, что между идолопоклонниками и людьми, вѣрующими въ единого Бога, имѣется существенное различіе; *во вторыхъ*, что, согласно этому, преимущественною заботой государства и церкви въ дѣлѣ распространенія христіанства должно быть обращеніе въ него язычниковъ. Эти два понятія отчетливо замѣтны во всѣхъ первоначальныхъ и послѣдующихъ дѣяніяхъ верховныхъ властителей русской земли и святителей церкви. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что въ первое время послѣ принятія Русью христіанства хотя и встрѣчаются слѣды стремленія къ обращенію въ христіанство путемъ внѣшняго принужденія, но исключительно только по отношенію къ язычникамъ. Что касается людей, признававшихся поклонниками единого Бога, какъ-то: магометанъ и іудеевъ, то они вообще къ принятію христіанства русскими законами не принуждались.

Такая умѣренность относительно иновѣрцевъ объясняется какъ усвоеніемъ христіанскихъ истинъ въ ихъ чистотѣ, такъ и общежительными нравами и обычаями славяно-русскихъ племенъ. Это было причиною, что и наши государи, сперва въ лицѣ великихъ князей удѣльнаго періода, а затѣмъ и нашихъ царей, не были вообще склонны переносить въ политическую сферу суровость религиозныхъ взглядовъ и выражать ихъ законодательнымъ путемъ. Обычай обращенія въ христіанство силою, съ помощью меча, вскорѣ исчезъ у насъ даже по отношенію къ язычникамъ. Слѣды безусловной религиозной нетерпимости и суровыхъ мѣръ внѣшняго принужденія въ обращенію въ православіе встрѣчаются въ русскихъ законахъ, при царяхъ, лишь въ эпоху появленія у насъ внутренняго раскола, по отношенію собственно къ «отщепенцамъ», т. е. отпавшимъ отъ православія. Только отпавшіе отъ него и признавались у насъ въ строгомъ смыслѣ еретиками, подлежащими, въ случаѣ упорства въ своихъ вѣрованіяхъ, жесто-

нимъ казнямъ, какъ люди, которые сами по себѣ представляли для интересовъ первенствующей вѣры соблазны, независимо отъ того, обнаруживали-ли они въ себѣ склонности въ соображеніяхъ въ свою ересь, или вѣтъ. Что касается иноземныхъ людей, не принадлежавшихъ въ православію, а также «бусурманъ», водъ общими названіемъ которыхъ разумѣлись все вообще не-христиане, державшіеся обряда обрѣзанія, какъ-то: юден и магометане, изъ коихъ послѣднимъ присвоивалось еще названіе агарянъ¹, то по отношенію къ нимъ существовалъ обычай подвергать болѣе или менѣе жестокии казнямъ лишь тѣхъ изъ нихъ, кто былъ уличенъ въ соображеніяхъ въ свою вѣру русскихъ людей. Отправленіе же ими на Руси обрядовъ своей вѣры по домамъ, т. е. не публично, не считалось преступленіемъ, подлежащимъ какой либо карѣ.

Таково было общее направленіе нашихъ національно-политическихъ отношеній къ неправославнымъ христианамъ и всякаго рода иновернымъ людямъ.

Это имѣло, по отношенію собственно къ евреямъ, то послѣдствіе, что и они пользовались на Руси извѣстною вѣротерпимостью.

Для того, чтобы изобразить нагляднымъ образомъ, въ какой степени былъ различенъ характеръ проявленій принципа господствующей вѣры въ другихъ христианскихъ странахъ, мы приведемъ рядъ законодательныхъ примѣровъ, въ которыхъ выражается стремленіе власти къ насильственному обращенію евреевъ въ христианство².

¹ По всей вѣроятности, потому что Измаиль, сынъ Амары, считается родоначальникомъ аравитянъ, среди которыхъ явился Магометъ и распространился его вѣра.

² Источники, откуда почерпнуты нами нижеслѣдующія историческія данныя, главнымъ образомъ, слѣдующіе: извѣстный словарь Эрша и Грубера: Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste, II Отд., Н—N, изданіе А. Г. Гофмана, 1850 г., 27 т. подъ буквою I, Judengeschichte und Judenemancipation.— «Die früheren und gegenwaertigen Verhaeltnisse der Juden in den saemmtlichen Landestheilen des Preussischen Staates, 1850 г. Вреславль, сочиненіе двухъ должностныхъ лицъ въ Пруссіи: Людвигъ Ренне, камергерихтерата, и Генриха Симона, оберландесгерихт-ассессора, пользовавшихся архивами министерства: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.—Rechen des lois, decrets, ordonances, avis du con-

Возьмемъ сперва Византійскую имперію. Извѣстно, что вслѣдъ за послѣднею, трехлѣтнею, при императорѣ Адрианѣ, жесточенною съ римлянами войною евреевъ, ихъ погибло до полумилліона, а остальные были проданы въ рабство или сами разсѣялись по лицу земли. Не еще до этого обончательнаго ихъ разсѣянія, они жили въ Римѣ и другикъ римскихъ областяхъ и городахъ, занимаясь всѣми родами и видами торговою и промышленною дѣятельности, въ томъ числѣ и сельскою. Они воздѣлывали собственные виноградники, разводили сады, были фабрикантами шелковыхъ и пурпуровыхъ издѣлій, утолщниками, кожевниками, кователями оружія, хлѣбопеками, поварами и упражнялись всякаго рода другими полевыми ремеслами. Они были также искусными моряками и строителями кораблей. Разнаго рода плоды, хлѣбъ, лѣсной матеріалъ, лѣнъ, оливковое масло, шерсть—были предметами ихъ оптовой и мелочной торговли. Евреи отличались отъ прочихъ жителей только обрадами своей вѣры. Со времени Тиверія положеніе ихъ въ Римской монархіи сдѣлалось измѣнчиво. Одни изъ императоровъ воздвигали на нихъ гоненія, иныишія, впрочемъ, исключительно политическій характеръ; другіе относились къ нимъ съ полною терпимостью. Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, Александръ Северъ восстанавливали ихъ права, и, не взирая на воздвигнутыя на нихъ, послѣ Элиотгала, вновь жестокиа гоненія, которымъ подверглись одинаково и христіане, лѣтъ двѣсти спустя послѣ ихъ разсѣянія Адрианомъ, въ Римской монархіи встрѣчается вновь значительное число евреевъ, въ качествѣ мирныхъ и осѣдлыхъ ея обитателей, изъ коихъ весьма многіе пользовались всѣми правами и преимуществами римскихъ гражданъ. Среди ихъ были старѣйшины, которые занимали почетнѣйшія мѣста въ государственной службѣ. Имъ присвоивались высшія званія съ титулами: «*viri clarissimi, spectabiles, illustres*». Каждый носившій послѣдній титулъ считался вторымъ послѣ императора. Иудейскія иволы процвѣтали. Евреи служили въ военной службѣ, не исключая императорской гвардіи,

soit d'Etat, arrêtés et réglemens concernant les israélites depuis la Révolution de 1893—извѣстный въ официальной сферѣ Франціи сборникъ А. Э. Гаффена. Парижъ. 1851 г.—Les Juifs en France, en Italie et en Espagne, par I. Bédarride. Парижъ. 1859 г. De la Réforme politique des Juifs par C. G. Dohm. Dessau. 1762 г.

и тѣ, которые происходили изъ своихъ наследственныхъ благородныхъ родовъ, пользовались правами и преимуществами своего состоянія, въ силу и римскихъ законовъ.

При такомъ положеніи евреевъ въ Римской монархіи, возникшіе, съ первыхъ временъ христіанства, несогласія и споры между ними и отцами церкви, по поводу догмата о единствѣ Божіемъ, должны были, естественно, по провозглашеніи христіанской вѣры господствующею, принять характеръ открытой религіозной борьбы. Во время этой борьбы, со стороны нѣкоторыхъ отцовъ церкви, какъ, на примѣръ, Іоанна Златоуста и въ особенности св. Амвросія, появлялись сильныя духомъ и словомъ устныя рѣчи и письменныя посланія, присвоивавшія еврейскимъ вѣрованіямъ въ единство Божіе значеніе лжеученія и ереси, вредныхъ для интересовъ христіанства. По поводу сожженія однимъ изъ епископовъ, въ норизѣ религіозной ревности, еврейской синагоги, св. Амвросій обращался къ императору Феодосію I съ посланіемъ, въ коемъ одобрялъ и восхвалялъ поступокъ епископа. Все это не могло, конечно, не воспламенить умы въ христіанскомъ населеніи, ежедневно увеличивавшемся въ числѣ, и охватывать религіознымъ рвеніемъ и самихъ монарховъ. При всемъ томъ, нетерпимость къ еврейскому вѣроученію не выходила, первое время, изъ религіозно-догматической области, гдѣ, конечно, и не могло быть много чувства. Обнаруживая, такимъ образомъ, первое время, одну лишь религіозную нетерпимость къ евреямъ, отцы церкви, въ томъ числѣ и поименованные выше, ввобличали евреевъ въ ложныхъ вѣрованіяхъ, не обвиняя ихъ, однако, въ порочной жизни и невыполненіи ими общественныхъ и служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе этого, первые греческіе цари, при всей ихъ религіозной ревности, не рѣшались обращать безусловную нетерпимость къ религіознымъ вѣрованіямъ евреевъ въ политическую къ нимъ самимъ. Принципъ господствующей вѣры сначала не выходилъ поэтому изъ предѣловъ, какіе указывались только потребностью въ защитѣ и оборонѣ церкви. При царѣ Константинѣ, это охранительное направленіе выразилось лишь въ замѣщеніи государственныхъ должностей преимущественно лицами изъ христіанъ, державшихся православія, установленнаго вселенскими соборами. При этомъ, евреи были лишены нѣкоторыхъ преж-

нихъ своихъ преимуществъ по замѣщенію городскихъ должностей декуріоновъ. Всѣми прочими гражданскими правами евреи продолжали пользоваться, и свобода отправленія ими обрядовъ своей вѣры законами не стѣснялась. Хотя при императорѣ Констанціѣ (339) были уже приняты нѣкоторыя исключительныя мѣры относительно евреевъ, но онѣ заключались въ опредѣленіи смертной казни за вступленіе въ бракъ съ христіанками, за соvrращеніе въ іудейскую вѣру и за держаніе рабовъ изъ христіанъ, т. е. въ воспрещеніи имъ нѣкоторыхъ только дѣйствій, признававшихся въ то время, не безъ основанія, опасными для интересовъ господствующей вѣры. Безусловной политической къ нимъ нетерпимости, какъ видно, пока еще не проявлялось. Напротивъ, вышеупомянутое произвольное сожженіе однимъ изъ епископовъ іудейской синагоги, оправдывавшееся св. Амвросіемъ, не нашло одобренія со стороны императора Θεодосія I, которымъ по поводу этого было издано повелѣніе о недопущеніи подобныхъ произвольныхъ дѣйствій, причемъ въ первомъ изъ нихъ, появившемся въ 398 г. (I. 9. C. Theod. de judaeis), было объяснено, между прочимъ, что іудейская вѣра никакимъ закономъ не воспрещена и что, поэтому, евреямъ не слѣдуетъ препятствовать въ религіозныхъ сборищахъ для богомоленія. Сыновьями Θεодосія были изданы подобныя же повелѣнія.

Воздержанность, какою вообще первые греческіе цари обнаруживали въ перенесеніи религіозной нетерпимости въ политическую сферу, усматривается изъ образа дѣйствія императора Гонорія. При немъ евреи служили еще въ военной службѣ, занимаемая почетнѣйшія должности, между прочимъ и въ корпусномъ учрежденіи, называвшемся *Agentum in rebus*, на чинахъ котораго лежали различныя обязанности, выполнявшіяся ими въ качествѣ императорскихъ комиссаровъ въ провинціяхъ, какъ-то: по завѣдыванію податною частью, почтами, по продовольствію арміи и т. п. Подъ вліяніемъ пролагавшей себѣ путь въ политическую сферу религіозной нетерпимости, Гоноріемъ было признано, однако, нужнымъ ограничить военныя права евреевъ. Вслѣдствіе этого, было повелѣно сперва не принимать ихъ вовсе въ военную службу, а за тѣмъ, относительно тѣхъ, которые состояли уже въ дѣйствительной службѣ (*qui armatam militiam adpetisse probentur*),

сдѣлано распоряженіе объ ихъ увольненіи. итъ нея и съ тѣмъ, чтобы они не пользовались уже въ обществѣ правами и преимуществами, какія предоставляла военная служба, (*nullo veterum meritorum ratrosipante iudicio*). Нѣкоторое изъясненіе въ этомъ отношеніи было допущено лишь для евреевъ, находившихся въ упомянутомъ выше корпусѣ *Agentium in rebus*, которымъ было дозволено отбыть сроки службы. Допустивъ эти ограниченія, которыя далеко еще не выражали собою безусловной политической нетерпимости въ еврейамъ, и не видя самъ никакихъ иныхъ мотивовъ въ этихъ мѣрамъ, кромѣ лишь религіозныхъ, Гонорій счелъ нужнымъ оговорить свои повелѣнія слѣдующимъ образомъ: «мы отнюдь не желаемъ, однако, ограничивать права научно-образованныхъ евреевъ на адвокатуру, какъ равно мы оставляемъ имъ пользованіе тѣми почетными мѣстами въ куріи, на которыя они имѣютъ право по преимуществамъ рожденія и высокому благородству рода своего» (*prærogativa natalium et splendor familiae*). Въ заключеніи повелѣнія присовокуплено: «такъ какъ этимъ они должны быть довольны, то имъ не слѣдуетъ принимать воспрещеніе итъ военной службы за свое низложеніе» (въ государствѣ). Смыслъ этой оговорки въ императорскомъ повелѣніи ясно свидѣтельствуетъ, что въ основаніи упомянутыхъ ограниченій не лежало никакихъ мотивовъ укоризненного для евреевъ свойства, въ гражданскомъ собственно отношеніи. Между тѣмъ, нужно замѣтить, что въ то время дѣятельность евреевъ съ общественной стороны была извѣстна римлянамъ уже нѣсколько вѣковъ.

Но въ ту эпоху религіозная нетерпимость не могла, однако, не взять верхъ. Духовенство греко-восточной церкви, изъ среды тамошнихъ племенъ, имѣя съ ними одинъ и тотъ же темпераментъ, далеко не отличалось тою умѣренностію, въ предѣлахъ которой постоянно держало себя внослѣдствіи духовенство русской православной церкви. Поэтому, греческое духовенство, какъ и духовенство западной церкви, не было чуждо религіознаго фанатизма, хотя въ немъ всегда было замѣтно, и при этихъ увлеченіяхъ, несравненно больше общественной справедливости. Она выражалась въ томъ, что, возбуждая власть къ политической нетерпимости относительно всѣхъ тѣхъ, которые признавались церковью зараженными вредными лжеученіями и ересями, греческое духо-

венство ограничивалось только обвиненіями чисто религіозно-догматическаго свойства, не вводя на этихъ людей вымышленныхъ обвиненій съ цѣлю опороченія ихъ въ гражданскомъ отношеніи. Такого же точно направленія оно держалось и относительно евреевъ. Это видно, между прочимъ, изъ появившейся при императорѣ Θεодосіѣ II и Валентіанѣ, въ 439 году, новеллы, которая, судя по ея содержанію и языку, хотя, по всей вѣроятности, и вышла изъ пера духовнаго лица, но тѣмъ не менѣе не содержала въ себѣ, подобно тому, какъ и упомянутый законъ Гоноріа, никакихъ мотивовъ, которые давали бы поводъ къ обвиненію евреевъ въ ихъ гражданской недоброкачественности. Мотивы сказанной новеллы исключительно *религіозныя*. Въ ней объясняется, между прочимъ, что не одни евреи, но и самаряне и язычники, недостойны пользоваться одинаковыми правами и преимуществами съ прочими подданными, на томъ только основаніи, что они упорно держатся своихъ чудовищныхъ *еретическихъ* вѣрованій, противныхъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вслѣдствіе этого, преимущественное вниманіе было обращено на то, чтобы евреи отнюдь не сооружали новыхъ синагогъ, подѣ страхомъ тяжелыхъ денежныхъ штрафовъ, конфискаціи имущества и даже смертной казни. Вместе съ этимъ, евреи были лишены права государственной и общественной службы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городскихъ должностей изъ числа тѣхъ, которыя были сопряжены съ обязанностями, признававшимися наиболѣе тяжелою личною или имущественною повинностью, но и тутъ было повелѣно не допускать ихъ къ обязанностямъ судейскимъ и тюремныхъ приставовъ. Неустрашеніе евреевъ вполне отъ городскихъ повинностей объяснялось, въ сказанной новеллѣ, тѣмъ, что законъ, подвергая ихъ наказанію за упорство въ ихъ ереси, не имѣетъ, однако, цѣли предоставлять имъ въ то же время какія либо облегченія въ тягостяхъ, какія несутъ прочіе жители. Очевидно, что весь законъ имѣетъ цѣлю принужденіе евреевъ, этимъ путемъ, къ принатію христіанства. Послѣдующіе императоры стремились изъ религіозныхъ же побужденій еще къ большому стѣсненію правъ евреевъ. Изъ нихъ Юстиніанъ, — при которомъ одновременно съ изданіемъ гражданского кодекса, извѣстнаго подъ названіемъ «Юстиніанова», составлено систематическое собраніе религіозныхъ

постановленій подъ названіемъ «*Номоканона*», — питалъ особую неприязнь къ евреямъ и самарянамъ, по причинѣ ихъ возстанія въ Кесаріи. Вслѣдъ за этимъ возстаніемъ, онъ повелѣлъ разрушать ихъ синагоги. Когда же, въслѣдствіи, были представлены на его возвращеніе ходатайства евреевъ объ ихъ освобожденіи отъ тягости общественныхъ повинностей, во вниманіи къ тому, что они не пользуются никакими служебными преимуществами, то Юстиніанъ, въ своемъ отчетѣ министру Іоанну, гнѣвно порицалъ подобное представленіе, говоря, что онъ удивляется, какъ благоразумному человѣку можетъ прийти мысль о возможности донуженія какихъ либо облегченій въ пользу людей, которые упорствуютъ въ ихъ еретическихъ безразсудствахъ; что этого рода люди должны, напротивъ, быть доведены до изнеможенія подъ бременемъ общественныхъ повинностей (*civilibus et officialibus functionibus*), не пользуясь, въ то же время, никакими почестями и преимуществами, въ томъ числѣ и преимуществомъ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, дабы они постоянно пребывали въ томъ презрѣнномъ состояніи, въ какомъ находятся и ихъ души (новелла 556 г.). Гераклій, Левъ Исаврянинъ (иконоборецъ) и Василиій Македонянинъ принимали кромя того и энергическія мѣры къ насильственному обращенію евреевъ въ христіанство. Впрочемъ, послѣдній изъ нихъ, Василиій, при которомъ составлены извлеченія изъ Юстиніановыхъ законовъ, извѣстныя подъ названіемъ «*Василики*», отличался, сравнительно, нѣсколько лучшими понятіями о справедливости въ дѣлѣ религіи и совѣсти. Поэтому, хотя и онъ былъ не прочь снасать души евреевъ путемъ стѣсненія и ограниченія ихъ правъ, но самъ лично не прибѣгалъ, однако, къ изданію законовъ и предписаній о принудительномъ крещеніи евреевъ и допустилъ нѣкоторыя даже облегченія въ ихъ положеніи, руководствуясь убѣжденіемъ, что обращеніе ихъ въ христіанство должно быть достигаемо преимущественно путемъ увѣщаній и денежныхъ поощреній. Этимъ онъ успѣлъ отчасти въ своей цѣли: многіе евреи рѣшились при немъ принять крещеніе. Но такое обращеніе въ христіанскую вѣру не могло, конечно, быть прочнымъ. По смерти Василия, евреи эти переходили вновь въ свою вѣру. Это раздражило его сына Льва VI Философа (въ IX столѣтіи), который всѣ облегчительныя постанов-

ленія своего отца относительно евреевъ отмѣнилъ и, пользуясь имѣвшимися въ «Василинахъ» положительнымъ воспрещеніемъ евреямъ научать Минину (Талмудъ), повелѣлъ имъ *всѣмъ жить по христіанскому закону, подѣ страхомъ смертной казни*. Такимъ образомъ въ политическую сферу Византійской монархіи была внесена *безусловная уже нетерпимость къ евреямъ*. Повелѣніе евреямъ, подѣ страхомъ смертной казни, жить по христіанскому закону, т. е. не исповѣдывать своей вѣры, не имѣло иного смысла, какъ признаніе ея исповѣданія, явнаго или тайнаго, государственнымъ преступленіемъ. Это составляло, вмѣстѣ, какъ бы отрицаніе за еврейскою религіею значенія отдѣльнаго, самостоятельнаго культа. Послѣдователямъ его не оставалось ничего другого, какъ повернуться верховной волѣ или бѣжать изъ государства. Большая часть евреевъ предпочла, конечно, послѣднее.

Въ этомъ же духѣ и направленіи дѣйствовали затѣмъ и другіе греческіе цари; но при упадкѣ Византіи въ XIV и XV ст., когда ей некогда было уже заниматься религіозными преслѣдованіями, положеніе евреевъ тамъ нѣсколько улучшилось.

Изъ этого видно, что въ греческой землѣ, гдѣ возникла впервые идея о принципѣ господствующей вѣры, было время, когда онъ отождествлялся въ понятіяхъ съ безусловною нетерпимостью, съ точки зрѣнія которой одинъ фактъ исповѣданія вѣры, несогласной съ догматами православія, служилъ недостаточнымъ поводомъ въ обвиненіяхъ въ посягательствѣ на цѣлость и неприкосновенность церкви. Такимъ образомъ, не обвиняясь въ Византіи ни въ чемъ иномъ, вромѣ исповѣданія своей вѣры, евреи находились около шести столѣтій подѣ режимомъ сказанной нетерпимости, т. е. самихъ жестокихъ религіозныхъ преслѣдованій. Если же къ религіознымъ поводамъ примѣшивались иной разъ политическіе, то это единственно вслѣдствіе встрѣчавшихся въ то время случаевъ открытаго возстанія евреевъ противъ мѣстныхъ властей. Собственно же религіозная ожесточенность противъ нихъ объясняется отчасти тѣмъ, что еврейская вѣра изображалась какъ бы *ересью христіанства*, а сами евреи *еретиками*, т. е. людьми, отъ него какъ бы отпавшими и упорствовавшими въ ихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, вопреки пастырскихъ назиданій отцовъ церкви и велѣній верховной власти. Съ этой точки зрѣнія, на евреевъ стали

смотреть какъ на государственныхъ преступниковъ, подлежащихъ наказанію и всякаго рода гоненіямъ и преслѣдованіямъ, съ цѣлью ихъ вразумленія и приведенія къ раскаянію въ ихъ еретическія вѣрованія. Въ понятіяхъ того времени представлялось, что иной образъ дѣйствія могъ бы навлечь на страну гибель Востокъ и различныя бѣдствія и что, напротивъ, великаго рода вѣры къ спасенію душъ евреевъ могутъ являть на ревнителей христіанской вѣры небесное благословеніе. Все это не могло не портить нравы евреевъ, способствуя постепенному присвоенію имъ въ народныхъ понятіяхъ качества людей пѣдостойныхъ и въ общественномъ отношеніи,—людей, которые заслуживаютъ не только небесной, но и земной вѣры, какъ равно и преслѣдванія въ обществѣ, единственно потому только, что они отказывались отъ почитанія имени Христа Спасителя и принадлежали къ племени, виновномъ въ Его земныхъ страданіяхъ и распятіи. Въ то же самое время, съ цѣлью вселенія въ народъ убѣжденія, что евреи въ дѣйствительности непримиримые враги христіанства, была распущена молва, что они имѣютъ обычай въ ихъ вѣрнѣ Амана воздвигать висѣлицу престообразной формы и даже распинать на ней живыхъ христіанъ. Эта молва была, между прочимъ, причиной возстанія народа противъ евреевъ въ Антиохіи (I. 18. Cod. Theodos. de jud.).

Укоренившіеся этимъ путемъ непріязненные взгляды на евреевъ естественно возжигали религіозный фанатизмъ, охватившій постепенно на Востокѣ народныя массы, духовенство и, какъ мы видѣли, самихъ греческихъ царей. Такое фанатическое настроеніе къ евреямъ перешло и на Западъ, гдѣ дикость и необузданность племенъ того времени и возникавшій абсолютизмъ римско-католической церкви готовили еще болѣе широкія и благоприятныя условія для разгѣла религіозныхъ страстей.

Русскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА ¹.

22 апреля 1884 года.

Давно уже я ничего не писалъ. Колонія пережила столько неприяностей и заботъ, что я въ это время не могъ удѣлить нѣсколько спокойныхъ часовъ дневнику.

Согласно распоряженію Эрлангера, все прошедшее лѣто пролегло въ постройкахъ. Для обданныхъ семействъ было выстроено восемь одноэтажныхъ домовъ съ конюшнями. Колодезь былъ уже совершенно оконченъ. Вслѣдствіе его значительной глубины въ 43 метра, обшано было прислать изъ Парижа паровой локомобиль съ помпой, до тѣхъ же поръ былъ устроенъ воротъ и воду таскали ведрами; приспособленіе это было до того халатно сдѣлано, что разъ случилось несчастіе, жертвой котораго сдѣлался все тотъ же нашъ несчастный Эпштейнъ. Когда онъ однажды вкрутилъ воротъ, послѣдній выскочилъ изъ своей оси и со всего размаха ударилъ его по ногамъ. Попробавши встать, Эпштейнъ почувствовалъ, что одна нога у него сломана. Немедленно былъ призванъ изъ Яффы докторъ, сдѣлали ему перевязку и на слѣдующій день отправили въ нѣмецкую больницу для дальнѣйшаго леченія.

Исполняя кое-какъ получаемыя изъ Парижа инструкціи, Дигуръ питалъ глубокую антипатію къ колоніямъ. Свою недовѣрчивость и нелюбовь къ колонистамъ онъ сталъ доводить до крайности, всѣхъ почти онъ считалъ лѣнтяями. Есть между

¹ См. Восходъ, кн. V.

нами, дѣйствительно, и лѣнивые, но послѣдніе отлично умѣли льстить ему и слыли у него за превосходныхъ работниковъ, а настоящіе труженики — за лѣнивцевъ. Я пролежалъ какъ-то нѣсколько недѣль въ тифѣ и всталъ, конечно, слабый и исхудалый какъ тѣнь. Вскорѣ, однако, я пошелъ вычищать общественную конюшню, но мускулы оказались совершенно безсильными и не повиновались; усталый, еле держась на ногахъ, я поплелся домой.

— Празднуетъ себѣ, — проворчалъ встрѣтившій меня Дигуръ, злобно взглянувъ на меня; — работы масса, а онъ себѣ разгуливаетъ: колонистъ!

Меня глубоко кольнула эта жестокая несправедливость, такъ какъ онъ отлично зналъ, что я только что избавился отъ тяжелой болѣзни, да и лицо мое достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовало о моей слабости. Когда онъ заставлялъ кого нибудь дома, то штрафовалъ безъ разговоровъ, не сообразуясь съ тѣмъ, что колонистъ былъ занятъ одной изъ многочисленныхъ домашнихъ работъ. Случалось, что, поработавши сряду нѣсколько часовъ, садишься въ изнеможеніи отдохнуть, какъ вдругъ нечистая принесетъ Дигура, онъ выругается и оштрафуетъ. Всѣ были недовольны, что приходится работать изъ-подъ кнута. Каждый колонистъ себѣ не врагъ и самъ по мѣрѣ силъ заботится о себѣ; съ чего же Дигуръ взялъ себѣ обидную власть понукать и погонять? Какое право онъ имѣетъ наказывать? Какой онъ судья? Его назначили распоряжаться деньгами и учить насъ работѣ, но общественная и частная жизнь колонистовъ должна быть неприкосновенна; завѣдывать своими внутренними дѣлами могутъ только они сами, а не постороннее лицо. Большинство колонистовъ занимали на родинѣ достойное мѣсто въ обществѣ и, смотря на получаемую помощь какъ на заемъ, а не какъ на милостыню, они неспособны за деньги продать себя и позволить кому либо вмѣшиваться въ свою домашнюю жизнь. Дигуръ не имѣетъ права разбирать споры и недоразумѣнія потому только, что онъ даетъ деньги. Если онъ находитъ, что какой нибудь колонистъ лѣнивъ или провинился въ чемъ либо, то онъ долженъ предложить колоніи, чтобы она приняла мѣры, съ каковою цѣлью для управленія всѣми внут-

ренными дѣлами долженъ быть выбранъ комитетъ. Такъ разсуждали колонисты, а Дигуръ продолжалъ поступать по своему. Помощь выдаютъ обыкновенно въ первый день каждаго мѣсяца. Этого дня всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ: запасы выходятъ, нѣтъ ни у кого ни копѣйки, а Дигуръ часто выдавалъ деньги 10-го числа. Колонисты роптали и говорили, что онъ это на зло дѣлаетъ. При раздачѣ денегъ Дигуръ вычитывалъ штрафы, — опять слышны были жалобы: гдѣ это слыхано, чтобы наказывали голодомъ? Приближалось уже время дождей, но не смотря на мольбы колонистовъ, чтобы своевременно имъ купили лошадей и орудія, Дигуръ почему-то не хотѣлъ исполнить то, относительно чего Эрлангеръ еще весной распорядился. Наконецъ начались дожди, арабы уже вышли въ поле, а мы принуждены были сидѣть дома... Всеобщее неудовольствіе приняло широкіе размѣры, и вотъ въ одинъ вечеръ колонисты сошлись на собраніе.

— Вгляните, господа, на себя, — началъ одинъ, — вспомните, чѣмъ вы были и чѣмъ стали! Мы убѣжали сюда, отъ притѣсненій, которымъ мы подвергались на родинѣ, — оказывается, что тамъ мы были свободнѣе, чѣмъ здѣсь. У меня сердце разрывается, когда я взгляну на моихъ бѣдныхъ дѣтей: мнѣ хоть не даетъ пасть память о прежней самостоятельной жизни, а они воспитываются въ рабствѣ. Наши дѣти проникнуты сознаніемъ, что имѣть можно только тогда, когда Дигуръ дастъ... Мы уже не ховяева въ колоніи, которая орошена нашимъ потомъ и кровью; появился здѣсь господинъ, незамѣтно забравшій насъ въ руки и обращающійся съ нами какъ съ подчиненными. Мы состарѣлись въ заботахъ, наши жены больны отъ лишеній; неужели же послѣ всего, что мы здѣсь выстрадали, мы позволимъ топтать себя подъ ногами, неужели мы пріѣхали сюда, чтобы сдѣлаться крѣпостными?

— Я увѣренъ, — заговорилъ другой, — что тутъ во всемъ только Гиршъ съ Дигуромъ виноваты; они себѣ здѣсь дѣлаютъ, что хотятъ, а въ Парижѣ ничего не знаютъ. Немыслимо, чтобы баронъ, столь горячо преданный идеѣ колонизаціи, желалъ насъ сдѣлать крѣпостными. Лучшимъ доказательствомъ, что Дигуръ и Гиршъ не слѣдуютъ инструкціямъ, служить то, что до сихъ поръ намъ не купили ни скота, ни орудій; они хотятъ по-

губить колонию и доказывать барону, что колонизация невозможна!

Долго колонисты извивали другъ предъ другомъ свое горе, и къ концу засѣданія были избранъ комитетъ съ извѣстными полномочіями. Прежде всего телеграфировали въ Парижъ, что арабы давно уже пахнутъ, а у насъ нѣтъ ни скота, ни орудій, ни хлѣба для посѣва; чрезъ нѣсколько дней Гиринъ получилъ депешу, чтобы немедленно купить лошадей. Далѣе, послали въ Парижъ два письма, въ которыхъ рисовали все положеніе дѣлъ, жаловались, что Дигуръ притѣсняетъ насъ и стремится къ уничтоженію колоніи, и въ заключеніе просили позволенія время отъ времени присылать рапорты о состояніи Р.-Леціона. Ободренные успѣхомъ нашей телеграммы, мы возлагали большія надежды на письма. Дигуръ, узнавши, что на него была отправлена жалоба въ Парижъ, значительно пріутихъ. И вдругъ какъ громъ разразилась надъ нами телеграмма, чтобы никому не давать помощи. Мы были поражены, уничтожены. Что это означаетъ, чего хочетъ отъ насъ баронъ? Неужели одинъ Дигуръ дороже ему всѣхъ насъ? Большинство изъ насъ сразу остались безъ средствъ къ жизни. Самостоятельные члены колоніи, вмѣстѣ съ временно замѣнявшимъ Дигура Бенъ-Шимолемъ, собрали между собою нѣсколько денегъ, покупали хлѣбъ и стали раздавать его: на каждого вѣрсаго по одному хлѣбу въ день. Нельзя передать то чувство униженія, ту жестокую пытку, которую каждый изъ насъ перетерпѣвалъ, отираясь ва своею порціей хлѣба. Спустя нѣсколько времени изъ М.-Израиля были присланъ къ намъ Оссовецкій; онъ созвалъ всѣхъ и объявилъ, что отъ барона получилось письмо для насъ. Почтовый листокъ бумаги былъ кругомъ исписанъ самимъ барономъ, что мнѣ очень понравилось: какое бы тамъ ни было содержаніе, но, видно, Палестина для него не предметъ легкой филантропіи, если среди своихъ многочисленныхъ дѣлъ онъ могъ заняться такимъ обширнымъ посланіемъ къ намъ. Но какъ обидѣлись, какъ были задѣты колонисты, когда имъ стали перевести это посланіе съ французскаго! Тонъ письма былъ высокомерный, оскорбительный. Колонисты поняли, что на нихъ смотреть не какъ на пионеровъ великаго дѣла, а какъ

на жалкихъ нищихъ, отшатившихъ черной неблагодарностью тому, который спасъ ихъ отъ голодной смерти и осыпалъ своими благодѣяніями. Вскорѣ получила телеграмма, чтобы впредъ до дальнѣйшаго распоряженія выдавали намъ половину обыкновенной помощи. За этимъ послѣдовалъ новый ударъ. Вышеупомянутыя письма въ Парижъ были писаны, по просьбѣ колоніи, билуицель В., хорошо владѣющимъ французскимъ языкомъ; на него взглянули какъ на зачинщика и потребовали, чтобы мы сами исключили его изъ колоніи, угрожая, что въ противномъ случаѣ баронъ откажется отъ всякой помощи. Агенты Гирша дали намъ два часа на размышленіе и ждали отвѣта. Мрачны были лица колонистовъ, собравшихся дать требуемый отвѣтъ. Царило глубокое безмолвіе, каждый испытывалъ неимоверныя нравственныя страданія. Вдругъ нѣкоторые съ отчаяніемъ вскочили съ своихъ мѣстъ и судорожно, съ глухими стенаньями, стали рвать на себѣ волосы...

— Что это у насъ сегодня, 9-е аба?—воскликнулъ одинъ, едва сдерживая душившія его рыданія.—Мнѣ все кажется, что мы собрались оплакивать разрушеніе нашего храма... Мы пережили нашу самостоятельность! Проститесь, братья, съ мыслью, будто вы свободные люди; сегодня у насъ день крушенія честности, справедливости, всякаго понятія о порядочности и долгѣ. Неужели эти люди не имѣютъ Бога, неужели они не имѣютъ понятія о томъ, что можно и чего нельзя? Какое право они имѣли поработить насъ, осквернить и погасить въ насъ Божью искру святого человѣческаго чувства? Во имя какой это идеи людей превращаютъ въ животныхъ? Такой развѣ помощи мы искали? Развѣ мы продали бы свою совѣсть и позволили бы закабалить себя изъ-за поворныхъ подачекъ, если бы мы это знали раньше? Теперь наши благодѣтели предлагаютъ намъ очень хорошую сдѣлку: мы провинились, насъ слѣдовало бы примѣрно наказать, но мы можемъ свалить нашу вину на ни въ чемъ неповиннаго человѣка,—пусть себѣ расплачивается за насъ, а мы выйдемъ сухими изъ воды и будемъ чисты, какъ голуби! Что же, согласны?

— Никогда! Ни за что на свѣтѣ!—раздались голоса.—Мы готовы лишиться хлѣба, и не сдѣлаемъ подобной подлости!

Рѣшено было всѣмъ вмѣстѣ пойти и дать отрицательный отвѣтъ. Нѣкоторые рѣшительно направились къ дому администраціи, но, къ позору колоніи, остальные стали пятиться и постарались исчезнуть... Такова сила нужды и денегъ, такова толпа. Б., понимая, что его дѣло все равно проиграю, чтобы вывести колонистовъ изъ затруднительнаго положенія, добровольно выступилъ изъ колоніи. Черезъ нѣсколько времени Дигуръ, однако, былъ переведенъ въ Самаринъ, а на его мѣсто недавно назначенъ Оссовецкій, бывший учителемъ въ М.-Израилѣ.

2 мая 1884 г.

Послѣднюю зиму мы старались нѣсколько облагородить свою жизнь, ибо мы чувствовали, что съ каждымъ днемъ все болѣе грубѣемъ. Съ этою цѣлью мы часто собирались у одного колониста, у котораго есть піанино, слушали музыку, иные пѣли, другіе декламировали, читали, говорили рѣчи. Въ эти вечера мы оживали и забывали всѣ огорченія. Возникла мысль объ изданіи еженедѣльной газеты въ Р.-Леціонѣ, былъ приобрѣтенъ гектографъ и вышелъ уже первый номеръ, но на этомъ дѣло и стало. Оказалось, что изъ столь многихъ интеллигентныхъ людей большинство разучилось держать перо въ рукахъ и не могло достаточно сосредоточиться, чтобы сносно излагать свои мысли на бумагѣ. Къ тому же, на составленіе газеты требовалось много времени, котораго невозможно было урвать безъ чувствительнаго ущерба для работы. Этотъ фактъ ясно показалъ намъ, насколько мы отвыкли отъ умственной работы и что мы гораздо лучше владѣемъ кулакомъ, чѣмъ перомъ.

Намъ удалось недавно возбудить всеобщій восторгъ поимкою разбойниковъ. Двое изъ насъ, работая подъ вечеръ на окраинѣ колоніи, замѣтили вдругъ, что изъ-за сосѣдняго холма внезапно выскочилъ всадникъ, преслѣдуемый пятью вооруженными съ ногъ до головы арабами. Всадникъ изо всѣхъ силъ гналъ свою лошадь, которая на каждомъ шагу вязла въ глубоко вспаханной землѣ, арабы же легко бѣжали и уже были недалеко отъ своей жертвы. Работавшіе колонисты быстро со-

ставили планъ дѣйствій: одинъ побѣждалъ въ колонію за помощью; а другой, чтобы спасти преслѣдуемаго и отвлечьъ отъ него разбойниковъ, схватилъ въ руки пѣшъ и старался перерѣзать послѣднимъ путь. Маневръ этотъ вполне удался; разбойники, озадаченные, остановились на нѣсколько мгновений, и всадникъ успѣлъ скрыться. Тогда они яростно бросились на этого смѣльчака, который помѣшалъ имъ довершить ихъ кровавое дѣло; пользуясь тѣмъ, что колонія не видна изъ-за горъ, они стали окружать его, воздерживаясь, однако, стрѣлять, дабы не привлечь вниманія. Но храбрый колонистъ и не думалъ удрать; онъ ловко маневрировалъ, чтобы выиграть время и удержать этихъ мерзавцевъ до появленія помощи. Вдругъ послышались бѣшеные крики, воздухъ огласился выстрѣлами, топотомъ и ржаньемъ лошадей; какъ всеокрушающій потокъ лавы нахлынула вся колонія, не исключая стариковъ, женщинъ и дѣтей. Разбойники начали защищаться и стрѣлять, но ихъ въ одинъ мигъ смяли, избили, разорвали ихъ одежду, изломали и искрошили ихъ оружіе. Звѣрскія и кровожадныя ихъ лица привели всѣхъ въ крайнее изступленіе; ихъ чуть на мѣстѣ не растерзали. Жестоко избитые, они были приведены въ колонію, связаны и брошены въ одну изъ конюшенъ. Тутъ вспомнили о судьбѣ того всадника, за которымъ разбойники охотились; полагали, что онъ, пожалуй, настигнутъ пулей и лежитъ гдѣ нибудь убитый. Такъ какъ уже было темно, то зажгли фонари и долго искали, но не нашли никого. Въ тотъ же вечеръ Гиршъ далъ знать обо всемъ случившемся французскому консулу, такъ какъ собственникъ земли — французскій подданный. На слѣдующій день прибылъ изъ Яффы отрядъ хаяловъ (полицейскихъ); они вывели плѣнниковъ, хорошенько перевязали всѣхъ, по обыкновенію наградили каждого изъ нихъ полновѣсными пощечинами, собрали обломки ихъ оружія и погнали въ Яффу. Опасаясь, чтобы хаялы по дорогѣ не отпустили разбойниковъ, взявъ съ нихъ «бакшишъ», какъ это часто случается, съ ними поѣхало нѣсколько верховыхъ изъ колоніи. При въѣздѣ въ Яффу полгорода высыпало имъ навстрѣчу, крича браво и торжественно провожая отрядъ до зданія полиціи. Слухъ объ этомъ событіи быстро облетѣлъ

всѣхъ окрестности, описаніе его появилось даже въ «N. Fr. Presse». Нѣмцы, арабы—были въ восторгѣ и расточали намъ комплименты. Вообще за короткое время своего существованія Р.-Леционъ оказалъ большое вліяніе на окружающую его мѣстность. Наши дороги, по которымъ прежде опасно было проходить, сдѣлались теперь вполне безопасными. Когда араба кто нибудь обижаетъ недалеко отъ колоніи, то онъ часто кричитъ: «евреи, помогите!»—И услышавъ такой призывъ, колонисты немедленно събѣгаютъ на помощь. Арабы прониклись глубокимъ уваженіемъ къ намъ; встрѣчаясь на дорогѣ, многие въ знакъ мира опускаютъ свою неотлучную дубинку. Нерѣдко, глядя на возникающую колонизацію евреевъ, арабъ глубокомысленно говорить:

— Эта земля когда-то принадлежала евреямъ и она вновь имъ будетъ принадлежать!

28 сентября 1884 года.

Исходъ борьбы съ Дигуромъ, хорошо выяснившей истинныя отношенія къ колонистамъ ихъ патрона, заставилъ всѣхъ посерьезнѣе вдуматься въ свое положеніе. Урожай этого года былъ почти такой же, какъ и перваго; ясно, что не одна наша неопытность и тому подобныя побочныя обстоятельства всею виною и что причина лежитъ болѣе глубоко. Мы должны окончательно признать роковую истину, что наша земля весьма плохого качества и не можетъ прокормить хлѣбопашца. Будущее наше является уже далеко не такимъ блестящимъ, какимъ мы его до сихъ поръ рисовали. Чѣмъ же помочь горю? Стали являться разные проекты, успѣхъ которыхъ во всякомъ случаѣ весьма сомнителенъ. Бѣдныя семейства рѣшили вопросъ единственно пока возможнымъ рациональнымъ путемъ: «Надо во всемъ положиться на барона. Онъ вавалитъ насъ на свою широкую спину, пусть же танцятъ! А мы себѣ спокойно должны лежать и брать то, что подадутъ; лежать только надо смирно, быть послушными, не капризничать. У барона денегъ много, пусть онъ одне за другимъ испытаетъ всѣ средства, а если ничто не удастся, онъ уже не броситъ насъ и такъ или иначе

обезпечить». При такомъ взглядѣ, колонисту, конечно, дѣла нѣтъ, если администрація надея вѣще обещается втрѣдого. Расширится повозка, сломается плугъ, — не бѣда: починка казенная. Есть такіе, которые изъ отпускаемаго лѣшена даютъ своей лошади лишь ничтожную часть; нѣтъ нужды, что прекрасная лошадь превратится въ овецъ, или падетъ, — администрація купитъ другую. Исчезла прежняя неутомимая хлопотливость, чтобы брать лишь то, что необходимо, чтобы каждый предметъ непременно стоялъ возможно дешево, былъ отлѣннаго качества и шелъ въ прокъ; обо всемъ этомъ колониство теперь уже не заботится. О нарастающемъ чудовищномъ долгѣ никто и не думаетъ: все равно его уплатить неммыслимо; всякій стремится лишь побольше забрать, постоянно хнычетъ, увѣряетъ каждого втрѣчнаго, что умираетъ съ голоду. Сколько бы онъ ни снялъ съ поля, или стороной заработать, онъ все-таки протягиваетъ руку за помощью. «Одной рукой бери, другую протягивай» — вотъ циничный девизъ многихъ. Есть даже такіе, которые не стыдятся получать въ Иерусалимѣ свою долю халуки. Такова въ настоящее время фивіонія: большинство бѣдняковъ Р.-Леціона, превратившихся въ настоящихъ нищихъ.

Такъ называемые собственники колоніи, производившіе всѣ свои операціи на собственный рискъ, остались всѣ безъ денегъ. Молодой Н., окончательно разорившійся, долженъ былъ оставить свое дѣтище и давно уже уѣхать. Другіе же стали продавать части своей земли барону, или занимать у него подъ залогъ своего недвижимаго имущества необходимыя суммы для дальнѣйшихъ оборотовъ. Но что же все-таки дѣлать въ этомъ Р.-Леціонѣ, чѣмъ обезпечить свое существованіе, какое употребленіе одѣлать изъ этихъ заемнообразно получаемыхъ денегъ? Бѣда въ томъ, что здѣсь почти не съ кѣмъ даже посоветоваться. Какъ опредѣлять доходность той или другой отрасли сельскаго хозяйства, когда почти никто не имѣетъ яснаго представленія о положеніи этого дѣла даже на своей фодинѣ, не только въ Палестинѣ. Арабы, правда, живутъ и при тощей землѣ, но они и владѣютъ самую жалкую жизнь; подражать же ихъ помѣщикамъ, мы не въ состояніи; все ихъ благо-

состояніе виждется на самомъ безсовѣстномъ, самомъ безчеловѣчномъ высасываніи соковъ изъ несчастныхъ феллаховъ. На совѣтъ араба также нельзя положиться, потому что этотъ предательскій, коварный народъ вездѣ и всегда наровитъ лишь надуть и провести. Въ лучшемъ случаѣ на вашъ вопросъ арабъ отвѣтитъ такъ, какъ вамъ пріятнѣе. Вы, напримѣръ, знаете, что уже съ мѣсяць какъ повсюду законченъ посѣвъ пшеницы, которую вы почему либо не успѣли засеять во-время; вамъ весьма желательно наверстать потерянное, но вы сомнѣваетесь, можно-ли еще сѣять въ такое позднее время, — и обращаетесь къ арабу. Послѣдній вамъ всегда отвѣтитъ въ утвердительномъ смыслѣ. Если же вы представите ему мотивы, что уже поздно, онъ съ вами спорить не станетъ и согласится, что, дѣйствительно, время пшеницы уже прошло, — и такимъ образомъ вы никакого толка у него не добьетесь. Единственное мѣсто, гдѣ можно было бы почерпнуть раціональныя свѣдѣнія, это ферма Миква-Израиль. Но самую доходность м.-израильскихъ операцій трудно опредѣлить, ибо хозяйство, школа и весь штатъ содержатся вмѣстѣ, и Alliance ежегодно присылаетъ для покрытія всѣхъ расходовъ около 50 тысячъ франковъ. У Гирша есть солидное винодѣліе, у него добываются эфирныя лимонное и померанцевое масла, но все это намъ не можетъ служить примѣромъ; Гиршу стоитъ послать въ Парижъ на рубочекъ вина и онъ получаетъ за нихъ нѣсколько тысячъ, но не за вино онѣ ему даются, а какъ пожертвованіе. Мы же вообще не должны рассчитывать на то, что за наши продукты намъ будутъ дорого платить, вслѣдствіе разныхъ религіозныхъ и идейныхъ мотивовъ. Собственно хлѣбопашества въ М.-Израилѣ нѣтъ, потому что Гиршъ всю землю отдаетъ арабамъ за треть или четверть урожая, — и тутъ намъ нечѣмъ позаниматься. Въ такихъ-то обстоятельствахъ самостоятельные колонисты прибѣгли къ различнымъ исходамъ, до которыхъ они дошли собственнымъ разумомъ. Одинъ высчиталъ, что корова при хорошемъ содержаніи можетъ дать одинъ наполеонъ въ мѣсяць. 2,000 фр. достаточно на постройку хлѣва и на покупку десятка коровъ, которыя отлично могутъ прокормить семейство, если даже считать средній доходъ въ 50 руб. въ

мѣсяць. Другой предаётся птицеводству. Пара голубей,—разсуждаетъ онъ,—ежемѣсячно выводитъ пару голубятъ, которые въ свою очередь чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ также начинаютъ нестись; ухода они почти не требуютъ, и изъ десятка голубей въ нѣсколько лѣтъ могутъ образоваться тысячи. Хорошая курица за лѣто дважды выводитъ цыплятъ, которые чрезъ годъ уже несутъ яйца и продаются по франку. Разумѣется, принять во вниманіе процентъ смертности, неминуемая случайности, и послѣ всего ясно, что нѣсколько сотъ куръ могутъ составить будущность человѣка. Тысячи франковъ довольно, чтобы завести обширный, образцовый птичникъ изъ разныхъ представителей пернатого царства, который дастъ отличные доходы; затѣмъ можно выписать машинки для искусственнаго выведенія куръ и т. д. Все, конечно, куплено, деньги истрачены, но, вопреки самымъ неопровержимымъ расчетамъ, результаты далеко не оправдали надеждъ, по многимъ причинамъ, которыя всякому хорошо понятны. Эти и тому подобныя опыты поглотили и продолжаютъ поглощать деньги, которыя наши собственники занимаютъ у барона, и нѣкоторые изъ нихъ уже наравнѣ съ другими получаютъ у администраціи ежемѣсячную помощь.

Особенно удручающимъ образомъ вліяетъ складъ нашей жизни на интеллигентныхъ молодыхъ людей. Все ихъ духовное существо не позволяетъ имъ усвоить себѣ точку зрѣнія бѣдняковъ, о которой я говорилъ выше, ибо они не способны принимать подачки и добивались только помощи для обзаведенія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи все сполна уплатить. Они не въ состояніи ради куска хлѣба лебезить предъ благодѣтелемъ и цѣловать ему ручки. Привыкши цѣнить свою независимость выше всего, до глубины души возмущаясь и страдая отъ безцеремоннаго обращенія администраціи, они силятся смотрѣть на свои униженія какъ на новую и самую тяжкую жертву ради своей завѣтной идеи. Но не всегда удается удержаться на высотѣ; нерѣдко оскорбленныя чувства поднимаютъ болѣзненные бури въ душѣ; въ такія трудныя минуты приходится призвать на помощь все самообладаніе, чтобы успокоиться и

дальше покорно нести свой непосильный крестъ. Но когда же будетъ конецъ? Теперь мы все безропотно переносимъ ради чего-то высшаго, но я съ сердечнымъ содроганіемъ предчувствую, что это «высшее» скоро исчезнетъ, и мы въ конецъ испортимся. Развѣ можно сохранить чистыя стремленія и непорочную душу, не оподлится и остаться порядочнымъ человѣкомъ при необходимости постоянно кривить душою, льстить, протягивать руку? О, это ненавистное протягиваніе руки! Какія нравственныя пытки и мученія происходятъ во мнѣ при наступленіи «перваго», когда надо пойти за помощью! Разъ десять я подхожу къ дверямъ администраціи и возвращаюсь съ гадкимъ чувствомъ. По временамъ каждый изъ насъ ищетъ забвенія въ трудѣ, вдругъ становится отличнымъ работникомъ и образцовымъ хозяиномъ, всѣ удивляются ему; но одно столкновеніе съ администраторомъ,—и опять появляются морщины на челѣ, и руки опускаются. Сама прелесть сельской жизни, которая въ такихъ розовыхъ краскахъ рисовалась въ нашемъ воображеніи,—гдѣ она? На родинѣ мы любили валяться въ травѣ, блуждать по вольнымъ нивамъ, гостить въ деревнѣ; теперь же мы ничего подобнаго не ощущаемъ. Нѣтъ и слѣда поэзіи, во всемъ самая обыденная, самая мелочная проза, все оцостыло благодаря неудачамъ и неприяностямъ; вся жизнь наша построена на самыхъ непримиримыхъ противорѣчіяхъ. Если бы земля была хороша, дѣла приняли бы другой оборотъ. Мы могли бы надѣяться, что не долго намъ придется прибѣгать къ помощи, что чрезъ короткое время мы станемъ независимыми и даже начнемъ выплачивать долгъ; тогда бы мы смотрѣли на свое положеніе какъ на кратковременное. Теперь же пора нашей независимости очень далека, наша помощь получаетъ характеръ цѣли, а не средства, и мало-по-малу начинаетъ оказываться простою милостынею, въ которой намъ суждено нуждаться еще въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ. Пришедши къ такому заключенію, многіе молодые люди стали подумывать объ отъѣздѣ изъ Палестины. Я также рѣшилъ, что въ Р.-Леціонѣ не останусь, но пока еще не знаю, что предпринять.

18-го октября 1884 года.

Я уже говорилъ, что послѣ Дигура былъ назначенъ къ намъ Оссовецкій; это человѣкъ молодой, вѣдательскій, безъ характера, не установившійся. Судьявшись администраторомъ, онъ былъ увѣренъ, что, какъ русскій еврей, онъ уже будетъ знать, какъ обходиться съ колонистами такъ, чтобы все были имъ довольны.

Съ интеллигентными онъ былъ идеаломъ, старался приравливаться къ нимъ. Но ясно было, что ему гораздо болѣе по душѣ низшій, невыскаательный классъ колоніи, съ которымъ онъ можетъ поступать безцеремонно, какъ ему вдумается, чѣмъ собственники и бидуицы, съ которыми надо быть осторожнымъ, обходиться вѣжливо, деликатно, подбирать и обдумывать выраженія. Онъ чуетъ въ этихъ послѣднихъ людей непокорныхъ, которые превратятся въ его враговъ при первой его несправедливости, которыхъ трудно или нельзя подкупить и которые не позволяютъ безъ сопротивленія осѣдлатъ себя, какъ желательно было бы властолюбивой администраціи. Онъ сталъ стремиться вытѣснить и подавить эти непокорные элементы. Неприятной и гордой молодежи кромѣ мѣсячной помощи не давали ничего основательнаго и обходили ее во всемъ. Всякій желающій уѣхать легко получаетъ крупную сумму на расходы, и лучшіе уѣзжаютъ одинъ за другимъ. Обѣдѣвшихъ и сильно нуждающихся собственниковъ онъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ посредствомъ займовъ, за которыми они то и дѣло должны прибѣгать къ барону. Но совершенно доволенъ Оссовецкій бѣдными «шестью семействами», которыя окончательно запродались администраціи тѣломъ и душой; ихъ называютъ здѣсь бароновскою гвардіей. Эти бѣдные люди, умиравшіе въ Яфѣ съ голода, большинство которыхъ по своимъ лакейскимъ наклонностямъ принадлежало къ подонкамъ общества, эти самые люди, въ моментъ розовыхъ надеждъ согрѣтые на груди великодушныхъ основателей колоніи, находясь теперь, благодаря щедротамъ барона, въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, несли ихъ первые благодѣтели, платятъ теперь этимъ послѣднимъ самой черной неблагодарностью. Эта гвардія глубоко ненавидитъ собствен-

никовъ», злорадствуетъ при ихъ разореніи, захлебывается отъ восторга при всякомъ ихъ униженіи, позволяетъ себѣ часто самую площадную брань по адресу порядочнаго человѣка, сознавая, что администрація втайнѣ на ея сторонѣ. Особенно рельефно выступило все это по одному случаю, который я хочу теперь рассказать.

Монтефиоре прислалъ въ колонію въ пользу бѣдныхъ семействъ десять фунтовъ стерлинговъ. Гдѣ касается денегъ, титулъ бѣдныхъ присвоили себѣ тѣ шесть семействъ, которыя были приняты при основаніи Р.-Деціона, хотя къ нуждающимся можно причислить теперь всѣхъ колонистовъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ. Былъ сдѣланъ запросъ—кому собственно предназначено пожертвованіе: только шести семействамъ, или всѣмъ? Деньги хранились у Ф., привезшаго сюда солидный капиталъ и теперь, при землѣ и домѣ, не имѣющаго хлѣба. Отвѣтъ получился, чтобы деньги были употреблены исключительно для шести семействъ. Между тѣмъ нуждающійся Ф. истратилъ находившіяся у него десять фунтовъ и предложилъ Оссовецку на эту сумму ячменя для колоніи, съ тѣмъ, чтобы онъ въ случаѣ надобности увзатилъ эти деньги. Оссовецкому, конечно, все равно было—у кого покупать ячмень, и онъ согласился. Но вотъ приближился праздникъ Роузъ-Ганана. Оссовецкій вадумалъ сдѣлать порядокъ въ молитвенномъ домѣ. До сихъ поръ само собою устоянилось, что на болѣе почетныхъ мѣстахъ сидѣли болѣе почетные козьява. Оссовецкій не измѣнилъ этого порядка и только наклеилъ ярлычки съ именами колонистовъ для того, чтобы не было толкотни и чтобы каждый зналъ свое мѣсто. Исключеніе было сдѣлано только относительно Ф., которому по просьбамъ его сосѣда въ синагогѣ, сидѣвшаго ближе къ выходу, назначили мѣсто послѣдняго. Вечеромъ того же дня, пришедши къ вечерней молитвѣ, Ф. замѣтилъ, что кому-то отдали предъ нимъ предпочтеніе, и обратился къ присутствующему Оссовецкому съ вопросомъ:

— Почему вы мое мѣсто отдали другому?

— Вы уже достаточно сидѣли на почетномъ мѣстѣ.

— Какое намъ дѣло? Свое пристрастіе вы даже проявляете въ молитвенномъ домѣ. Если бы такъ устроилось, что я съ

самаго начала имѣлъ бы мѣсто хоть у двери, то я не сказалъ бы ни слова, но отдать мое мѣсто другому и мнѣ назначить инашее—считается обидой.

— Такой господеть, какъ вы, въ Россіи и такого мѣста не имѣлъ!

— Но съ такимъ мальчишкой я въ Россіи не сталъ бы и говорить!

Слова уже не могли удовлетворить спорящихся, и въ ходъ были пущены ошлеухи.

— Погоди же,—крикнулъ въ бытность въ Осовоенкій,—я тебя проучу! Сейчасъ же позвать сюда «шесть семействъ»!

— За ваши деньги,—обратился онъ къ быстро собравшимся «шести семействамъ»,—я вамъ не отвѣчаю, требуйте ихъ у Ф. и заставьте его сейчасъ же ихъ отдать!

Этихъ словъ было достаточно. Какъ спущенныя съ цѣпи собаки ринулись «Крепси и Шлепси» всѣ въ домъ Ф.; вся ихъ ненависть къ «собственникамъ» за мнимое ихъ прошлое униженіе вырвалась наружу. Я въ этотъ вечеръ принялъ съ работы повдно, когда огни уже были зажжены; озадаченный тревожнымъ шумомъ, слышавшимся въ колоніи, подбѣгаю и вижу: въ домъ Ф. много суетящихся людей, дѣти Ф. рыдаютъ и ломаютъ руки, жена на полу въ обморокъ, самъ Ф. держитъ за ножки своего собственнаго ребенка, размахиваетъ имъ въ воздухъ, безумно грозя подступающей толпѣ... Я былъ возбужденъ и хотѣлъ войти, но вокругъ дома, съ револьверами и палками въ рукахъ, еле сдерживая себя, сновали всѣ остальные колонисты, и ими-то я былъ остановленъ. Можно себѣ представить ихъ преданность дорогому всѣмъ намъ дѣлу, если она оказалась сильнѣе ужаснаго негодования, въ которое привелъ ихъ возмутительный поступокъ администратора; болѣе разсудительные энергично удерживали другихъ. Намъ, конечно, ничего не стоило бы какъ слѣдуетъ проучить эти нѣсколько семействъ, но, Боже! какъ отзовется это междуусобное избіеніе на нашей колоніи въ частности и на колонизаціи вообще! Мы рѣшили ждать и если мерзавцы посмѣютъ наложить руки на Ф., хорошенько наказать ихъ. Черезъ улицу, на крыльцѣ про-

твоеоложного дома, сидѣлъ Оссовецкій; жадно слѣдя за подробностями разыгрывающейся передъ нимъ груской драмы. Ежеминутно къ нему подбѣгалъ одинъ изъ достойной гвардіи съ рапортомъ. Этотъ рижскій ханза, съ печатью невозмутимой святости на лицѣ; этотъ набожный человекъ, важно выступающій по субботамъ и праздникамъ въ длинномъ халатѣ, штраймеле и башмакахъ; этотъ фанатикъ, по нѣскольку дней постящійся, если у него невзначай филактерія на вѣжло упадетъ, — былъ теперь неузнаваемъ: маленькіе глаза пылали, рыжіе брови одетинились, лицо было испримлено отъ ярости, вся фигура дышала жестокостью, кровожадностью, человеконенавистничествомъ. Лица всей банды исказились, стали дикими отъ неумолимой злобы. Люди превратились въ звѣрей хищныхъ. При всемъ моемъ возбужденіи, я, глядя на нихъ, недоумѣвалъ, какъ это можно изъ-за какихъ нибудь пятнадцати рублей потерять образъ человѣческій и вымазать такіе свирѣпые животныя истинны! Мы подошли къ Оссовецкому и яво всѣхъ смѣль пытались уломать его:

— Оссовецкій, въ своемъ ли вы умѣ, что это за адезую ортію вы празднуете, едумайтесь, очнитесь!

— Нѣтъ, мѣсть слѣдка!

— Оссовецкій, пощадите насъ, — со словами въ голосѣ молялъ старшій Левонтина, основатель Р.-Лепіона; — вы губите волонію, вы совершаете страшное преступленіе предъ всѣмъ нашимъ народомъ; не думайте, что и въ Парижѣ вамъ это простятъ!

Со всѣхъ сторонъ слышался протесты, требованія, просьбы, молебны, — но напрасно.

— Оставьте меня, я не прошу. Мѣсть, мѣсть и мѣсть! — крикнулъ въ сердцахъ Оссовецкій и рубилъ къ себѣ домой.

Стали вести переговоры съ «шестью семействами», но отъ нихъ получался одинъ отвѣтъ:

— Сейчасъ деньги, или...

Наслу мы добились, чтобы они на четверть часа выпустили Ф. для совѣщанія объ укладѣ; его ввели къ одному въ домъ, но на всѣ обращенныя къ нему рѣчи онъ отвѣчалъ исто-

рическимъ смѣхомъ. Черезъ четверть часа банда стала ломиться въ двери. Кончилась эта гнусная и постыдная исторія тогда, когда Левонтинъ заявилъ, что онъ уплачиваетъ деньги. Оссовецкій согласился и далъ сигналъ къ отступленію. Гвардія разошлась, осыпая Левонтина отборною бранью и грозя, что и его время настанетъ, и до него доберутся... Это происшествіе я еще до сихъ поръ не могу вполне понять и переварить. Въдѣ не разбойники же, не выродки эти люди, они обыкновенно довольно скромны и часто отзываются на хорошее дѣло; если они могли такъ забиться и переступить послѣднія границы чести и стыда, то все это должно быть приписано развращающему вліянію нашей администраціи. Улеглась эта буря также легко, какъ возникла, отношенія между колонистами опять стали прежнія, но у меня на сердцѣ остался черный, густой осадокъ.

Черезъ нѣсколько дней пришлось пойти за помощью; въ это время читаются обыкновенно нотации, сводятся счета. Когда я вошелъ, Оссовецкій обратился ко мнѣ:

— Правда-ли, что въ тотъ вечеръ, когда былъ скандалъ съ Ф., вы ходили по колоніи съ топоромъ и хотѣли убить мою жену и дѣтей?

— Неужели вы знаете меня за такого разбойника? Я, дѣйствительно, былъ глубоко возмущенъ, о чемъ я вамъ же сказалъ въ глаза, открыто. Если бы понадобилось, я не отсталъ бы отъ другихъ, и мы отвѣтили бы на насиліе силой; но вашей ни въ чемъ неповинной семьи никто бы не тронулъ.

— Я таки удивилась, мосье Х.,—замѣтила супруга Оссовецкаго,—когда мнѣ сказали, что вы вмѣстѣ съ другими бунтовщиками бродили ночью съ топорами въ рукахъ вокругъ нашего дома и кричали, что слѣдуетъ зарѣзать меня и дѣтей!

Оссовецкій постоянно утопаетъ въ интригахъ, онъ окруженъ доносчиками и, конечно, не обладаетъ достаточно сильнымъ умомъ, чтобы разобраться во всѣхъ науськиваемыхъ ему небыллицахъ. Домъ администраціи превратился въ бюро всевозможныхъ сплетенъ.

— Я вамъ не могу дать денегъ, я долженъ расслѣдовать

это дѣло; такихъ вещей, вы сами понимаете, нельзя допускать.

— Какъ вамъ будетъ угодно!—отвѣтилъ я и направился къ двери.

— Впрочемъ, подождите,—остановилъ меня Оссовецкій;—такъ какъ вы утверждаете, что это неправда, я вамъ вѣрю. Получите ваши деньги.

Оссовецкій имѣлъ въ виду лишь напомнить мнѣ объ имѣющемся у него кнутѣ, и былъ доволенъ. Я хотѣлъ отказаться отъ денегъ, но чего я достигъ бы этимъ? Что буду ѣсть, что будетъ дальше? Развѣ я могу обойтись безъ помощи? Не брать ея значить уйти изъ Р.-Леціона, а пока у меня еще въ виду ничего другого нѣтъ. Съ этого времени я сталъ терпѣть частыя придирки и притѣсенія со стороны администраціи.

Вчера мы праздновали столѣтіе жизни Монтефіоре. Этотъ великій филантропъ особенно популяренъ въ Палестинѣ, для которой онъ столь много сдѣлалъ, въ которую совершилъ семь сопряженныхъ въ то время съ громадными препятствіями и опасностями путешествій. Патріотическое сердце влекло его въ наше древнее отечество еще тогда, когда объ идеѣ колонизаціи отваживались думать только очень немногіе избранные умы; нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ былъ моложе, то принялъ бы теперь самое дѣятельное участіе въ возрожденіи нашего народа. Много гостей изъ Яффы, П.-Тиквы и Экрона прибыло къ намъ на торжество. Прежде всего собрались всѣ въ синагогѣ, гдѣ отслужили молебствіе за долголѣтіе М. Монтефіоре. Когда мы вышли изъ молитвеннаго дома, глазамъ нашимъ представилась великолѣпная картина. Окна всѣхъ домовъ были ярко освѣщены, деревья вдоль обѣихъ улицъ были увѣшаны разноцвѣтными фонарями, во многихъ мѣстахъ пылали огромные костры. Вокругъ большого каменнаго бассейна съ водой, выстроенаго у колодца, была зажжена роскошная иллюминація; въ одномъ мѣстѣ между деревьями шипя извергался огненный фонтанъ; къ небу плавно подымались ракеты; со всѣхъ сторонъ сыпались чудеса фейерверочнаго искусства. Все это было устроено нашимъ аптекаремъ изъ матеріаловъ,

взятыхъ изъ бароновской аптеки и купленныхъ на собранныя между нами по подпискѣ деньги. Хоръ изъ колонистовъ стройно пѣлъ лучшія еврейскія мелодіи; молодежь состязалась въ наѣдничествѣ. Затѣмъ всѣ были приглашены къ Оссовецкому, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Къ концу веселья была послана поздравительная телеграмма юбиляру отъ имени трехъ колоній: Ришонъ-Леціона, П.-Тиквы и Экрона.

Е. Хисинъ.

(Продолженіе будетъ).

ПОВѢДКА ВЪ РЭМСГЕЙТЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АНГЛІИ).

(Окончаніе).

VI 1.

Изящный городокъ Бродстэйръ находится на разстояніи одной станціи отъ Рэмсгейта. Тамъ когда-то проживала королева Викторія, до вступленія своего на престолъ. Молодая принцесса часто гуляла по окрестностямъ, между прочимъ, посѣщала садъ, принадлежащій М. Монтефіоре, къ которому она сохранила, до послѣднихъ дней, чувство глубокаго уваженія. Со времени вступленія королевы Викторіи на престолъ началось, въ сущности, и для Монтефіоре, этого отставнаго капитана, скромнаго обитателя Рэмсгейта, болѣе обширное поприще общественной дѣятельности. Онъ поочередно сталъ занимать почетныя общественныя должности: былъ шерифомъ Лондона и Мидлсэкса, мировымъ судьей, однимъ изъ первыхъ депутатовъ Моисеева закона, получившихъ доступъ въ англійскій парламентъ, членомъ разныхъ обществъ, пожалованъ кавалеромъ разныхъ орденовъ и, наконецъ, титуломъ баронета. Когда Монтефіоре въ первый разъ отправился въ Россію, королева Викторія снабдила его лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ императору Николаю, который принялъ его очень ласково. Вѣроятно, то же повторилось и при его вторичномъ посѣщеніи Петербурга въ 1872 году, когда престарѣлый филантропъ явился поздравить покойнаго Государя по поводу 200 лѣтняго юбилея дня рожденія Петра

¹ См. Восходъ, кн. 14.

Великаго. Желаніе сэра Мозеса посѣтить Москву во время коронаціи, въ 1863 году, не увѣчалось успѣхомъ. Врачи категорически воспротивились подобной попыткѣ, сопряженной съ рискомъ для здоровья 99-ти лѣтняго старца.

Ближайшій сотрудникъ покойнаго сэра Монтефіоре, его безсмѣнный спутникъ и личный секретарь, д-ръ Лѣве, познакомился со своимъ патрономъ совершенно случайно. Когда супруги Монтефіоре отправились въ 1838 г. въ Палестину, черезъ Францію и Италію, они остановились въ Римѣ, чтобы провести тамъ Пасху. Д-ръ Лѣве очутился тамъ на возвратномъ пути изъ своей поѣдки въ Египетъ и Палестину, предпринятой съ научною цѣлью. Случайно познакомившись въ синагогѣ, ученый ориенталистъ такъ понравился сэру Мозесу, что онъ пригласилъ его къ обѣду. Первое выгодное впечатлѣніе, произведенное докторомъ на супруговъ, усилилось при ближайшемъ знакомствѣ. Мимолетное знакомство вскорѣ превратилось въ постоянную дружбу, продолжавшуюся около полувѣка. Имя д-ра Лѣве стало неразрывнымъ съ дѣятельностью рэмсгейтскаго патриарха. Вліяніе, прибрѣтенное ориенталистомъ на филантропа, объясняется отчасти тѣмъ, что, благодаря своему знанію языковъ, первый сталъ необходимымъ человѣкомъ для второго, владѣвшаго, кажется, однимъ только природнымъ языкомъ — англійскимъ. А между тѣмъ, кругъ дѣятельности этой рѣдкостной четы благотворителей былъ особенно обширенъ въ полудикихъ странахъ Европы, Азіи и Африки. Частыя поѣздки въ Палестину, Египетъ и тому подобныя страны, постоянныя сношенія съ еврействомъ, населяющимъ Польшу, Литву, Румынію, Турцію, требовали знанія ихъ быта, языка, преданій и обычаевъ. Кто же могъ бы справиться съ такою нелегкою задачей—быть посредникомъ между филантропомъ, жившимъ въ Англии, и массой его соплеменниковъ, разсѣянныхъ повсюду, какъ не бывшій германскій раввинъ, докторъ философіи, специально занимавшійся изученіемъ Востока, знавшій хорошо нужды и потребности поработенной части еврейства? Насколько было благотворно вліяніе этого посредника, толмача и спутника, скоро прибрѣвшаго большую силу у своего патрона, — это другой вопросъ. Тутъ мнѣнія расходятся. На чьей сторонѣ

правда,—на сторонѣ, ли приверженцевъ энергическаго доктора или его противниковъ, къ числу которыхъ, кажется, принадлежатъ и ближайшіе родственники усопшаго,—рѣшать не берусь, хотя лично я склоненъ думать, что послѣднее мнѣніе гораздо основательнѣе.

VII.

Не успѣлъ я сдѣлать сотни шаговъ по дорогѣ, ведущей изъ коллегіи къ дачѣ, занимаемой докторомъ, какъ небо заволкло тучами, забушевалъ вѣтеръ, деревья закачались, листья зашумѣли, по временамъ долетали отдаленные раскаты грома, сталь накрапывать дождикъ. Предполагая, что мнѣ предстоитъ недолгая прогулка, я прибавилъ шагу, чтобы поскорѣе выбраться изъ лѣса въ чистое поле, откуда, по моимъ расчетамъ, основаннымъ на разспросахъ попадавшихся поселянъ, должны было быть очень близко къ докторской дачѣ.

Но всѣ мои расчеты были посрамлены самымъ неожиданнымъ образомъ. Только что я выбрался изъ лѣсу, какъ грянулъ громъ и пошелъ—не дождь, а полилъ настоящій ливень. Разверзлись хляби небесныя, безпрестанныя молніи освѣщали мнѣ путь въ наступившей темнотѣ, громъ усердно сопровождалъ шумно падавшему ливню. Очутиться одному въ колѣ, при подобной обстановкѣ, въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ, на чужбинѣ, не видѣть вблизи никакихъ признаковъ жилья или присутствія живого существа—представляло мало привлекательнаго. Но некогда было думать о неудобствахъ прогулки, предпринятой въ такую погоду, которую такъ мѣтко называетъ Россиніевскій Фигаро или графъ Альмавива: «tempo dei innamorati». Заповдалое раскаяніе въ легкомысленномъ исполненіи совѣта, даннаго «преподобнымъ мистромъ Сауломъ», вмѣсто того, чтобы проѣхать это разстояніе въ комфортабельномъ вагонѣ, ни къ чему не повело; оно только усугубило непріятное расположеніе духа.

Совершенно выбившись изъ силъ, весь въ поту, бодро шагаль я впередъ и чѣмъ дальше углублялся въ эту «степь»,

тѣмъ цѣль моей неудачной прогулки все отдалялась. Невольно вспомнились мнѣ знакомыя сцены на Украинѣ.

— А що, чоловіче, далеко до села?—спросишь встрѣтившагося хохла, поздоровавшись съ нимъ предварительно.

— А ни, пане, недалеко. Буде добрая верста,—отвѣчаетъ безъ запинки добродушный хохоль.

Идешь, бывало, идешь и конца нѣтъ этому утомительному хожденію, пока съ ужасомъ не убѣдишься, что хохлацкая «добрая верста» разрослась чуть-ли не втрое или вчетверо. Долго продолжалась эта англійская «верста»,—не припомню.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ моимъ горемычнымъ положеніемъ. Меня обогналъ какой-то путникъ, принадлежавшій, очевидно, къ почтенной корпораціи скороходовъ. Онъ не шель, не двигался, какъ я многогрѣшный, а несся какъ солдаты въ атаку, «бѣглымъ шагомъ». Разглядѣть лицо моего новаго товарища по невзгодѣ я не успѣлъ, потому что стекла очковъ были покрыты дождевыми брызгами, но я все-таки несказанно обрадовался появленію живого существа. Я ожилъ, развеселился, вдвоемъ былъ готовъ идти куда угодно.. Стадное чувство, выработавшее эгоистическую поговорку, что, молъ, «на людяхъ и смерть красна», видно, заговорило во мнѣ. Мой спутникъ оказался приличнымъ человѣкомъ, правда, немножко навеселѣ. Онъ знаетъ всю мѣстность, знакомъ со всѣми дачниками, онъ знаетъ и мистера Луэ, онъ доведетъ меня до калитки палисадника докторской дачи. Теперь уже близко, всего какая нибудь верста, другая.

— Come together!—очевидно,—добавилъ онъ весело.

Я не заставилъ повторить это приглашеніе. Не смотря на усталость, мы пустились по обширнымъ лужамъ, образовавшимся отъ дождя на пути, особеннымъ pas gymnastique. А стихія все бушевала съ какимъ-то, по выраженію французскихъ солдатъ—неистовствомъ, точно предстояла репетиція всемірнаго потопа. Страшный ливень подъ коверъ оказалъ свое умѣряющее дѣйствіе и на моего спутника-скорохода. Онъ сталъ осматривательнѣе въ озерной системѣ, занявшей всю видимую площадь нашего скорбнаго пути. Шаги его замедлялись. Изъ устъ, весело болтавшихъ разный вздоръ, начали срываться неслестные

эпиготы безразсудству джентльменовъ, рискующихъ въ подобную адскую погоду отправиться, по образу гнѣшаго хождагя, по полямъ. Безмолвно внималъ я разумнымъ, хотя несвоевременнымъ укоризненнымъ заповѣдалаго обличителемъ, безусловне соглашавшемся съ неотразимостью его доводовъ. Да, правъ онъ, этотъ незнакомый джентльменъ, знающій всею округу, какъ свои пять пальцевъ, да дѣлать было нечего — прошлите не воротитесь! Еще нѣсколько переходовъ и я наконецъ съ умилениемъ услышалъ давно желанное восплещаніе моего спутника.

— Вотъ дача доктора Луа! Ring the bell. Good bye, sir! ¹.

Совершенно мокрою курицей предсталъ я передъ вертяливой горничной, отворившей мнѣ дверь. Бѣдняжка просто оторопѣла, чуть не отшатнулась, при видѣ незнакомаго посѣтителя, обезсиленнаго долгою ходьбою, верхняя одежда котораго представляла полное подобіе греческой губки, насквозь пропитанной дождевыми каплями, ставшими на каменный полъ нестибилю. Кое-какъ оправившись, приведя въ порядокъ костюмъ, потерпѣвшій такой чувствительный уронъ, въ особенности обувь, эти несчастные парижскіе башмаки, годные только, чтобы гранить местовую на бульварахъ, я подавъ свою карточку, и былъ немедленно введенъ въ изящную гостиную, drawing-room, съ роскошною мебелью и чудеснымъ ковромъ, разостланнымъ во всю длину комнаты. Прекрасныя картины, портреты сэра Мозеса въ разныхъ видахъ, альбомы и вѣпсэки, фарфоровыя бѣдѣлушки, граненный хрусталь—очень мило гармонировали со всею обстановкой, мало похожею на обычное жилище серьезнаго ученаго, какимъ я представлялъ себѣ хозяина этой дачи.

Недолго пришлось мнѣ ждать. Скоро появился въ дверяхъ крѣпкій, мускулистый мужчина съ небольшою курчавою сѣдою бородой, въ бархатной сюртукѣ на головѣ. Быстро окинувъ меня своими пронзительными черными глазами, онъ медленно подоцналъ ко мнѣ, продолжая этотъ тягостный для меня осмотръ дождше, чѣмъ требовало приличіе. Я, конечно, не остался въ долгу и отплатилъ ему тою же монетой. Блескъ его холоднаго, пронзывающаго, точнаго стальнаго взора прожевалъ на меня

¹ Позовите. До свиданія, сударь.

крайне неприятное впечатлѣніе, не оставившее меня во все время нашего interview. Я рассчитывалъ встрѣтить добродушнаго старика, настоящаго «геллертара», который съ перваго взгляда привлекаетъ ваши симпатіи и—жестоко ошибся въ своемъ предположеніяхъ. Преду мною стоялъ чопорный крѣпыщъ, сдвинуту мѣложавету для своего возраста, съ выдражкой дисциплинированнаго питомца Лойолы, съ отталкнвающиму парлядему красивыхъ, но холодныхъ, безстрастныхъ глазъ. Впечатлѣніе было слишкомъ неожиданное и, очевидно, невыгодное для обѣихъ сторонъ, надвнрающей и надвнраемой. Тѣмъ не менѣе, я скоро овладѣлъ собою, и началась бесѣда, происходившая все время по англійски. Говорилъ онъ медленно, нѣсколько нарастѣвъ, излишне растягивая слова, что сразу обличало иностранца, потому что аборигены обыкновенно събдаютъ окончанія фразъ, глотая слова, къ ввщней мукѣ туристовъ, не принадлежащихъ къ англо-саксонской расѣ. Мой бывшій землякъ, мистеръ Саулъ, куда бойче изъясняется на языкѣ Шекспира и Байрона, не жеди ученый докторъ, прожившій безъ малаго подвѣка въ Британіи.

Со смертью незабвеннаго благодѣтеля, сэра Мозеса, положеніе его бывшаго фаворита дѣйствительно сильно измѣнилось. Отношенія родныхъ Монтефіоре и вообще всѣхъ окружающихъ стали совсемъ иныя, какъ это обыкновенно случается съ исчезновеніемъ любого благодѣтеля. Вчерашній временщикъ превращается въ поверженный кумиръ. Это неприятно, что и говорить,—но къ чему же стужа ломать? Нотка оскорбленнаго самодлюбія звучала въ осторожныхъ, но бдкихъ жадобахъ обиженнаго доктора, котораго теперь всѣ игнорируютъ, стараясь умалить его заслуги. Единственное мѣсто, гдѣ его деспотическая власть еще не потеряла своего значенія, это—созданная по его инициативѣ богословская коллегія Lady Judith. Но и это учрежденіе показываютъ теперь всѣмъ, не только не дожидаясь его разрѣшенія, но даже безъ его вѣдома. Ему, очевидно, быдо неприятно, что я посѣтилъ коллегію раньше, чѣмъ его особу. Ревниво оберегая свои якобы попираемыя права, онъ сталъ выпытывать, кто мнѣ далъ рекомендательныя письма къ семейству Зибига Монтефіоре, какиму образомъ я познакомился

съ выдающимися дѣятелями лондонской общины, и предлагалъ тому подобныя, не идущіе къ дѣлу вопросы.

Положеніе допрашиваемаго всегда доставляетъ, на мой взглядъ, мало удовольствія. Въ данномъ же случаѣ, форма этихъ назойливыхъ приставацій мнѣ стала просто противною. Я сразу оборвалъ своего собесѣдника, съ которымъ старался tenir tête какъ слѣдовало, давалъ сдачи съ лихвой и не безъ сарказма. Это, очевидно, подѣйствовало. Тонъ съ мажорнаго перешелъ въ минорный, бесѣда приняла иной характеръ, мы перешли къ другимъ темамъ на почвѣ общихъ вопросовъ. Онъ высказалъ свое безмѣрное удивленіе прогрессу русскаго еврейства, имѣющаго, по его словамъ, хорошую будущность. Ровно сорокъ лѣтъ назадъ онъ впервые посѣтилъ Россію. Сравнивая то, что онъ тогда засталъ, съ тѣмъ, что онъ теперь видитъ, онъ просто глазамъ не вѣритъ. Положеніе, въ которомъ онъ засталъ евреевъ въ Западномъ краѣ въ 1846 году, не поддается описанію. Густой мракъ окутывалъ эти тонущіе въ грязи мѣстечки и города, и не предвидѣлось, чтобы наступило то время, когда лучи просвѣщенія разсѣять эту густую броню плѣсени и застоя. Это время наступило гораздо раньше, чѣмъ всѣ предполагали. Никакъ не вѣрится, чтобы изъ этихъ «гетто», которыя, казалось, были замурованы и отрѣзаны отъ всего остального міра, — чтобы изъ этихъ гетто выходили люди, которые могутъ смѣло состязаться со многими представителями разныхъ теченій умственной жизни своихъ соплеменниковъ на Западѣ.

Для иллюстраціи этой мысли доктора, я не могу удержаться отъ соблазна рассказать слѣдующій эпизодъ изъ первой поѣздки Монтефіоре по Россіи, переданный мнѣ однимъ лицомъ, къ сожалѣнію, недавно умершимъ, бывшимъ свидѣтелемъ этой сцены. Прошу извиненія у читателя за это невольное отступление.

Слава о широкой благотворительности путешествующей четы предшествовала Монтефіоре во всю дорогу. На возвратномъ пути изъ Петербурга за границу, черезъ Варшаву, они остановились въ уѣздномъ городѣ В***. Населеніе встрѣтило супруговъ съ энтузіазмомъ. На другой день, утромъ, явилась депутація съ извѣстнымъ раввиномъ во главѣ, который долженъ былъ

привѣтствовать дорогихъ гостей съ прїѣздомъ. При появленіи четы, въ сопровожденіи секретаря, д-ра Лѣве, равнинъ присту- пилъ къ исполненію возложенной на него задачи.

Тщательно выбритый, застегнутый на всѣ пуговицы, съ туго накрахмаленными воротничками и чисто англійской вы- правкой, сэръ Мовесъ устался въ оратора, ровно ничего непони- мая изъ его трескучей рѣчи, быстрой, гортанной, пѣвучей. Ря- домъ стояла лэди Юдиенъ, которая хотя отлично владѣла языкомъ Шиллера и Гете, но понимала черезъ пятое въ десятое ту не- возможную дребедень, которую изрыгалъ немолчно, безъ пере- дышки, жестокій ораторъ въ пейзажъ и мѣховой шапкѣ на го- ловѣ, засунувъ большой палецъ лѣвой руки за широкій кушакъ, съ щепоткой нюхательнаго табаку въ правой, ея жестикული- рую, какъ и подобаешь оратору. Единственное лицо, которое могло бы понять, былъ докторъ Леве, но, должно быть, и онъ ничего не понималъ. Въ этомъ-то огульномъ непониманіи оратор- ской рѣчи и заключалась выгодная сторона, обусловливавшая успѣхъ депутаціи.

«Хотя,—началъ ораторъ, качнувъ впередъ и назадъ корпусъ, подобно маятнику, — хотя, по закону, запрещено говорить съ женщиной, но, въ виду особыхъ заслугъ лэди Юдиенъ, онъ рѣшается на это отступленіе отъ Талмуда. Что можетъ быть позорнѣе женщины? Это—гнусный сосудъ, зловонное сѣмя, бѣ- совская утѣха» и т. д., словомъ—посыпался такой рядъ компли- ментовъ, которые могли соперничать съ мнѣніями св. Іоанна Златоуста объ этомъ адовомъ порожденіи, утѣхѣ дьявола, при- чинѣ нечестія на землѣ. Свидѣтели этой сцены, мѣстные уро- женцы, поблѣднѣли, опасаясь, что вотъ-вотъ грузный баронетъ крикнетъ свою дюжую прислугу и прикажетъ вышвырнуть своеобразнаго витію съ развѣвающимися пейзами. Къ счастью, всѣ трое неподвижно смотрѣли на это чудище, изрыгавшее не- понятныя словеса. Отъ жены ораторъ перешелъ, наконецъ, къ мужу. «Ты,—сказалъ онъ, — принимаешь къ сердцу дѣла нашихъ братьевъ, тебѣ доступны царскіе чертоги, съ тобою дружатъ великіе земли, сильные міра; а потому прошу тебя переговорить съ сильными міра, сановниками и вель- можами, чтобы они приказали помѣщику NN не нарушать

аренднаго контракта, который съ нимъ заключилъ мой вѣтъ». Подробности о достоинствахъ зятя и кознякъ управляющаго имѣніемъ, направленныхъ къ разрушенію контракта, закончилась блестящая импровизація уѣднаго Масильона.

Этотъ эпизодъ, правдивость котораго не подлежитъ сомнѣнію, достаточно характеризуетъ, съ кѣмъ тогда приходилось имѣть дѣло именитымъ путешественникамъ. Неудивительно поэтому, что изумленіе моего собесѣдника къ перемѣнѣ, происшедшей въ жизни русскаго еврейства въ теченіи послѣднихъ 40 лѣтъ, вполне основательно. По мнѣнію доктора, только такая свѣтлая личность, какъ покойный Государь, была въ состояніи совершить этотъ высокій подвигъ просвѣтительной дѣятельности.

Причины современнаго антисемитическаго движенія, охватившаго Россію, мой собесѣдникъ никакъ не можетъ себѣ уяснить. Говорятъ, что русскіе евреи занимаются кабачествомъ и другими предосудительными промыслами. Въ Лондонѣ находится, въ настоящее время, нѣсколько десятковъ тысячъ русскіхъ евреевъ, эмигрировавшихъ изъ своей родины вслѣдствіе негрововъ. Ни одинъ изъ нихъ не занимается питейнымъ дѣломъ; всѣ фабрики и заводы, гдѣ они зарабатываютъ по 10—15 шиллинговъ въ недѣлю, довольны ими, какъ трудолюбивыми и трезвыми рабочими. Разъ только онъ находитъ работу, прокармливающую его съ семействомъ, и не стѣсненъ придирчивостью властей, еврей оказывается дѣльнымъ и полезнымъ работникомъ. Неужели въ такой огромной имперіи, «such an immense empire», нѣтъ мѣста, гдѣ бы они могли примѣнять свои способности и любовь къ труду? На эту тему было высказано имъ много дѣльныхъ мыслей, такъ что конецъ бесѣды нѣсколько разнился отъ ея начала. Тѣмъ не менѣе, первое невыгодное впечатлѣніе не могло все-таки изгладиться, и я постигши отеланяться, дважды отказавшись отъ предложенія откушать чай съ его семействомъ. Я зналъ очень хорошо, что кодексъ англійскихъ приличій не допускаетъ, чтобы гость отказался отъ такого почетнаго предложенія выпить a cup of tea, но я все-таки настоялъ на своемъ, и даже, на прощаніи, мы оба инстинктивно воздержались отъ обязательнаго рукопожатія, «shake hands», что опять противорѣчитъ коренному пра-

вину англійскаго житейскаго обихода. Вотъ какъ пріятно провель я время у этого милаго доктора!

Всю дорогу къ вокзалу я нещадно бранилъ себя за это посѣщеніе. Стоило, въ самомъ дѣлѣ, мокнуть подъ дождемъ, рисковать здоровьемъ,—удивляюсь, какъ я не схватилъ жестокой простуды,—чтобы добиться такого отвратительнаго interview!.. Когда я, на другой день, рассказалъ своимъ лондонскимъ друзьямъ о моемъ злополучномъ посѣщеніи ученаго доктора, они расхохотались самымъ добродушнымъ образомъ. «Подѣломъ,—утѣшали они меня,—отчего вы раньше не спросили нашего мнѣнія; мы всячески отсовѣтовали бы вамъ сдѣлать подобный шагъ. Впередъ наука!»

Да, впередъ наука! Теперь я другу и недругу закажу искать личнаго знакомства съ разными знаменитостями. Это вдвойнѣ выгодно: во 1-хъ, предохраняешь кровь отъ лишней порчи, и во 2-хъ, знаменитость продолжаетъ сохранять прежнее обаяніе, которое очень часто улетучивается при личномъ знакомствѣ.

VIII.

Было ужъ совсѣмъ темно, когда я сѣлъ въ вагонъ, помчавшій меня обратно въ Лондонъ. Противъ обыкновенія, пришлось довольно долго ждать на бродстѣйскомъ вокзалѣ прибытія лондонскаго поѣзда. Слепой трубачъ все время услаждалъ мой слухъ звуками «Марсельезы», которая, къ слову сказать, въ Англіи гораздо чаще слышится, нежели въ Франціи. Утомившись тянуть одни и тѣ же слишкомъ знакомые мотивы французскаго національнаго гимна, сочиненнаго Руже-де-Лилль, трубачъ, какъ видно, одаренный дипломатическою смѣткою, сталъ наигрывать «Die Wacht am Rhein», но не надолго. Напѣвъ республиканскаго гимна былъ ему милѣе воинственной пѣсни седанскихъ побѣдителей, и онъ имѣлъ возможность еще долго надоѣдать публикѣ своими трубными звуками. Наконецъ раздался желанный свистъ приближающаго поѣзда, и уши пассажировъ избавились отъ этой, всѣмъ надоѣвшей серенады.

Поѣздъ помчался съ обычною быстротой, выбрасывая и принимая въ свои нѣдра многое множество пассажировъ, дождав-

шихся на промежуточныхъ станціяхъ. Публика была молчаливая, почти сонная. Безшумно приходили новые пассажиры, занимая мѣста уходившихъ. Все это происходило чинно, тихо, какъ и подобаетъ «респектабельнымъ» джентльменамъ, вѣчно занятымъ и дѣловитымъ по преимуществу. На одной изъ промежуточныхъ станцій, недалеко отъ известной Clapham-Junction, вошелъ какой-то солидный джентльменъ и усѣлся противъ меня. Только что поѣздъ тронулся, произошелъ инцидентъ, немислимый ни въ какой странѣ, за исключеніемъ развѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Незнакомый джентльменъ ни съ того, ни съ сего вдругъ заговорилъ, ни къ кому собственно не обращаясь, а такъ—ко всей почтеннѣйшей публикѣ. Рѣчь импровизированнаго оратора дышала ненавистью къ существующему порядку вещей въ его отечествѣ. Ораторъ, какъ видно, былъ подъ хмѣлькомъ, потому что, по мѣрѣ развитія основныхъ положеній его рѣчи, невольныхъ слушателей обдавало противнымъ запахомъ перегорѣлаго «брэнди», «уиски» и другихъ видовъ спиртныхъ напитковъ, отравляющихъ британское человѣчество.

— Скажите на милость, господа, что это за дикіе порядки у насъ существуютъ! Заставляютъ любить королеву... За что я долженъ ее любить, платить ей подати и налоги? Что общаго между мной и королевой Викторіей? Положимъ, она хорошая женщина и лично заслуживаетъ уваженія. Но принцъ Уэльскій тутъ при чемъ? Съ какой стати я долженъ его любить, обѣщать ему вѣрность? Это ни на что не похоже!... А наши министры? Вѣдь это—каналы!.. Былъ одинъ хорошій человѣкъ, почтенный старикъ, «the great old man», какъ его называютъ, мистеръ Гладстонъ¹. Эти мазурики взяли да прогнали его и сѣли на его мѣсто. Теперь они хозяйничаютъ въ странѣ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ, обременяютъ насъ налогами. У нашихъ сосѣдей совсѣмъ иначе. Тамъ,—и онъ указалъ рукой по направленію къ Ламаншскому каналу,—тамъ, во Франціи, республика. That's very well. Сегодня сидитъ мистеръ Гриви, завтра будетъ

¹ Гладстонъ.

сидѣть генераль Бѣленгеръ¹. Не понравится, его по шеямъ безъ дальнихъ околичностей. А у насъ что?.. Сущее безобразіе!..

Долго ораторствовалъ пьяный хулитель парламентскаго режима на эту тему, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ явятся жандармы, свяжутъ ему руки назадъ, составятъ протоколъ и, пожалуй, насъ еще пригласятъ подписаться на протоколъ, въ качествѣ свидѣтелей... Ничуть не бывало! Кондуктора поминутно сновали взадъ и впередъ, прокалывая или отбирая билеты; но ни они, ни публика не обращали ни малѣйшаго вниманія на расходившагося поклонника французскихъ порядковъ.

Меня это явленіе совершенно озадачило. Трудно себѣ представить нѣчто подобное, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ публика, навѣрное, сама расправилась бы по свойски съ человѣкомъ, который бы отзывался въ такихъ выраженіяхъ о династіи и правительствѣ. А между тѣмъ королева Викторія пользуется огромною популярностью во всѣхъ слояхъ британскаго народа. Равнодушіе публики простиралось до того, что когда этотъ господинъ вышелъ изъ вагона за двѣ станціи до Лондона, никто изъ оставшихся пассажировъ въ вагонѣ не проронилъ ни одного слова о случившемся, какъ будто это самое заурядное явленіе. Громко, хотя и заплетавшимся языкомъ, нѣсколько пошатываясь, продолжалъ выпившій джентльменъ свои филиппики противъ англійскаго режима, медленно подвигаясь по платформѣ къ выходу. Находившіеся на платформѣ полисмены величественно проходили мимо этого республиканца, не удостоивая его своимъ вниманіемъ....

-Вотъ ужъ именно по пословицѣ: «что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай»!

Повдно ночью прибыли мы въ Лондонъ. Огромная столица всемірной торговли была погружена въ глубокое безмолвіе. Только въ вокзалѣ Charing Cross, да въ сосѣднихъ рестораничкахъ и кабачкахъ еще не угомонилась хлопотливая жизнь вѣчно занятаго города. Тамъ частью отдыхали поденщики, пропивая послѣдній пенсъ, нажитый тяжелымъ, можно сва-

¹ Буланже.

зять—египетскимъ трудомъ, въ родѣ тасканія кулей или бочекъ со спиртомъ въ мѣстности, находящейся возлѣ доковъ или знаменитой лондонской Башни (Tower). Далекое не мизерный результатъ цѣлодневнаго напряженія мускуловъ на фабрикахъ, докахъ, въ таможахъ, на пристани—быстро спускается въ этихъ неугомонныхъ заведеніяхъ, насквозь пропитанныхъ алкогелемъ, почернѣвшихъ отъ копоти и табачнаго дыма, въ обществѣ истерванныхъ публичныхъ женщинъ, одинъ видъ которыхъ приводитъ въ содроганіе мало-мальски чистоплотнаго человѣка. Рядомъ съ напивающимися поденьщиками отдыхаетъ и другая часть пролетаріата, пресловутая рать лондонскихъ мазуриковъ, подкрѣпляя свои силы въ истребленія «brandy», готовясь къ грядущимъ ночнымъ подвигамъ. Большая часть этихъ хватовъ, навѣрное, встрѣтитъ солнечный восходъ не на скамейкахъ парковъ или скверовъ, а въ разныхъ кутузкахъ, снабженныхъ крѣпкими засовами и бдительною стражей.

Никакія описанія оборотной стороны лондонской жизни не могутъ дать приблизительнаго понятія о тѣхъ глубоко душу надрывающихъ сценахъ, которыя попадаютъ туристу на глаза позднею ночью на Стрэндѣ и прилегающихъ къ этой бойкой улицѣ мѣстностяхъ.

Объ этихъ ужасныхъ сценахъ побесѣдую съ читателемъ какъ нибудь въ другой разъ.

П. Левенсонъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ.

КЪ ГОДОВЩИНѢ РЕВОЛЮЦІИ 1789 ГОДА.

Il faut finir des juifs le honteux esclavage.
Racine.

VI ¹.

Агитация парижскихъ евреевъ.—Энергичное заступничество за нихъ парижскаго муниципалитета.

Еще прежде чѣмъ Национальное Собраніе рѣшило вопросъ о равноправности южно-французскихъ евреевъ, евреи въ Парижѣ находились въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Эти люди пребывали въ самомъ центрѣ революціоннаго водоворота, увлекались тѣмъ же бурнымъ потокомъ идей и стремленій, какимъ увлекалось все подвижное населеніе столицы. На дѣлѣ парижскіе евреи давно уже играли роль активныхъ гражданъ и ничѣмъ не отличались отъ прочихъ жителей города. Они участвовали во всѣхъ патриотическихъ подвигахъ, манифестаціяхъ и движеніяхъ того горячаго времени. Около четверти всего ихъ числа (свыше ста человѣкъ) служило въ національной гвардіи. Городскія общественныя собранія охотно принимали членовъ-евреевъ въ свою среду, допускали ихъ къ подачѣ голосовъ и вообще къ участию во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Евреи выказывали патриотическое рвеніе, удивлявшее всѣхъ. Они готовы были жертвовать жизнью за страну, которая стала ихъ отечествомъ. Они жертвовали также немало денегъ на общественныя нужды; упомянутый нами выше Залкиндъ Гурвицъ, состоявшій при королевской библіотекѣ, удѣлялъ изъ своего скуднаго жа-

¹ См. «Восходъ» кн. V.

лованья, въ 900 франковъ ежегодно, четвертую долю на патриотическія надобности, и пожертвованіе свое объявилъ постояннымъ, ежегоднымъ. Вообще парижскіе евреи принимали живое участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и вездѣ встрѣчали любовь и братскій привѣтъ.

Каково же было ихъ удивленіе и досада, когда состоялось рѣшеніе 24-го декабря, отсрочившее признаніе ихъ равноправности на неопредѣленное время и признавшее самую возможность эмансипаціи сомнительною! Оскорбленные этимъ неожиданнымъ исходомъ, они, однако, не смутились, не упали духомъ, но, какъ истые сыны Парижа, рѣшились дѣйствовать и идти на-проломъ. На Національное Собраніе они пока не могли рассчитывать, такъ какъ оно было поглощено общими текущими дѣлами и, вдобавокъ, само же отсрочило еврейскій вопросъ. Поэтому они рѣшились дѣйствовать не прямо, а косвенно—черезъ парижское городское управленіе (муниципалитетъ), которое отличалось особеннымъ патриотическимъ рвеніемъ и, какъ органъ столицы, дававшей направленіе всему и властвовавшей надъ страной, держало въ своихъ рукахъ верховную власть, подчиняя себѣ нерѣдко и солидное Національное Собраніе. Городское управленіе, какъ уже сказано, было очень расположено къ евреямъ, и на него они могли смѣло рассчитывать. Расчетъ ихъ состоялъ въ томъ, что если городское управленіе, органъ общественнаго мнѣнія Парижа, выскажется въ пользу эмансипаціи евреевъ, то и Національное Собраніе не замедлитъ поставить на очередь отсроченный имъ еврейскій вопросъ и разрешитъ его въ положительномъ смыслѣ.

Въ тотъ же самый день, когда въ Національномъ Собраніи рѣшался вопросъ о южно-французскихъ евреяхъ, 28-го января 1790 г., въ залѣ генеральнаго собранія парижской общины (*Assemblée générale de la commune*), или парижской Думы, происходила въ высшей степени торжественная сцена. Многочисленная депутація отъ парижскихъ евреевъ, въ которой находилось до 50 евреевъ національныхъ гвардейцевъ съ трехцѣтными кокардами (между ними былъ и Залкиндъ Гурвицъ), предстала предъ собраніемъ съ просьбою, чтобы городъ Парижъ, въ лицѣ своихъ представителей, самъ вступился за

уравненіе правъ евреевъ. Ораторомъ этой депутаціи былъ парламентскій адвокатъ *Годаръ* (Godard), состоявшій членомъ Думы и уполномоченный парижскими евреями говорить за нихъ. Оставивъ свое мѣсто среди гласныхъ Думы, Годаръ выступилъ впередъ и, ставъ во главѣ еврейской депутаціи, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа, я оставилъ на короткое время мѣсто, которое занимаю среди васъ, для того, чтобъ занять мѣсто, болѣе подходящее мнѣ въ тотъ моментъ, когда я говорю за просящихъ и являюсь ходатаемъ за несчастныхъ.

«Уполномоченный болышею частью евреевъ въ королевствѣ защищать ихъ интересы предъ Національнымъ Собраніемъ¹, я являюсь вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ евреевъ, живущихъ въ Парижѣ. И въ качествѣ такового, я могу засвидѣтельствовать вамъ ихъ (т. е. парижскихъ евреевъ) глубокое почтеніе, могу завѣрить васъ въ ихъ преданности и представить доказательство ихъ признательности. Ибо благородные жители нашей столицы опередили въ нѣкоторомъ родѣ благодѣяніе закона по отношенію къ евреямъ, воспользовавшись нынѣшней достопамятною революціей для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ товарищей по оружію, облечь ихъ въ гражданскій мундиръ (т. е. мундиръ національной гвардіи), въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ являются предъ вами, и чтобы, наконецъ, обращаться съ ними какъ съ братьями, прежде чѣмъ зажить съ ними какъ съ гражданами.

..... «Ходатайствуя предъ Національнымъ Собраніемъ и ожидая отъ его мудрости закона себѣ благопріятнаго, евреи придаютъ большое значеніе тѣмъ вѣскимъ одобреніямъ, которыя они вездѣ встрѣчаютъ въ столицѣ и благотворныя послѣдствія коихъ они уже испытали. Они осмѣлятся сказать, господа, что они этого вполне заслужили тѣмъ патріотическимъ рвеніемъ, которое съ самаго начала революціи охватило ихъ душу, нарядило ихъ въ гражданскую аммуницію и сдѣлало

¹ Годаръ былъ уполномоченъ ходатайствовать предъ Національнымъ Собраніемъ и за эльзасскихъ евреевъ,—о чемъ ниже.

изъ нихъ храбрыхъ и неутомимыхъ воиновъ, всецѣло преданыхъ благу и процвѣтанію націи.

«Они полагаютъ, господа, что расположеніе къ нимъ столичнаго населенія даетъ имъ право просить васъ, чтобы вы возвысили вашъ голосъ въ ихъ защиту и произнесли то слово, которое могло бы ускорить рѣшеніе ихъ участи. Но имъ совѣстно просить васъ объ этомъ новомъ доказательствѣ расположенія, и они доверчиво полагаются въ этомъ отношеніи всецѣло на вашу мудрость. .

«Они васъ просятъ пока только о томъ, чтобы имъ дозволено было гордиться тѣми знаками расположенія, какіе уже имъ оказаны. Они просятъ васъ только оказать имъ справедливость, громко заявляя, что вамъ не въ чемъ ихъ упрекать, что общественный порядокъ никогда не нарушался ими, что даже въ состояніи величайшихъ бѣдствій они не роптали ни на людей, ни на законъ, и что теперь ихъ воодушевляетъ возвышенное и истинно гражданское рвеніе къ народной оборонѣ и къ общему благу. Это торжественное заявленіе, которое есть собственно ничто иное какъ дань истинѣ, должно служить столь приятнымъ удовлетвореніемъ всѣмъ истиннымъ рачителямъ общественнаго блага, что оно можетъ споспѣшествовать не только дѣлу парижскихъ евреевъ въ частности, но также дѣлу евреевъ во всемъ королевствѣ, и такимъ образомъ подготовить счастье пятидесяти тысячъ человѣкъ.

«Еы не замедлили бы, господа, дать имъ то нравственное удовлетвореніе, о которомъ я имѣю честь просить для нихъ, если бы вы знали, что изъ 5,000 евреевъ, живущихъ въ Парижѣ, больше ста вошли въ составъ національной гвардіи, и что эти люди жертвуютъ всѣмъ своимъ временемъ, всѣми силами для ревностной защиты конституціи. Среди депутатовъ, которыхъ я имѣю честь вамъ представить, находится знаменитый Гурвицъ, авторъ превосходной книги, увѣнчанной Мемскою академіей¹, переводчикъ съ восточныхъ языковъ при королевской библіотекѣ. Этотъ человѣкъ, имѣя всего 900 ливровъ годового дохода, пожертвовалъ четверть этой суммы на

¹ См. выше, гл. I.

патріотическія цѣли. И когда ему указали, что патріотическая контрибуція наложена только на доходъ одного года, онъ отвѣтилъ, что жертвуетъ навсегда четверть своего жалованья, такъ какъ онъ находитъ, что 900 ливровъ — сумма, слишкомъ большая для вознагражденія за труды, которые онъ исполняетъ въ королевской библіотекѣ.

«Вотъ, господа, за какихъ людей я ходатайствую о справедливости, и если вы, какъ я того ожидаю, не откажете имъ въ этой справедливости, если вы покажете себя одновременно и справедливыми и челоуѣколюбивыми, если, наконецъ, настоящій день окончится торжествомъ нашихъ стремленій, то можно будетъ сказать, что вы совершили нѣчто достопамятное и крупное, крупнѣйшее изъ всего, что совершилось съ самаго начала революціи.

«Не далѣе какъ сегодня утромъ вамъ удалось уничтожить два предразсудка (указываетъ на два другихъ вопроса, рѣшенныхъ собраніемъ); теперь вамъ предстоитъ разрушить третій предразсудокъ—предразсудокъ противъ евреевъ. Онъ такъ же несправедливъ, какъ и два предыдущихъ; подобно имъ, онъ долженъ исчезнуть, и предуготовить разрушеніе этого предразсудка—дѣло вполне достойное васъ, господа.

«Изъ вашей именно среды должно выйти и распространиться затѣмъ по всему королевству безусловное осужденіе всѣхъ этихъ предразсудковъ, которые болѣе всего безчестятъ французскую націю.

«Вы—только временные правители нашей столицы, но добро, которое вы сдѣлаете, вовсе не временнаго свойства: это благое дѣло будетъ безсмертно, и всѣ поколѣнія и всѣ вѣка сохранять живѣйшую къ вамъ признательность за осуществленіе его».

Рѣчь Годара произвела, повидимому, благопріятное впечатленіе на слушателей¹. Выслушавъ эту рѣчь, президентъ собранія, аббатъ *Мюло* (Mulo), одинъ изъ благороднѣйшихъ предводителей парижскаго муниципалитета, обращаясь къ еврейской депутаціи, произнесъ слѣдующія прочувствованныя слова:

¹ По распоряженію собранія, рѣчь Годара была потомъ напечатана и разслана во всѣ кварталы Парижа.

«Вы пришли, господа, съ цѣлью ходатайствовать передъ собраніемъ представителей общины о томъ, чтобы это собраніе высказало мнѣніе, которое могло бы содѣйствовать благоприятному исходу просьбы, представленной вами законодателямъ націи отъ имени вашего народа.

«Я горжусь, господа, какъ тѣмъ, что я могу быть выразителемъ собранія по отношенію къ вамъ, такъ и тѣмъ, что вы не устрашилися явиться передъ нимъ въ тотъ моментъ, когда я исполняю обязанность его предсѣдателя.

«Да, господа, вы дѣлаете честь моему сердцу, и что больше всего мнѣ пріятно—это что я могу оправдать ваше довѣріе, не оскорбляя этимъ строгости моихъ принциповъ.

«Разстояніе между вашими религіозными мнѣніями и тѣми истинами, которыя мы всѣ исповѣдуемъ, какъ христіане, не можетъ препятствовать намъ, какъ людямъ, сближаться съ вами, и хотя мы другъ друга упрекаемъ въ заблужденіи и считаемъ нужнымъ жаловаться другъ на друга, мы все-таки можемъ другъ друга любить.

«Впрочемъ, ваше желаніе далеко не настолько личное, чтобы изъ него не могло проистекать блага для всего общества. И если это желаніе направлено на то, чтобы мы утвердили за вами права, принадлежащія вамъ уже въ качествѣ людей, подчиненныхъ нашему закону, то оно направлено вмѣстѣ съ тѣмъ и къ искорененію недостатковъ, въ коихъ многимъ было угодно обвинять вашъ народъ, къ процвѣтанію добродѣтелей, воздѣлывавшихся у васъ въ тиши, и къ приобрѣтенію для государства новыхъ источниковъ богатства. Я не могу вамъ предсказать, каково будетъ точное рѣшеніе собранія по существу этого вопроса, но по крайней мѣрѣ я могу васъ теперь же увѣрить, что его рѣшеніе будетъ вполне сообразно съ законами разума и человѣчности, и что я первый радъ буду рукоплескать всему, что будетъ въ немъ благоприятнаго для вашей націи.

«Пока, въ доказательство нашего братства, собраніе приглашаетъ васъ, черезъ меня, присутствовать при его засѣданіи».

Сердечный пріемъ, оказанный всевластною парижскою Думою еврейской депутаціи, ободрилъ и евреевъ, и расположенныхъ къ нимъ представителей городского управленія. Но надо было

еще агитировать и дѣйствовать для того, чтобы Дума не ограничилась платоническими обѣщаніями и поскорѣе представила бы свое предложеніе объ эмансипаціи евреевъ на усмотрѣніе Національнаго Собранія. Для этого нужно было представить въ Думу документальныя данныя, а именно благопріятныя для евреевъ отзывы участковыхъ или секціонныхъ собраній (Парижъ дѣлился тогда на 60 кварталовъ или секцій, изъ коихъ каждая имѣла свое собраніе гласныхъ; всѣ же эти собранія подчинялись авторитету Думы, какъ верховнаго органа городского управленія). За этими отзывами дѣло не стало. Секціонныя собранія и безъ того были очень хорошо расположены къ евреямъ, изъ которыхъ многіе состояли гласными этихъ собраній. Огромное большинство парижскихъ евреевъ жило въ Кармелитскомъ участкѣ (district de Carmelites), а потому Кармелитское секціонное собраніе приняло самое горячее участіе въ ихъ судьбѣ. На другой день послѣ описанной выше сцены, 29 января, состоялось общее собраніе гласныхъ Кармелитскаго участка, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, какимъ образомъ собраніе можетъ содѣйствовать парижскимъ евреямъ въ дѣлѣ достиженія ими равноправности (засѣданіе это состоялось нарочно безъ участія гласныхъ-евреевъ). Послѣ долгихъ и обстоятельныхъ совѣщаній, было постановлено: что въ виду важныхъ услугъ, оказанныхъ парижскими евреями отечеству съ самаго начала революціи; въ виду несправедливости исключительныхъ о евреяхъ законовъ, обособляющихъ ихъ отъ всего населенія, а также въ виду ихъ безукоризненнаго гражданского поведенія, о коемъ Кармелитскій участокъ, гдѣ проживаетъ большинство парижскихъ евреевъ, имѣетъ ближайшія и точныя свѣдѣнія, — собраніе гласныхъ Кармелитскаго участка *единогласно* рѣшило просить городскую Думу содѣйствовать всѣми способами, чтобы за парижскими евреями были признаны всѣ права активныхъ гражданъ. Чтобы представить рѣшеніе это на усмотрѣніе Думы, собраніе отрядило особую депутацію изъ шести гласныхъ, которымъ поручило защищать это рѣшеніе въ общемъ собраніи членовъ Думы. Во главѣ этой депутаціи стоялъ краснорѣчивый *Кайе-де-Жервиль*, прокуроръ-синдикъ общины. На слѣдующій день, 30-го января, депута-

ція Кармелитскаго участка явилась въ Думу, гдѣ Каиен-де-Жервиль обратился къ присутствующимъ со слѣдующею рѣчью:

«Господа! Насъ привело къ вамъ стремленіе весьма благородное и весьма трогательное.

«Изъ всѣхъ участковъ парижской общины, въ Кармелитскомъ участкѣ проживаетъ наибольшее число евреевъ.

«Болѣе чѣмъ какой либо другой участокъ, Кармелитскій имѣлъ возможность, съ самаго начала революціи, наблюдать поведеніе евреевъ, ознакомиться съ ихъ принципами и составить себѣ сужденіе объ ихъ нравственности.

«Вы не удивитесь поэтому, господа, если представители Кармелитскаго участка первые осмѣлятся отдать публично дань ихъ патріотизму, ихъ храбрости и благородству.

«Никакіе граждане не выказали себя болѣе ревностными въ дѣлѣ завоеванія свободы, нежели евреи; никто такъ не рвался къ мундиру національной гвардіи, какъ они; нѣтъ людей, болѣе привязанныхъ къ порядку и справедливости, болѣе расположенныхъ къ благотворительности по отношенію къ бѣднымъ и къ добровольнымъ взносамъ на нужды общины, чѣмъ евреи.

«Таково заявленіе, которое мы должны сдѣлать во имя правды и которое Кармелитскій участокъ уполномочилъ насъ провозгласить въ вашемъ собраніи.

«Вы уже, господа, употребили всю силу разума и чувства для борьбы со старымъ предрасудкомъ, который связывалъ понятіе о чести лишь съ извѣстными родами. Теперь мы считаемъ своимъ долгомъ заявить вамъ о другомъ предрасудкѣ, не менѣе нелѣпомъ, ненавистномъ и неразумномъ.

«Станемъ нападать на всѣ предрасудки, господа, будемъ вести съ ними упорную борьбу. Пусть ни одно изъ этихъ чадъ деспотизма и невѣжества не переживетъ возрожденія свободы и освященія правъ человѣка.

«Если евреи, живущіе въ Парижѣ, не провозглашены еще французами, то повѣрьте намъ, господа, что они вполнѣ заслуживаютъ быть французами. Я даже осмѣлюсь сказать, что среди насъ они уже на дѣлѣ являются таковыми. Да, господа, Кармелитскій участокъ не желаетъ, чтобы въ немъ различали

гражданъ. Евреевъ допускають въ совѣты, они раздѣляютъ съ нами почести и труды военной службы,—и ни малѣйшаго ропота не слышно противъ предоставленія имъ правъ горожанъ,—правъ, которымъ недостаетъ только санкціи закона.

«Въ этомъ единодушїи, столь всеобщемъ, не смотря на неизбежныя столкновенія частныхъ интересовъ, вы, господа, должны усмотрѣть самыя несомнѣнныя черты общественнаго мнѣнія. Въ этомъ единодушїи вы должны также признать благодѣтельное вліяніе той философіи, которую такъ много злоупотребили. Евреи, освободившись отъ своихъ старыхъ заблужденій, почувствовали потребность въ отечествѣ,—и мы имъ дали свое отечество. Въ вознагражденіе за свои услуги, они попросили насъ ходатайствовать передъ вами (объ уравниніи ихъ въ правахъ). Можемъ-ли мы не воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ увеличить нашу гражданскую семью и вмѣстѣ съ тѣмъ ундрать священный долгъ—долгъ признательности?»

«Удостойте же, господа, принять къ свѣдѣнію наши справедливыя и настоятельныя заявленія въ пользу новыхъ братьевъ нашихъ. Присоедините и ваше заявленіе къ нашему—и представьте ихъ вмѣстѣ Національному Собранію. Не сомнѣвайтесь, господа: вы безъ труда добьетесь для парижскихъ евреевъ того, въ чемъ не отказали евреямъ, извѣстнымъ подъ именемъ португальскихъ, авиньонскихъ и испанскихъ. Да и ради чего стали бы послѣднимъ давать предпочтеніе передъ первыми? Развѣ ученіе всѣхъ евреевъ не одно и то же? Развѣ наши политическія отношенія къ тѣмъ и другимъ не одинаковы? Если предки тѣхъ евреевъ, интересы коихъ мы защищаемъ, испытали муки и жестокости произвольныхъ властей въ большей мѣрѣ, нежели еврей португальскіе, то развѣ самое это ужасное и продолжительное угнетеніе, перенесенное ими, не даетъ имъ еще больше права на національную справедливость? Восходите къ источникамъ этого страннаго и несправедливаго обособленія евреевъ—и вы увидите, осмѣлится-ли кто нибудь нынѣ, какъ осмѣливались прежде, дѣлать различіе въ правахъ между двумя частями одного народа, двумя вѣтвями одного ствола, на осно-

ваніи апокрифическихъ преданій или, точнѣе, на основаніи химеръ и басенъ!»

Окончивъ свою рѣчь, ораторъ положилъ на бюро подлинникъ рѣшенія, принятаго наканунѣ единогласно (безъ участія членовъ-евреевъ) въ общемъ собраніи гласныхъ Кармелитскаго участка.

Патетическая рѣчь де-Жервиля, могущая служить образцомъ гениальнаго краснорѣчія той достопамятной эпохи, настроила слушателей на самый восторженный ладъ. Это восторженное настроеніе собранія выразилось въ сердечномъ отвѣтѣ президента Думы, знакомаго уже намъ аббата Мюло, на рѣчь де-Жервиля. Вотъ этотъ отвѣтъ:

«Какъ похваленъ вашъ поступокъ самъ по себѣ! Какъ много чести онъ дѣлаетъ вамъ, и какъ вѣско показаніе ваше въ пользу защищаемыхъ вами людей!

«Нѣкоторые факты, изложенные въ прекрасной рѣчи одного изъ нашихъ членовъ, который представилъ намъ еврейскую депутацію ¹, усилили нашу сердечную склонность въ пользу евреевъ. Теперь явились вы и прибавили къ этимъ фактамъ доказательства безукоризненнаго поведенія евреевъ. Вы рисуете намъ ихъ храбрыми защитниками общественнаго блага, обывателями полезными и добродѣтельными.

«Отзывъ вашего участка, въ которомъ находятся цѣлыя улицы, заселенныя евреями, имѣетъ большой вѣсъ, когда онъ свидѣтельствуетъ въ пользу евреевъ.

«Вудучи свидѣтелями ихъ домашней жизни, вы раскрываете передъ нами все добро, которое творится въ ихъ скромныхъ очагахъ. Мы всѣ аплодируемъ вашимъ стараніямъ за людей, которыхъ общественное мнѣніе такъ долго обижало. Мы аплодируемъ всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя вы заставляете насъ уважать въ этихъ людяхъ.

«Я могу, господа, обѣщать вамъ отъ имени собранія только то, что я обѣщала самимъ евреямъ, а именно: рѣшеніе, про-

¹ Это—рѣчь Годара, произнесенная за два дня передъ тѣмъ и приведенная нами выше.

диктованное разумомъ и гуманностью. Это слово обидѣло и съ увѣренностью повторило намъ».

Въ тотъ же день члены Думъ присутствовали къ собраніямъ на счетъ той поддержки, которую они должны были оказать евреямъ. Поднявшаяся горячая прелея: большинство стояло безусловно за евреевъ, меньшинство находилось въ нерѣшительности. Чтобы уничтожить эту нерѣшительность и вызвать единогласное рѣшеніе въ пользу евреевъ, всталъ на трибуну одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Думъ, аббатъ *Вертолю*, и произнесъ длинную и въ высшей степени содержательную рѣчь, въ которой затронуты были всѣ важнѣйшія стороны еврейскаго вопроса. Въ ней не было того напора, которымъ отличался вышеприведенная рѣчь де-Марвилля. Это было серьезное, хотя и краснорѣчивое разсужденіе, въ которомъ историческая сторона еврейскаго вопроса, преемственно съ паразитическою немощью, и гдѣ всѣ существенные доводы противниковъ евреевъ разрушены силою непреодолимой логики. Вотъ что говорилъ аббатъ *Вертолю*:

«Господа! Одно изъ величайшихъ заблужденій челоука-скаго ума заключалось въ томъ, что люди ставили званіе гражданина въ зависимость отъ того или другого вѣрованія. Для религіи было величайшимъ несчастіемъ, то, что она была связана и переплетена съ государствомъ и владычствіе этого должна была конвертироваться тѣмъ обратнымъ, которымъ необходимо подлежать всѣ учрежденія, создаваемыя руками человеческими.

«Но вотъ мы наконецъ дожили до такого времени, когда можемъ исправлять заблужденія, возбужденія столько перегородокъ между людьми, которые по высшему долгу были бы всегда сосуществовать одну самою; мы дожили до такого момента, когда можемъ предохранить религію отъ угрозавшихъ ей волъ и приостановить теченіе тѣхъ, которыя она уже въ изобиліи перенесла.

«Умоврительныя мнѣнія нынѣ уже не рѣшаютъ болѣе судьбы гражданина: религія, отведенная въ свою собственную область, возвращенная къ высотѣ своего назначенія, будетъ впредь заниматься только тѣмъ, чтобы сдѣлать людей лучшими

и болѣе совершенными, но не будетъ эмѣниваться болѣе въ различныя формы правленія, которыми граждане считаютъ нужнымъ принимать для обезпеченія самой свободы. Интересы общества не будутъ болѣе эмѣниваться съ интересами личности.

«Для того, чтобы такіа перемены возникли, нуженъ былъ переворотъ, подобный тому, который теперь совершается Франціи; но онъ оказывается несовершеннымъ, если переворотъ, столь же счастливымъ своимъ несомненнымъ, если покаяніе людей не послѣдуютъ въ свѣтъ роста за ростомъ конституціи, нтъ порожденной. Поднимаются же до высоты нашей конституціи, обезпечивая за собою ту свободу, которую конституція обезпечиваетъ за дѣйствіями. Мы никогда не должны упускать изъ виду, что всѣ люди равны въ правахъ, что свобода—первѣйшее и драгоцѣннѣйшее изъ правъ; что свобода состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все, что не запрещено закономъ и что не вредитъ другимъ; что до религіозныхъ мнѣній не должно быть дѣла закону; что думать иначе, чѣмъ другіе, не значить ни оскорблять ихъ, ни вредить имъ; что, наконецъ, если бы различіе религіозныхъ мнѣній могло служить препятствіемъ къ правамъ гражданскимъ, то не могло бы быть и равенства въ правахъ.

«Эти нынѣ принятые, священные Национальнымъ Собраніемъ, возвратили уже гражданскую жизнь болѣе чѣмъ тремъ милліонамъ французамъ¹; эти же принципы уничтожили въ одинъ моментъ старыя Нантскаго эдикта—роковой памятникъ, казавшійся тѣмъ болѣе непоколебимымъ, что былъ дѣломъ монарха, котораго замѣчательными качествами саржвали блестящимъ ореоломъ славы. Французскіе протестанты возстановлены уже во всѣхъ своихъ гражданскихъ правахъ; многочисленные защитительные эдикты, поверженные нашь головы, уже вычеркнуты и вмѣстѣ съ ними исчезли ужасные предрассудки нашихъ отцовъ.

«Эти новые принципы недавно восторжествовали и надъ другимъ предрассудкомъ, еще болѣе опаснымъ, нежели тотъ, подъ игомъ котораго стояли протестанты. Гражданское

¹ Ораторъ подразумѣваетъ протестантовъ.

положеніе евреевъ бордоскихъ, байонскихъ и авиньонскихъ было утверждено торжественнымъ декретомъ. Объ ожиданіи такой же справедливости хлопочутъ теперь французскіе евреи, живущіе въ Парижѣ и въ другихъ частяхъ королевства. Можно-ли отказать имъ въ этомъ? Какое существенное различіе можно провести между ними и ихъ братьями изъ Бордо? Скажутъ, что одни имѣютъ грамоты и привилегіи, какіе не имѣютъ другіе. На это скажу, что грамоты французскихъ евреевъ начертаны на скрижаляхъ природы, а печать природы обитъ печатей всѣхъ націй: еврей и французъ имѣютъ вѣдь.

«Что же касается правъ гражданскаго состоянія, то на дѣлѣ французскіе евреи ихъ не имѣютъ. Это, къ несчастію, болѣе чѣмъ вѣрно. Болѣе чѣмъ вѣрно, что въ продолженіе вѣковъ евреи являлись жертвами самой невѣрстой алчности, самыхъ жестокихъ преслѣдованій, самой кровавой нетерпимости; но именно эта продолжительность ихъ страданій должна служить самымъ сильнымъ побужденіемъ къ возвращенію ихъ. Послѣднимъ же засады ихъ забыть преступленія напикъ отцовъ; возвратимъ имъ то, чего лишиться они никогда не могли, ибо по праву ихъ гражданское состояніе такъ не непреложно, какъ и сама природа, предназначавшая имъ такое состояніе.

«Мнѣ приходится въ отвѣтъ слово «политика». Ахъ, нагонимъ изъ нашего языка это слово, если подъ «политикою» хотятъ подразумѣвать всегда вѣчное искусство обманывать людей и отступать къ основы, подъ предлогомъ безплодности об ихъ интересахъ. Но вы сомнѣваетесь на политику, такъ и я же сомнѣюсь на политику. Я не знаю иной политики кромѣ той, которая представляетъ собою искусство изобрѣтать наиболее дѣятельныя способы, чтобы одѣлать народъ счастливымъ, чтобы содѣйствовать процвѣтанію земледѣлія, искусствъ и торговли,—а допущеніе евреевъ ко всѣмъ гражданскимъ правамъ есть именно одинъ изъ такихъ способовъ. Громадныя пустоши у насъ не распаханы, безчисленные болота не осушены, мануфактурныя промыслы должны еще основываться или оживляться, торговля жана чахнетъ, да и никогда не была она такъ распространена, какъ ей слѣдовало бы быть,—и все это

ослужить намъ ускоренъ въ нерадѣніи и беззаботности. Руки и капиталы евреевъ, ставшихъ гражданами, будучи принадлежностью страны, которая ихъ усыновила, исправятъ эти ошибки прежняго правительства. Они къ вамъ будутъ стекаться со всѣхъ концовъ земли, какъ только узнаютъ, что солнце свободы воссияло во Франціи надъ теми, которые тамъ родились или поселились. И тогда государство наше приобрететъ новыхъ подданныхъ, полезныхъ своею дѣятельностью, интеллигентностью; своими капиталами и трудами, подчиненныхъ общей конституціи, къ которой они будутъ привязаны одновременно узамъ признательности и выгоды.

«Не возражайте мнѣ, ссылаясь на ихъ религію! Въ одномъ только отношеніи государство можетъ интересоваться религіею гражданъ—въ отношеніи нравственномъ, а еврейскую нравственность рѣшительно не въ чемъ упрекать. Мораль иудаизма есть только дальнѣйшее развитіе того естественнаго закона, который передалъ имъ Моисей; наша мораль есть слѣдствіе того же закона, хотя и слѣдствіе болѣе совершенное. Мораль евреевъ, подобно христіанской морали, основана на двухъ правилахъ вѣчной истины: «Люби ближняго, какъ себя самого; не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ сдѣлали». Можетъ-ли общество бояться людей, исповѣдующихъ такое ученіе?

«Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ членовъ, котораго возрастъ, добродѣтели и добрыя намѣренія внушаютъ мнѣ уваженіе, выразился намъ-то, что само небо сопротивляется стремленіямъ евреевъ, что они были и будутъ всегда предметомъ мщенія Божія, что этотъ знакъ отверженности начертанъ на ихъ лицахъ, что позоръ и поношенія, которые они переносили въ теченіе столькихъ вѣковъ, не позволяютъ не видѣть въ этомъ перста Бога-мстителя.

«О, господа, перестанемъ-ли мы когданибудь злоключить Божество? Перестанемъ-ли приписывать Ему наши слабости, вмѣсто того, чтобы стараться подниматься до Его совершенства? Нѣтъ, господа, только люди метаютъ другъ другу. Богъ никогда не мститъ за себя; Онъ справедливъ, а понятіе о

справедливости не согласуется съ понятіемъ о мщаніи. Да и гдѣ вы видите признаки Божественнаго мщенія? Говорятъ, они запечатлѣны на лицахъ евреевъ; но съ какихъ это перъ типичныя фязіономіи народовъ стали доказательствомъ небеснаго гнѣва? Объѣжайте всѣ части земного шара—и вы повсюду встрѣтите самыя разнообразныя по своимъ формамъ и цвѣту фязіономіи, измѣняющіяся сообразно почвамъ и климатамъ, сообразно большей или меньшей смѣшанности націй. Не будемъ же совать «персть Божій» туда, гдѣ слѣдуетъ видѣть только руку природы.

«Хотятъ еще усматривать гнѣвъ Божій въ начальной судьбѣ, тяготящей надъ евреями вотъ ужъ сколько вѣковъ. Но не есть-ли это простая увертка нашего себялюбія? Не пытаемся-ли мы смягчить нашу къ нимъ несправедливость, примысливая ее небу? Остережемся такого заблужденія. Подобными софизмами можно было бы оправдывать всѣ великія преступленія противъ человѣчества. Вѣдь такими софизмами можно оправдывать и отвратительное рабство негровъ; можно сказать, что гнѣвъ Божій тяготеетъ надъ ними, такъ какъ они уже сколько вѣковъ оспрадаютъ, и чѣмъ долѣе будутъ продолжаться эти посягательства на природу, тѣмъ въ болыпей мѣрѣ они будутъ казаться дѣломъ Божиимъ. Вѣдь, этакъ рассуждая, придется смыть всякую вину съ алчнаго и кровожаднаго испанца, который, для утоленія своей безмѣрной жажды золота, наложилъ тяжелыя цѣпи на многочисленныя народы и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ истребилъ ихъ съ лица земли.

«Напрасно ссылаются на небо и на христіанскую религію въ доказательство того, что евреевъ слѣдуетъ лишить правъ человѣка. Наша религія ничего подобнаго не предписываетъ; она хочетъ привлекать къ себѣ людей только кротостью, человѣколюбіемъ и добродѣтелью; она никогда не порекавала считать отверженцами общества тѣхъ, которые не соглашаются вступить въ ея лоно, и единственное соперничество, которое она допускаетъ по отношенію къ евреямъ, это—соперничество въ добродѣтеляхъ.

«Одинъ изъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ по три-

бунтъ¹ высказался противъ эмансипаціи евреевъ, ради собственной будто бы ихъ выгоды: онъ опасается существующихъ еще въ народѣ относительно евреевъ предрассудковъ. Онъ ссылается на примѣръ англійскаго парламента, который въ 1754 году предоставилъ было евреямъ все гражданскія права, но потомъ вынужденъ былъ отнѣнить свой билль, для того, чтобы успокоить возмущеніе, вызванное имъ въ жителяхъ Лондона.

«Пусть не утрапитъ васъ, господа, этотъ примѣръ! Онъ доказываетъ только, что уже въ 1754 году здравомыслящая партія англичанъ держалась того же мнѣнія, которое я вамъ рекомендую; онъ доказываетъ еще, что въ 1754 году народъ въ Лондонѣ оказался еще неспособнымъ стать на уровень благоразумія своихъ законодателей, и что просвѣщеніе не было еще настолько распространено въ Великобританіи, чтобы законы тамъ могли приносить всю пользу, которую приносить могутъ. Но я осмѣлюсь замѣтить, что духъ общественности и всеобщей справедливости господствуетъ нынѣ во Франціи больше, нежели въ Англій 1754 года. Я полагаю, что теперь-то и насталъ весьма удобный моментъ для того, чтобы мы опередили нашихъ соперниковъ (т. е. англичанъ) въ дѣлѣ національной справедливости и преподавали имъ такіе уроки, какіе мы нѣкогда отъ нихъ сами получали. Во всякомъ случаѣ, я не предлагаю собранію никакого шага въ пользу евреевъ, пока оно не справится съ желаніями нашихъ доверителей и не получитъ отъ нихъ одобренія нашему заявленію. Вопрошая такимъ образомъ народъ, мы его просвѣщаемъ; это—лучшій способъ вводить въ его умъ все великія принципы и изгонять оттуда массу предрассудковъ, вредящихъ его благополучію.

«Принимая нѣкоторыя изъ мнѣній, высказанныхъ моими предшественниками, я полагаю, что необходимо выдать французскимъ евреямъ подлинное удостовѣреніе добраго ихъ поведенія въ столицѣ, выказаннаго ими патріотизма и существенныхъ услугъ, оказанныхъ ими во время революціи. Удо-

¹ Де-Лафаръ, епископъ Нантскій. См. выше его рѣчь въ Национальномъ Собраніи, 28-го декабря 1789 года.

составленіе это имѣеть встрѣчать тѣмъ менше трудностей, что мы сами свидѣтельствуемъ только о томъ, что лично видѣли и что особливо подтверждено общимъ собраніемъ Кармантскаго участка, гдѣ и проживаютъ почти всѣ евреи города Парижа.

«Я думаю, что мы должны высказаться въ томъ смыслѣ, чтобы Национальное Собраніе благоволило поставить на очередь, какъ можно только скорѣе, еврейскій вопросъ, обсужденіе котораго имъ отсрочено, и чтобы оно издало декретъ, приравняющій всѣхъ евреевъ къ евреямъ Бордо, Байоны и Авиньона. Но такое заявленіе должно быть внесено въ Национальное Собраніе не раньше, чѣмъ оно будетъ разослано во всѣ шестьдесятъ секцій Парижа и одобрено большинствомъ голосовъ».

Ораторъ вполне достигъ своей цѣли. Нерѣшительность и колебанія исчезли послѣ его рѣчи и уступили мѣсто единодушному желанію сдѣлать эмансипаціи евреевъ. Послѣ краткаго обсужденія вопроса, предложеніе аббата Вертолю было принято и постановлено было слѣдующее, замѣчательное по своему содержанію рѣшеніе:

«Общее собраніе представителей города, обсудивъ заявленіе депутаціи отъ парижскихъ евреевъ и основываясь на рѣшеніи Кармантскаго участка касательно допущенія евреевъ къ гражданскимъ правамъ; принимая во вниманіе, что всѣ люди, живущіе въ одномъ государствѣ и состоящіе его подданными, должны носить одно и то же званіе и пользоваться одними и тѣми же правами; что разница въ религіозныхъ убѣжденіяхъ не должна вызывать никакого различія въ гражданской жизни, и что именно теперь, когда народъ самъ себя даетъ конституцію, необходимо сбросить съ себя иго предвзсудковъ и возстановить непрізнанные законы равенства; принимая далѣе во вниманіе, что евреи, поселившіеся въ Парижѣ, всегда вели себя честно, ревностно исполняли свой долгъ и во время настоящей революціи проявили самыя похвальныя патріотическія стремленія, — рѣшило: 1) публично засвидѣтельствовать о добромъ поведеніи, патріотизмѣ и личныхъ добродѣтеляхъ евре-

ствъ ¹, и 2) громоздкою заявить наше желаніе, чтобы евреи были допущены ко всѣмъ правамъ дѣятельныхъ гражданъ. Это наше заявленіе должно быть внесено въ Национальное Собраніе, но не раньше чѣмъ будутъ получены отзывы прочихъ участковъ, приглашенныхъ высказаться по этому поводу, что необходимо какъ потому, что авторитетъ въ подобныя дѣлахъ принадлежитъ больше всего участкамъ, такъ и потому, что желаніе всѣхъ или большей части участковъ будетъ гораздо болѣе подлиннымъ и вѣрнымъ доказательствомъ въ пользу евреевъ, нежели заявленіе одного только собранія представителей общины» ². Подъ этимъ рѣшеніемъ подписались: знаменитый въ исторіи революціи парижскій мэръ *Балли*, президентъ Мюло и нѣсколько секретарей Думы.

Когда рѣшеніе было составлено, президентъ Мюло обратился къ еврейской депутаціи и сказалъ: «Теперь мое обѣщаніе исполнено. Вы сейчасъ выслушали то рѣшеніе, которое я вамъ предложилъ. Если мѣсто (президентское), мною занимаемое, не дозволяло мнѣ поддерживать ваше требованіе и подготовить своимъ голосомъ настоящее рѣшеніе, за то я теперь имѣю счастье объявить вамъ о немъ отъ имени собранія. Я апплодирую этому отъ всего сердца. И если мое имя не находится въ спискѣ тѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые васъ защищали, то я почитаю себя счастливымъ хоть тѣмъ, что могу своимъ именемъ заключить этотъ списокъ».

Послѣ этого взомель на трибуну Годаръ и сказалъ: «Господа, я требовалъ отъ васъ справедливости къ парижскимъ евреямъ; теперь я долженъ васъ благодарить отъ ихъ имени, ибо вы исполнили наше желаніе. Не стану выражать вамъ ихъ благодарность ораторскою рѣчью. Я ограничусь только тѣмъ, что повторю тѣ слова, которыя вы недавно съ удовольствіемъ слышали на этомъ же мѣстѣ,—слова, которыя впоследствии прозвучали съ энтузіазмомъ во всѣхъ устахъ и которыя могутъ

¹ Этотъ пунктъ мы нѣсколько сократили, такъ какъ онъ повторяетъ буквально заявленіе Кармелитскаго участка, приведенное выше.

² *Halphen, Recueil*, p. 3.

служить самое возвышенное благодарностью, какую только я могу вам выразить. Вотъ эти слова: «Будемъ благословлять революцію, которая сдѣлала всѣхъ насъ братьями¹». Этими словами, вызванными вѣрныя рукописки, закончилось достопамятное засѣданіе Думы 30 января.

Парижскій муниципалитетъ вскорѣ привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе. Еще прежде чѣмъ Дума успѣла обратиться къ участковымъ собраніямъ съ запросами на счетъ ихъ мнѣній о евреяхъ, 49 участковъ уже высказались безусловно въ пользу ходатайства объ эмансипаціи; остальные прислали свои отзывы, также благопріятные, по приглашенію Думы. Когда всѣ эти отзывы были собраны, депутація отъ городской Думы, съ предсѣдателемъ послѣдней аббатомъ Мюло во главѣ, явилась въ Національное Собраніе (25 февраля 1790 г.) и просила распространить на евреевъ, живущихъ въ Парижѣ, тотъ же декретъ, которымъ дарованы были права дѣйствительныхъ гражданъ евреямъ «португальскимъ, испанскимъ и авиньонскимъ». На эту просьбу президентъ Собранія отвѣчалъ: «Національное Собраніе поставило себѣ священнымъ долгомъ возвратитъ всѣмъ людямъ ихъ права. Оно объявило условія, необходимыя для того, чтобы быть дѣйствительнымъ гражданиномъ. Въ этомъ именно духѣ и сообразно этимъ условіямъ оно разсмотритъ, по всей справедливости, доводы, выставляемые вами въ столь трогательной формѣ въ пользу евреевъ. Національное Собраніе приглашаетъ васъ присутствовать при его засѣданіи».

Крайняя неопредѣленность этого отвѣта, въ которомъ не было никакого указанія времени—когда именно Собраніе займется еврейскимъ вопросомъ, подала поводъ герцогу *Лианкуру* на слѣдующій день (20-го февраля) потребовать отъ Собранія, чтобы оно назначило день для разсмотрѣнія вопроса о гражданскомъ положеніи евреевъ. На это одинъ изъ депутатовъ Собранія отвѣчалъ: «Я полагаю, что вопросъ о евреяхъ несомнѣнно очень важный вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что у насъ на очереди имѣются вопросы еще болѣе важные и касаю-

¹ Знаменитая историческая фраза, сказанная меромъ Балье въ засѣданіи Думы 24-го января, въ отвѣтъ на патристическое заявленіе одной депутаціи.

иіеи войкъ. То, что мы рѣшимъ относительно евреевъ, затронетъ интересы одной только части народа; но устанавитъ порядокъ судебной власти, опредѣлитъ количество и форму французской арміи и регулируетъ финансы—это три вопроса, занимающіе всю страну и требующіе всего нашего времени. А потому я предлагаю снова отложить вопросъ о евреяхъ. Мнѣніе это принято было Собраніемъ—и еврейскій вопросъ опять былъ отложенъ на неопредѣленное время ¹.

С. Мстиславскій.

(Окончаніе будетъ).

¹ *Moniteur* 27 fevrier 1790; Halphen, p. 216.

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

(Изъ Мидрашъ Берешитъ-Раба).

Сотворимъ человека по образу и подобію Нашему. I. кн. М. 1—26.

Творецъ, окончивъ мірозданье,
Для завершенія всего,
Задумалъ сотворить созданье,
Въ которомъ жилъ бы духъ Его.
Чтобъ разрѣшить свое сомнѣнье—
Достойно жизни или нѣтъ
Богopodobное творенье—
Онъ созвалъ ангеловъ совѣтъ.

— Не стойтъ!—молвить Справедливость:—
Едва родится человекъ,
Какъ лезть, коварство и спѣсивость,
И злоба явятся на вѣкъ.
Рабомъ онъ будетъ суетливымъ,
Любить онъ будетъ лишь себя
И въ ослѣпленіи горделивомъ
Забудеть, Господи, Тебя!

— Не стбитъ!—Истина сказала:—

Онъ будетъ правду попірать
И свой языкъ, какъ змѣя жало,
Худу заставить изрекать.
Онъ долгъ и совѣсть позабудетъ,
Во дни погрѣшеть на землѣ,
И пресмыкаться только будетъ
Твое созданіе во мглѣ.

— Не стбитъ!—Миръ рѣшилъ за ними:—

Онъ землю кровью напоитъ,
Онъ надъ собратьями своими
Свою жестокость изощритъ.
Всколеблютъ землю плачь и стоны,
Войной на брата встанетъ братъ,
Въ крови падутъ земные троны
И воцарится тамъ развратъ.

Замолкъ. И вдругъ среди совѣта
Раздался тихій гласъ Любви:

— Неужли лучъ Господня свѣта
Потухнетъ въ мракъ и крови?
О, Боже! пусть Твое созданье
Любовь сопутствуетъ, и вѣрь,
Всѣ заблужденія—познавья
Ему тогда раскроютъ дверь,

И человекъ во тьмѣ коварства,
Хранимый лишь Любви огнемъ,

Постигнеть Бога, Божье царство,
И вступить самъ въ борьбу со зломъ.
Предстанеть съ жатвой оны обильной:
Въ немъ Божій духъ—побѣдъ залогъ.
Создай его, Творецъ Всесильный!
— И человека создалъ Богъ.

С. Гринblattъ.

Н Е Б О.

—Рабби! Зачѣмъ постоянно на небо
Взоръ ты возводишь въ раздумьи нѣмомъ?
Развѣ лишь въ небѣ ты Господа видишь?
Развѣ нашъ Богъ не вездѣ, не во всемъ?

—Правда, мой сынъ! Но вокругъ оглянися:
Здѣсь лишь о тѣнноти все говорить,
Тамъ же все вѣчно и чудно-спокойно...
Небо съ землей человѣка миритъ.

С. Гринblattъ.

ЕВРЕИ-РЕМЕСЛЕННИКИ

ВЪ КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1887 ГОДУ.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что въ 1887 г. мѣстными раввинами, при помощи другихъ представителей еврейскихъ общинъ, собраны были свѣдѣнія о численности еврейскихъ ремесленниковъ въ каждомъ изъ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости и о распредѣленіи между ~~евреями~~ тѣхъ или другихъ ремеслъ. Къ сожалѣнію, въ печати до сихъ поръ не появились результаты этой дѣятельности мѣстныхъ раввиновъ, до сихъ поръ не обнародованы въ болѣе или менѣе стройной системѣ эти несомнѣнно любопытныя данныя о занятіяхъ еврейскихъ ремесленниковъ, по которымъ можно было бы сдѣлать весьма интересные и во многихъ отношеніяхъ полезныя выводы. Мы поэтому весьма признательны ковенскому раввину г. Шниткинду, доставившему намъ нижеслѣдующія полныя и вполне точныя свѣдѣнія о числѣ еврейскихъ ремесленниковъ въ Ковенской губерніи въ 1887 г. Сюда вошли все мѣстности этой губерніи, за исключеніемъ лишь мѣстечекъ Невырманъ и Колтынянъ, Россіенскаго уѣзда.

Весьма желательно было бы получить подобныя подробныя таблицы, обнимающія область всей губерніи, и отъ другихъ губернскихъ раввиновъ. Это составило бы весьма цѣнный статистическій матеріалъ, который, помимо всякихъ другихъ интересныхъ выводовъ и сравненій, на первомъ планѣ покажетъ какая дѣйствительная численность евреевъ въ чертѣ осѣдлости живетъ настоящею трудовою жизнью. Въ настоящее время, наглядное объ этомъ представленіе несомнѣнно имѣетъ свое значеніе.

Вотъ эти данныя о Ковенской губерніи:

Свѣдѣнія о числѣ еврейскихъ ремесленниковъ въ Ковенской губерніи (за мѣсяцъ)

Название ремесленниковъ.	Е О					
	Городъ и уѣздъ Ковно.			Городъ и уѣздъ Вилкомиръ.		
	Число мастеровъ.	Число учениковъ.	Число учениковъ-подмастерьевъ.	Число мастеровъ.	Число дописчиковъ.	Число учениковъ.
1. Портные и портники	445	370	290	353	78	169
2. Шапочники и шляпочники	64	36	16	52	8	17
3. Мѣховщики и скорняки	12	5	—	2	—	4
4. Модисты и бѣлшвейцы	101	50	47	20	8	24
5. Приготавливающие искусственные цвѣты	8	—	3	—	—	—
6. Ткачи	1	—	—	11	—	1
7. Занимающиеся производствомъ ваты и войлочники	7	—	—	7	—	1
8. Перчаточники и перчаточницы	10	—	2	2	1	3
9. Сапожники, башмаковщики и заготовщики	380	169	141	336	37	153
10. Шорники, сѣдальники и чмодашники	19	8	8	29	8	12
11. Кожевники, дубильники и овчинники	66	7	5	46	20	22
12. Вязальщики, золотопшвы и позументчики	4	3	5	—	—	—
13. Красильщики	35	5	4	43	4	10
14. Переплетчики, футлярники, марбончики, линировщики и выдѣлывающіе гильзы	77	41	39	28	2	13
15. Наборщики, печатники и накладчики	34	2	19	3	2	2
16. Граверы, литографы и словолитчики	6	—	2	—	—	—
17. Каллиграфы, живописцы, скульпторы, архитекторы и землемѣры	3	1	—	2	—	—
18. Фотографы, ксилографы и циннографы	—	3	—	1	—	—
19. Часовыхъ дѣлъ мастера	30	4	18	14	2	7
20. Механики, оптики и рѣзчики печатей	11	1	—	3	—	—
21. Музыканты, мастера музыкальных инструментовъ и настройщики	31	—	—	30	1	1
22. Столяры и тюфячники	136	56	12	68	25	34
23. Товары (дерева, металл и рога), гребенщики и зонтичники	41	3	3	47	7	3
24. Кузнецы, слесари и ножовщики	106	56	36	128	18	6
25. Мѣдники, котельники, жестяники, оловячники и точильщики	84	24	10	52	7	2
26. Бронзовщики, литейщики, ламповщики	11	1	—	5	2	—
27. Золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и ювелиры	18	8	11	10	—	—

¹ Въ этой графѣ показано общее число мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ и ремесленниковъ по степенямъ.

счисленіемъ мѣстеченъ Вевырманъ и Колтынянъ Россіенскаго уѣзда) въ 1887 г.

ВЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.															Итого во всѣхъ губерніяхъ.
Городъ и уѣздъ Ново-Александр.			Городъ и уѣздъ Поневѣжъ.			Городъ и уѣздъ Россіенъ.			Городъ и уѣздъ Тельши.			Городъ и уѣздъ Шавли.			
Число мѣсто-розовъ.	Число подмас-терьявъ.	Число учени-ковъ.	Число мѣсто-розовъ.	Число подмас-терьявъ.	Число учени-ковъ.	Число мѣсто-розовъ.	Число подмас-терьявъ.	Число учени-ковъ.	Число мѣсто-розовъ.	Число подмас-терьявъ.	Число учени-ковъ.	Число мѣсто-розовъ.	Число подмас-терьявъ.	Число учени-ковъ.	
430	114	126	671	1	—	427	207	217	583	26	138	881	147	298	5970
26	8	12	73	—	—	59	18	23	45	3	6	51	17	8	542
—	—	—	4	—	—	35	13	20	1	—	—	1	—	—	97
17	5	—	73	—	—	1	1	—	19	—	2	66	6	30	420
5	—	2	—	—	—	4	1	—	2	—	—	—	—	—	25
1	—	—	14	—	—	4	1	3	—	—	—	2	2	—	40
3	—	—	4	—	—	6	2	1	5	—	—	2	—	—	38
—	—	—	4	—	—	11	2	—	45	—	—	3	—	—	83
310	65	105	664	—	—	231	62	120	250	1	70	593	139	244	4070
17	—	2	23	—	—	9	2	1	18	5	3	15	—	2	181
39	6	2	50	—	—	51	22	10	48	—	17	51	13	17	492
3	—	—	1	—	—	1	—	—	1	—	1	4	—	—	23
41	2	6	81	—	—	38	5	6	4	—	—	42	4	11	341
33	7	8	37	—	—	32	9	16	27	1	4	44	8	14	440
3	2	2	5	—	—	1	4	—	1	—	3	1	2	2	88
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	10
4	—	3	12	—	—	3	—	—	3	—	—	2	—	1	34
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3	—	1	9
13	1	9	26	—	—	21	7	10	29	—	12	24	2	11	240
3	—	—	4	—	—	7	2	1	3	—	—	1	—	1	37
23	—	—	22	—	—	21	3	—	12	2	—	20	—	—	170
63	16	23	91	—	—	72	24	24	39	3	11	83	17	25	823
23	4	8	29	—	—	5	—	—	135	—	20	21	—	1	379
74	14	27	101	—	—	40	9	25	58	4	17	60	17	34	906
49	8	12	80	—	—	67	21	30	53	3	17	80	16	39	676
2	—	1	10	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	41
10	—	1	18	—	—	11	2	8	9	—	2	24	2	5	147

слѣдствіе того, что составители вѣдомости по Поневѣжскому уѣзду не классифицировали.

Названія ремесленниковъ.	Ж						
	Городъ и уездъ Ковно.			Городъ и уездъ Вилкомиръ.			
	Число мастеровъ.	Число подмастерьевъ.	Число учениковъ.	Число мастеровъ.	Число подмастерьевъ.	Число учениковъ.	Число учениковъ.
28. Плотники, пильщики, кровельщики и насосные мастера	147	68	19	148	16	1	1
29. Печники и каменщики	132	84	4	131	15	1	1
30. Кирпичники, каменотесы, изразцовые мастера, обжигатели извести, черепичники и гончары	119	5	—	136	11	5	5
31. Штукатуры, маляры, обойщики и стекольщики	130	54	37	114	22	3	3
32. Занимающиеся обработкою табачныхъ издѣлий (табако-крошители, сигарочники, папиросники и пр.)	366	—	—	18	2	1	1
33. Щеточники и сортировщики щетокъ	8	2	—	—	—	—	—
34. Веревочники	4	2	—	15	—	—	—
35. Льносортировщики и льнотрепальщики	51	—	—	209	20	5	5
36. Самотопники и свѣчки	29	4	—	21	—	—	—
37. Мыловары	1	1	—	1	—	—	—
38. Дегтярные, скипидарные и смолочуренные мастера	6	—	—	49	5	10	10
39. Приготовляющіе клей, лакъ, краски, сургучъ, чернила и ваксу	13	—	—	2	—	—	—
40. Мельники и выдѣлывающіе крупу	38	5	4	46	18	3	3
41. Рыбаки, мясники и колбасники	330	26	2	233	2	3	3
42. Булочники, хлѣбопеки, кондитеры и кухмистеры	445	9	5	190	52	4	4
43. Пивовары и медовары, солодовники, винодѣлы, винокуры, мастера дрожжей и шипучихъ водъ, уксусники и сыровары	99	13	4	88	5	1	1
44. Парикмахеры и парюльники	61	5	18	45	1	1	1
45. Садовники и огородники	338	—	—	213	9	1	1
46. Вондари, экипажные и повозочные мастера	32	5	1	8	—	—	—
47. Извозчики, легковые и ломовые, перевозчики чрезъ рѣки	509	—	—	250	23	2	2
48. Трубочисты, водолазы, дровосѣки, мостовщики, землекопы, камнебойщики, носильщики, чернорабочіе, прачки, коробейники.	595	7	1	352	6	—	—
49. Приготовляющіе матеріалы для связыванія сплавляемаго лѣса, связывающіе плоты и славщики таковыхъ	286	—	—	31	40	—	—

ВЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Городъ и уѣздъ Новоалександров.				Городъ и уѣздъ Почепъ.				Городъ и уѣздъ Россиѣн.				Городъ и уѣздъ Тельми.				Городъ и уѣздъ Шваги.				Итого во всей губерніи.
Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.	Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.	Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.	Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.	Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.	Число масте- роу.	Число подмас- терья.	Число учени- коу.			
97	16	26	54	—	—	263	126	150	164	3	22	288	55	90	1771					
94	13	21	106	—	—	120	68	97	67	3	14	103	4	13	1011					
128	18	9	127	—	—	109	16	32	57	—	—	119	9	6	951					
146	5	9	92	—	—	105	20	14	101	6	5	83	9	36	1021					
—	—	—	22	—	—	1	1	2	—	—	—	60	—	149	634					
1	—	—	32	—	—	51	6	3	128	19	16	54	—	8	328					
26	—	—	8	—	—	10	4	4	1	—	—	3	—	2	83					
184	—	1	87	—	—	186	86	27	103	—	2	82	12	10	1114					
23	—	—	13	—	—	49	7	5	23	—	—	29	—	3	208					
2	—	—	1	—	—	3	1	4	—	—	—	2	—	1	17					
16	—	—	12	—	—	28	4	2	6	—	—	8	—	—	156					
3	—	1	4	—	—	6	2	—	—	—	—	4	—	—	37					
44	5	3	42	—	—	107	39	77	31	2	4	62	8	1	568					
329	—	14	163	—	—	283	59	69	287	5	8	336	11	13	2203					
173	—	—	188	—	—	357	103	128	293	9	—	326	12	5	2344					
29	—	2	170	—	—	108	32	10	107	—	5	47	18	5	758					
31	—	3	59	—	—	52	7	14	38	1	1	44	3	2	395					
81	—	—	220	—	—	283	258	50	27	—	—	77	—	—	1571					
8	—	—	3	—	—	8	—	—	1	—	—	1	—	—	68					
185	—	—	309	—	—	268	13	58	253	6	18	314	—	—	2234					
234	—	—	213	—	—	689	18	5	514	—	—	80	2	—	2716					
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	357					

Общій итогъ всѣхъ еврейскихъ ремесленниковъ Ковенской губерніи (за исключеніемъ двухъ мѣстечекъ) составляетъ 36,977. Рѣшительно всѣ роды ремесленного труда имѣютъ среди евреевъ своихъ представителей, и между прочимъ такія отрасли этого труда, которыя куда тяжелѣе труда земледѣльческаго. Вдобавокъ, численность ихъ въ этихъ тяжелыхъ отрасляхъ отнюдь не минимальная и даже значительно превышаетъ численность ихъ въ болѣе легкихъ отрасляхъ.

Безпристрастные люди съумѣютъ вывести изъ этихъ данныхъ надлежащее заключеніе.

Ред.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ.

Тьма Египетская, романъ Вс. В. Крестовскаго, книга первая («Русскій Вѣстникъ» 1888 г., кн. 1—12).

Было время, когда обличительный романъ занималъ весьма видное мѣсто въ русской беллетристикѣ. Это было лѣтъ 20 — 30 тому назадъ, въ эпоху нашего общественнаго обновленія. Проснувшаяся общественная совѣсть, сознаніе негодности и несправедливости прежняго крѣпостническо-бюрократическаго порядка вещей и тѣ честныя стремленія «къ добру и правдѣ», которыя охватили въ то время всѣхъ лучшихъ русскихъ людей, — все это располагало къ самокритикѣ, къ самообичиванію, къ публичному покаянію въ своихъ прегрѣшеніяхъ. И сила чувства, вызывающаго такое расположеніе, была такъ велика, что обличеніе общественныхъ недуговъ, предпринятое во имя священнаго тогда принципа «гласности», выступило изъ тѣсныхъ рамокъ публицистики и ворвалось въ область болѣе страстнаго, беллетристическаго творчества. Тогда-то съ увлеченіемъ читались романы и повѣсти, обличавшіе различныя непривлекательныя стороны русскаго общественнаго строя: крѣпостническія вожделѣнія, произволъ и взяточничество чиновниковъ, бездушный канцелярскій формализмъ, сословныя предрасудки, испорченность воспитанія и т. п. — все это обличалось въ передовомъ лагерѣ во имя новыхъ преобразовательныхъ идей. Съ другой стороны, люди болѣе приверженные къ старинѣ или болѣе умѣренные, испугавшись внезапнаго натиска новыхъ идей и рѣзко-отрицательнаго направленія нѣкоторой части общества, стали съ неменьшею страстностью обличать самыя эти увлеченія и крайности, и обличали также въ романахъ и повѣстяхъ извѣстнаго пошиба. Каково бы ни было, однако, направленіе этой обличительной беллетристики, но самый фактъ ея существованія уже ясно свидѣтельствовалъ о присутствіи въ мыслящей части

общества честнаго стремленія къ самокритикѣ, сознанія недостатковъ и того «святого недовольства» собою, при которомъ, по выраженію поэта, «вѣтъ ни самообольщенія, ни застоя». Люди тогда сохраняли еще способность добросовѣстно искать причинъ своихъ общественныхъ неурядицъ въ своей же средѣ, въ своихъ собственныхъ недостаткахъ; они не имѣли еще дурной наклонности «кивать на Петра» и, выгораживая себя, валили вину на чеповинныя головы другихъ, «постороннихъ» людей. Больше правды, искренности и праведности было въ обществѣ и въ литературѣ,— вотъ что это значило.

То хорошее время давно миновало и на сѣбю ему настало другое время, съ иными общественными правами и наклонностями. Самокритика смѣнилась самовосхваленіемъ, «святое недовольство» собою — грубымъ самодовольствомъ, стремленіе обличать свои недостатки ради исправленія ихъ—умышленнымъ скриваніемъ своихъ пороковъ и стараніемъ во всемъ дурномъ винить другихъ. Измѣнили извѣстной заповѣди: перестали чувствовать бревно въ собственномъ глазу и стали замѣчать каждый сучокъ въ глазу ближняго, котораго по большей части и ближнимъ-то не признають, а называютъ просто «чужимъ». Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, стало обычнымъ приемомъ въ значительной части русской печати валить чуть-ли не все на «жида», дѣлать ответственнымъ за все зло, удручающее русскую землю, еврейскій народъ. Еврей сталъ козломъ отпущенія за грѣхи всероссійскіе. На нашихъ глазахъ повторяется печальное средневѣковое явленіе, прекрасно выраженное въ слѣдующемъ гекзаметрѣ:

*Pestis regnavit plebis quoque millia stravit,
Contremuit tellus—populusque crematur hebraeus* ¹.

Возмутительная травля евреевъ сдѣлалась спеціальностью многихъ органовъ печати, пользующихся, къ стыду нашему, наибольшимъ распространеніемъ. Газетная и журнальная публицистика получила рѣзкую юдофобскую окраску. Искреннее самообличеніе, не всегда удобное въ наше время, всестороннее и добросовѣстное изслѣдованіе причинъ нашихъ неурядицъ, составляющее задачу немногихъ честныхъ представителей печати,—все это заглушается безшабашнымъ боевымъ крикомъ литературныхъ сорви-головъ: «жидъ идетъ!», «долой жида!» Обличительный прогрессивный романъ уже давно вышелъ изъ моды; даже воинствующая бел-

¹ «Свершествовала-ли чума и губила тысячи людей, случались-ли землетрясенія,—всегда (за это) жгяцъ евреевъ».

летристика «охранительная» (антиингилистическіе романы, etc.) задула какъ-то въ послѣдніе годы. За то, какъ вѣрный признакъ времени, нарождается на нашихъ глазахъ новый типъ обличительнаго романа — *романъ юдофобскій*. Явленіе это, конечно, вполне законное и понятное: если существуютъ и процвѣтаютъ въ столь громадныхъ размѣрахъ юдофобская публицистика, то почему бы не быть и беллетристичѣ юдофобской? Если всѣ чашія лучшихъ людей прежняго времени, если всѣ ихъ стремленія къ самонаправленію вытѣснены теперь въ публицистикѣ безчеловѣчною травлею евреевъ, то почему бы и въ изящной словесности не господствовать обличительному юдофобскому роману, который такъ хорошо гармонировалъ бы съ духомъ нашего времени? Это выходитъ вполне логично, и весьма возможно, что мы — *nil admirari!* — будемъ вскорѣ свидѣтелями такому явленію.

Въ этой отраднѣ надеждѣ укрѣпляютъ насъ, кромя изложенныхъ сейчасъ теоретическихъ соображеній, и кой-какія фактическія данныя. До самаго послѣдняго времени юдофобская «беллетристика» ютилась почти исключительно въ задворкахъ литературы, въ лубочныхъ изданіяхъ разныхъ Прѣсныхъ и Леукиныхъ, или же въ худшихъ еще издѣліяхъ Окрейцовъ, Пономаревыхъ и К^о, сдѣлавшихъ себѣ изъ этого выгодный промыселъ. Юдофобскіе «романы и повѣсти», съ позволенія сказать, этихъ господъ были ни что иное, какъ бездарныя и безграмотныя произведенія, полныя всевозможныхъ, или даже невозможныхъ кровавыхъ ужасовъ прямо заимствованныхъ изъ твореній въ родѣ «Похожденій Рокамболя» и кое-какъ пристегнутыхъ къ еврейскимъ именамъ. Всѣ эти произведенія предназначались для извѣстнаго сорта „публики“ и нѣгли такъ мало общаго съ литературой, что и намъ никогда не приходило и не придетъ въ голову считаться съ ними. Но вотъ обличительный анти-еврейскій романъ забрался въ болѣе высокія литературныя сферы, гдѣ онъ невольно обращаетъ на себя наше вниманіе, съ одной стороны, какъ знаменіе времени, а съ другой — какъ зародышъ, предвѣщающій дальнѣйшее развитіе. Мы говоримъ о романѣ Всеволода Крестовскаго «Тыя Египетская», первая книга котораго, составляющая нѣчто законченное, напечатана въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» за минувшій годъ ¹. Правда, и «Русскій Вѣстникъ», и г. Крестовскій занимаютъ въ литературѣ особое, исключительное положеніе, и произведенія ихъ не могутъ служить общими мор-

¹ Когда писались эти строки, мы получили объявленіе, что книга эта вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

нами, опредѣляющими характеръ всей литературы или хоть значительной ея части; но въ данномъ случаѣ эта исключительность не имѣетъ значенія. Дѣло въ томъ, что почтенный консервативный органъ (новѣйшей редакціи), равно какъ его присяжный беллетристъ, руководятся въ еврейскомъ вопросѣ тѣми же юдофобскими воззрѣніями, какія господствуютъ нынѣ въ большей части періодической печати, а потому съ этой именно стороны названный нами романъ можетъ считаться вполне характернымъ въ смыслѣ современности, а пожалуй, и внушительнымъ примѣромъ для будущаго.

Романъ г. Крестовскаго имѣетъ свою маленькую исторію, не лишнюю интереса. Извѣстно, что первыя главы этого романа напечатаны были въ «Русскомъ Вѣстникѣ» редакціи Каткова еще въ 1881 году, но тогда же печатаніе романа было прервано. Вотъ что заявляетъ по этому поводу г. Крестовскій: «Начатый печатаніемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1881 года, романъ этотъ былъ приостановленъ мною самимъ, вслѣдствіе оказавшагося скорѣ несогласія моихъ взглядовъ на еврейскій вопросъ, положенныхъ въ основу этого моего произведенія, со взглядами на тотъ же вопросъ бывшей редакціи, а потому въ виду моихъ давнишнихъ добрыхъ отношеній къ означенной редакціи, съ которою по всѣмъ остальнымъ вопросамъ былъ вполне солидаренъ, я предпочелъ отложить печатаніе романа до болѣе удобнаго случая, тѣмъ болѣе, что вопросъ еврейскій всегда останется вопросомъ живымъ и современнымъ». «Удобный случай» насталъ, значить, для автора «Тыи Египетской» въ 1888 г., со смертію Каткова и съ переходомъ его журнала подъ другую редакцію. Великій вождь русскаго консерватизма съ свойственною ему политическою прозорливостію полагалъ, что травля евреевъ новорна и вредна для Россіи, и потому не остановился даже предъ тѣмъ, чтобы прекратить начатый уже печатаніемъ въ его журналѣ романъ, какъ только замѣтилъ въ послѣднемъ юдофобскую тенденцію. Наслѣдники же Каткова, несравненно менѣе даровитые и менѣе твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, не устояли противъ моднаго теченія и присоединились къ той литературной толпѣ, которая травлю евреевъ только и живетъ и которая покойнымъ публицистомъ всегда третировалась en canaille...

Въ чемъ же, однако, состоитъ юдофобская тенденція г. Крестовскаго и какъ онъ ее проводитъ въ своемъ романѣ? Основаны ли обличенія романиста на дѣйствительныхъ фактахъ изъ еврейской жизни, имъ самимъ наблюденныхъ, или же онъ черпалъ свое вдохновеніе не прямо изъ жизни,

а изъ какихъ-то другихъ источниковъ? Вотъ вопросы, отвѣты на которые должно дать ближайшее разсмотрѣніе романа «Тьма Египетская», къ которому мы постараемся отвѣстись вполне серьезно, не разбирая заранее заслуживаетъ-ли онъ этого, или нѣтъ. §

Основная тенденція романа уже ясно намѣчена въ первыхъ двухъ главахъ его, служащихъ какъ бы прелюдией. Въ первой главѣ, носящей названіе «Шаббось-Коденъ», описываются подробнѣйшимъ образомъ приготовленія къ субботѣ въ одномъ еврейскомъ семействѣ, проживающемъ въ губернскомъ городѣ Украинскѣ и состоящемъ изъ старика Соломона Бендавида, богача и талмудиста, его жены Сарры, внучки Тамары и родственника гимназиста Айзика Шацкера. Описаніе это, въ которомъ есть много вѣрныхъ указаній, но не мало также и курьезныхъ ошибокъ, испещрено еврейскими терминами въ родѣ «балбоста», «хале», «докшень», «Морейне» etc., смыслъ которыхъ подробно, иногда съ ссылками на Талмудъ, очевидно заимствованными изъ десятыхъ рукъ, объясняется въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, занимающихъ въ первой главѣ больше мѣста, чѣмъ текстъ. Ниже мы увидимъ, насколько серьезны ученость г. Крестовскаго и его знаніе еврейскихъ обычаевъ, а пока пойдемъ дальше въ изложеніи содержанія романа. Вслѣдъ за описаніемъ приготовленій къ субботѣ идетъ описаніе вечерней субботней трапезы, за которой присутствуетъ, кромѣ названныхъ членовъ семейства, еще одно новое лицо, рабби Ионасанъ Ламданъ, старикъ-нищій, слышій большимъ богословомъ и проповѣдникомъ. По окончаніи трапезы, этотъ Ионасанъ, по просьбѣ хозяина, произноситъ обширную рѣчь, которой посвящена вся вторая глава романа. Въ рѣчи этой или «словѣ», какъ высокопарно называетъ ее авторъ, бѣдный украинскій талмудистъ говоритъ... о чемъ бы вы думали?—о «задачахъ и значеніи еврейства въ мірѣ» и о будущности евреевъ согласно указаніямъ Священнаго Писанія. Еврейскій провинціальный проповѣдникъ съ пафосомъ и политическимъ глубокомысліемъ, достойнымъ какого нибудь Бисмарка, развиваетъ мысль о томъ, что еврейству необходимо стремиться къ власти надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, къ порабощенію послѣдняго посредствомъ присвоенія себѣ всѣхъ его богатствъ. Эта странная, фантастическая мысль о тайномъ всемірномъ господствѣ или «міродержавствѣ» евреевъ, невѣдомо какъ зародившаяся въ головѣ какого-то полусумасшедшаго фантазера и затѣмъ ставшая общимъ мѣстомъ антисемитической литературы,—эта нелѣпая мысль влагается авторомъ въ уста рабби Ионасану и выражается въ патетическихъ фразахъ въ родѣ слѣдующихъ: «Госимъ укоряють

насъ (евреевъ), что мы любимъ золото (какъ будто очи сами не любятъ его!). Да, мы любимъ золото, мы *обязаны* любить его! Ибо золото—сила. Мы любимъ золото, потому что это металлъ чистый и твердый, какъ должна быть чиста и тверда душа еврей!... «Современный нашъ гордый Фараонъ, это «христианство», являющее себя царемъ земного мира, развѣ не тщилось оно въ теченіе 18-ти столѣтій держать насъ въ политическомъ нерабоченіи, не допускать насъ до сравненія въ гражданскихъ правахъ съ собой? И что же въ концѣ концовъ мы видѣли? Постепенное съ теченіемъ вѣковъ накопленіе богатствъ всего мира въ рукахъ евреевъ, постепенное овладѣваніе рынками и биржами старого и новаго свѣта, пока наконецъ не сдѣлались мы финансовыми владыками вселенной. Банкирскій домъ бароновъ Ротшильдовъ—вотъ достойный отвѣтъ Израиля акиамъ за всѣ нѣтъ-нѣтъковыя неправды и утѣсенія народа, избраннаго Богомъ»... «Всегда, вездѣ и повсюду мы были только пришельцами и—зачѣмъ скрывать отъ самихъ себя?—пришельцами нежелаемыми, повсюду отвергаемыми, пришельцами злыми, жестокосердыми (!). Вспомните, еще древле, гдѣ хитростью и коварствомъ, гдѣ открытымъ насильствомъ врываются евреи въ земли чуждыхъ имъ и осѣдлыхъ народовъ»... «Еврейство отнюдь не должно стремиться къ восстановленію своего древняго царства въ Палестинѣ. Нѣтъ, сѣть-еврейства должна покрыть всѣ обитаемыя страны. Еврей въ Канадѣ, еврей въ Самаркандѣ, еврей въ Новой Зеландіи и еврей въ Эйшишкахъ должны быть повсюду одинъ и тотъ же, братственный, какъ единоутробный (?), цѣпкій какъ репейникъ, взаимно другъ друга поддерживающій, защищающій, охраняющій, покрывающій взаимные грѣхи и прорѣхи и стремящійся къ одной и той же завѣтной цѣли. Овладѣвайте биржей и торговлей, арендуйте земли, уголья, дома, заводы и фабрики; овладѣвайте печатью и законодательствомъ; забирайте въ свои руки всяческіе акцизы, откупа, монополіи, желѣзныя дороги, парокходства, акціонерныя компаніи, подряды и поставки, забирайте себѣ судъ, адвокатуру, науку и искусство; словомъ—дѣйствуйте во всѣхъ направленіяхъ и всяческихъ путяхъ, руководствуясь не желѣзомъ, а золотомъ, не мечомъ, а карманомъ! Вотъ, что должно быть нашимъ общимъ, разумнымъ девизомъ!»...

Мы привели только самые существенные отрывки изъ длинной, занимающей больше десяти страницъ рѣчи рабби Ионаана, или, точнѣе, самого г. Крестовскаго, который ради пушлага эффекта, очевидно, облекся при произнесеніи своей собственной проповѣди въ длиннополую хламиду и «штраймелъ» раввина. Г. Крестовскаго постигла, однако, горь-

кая участь известнаго чорта въ сказкѣ, который, обратившись въ человѣка съ цѣлью напавостить людямъ, забылъ скрыть свои куринныя ножки, вслѣдствіе чего тотчасъ же былъ узнавъ и пойманъ. Подлинный авторъ рѣчи такъ неуклюже замаскировался, что незаметно для самого себя ставляетъ своего подставнаго оратора, рабби Ионасана, изъ приличнаго ему панегирическаго тона въ обличительный, враждебный еврейскій тонъ (какъ, напримеръ, въ тѣхъ выраженіяхъ, гдѣ ораторъ честитъ еврею именованъ «злыхъ, жестокосердыхъ», дѣйствующихъ «хитростью и коварствомъ»), и тѣмъ выдаетъ себя головою. Впрочемъ, мы сдѣлали г. Крестовскому слишкомъ много чести, признавъ его подлиннымъ авторомъ рѣчи: на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Читавшіе въ эту рѣчь, мы замѣтили, что не только по духу своему она заимствована изъ антисемитическихъ изданій (это бросается въ глаза), но что добрая ее половина совершенно тождественна и по формѣ съ нѣвѣстной «рѣчью раввина» въ скандальной книгѣ Вольскаго «La Russie juive», переведенной года два тому назадъ на русскій языкъ ¹. Въ виду того, что романъ г. Крестовскаго (по крайней мѣрѣ начало его) написанъ еще раньше появленія оригинала книги Вольскаго, приходится приписать очевидное тождество въ указанномъ пунктѣ между обѣими книгами тому обстоятельству, что оба автора черпали изъ одного и того же источника. Источникъ же этотъ въ свое время былъ разоблаченъ и оказался какинъ-то плохимъ полуфантастическимъ нѣмецкимъ романомъ нѣкоего Джона Редклифа, гдѣ проповѣдь о завоеваніи міра евреями вложена авторомъ въ уста одного изъ своихъ героев ². И такъ, въ данномъ случаѣ доказано, что г. Крестовскій слѣдовалъ по прототипнымъ колеямъ и бралъ свой матеріалъ изъ подозрительныхъ книжекъ, за неимѣніемъ такового въ дѣйствительной еврейской живни.

Ограничиваясь этимъ указаніемъ, мы вовсе не намѣрены вступать здѣсь въ неумѣстную полемику по существу по поводу нелѣпаго «принципа», навязаннаго еврею въ подложномъ «словѣ рабби Ионасана», тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу мы уже отчасти это сдѣлали ³. Да и, по правдѣ говоря, совѣстно какъ-то и рассуждать о подобномъ абсурдѣ. Мнѣ о «еврейскомъ міродержавствѣ» есть одна изъ самыхъ забавныхъ и вѣстѣ съ

¹ См. разборъ ея въ „Восходъ“ 1887 г., кн. XI, въ „Литер. Лѣтописи“, стр. 8—20.

² Тамъ же, стр. 13.

³ Тамъ же, стр. 10—12.

тѣмъ непонятныхъ выдумокъ нашего XIX вѣка, вѣчто въ родѣ таинственныхъ мненьевъ о Вѣчномъ Жидѣ и о Летучемъ Голландцѣ, занимавшихъ праздныя умы два-три столѣтія тому назадъ. Если же въ настоящее время находятся легковѣрные люди, которые въ подобный маеъ вѣрятъ, то съ ними такъ же бесполезно спорить, какъ съ тѣми, которые вѣрятъ въ существованіе лѣшаго, домового, въ столоверченіе, вызваніе духовъ и тому подобныя нелѣпости.

Продолжаемъ прерванное изложеніе.

«Слово» Іонаеана, поправившееся старикамъ, т. е. Соломону Бендаvidу и его женѣ, производитъ не одинаковое впечатлѣніе на двухъ представителей молодого поколѣнія, выведенныхъ въ романѣ—на гимназиста Айзика Шацкера и Тамару. Первый, выставляемый авторомъ какимъ-то изувѣромъ и фанатикомъ (это гимназистъ-то!), приходитъ въ восторгъ отъ грандіознаго плана всемірнаго еврейскаго господства и готовъ расцѣловать рабби Іонаеана за его недоточивыя рѣчи; Тамара же, унылая и образованная дѣвушка, давно уже предубѣжденная противъ многого въ еврейской жизни, до глубины души возмущена этою грубою проповѣдью культа Маконы. Айзикъ шумно выражаетъ свой восторгъ, между тѣмъ какъ Тамара таитъ въ себѣ свое негодованіе, какъ таида многое другое отъ дѣдушки и бабушки, которыхъ она любила, но взглядовъ которыхъ не раздѣляла.

Еще одно, болѣе глубокое чувство таила въ своемъ сердцѣ молодая дѣвушка—чувство любви къ христіанину, графу Каржолю де-Нотреку, свѣтскому молодому человѣку, пріѣхавшему въ Украинскъ на временное жительство, съ цѣлью учредить тамъ водопроводное общество. Графъ былъ изъ прогорѣлыхъ кутилъ, человѣкъ пустой и нравственно ничтожный, не жившій за душою ничего, кромѣ внѣшняго свѣтскаго лоска. Этого-то внѣшняго лоска и плѣнилъ Тамару, которая послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ Каржолемъ въ украинскомъ «высшемъ обществѣ», увлеклась имъ со всѣмъ жаромъ первой любви, между тѣмъ какъ онъ, играя роль счастливаго влюбленнаго, цѣнилъ въ Тамарѣ не ея умъ или красоту, а только ея огромное, миллионное состояніе, оставленное ей покойнымъ отцомъ, вѣскимъ банкиромъ, и хранившееся у ея дѣда, Соломона Бендаvidа. Деньги Тамары крайне нужны были запутавшемуся въ дѣлахъ графу и, чтобы добиться этихъ денегъ, разумѣется, вѣстѣ съ рукою Тамары, онъ не остановился даже передъ измѣною другой, любимой имъ и любившей его дѣвущкѣ, генеральской дочери Ольгѣ Уховой, приданое которой не могло идти ни въ какое сравненіе съ огромнымъ приданнымъ Та-

мары. Любовь богатой еврейской дѣвушки была, значить, какъ разъ на руку Каржолу, и вполне отвѣчала его завѣтной цѣли, которой онъ и рѣшилъ добиваться во что бы то ни стало. На пути къ этой цѣли лежали огромныя препятствія: разница вѣроисповѣданія, сопротивленіе родныхъ и опекуновъ Тамары, которые несомнѣнно сочтутъ рѣшеніе ея выйти замужъ за не-еврея чѣмъ-то ужаснымъ и безумнымъ, невозможность брака безъ перехода Тамары въ христіанство и т. п., но самая цѣль была такъ заманчива, что для достиженія ея стоило принести самыя большія жертвы. И вотъ Каржоль сталъ дѣйствовать.

Въ ночь, послѣдовавшую за описаннымъ выше субботнимъ вечеромъ, въ моментъ, когда все въ домѣ Бендавида, за исключеніемъ Тамары, поконилось безмятежнымъ сномъ, происходить въ саду, прилегавшемъ къ дому, тайное и торжественное свиданіе «влюбленныхъ». Каржоль явился къ Тамарѣ за рѣшительнымъ отвѣтомъ—любитъ-ли она его и согласна-ли, ради брака съ нимъ, перейти въ христіанство. Вопросъ о любви, конечно, не подлежать спору: Тамара любитъ Каржолу, любитъ страстно, и высказываетъ это самымъ рѣшительнымъ образомъ; но вопросъ о переходѣ религіи вызываетъ въ ея душѣ цѣлую бурю сомнѣній. Эти сомнѣнія уже давно ее мучили: ей собственно не жаль было разстаться съ иудействомъ, котораго она уже давно не долюбивала за его «сухой формализмъ» и которому она предпочитала христіанство, послѣ того какъ начиталась Евангелія и «просвѣтлѣла душой»; но ей тяжело было нанести своимъ шагомъ такой тяжелый ударъ добрымъ своимъ старикамъ, которые горячо ее любили и которыхъ она также любила. А между тѣмъ тутъ же надъ нею стоялъ Каржоль и, шепча ей слова любви, настойчиво требовалъ рѣшительнаго отвѣта: «да или нѣтъ», давая понять, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта этому свиданію суждено быть послѣднимъ. Эта энергичная тактика подѣйствовала: заглушивъ въ себѣ и голосъ разсудка, и всѣ прочія чувства привязанности, Тамара рѣшается наконецъ на роковой шагъ. Каржоль обѣщаетъ переговорить съ игуменшею мѣстнаго монастыря о предоставленіи Тамарѣ временнаго помѣщенія въ обители до принятія крещенія, и затѣмъ, когда все дѣло уладится, пріѣхать за своей возлюбленной ровно черезъ недѣлю, ночью, для того, чтобы увести ее въ монастырь. Съ тѣмъ они и расстаются.

Судьбѣ, однако, угодно было ускорить роковой моментъ. Послѣднія объясненія влюбленныхъ были подслушаны коварнымъ Аяшкомъ, который самъ былъ влюбленъ въ Тамару и давно ревниво слѣдилъ за каждымъ ея

шагомъ. По уходѣ Каржеля, онъ выѣзжаетъ изъ своей тайной засады и съ злорадствомъ объявляетъ оторопѣвшей Тамарѣ, что ему все извѣстно и что завтра же онъ откроетъ все старикамъ. Этотъ внезапный оборотъ дѣла, грозившій разрушить всѣ планы Тамары, устрашаетъ молодую дѣвушку и она прибѣгаетъ къ хитрости. Она притворяется убѣжденною доводимъ Айзика, увѣряетъ его въ своемъ раскаяніи, въ намереніи оставить безумное увлеченіе, и ласковыми рѣчами ей удается усмирить фанатическую ревность своего несчастнаго обожателя. Не отводя такимъ образомъ глаза Айзику, она въ душѣ рѣшается приступить къ дѣлу немедленно, въ эту же ночь, для того, чтобы ея тайна не стала извѣстною, прежде чѣмъ она что либо сдѣлаетъ. Вернувшись къ себѣ въ комнату, она наскоро укладываетъ необходимѣйшія вещи въ узелокъ и крадучись пробирается черезъ окно въ садъ, а оттуда на улицу, и направляется прямо къ дому Каржеля. Послѣдній нѣмъ въ это время «нелюбовное» объясненіе съ отставной своей возлюбленной Ольгю Уховой, и неожиданное появленіе Тамары крайне его смущаетъ. Тамара объявляетъ ему причину своего внезапнаго ночного посѣщенія и проситъ его тотчасъ же идти съ нею въ монастырь. Каржель исполняетъ ея волю и, послѣ разныхъ мытарствъ, уже къ утру, понадевъ съ собою спутницей въ покой игумена. Почтенная матушка Серафима сначала наотрѣвъ отказываетъ Каржелю въ принятіи Тамары въ обитель, объясняя это опасеніемъ нести со стороны «еврейскаго кагала», но наконецъ не можетъ устоять противъ слезной мольбы самой дѣвушки и соглашается временно принять ее.

За тихую, но богатую событіями ночью настаетъ шумный день, въ который эти событія обнаруживаются и производятъ всеобщее замѣшательство. Вѣсть о бѣгствѣ Тамары въ монастырь, распространившись къ утру благодаря речію Айзика, производитъ страшный переполохъ не только въ домѣ Бендавида, но и во всей украинской еврейской общинѣ. И въ то время какъ Каржель, выбиваясь изъ силъ, бѣгаетъ и хлопочетъ передъ духовною властью о скорѣйшемъ принятіи Тамары въ лоно церкви, желая ускорить бракъ съ нею, въ это время просыпается и вступаетъ съ нимъ въ борьбу «страшный кагалъ». Кагалъ прежде всего отражаетъ своихъ вояковъ для осады дома Каржеля, дабы вынудить у послѣдняго признаніе, куда онъ скрылъ Тамару. Затѣмъ происходитъ въ синагогѣ въ ту же субботу торжественное засѣданіе кагала, который разрѣшилъ себѣ въ данномъ случаѣ нарушить святость субботняго дня, въ виду «аунусь нефо-

шесть»¹, т. е. опасности, грозящей душѣ еврейской, готовой совертнуться съ пути истины. Послѣ долгихъ совѣщаній и формальнаго слѣдствія, ужасное описаніе конитъ занимаетъ самую обширную главу въ романѣ, «великій совѣтъ кагала» рѣшаетъ принять всѣ зависящія ивры къ освобожденію Тамары изъ монастыря и къ немедленному удаленію Каржолы, виновника ея заблужденія, изъ города. Для достиженія первой цѣли дѣлается попытка подкупить архіерейскаго секретаря, изъявляющаго готовность за нѣсколько тысячъ содѣйствовать освобожденію Тамары изъ монастыря. Для удаленія же Каржолы изъ города кагалъ заставляетъ Соломона Бендавида скупить у кредиторовъ графа всѣ его векселя и денежные обязательства на огромную сумму денегъ, и снаряжаетъ къ графу двухъ денутатовъ съ предложеніемъ: или тотчасъ увалить по векселямъ, или же немедленно покинуть городъ. Такъ какъ первое оказалось невозможнымъ при плохихъ финансахъ графа, то пришлось, во избѣжаніе скандала, который бы повернулъ все дѣло, согласиться на отъѣздъ изъ города въ тотъ же вечеръ, съ обязательствомъ никогда туда не возвращаться и не имѣть никакихъ претензій ни на руку Тамары, ни на ея капиталъ, причемъ «на подъемъ» Каржолу была выдана кагаломъ солидная сумма. Спустя нѣсколько часовъ, графъ, въ сопровожденіи конвоя отъ кагала, усаживается въ вагонъ и летитъ вонъ изъ Украинска. Что же касается освобожденія Тамары, то и тутъ дѣла кагала сначала идутъ на ладъ, и его агентамъ удается склонить на свою сторону не только архіерейскую канцелярію, но даже самого губернатора. Однимъ словомъ, все сложилось было самымъ благоприятнымъ образомъ для украинскаго еврейства, какъ вдругъ грянулъ громъ. Въ воскресное утро, послѣдовавшее за этой памятной субботой (всѣ описанныя дѣйствія происходили въ одинъ день), въ городѣ произошелъ еврейскій погромъ. Причиной погрома была будто бы все та же Тамарина исторія. Кучка евреевъ осаждала монастырь, гдѣ находилась Тамара, и грубо, съ оскорбленіями, выражала свой протестъ противъ монастырскаго начальства. Въ тотъ же моментъ среди базарной толпы, состоявшей изъ пріѣзжихъ крестьянъ, шумѣлъ былъ слухъ, что «жиды нашихъ бьютъ». Толпа устремилась къ монастырю, произошла свалка, за которою послѣдовалъ страшный погромъ всѣхъ еврейскихъ домовъ въ городѣ. Погрома не избѣгъ и Соломонъ Бендавидъ, сидѣвшій въ этотъ моментъ у смертнаго

¹ Такъ пишетъ г. Крестовскій вмѣсто дѣйствительнаго термина „саконосность“.

одра своей жены Сарры, которую вѣсть о побѣгѣ Тамары уложила въ постель. Для пущаго пораженья кагала, растерявшася отъ неожиданной катастрофы, Тамара въ тотъ же день также ускользнула изъ-подъ его надзора. Дѣло въ томъ, что игуменья Серафима, испугавшись происковъ евреевъ и благосклонности къ нимъ начальства, еще наканунѣ послала въ Петербургъ телеграмму къ одному высокопоставленному лицу съ просьбою принять новообращаемую Тамару подъ свое покровительство. На слѣдующій день получился благоприятный на эту просьбу отвѣтъ съ приглашеніемъ Тамары въ Петербургъ. Тотчасъ же Тамара была снаряжена въ путь и незамѣтно для «кагалъныхъ аргусовъ» выбралась изъ Украинска и отправилась въ столицу, гдѣ ее ждала «новая жизнь». На этомъ моментѣ и обрывается пока главная нить романа, продолженіе котораго должно вести насъ уже въ совершенно ную общественную сферу, съ иными складомъ жизни и понятій.

Предшествующее изложеніе (сдѣланное en serieux и по существу, съ опущеніемъ многихъ курьезовъ, о коихъ упомянуто будетъ послѣ) показало намъ, въ чемъ состоитъ главная обличительная тенденція романа г. Крестовскаго. Она состоитъ въ обличеніи еврейской обособленности и солидарности, поддерживаемой мощною организаціей въ образѣ всемірнаго, ужаснаго «кагала». Но эта тенденція совершенно ошибочная, ибо фактъ, служащій ей основаніемъ, есть ничто иное, какъ большой анахронизмъ: это—старый историческій фактъ, перенесенный, по невѣднію, въ современность. Кагала въ 1876 г. (когда происходитъ дѣйствіе романа) не могло быть нигдѣ въ томъ страшномъ видѣ, въ какомъ представляетъ его г. Крестовскій. Авторъ, очевидно, замѣшатель въ своихъ свѣдѣніяхъ не прямо изъ наблюденій надъ жизнью евреевъ, какъ подобаетъ серьезному романисту, а исключительно изъ книгъ въ родѣ памфлетовъ Брафмана (на котораго онъ ссылается), а потому принималъ давнопрошедшее за настоящее. Глава, описывающая въ столь ужасныхъ краскахъ «великій совѣтъ кагала», заимствована отчасти изъ такого рода книжекъ, отчасти же изъ описаній средне-вѣковыхъ инквизиціонныхъ судилищъ, но никакъ не изъ дѣйствительной современной жизни евреевъ. И въ самомъ дѣлѣ, это торжественное заведеніе въ синагогѣ, «за длинными столами, покрытыхъ синими сукномъ» и уставленнымъ всѣми канцелярскими принадлежностями (это въ синагогѣ-то и въ день субботній!); этотъ «овъ-бейсъ-днѣ» съ «высокими посохомъ» въ рукахъ, повелительно призывающій «къ пречистому кагалъному столу» подсудимыхъ и свидѣтелей; это комичное преданіе «хериму» настоятель-

ницы иѣстнаго монастыря за укрывательство Тамары (одно изъ рѣшеній, принятыхъ кагаломъ); всѣ эти высокопарныя рѣчи и воинственные приказы «искоренять, преслѣдовать, освобождать», весь этотъ страшный «приговоръ» съ пунктами и примѣчаниями, который *писывается* въ актовую кагалъ-ную книгу и *подписывается* раввинами и почетнѣйшими лицами города въ день субботній, — развѣ есть во всемъ этомъ хоть капля вѣроятности и бытовой правды? Не только современность, въ которой ничто подобное немыслимо, но даже исторія значительно исковеркана въ этомъ описаніи. Никто изъ самихъ евреевъ не станетъ отрицать — и это поневолѣ придется повторить въ тысячу первый разъ — что кагалъ у насъ въ теченіе очень долгаго времени (слишкомъ двухъ столѣтій) существовалъ, сначала подъ покровительствомъ польскаго, а затѣмъ и русскаго правительства; что до начала настоящаго столѣтія онъ игралъ роль не только фискальнаго агента правительства, но также органа еврейскаго самоуправленія и суда, отъ чего происходили часто страшныя злоупотребленія, отъ которыхъ больше всего страдала еврейская масса, подавленная своею внутреннею олигархіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій знающій еврейскій бытъ могъ бы увѣрить г. Крестовскаго, что въ настоящее время кагалъ считается повсюду давно похороненнымъ учрежденіемъ, упраздненнымъ *фактически*, не благодаря «указамъ», а только въ силу общаго теченія жизни. Даже слово «кагалъ» мало-по-малу выходитъ изъ употребленія въ еврейской рѣчи. Нынѣ существуютъ разныя синагогалныя и религіозныя братства, какія нынѣшныя у всѣхъ русскаихъ иновѣрныхъ исповѣданій, но нѣтъ кагала въ смыслѣ органа власти. Существующія у евреевъ религіозныя братства, какъ всѣ безконтрольныя учрежденія, могутъ имѣть, конечно, свои недостатки, вредно отражающіеся на нѣкоторыхъ сторонахъ внутренней еврейской жизни. Мы сами готовы подписаться подъ тою возмутительною картиною порядковъ еврейскихъ погребальныхъ братствъ, которую такъ мастерски нарисовалъ г. Крестовскій въ 18-й главѣ своего романа. Мы отъ души негодуемъ на тѣ злоупотребленія, на тотъ кощунственный торгъ молитвами и «алиями», которые, благодаря невѣжеству и недобросовѣстности синагогалныхъ старостъ, позорятъ наши молитвенные дома. Мы съ болью въ сердцѣ — и помимо обличеній г. Крестовскаго — думаемъ о нѣкоторыхъ искаженіяхъ чистой религіозной идеи іудаизма въ современномъ быту евреевъ... Но вѣдь это горе — *наше*, еврейское, внутреннее горе. Мы одни страдаемъ отъ разныхъ нашихъ неустройствъ, религіозныхъ и общественныхъ; мы одни падаемъ подъ «бременемъ тяжкимъ», завѣщаннымъ намъ

теннымъ прошедшимъ, мы одни—и никто кромѣ насъ!.. И если кому нибудь прилично обличать наши *внутренние* недостатки, то именно намъ самимъ, или другу, расположенному къ намъ и обличающему наши пороки со скорбью въ душѣ, ради исправленія ихъ, но не врагу, который можетъ относиться къ подобнымъ явленіямъ только съ несоквальною злорадствомъ, какъ это иногда дѣлаетъ г. Крестовскій.

Мы должны оговориться. Отрицая общій мнѣ о всевластїи кагала въ современномъ быту еврейскомъ, мы нисколько не думаемъ отрицать возможность въ жизни частнаго факта, въ родѣ инцидента съ Тамарою въ разсматриваемомъ романѣ. Весьма возможно и вѣрѣе случается въ жизни, что набожные евреи пытаются всѣми средствами, законными и незаконными, освободить изъ монастыря того изъ своихъ единовѣрцевъ, который прїятелю тамъ съ цѣлью приготовленія ко крещенію. Всякой религїи, къ несчастію, свойственно внушать своимъ приверженцамъ, что она одна—истинная, а всѣ прочія религїи—ложь и заблужденіе. Подобныя внушенія крайне вредно отражаются на людяхъ ограниченныхъ, простыхъ, которыхъ они иногда подвигаютъ на скверныя дѣла и насилія. Не только въ средѣ евреевъ, но и въ средѣ христіанъ или мусульманъ вполнѣ возможны такія насилія. Если готовую принять православіе Тамару еврей стараются освободить изъ монастыря съ цѣлью спасти ея душу для едино-истинной, по ихъ мнѣнію, еврейской вѣры, то не то же-ли бы сдѣлали и не-еврей, еслибъ изъ единовѣрецъ скрылся въ еврейской синагогѣ для приготовленія къ принятію еврейства? Навѣрное сдѣлали бы, и сдѣлали бы, пожалуй, нѣчто гораздо худшее: разгромили бы и синагогу, и весь городъ, и освободили бы своего, готоваго отступить отъ едино-истинной, по ихъ мнѣнію, религїи ради принятія «лжеученія іудейскаго». Христіане, на сторонѣ которыхъ и сила и законъ, употребили бы при этомъ открытое насиліе, между тѣмъ какъ безсильные еврей дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ тайно, изъ опасенія кары закона. *Мотивъ* у тѣхъ и у другихъ совершенно одинаковъ въ подобныхъ случаяхъ; психологія и нравственность не дѣлаютъ никакого различія между фанатикомъ-евреемъ и фанатикомъ-христіаниномъ; одинъ только внѣшній законъ (и то исключительно русскій) дѣлаетъ различіе между поступками такого рода христіанина и еврея,—поступками, внушенными, повторяемъ, однимъ и тѣмъ же мотивомъ. И если бы г. Крестовскій былъ прокуроромъ какого нибудь русскаго окружнаго суда, мы бы еще повяли его одностороннее негодованіе въ данномъ случаѣ; но вѣдь онъ не болѣе какъ беллетристъ и говорить не на судѣ,

а въ романѣ, гдѣ въ соображеніе принимаются однѣ только психологическія и нравственныя нормы, а не полицейскій уставъ! Конечно, негодовать въ такихъ случаяхъ надо, и не столько негодовать, сколько скорбѣть, но и негодованіе и скорбь должны быть направлены не на случайныя орудія какого нибудь дурного принципа, а на самый принципъ и при *всѣхъ* условіяхъ его примѣненія. Въ эпизодѣ, описанномъ г. Крестовскимъ, негодованіе должно возбудить не столько поведеніе слѣпыхъ набожныхъ евреевъ, пытающихся вернуть Тамару въ іудейство, сколько тотъ принципъ, который продиктовалъ имъ такое поведеніе, — тотъ несчастный принципъ взаимнаго осужденія различныхъ религій, взаимнаго попреканія другъ друга во лжи и заблужденіи, который надѣлалъ столько зла въ мірѣ и, къ стыду нашему, дѣлаетъ до сихъ поръ... Нѣтъ, будемъ осуждать этотъ дурной принципъ, въ комъ бы онъ ни проявлялся: въ еврей, христіанинѣ, мусульманинѣ и язычникѣ! Будемъ осуждать нетерпимость, фанатизмъ и насиліе надъ совѣстью, въ какой бы средѣ они ни обнаруживались. И да не скажемъ мы въ одномъ случаѣ: «обращеніе», а въ другомъ: «свораченіе», въ одномъ случаѣ: «фанатизмъ», а въ другомъ: «рвеніе къ вѣрѣ»!.. Во имя братства людей и того общаго священнаго ядра, которое входитъ въ составъ *всѣхъ* религій, будьте безпристрастны въ столь важныхъ вопросахъ! Вспомните прекрасную Лессингову притчу о трехъ кольцахъ!..

Какъ печально, однако, какъ жалко то время, когда людямъ, представляющимъ собою вышнюю интеллигенцію, приходится доказывать истины столь простыя и элементарныя, составляющія азбуку гуманизма!..

И такъ, мы видѣли, что главная обличительная идея романа «Тьма Египетская» (власть кагала) есть ничто иное, какъ старый анахронизмъ, возведеніе въ «фактъ современности» отжившаго явленія, выуженнаго авторомъ изъ случайно и безъ разбора прочитанныхъ книгъ. Подобнымъ же образомъ оказался выдуманымъ и книжнымъ мнѣ о «міродержавствѣ евреевъ», столь подробно развитый авторомъ въ вышеразобранномъ «словѣ» рабби Ионаана. Но если такъ, то въ чемъ же, спрашивается, бытовая правда романа г. Крестовскаго? Не въ выведенныхъ-ли имъ лицахъ и характерахъ? Можетъ быть, хоть здѣсь авторъ черпалъ свой матеріалъ не изъ собственной фантазіи, или изъ подозрительныхъ книжекъ, а прямо изъ дѣйствительной жизни и непосредственныхъ надъ этою жизнью наблюденій. Посмотримъ.

Главное лицо въ романѣ—это, конечно, его героиня Тамара. Что изобразилъ или хотѣлъ изобразить въ этомъ лицѣ авторъ? Хотѣлъ-ли онъ

выставить въ Тамарѣ реальный *жизненный типъ*, образъ современной и просвѣщенной еврейской дѣвушки, или же онъ имѣлъ въ виду въ ея лицѣ выразить *отвлеченную идею*, какъ, напримеръ, ея нерасположеніе къ иудаизму и склонность къ христіанству?

Типичнаго въ Тамарѣ очень мало. Для типа недостаточно тѣхъ многихъ конкретныхъ чертъ, которыми характеризуетъ свою героиню авторъ. Все, что мы знаемъ о Тамарѣ изъ «Дневника», занимающаго почти треть всего романа, сводится къ тому, что она была дочь богатыхъ, очень богатыхъ родителей, дѣтство провела въ Вѣвѣ въ домѣ отца-банкира, выходца изъ Россіи, старавшагося дать ей «современное» воспитаніе; что образованіе она получила въ русской гимназій и юность провела въ домѣ дѣда-богача, упомянутаго уже Соломона Бендавида; что по окончаніи гимназій и послѣ внезапной смерти отца она вступила въ роль богатой невѣсты съ миллионнымъ приданымъ, и что въ этотъ періодъ своей жизни она собственно ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ своихъ сверстницъ-христіанокъ, полагая, подобно имъ, жизнь въ удовольствіяхъ, увеселеніяхъ, уживаніяхъ изящныхъ кавалеровъ etc. Въ этотъ именно моментъ, неопытная 19-лѣтняя Тамара встрѣчается съ блестящимъ, но пустымъ Каржолемъ и влюбляется въ него. Очевидно, что на основаніи всѣхъ этихъ банальныхъ чертъ нельзя признать Тамары типичною представительницею специально-еврейской женской молодежи нашего времени. Въ ней гораздо больше общихъ обыкновенныхъ чертъ, присущихъ всѣмъ дѣвушкамъ, даже не-еврейкамъ, ея состоянія и образованія. Она въ сущности мало чѣмъ отличается по характеру отъ своей гимназической подруги Ольги Уховой, которая только немного легкомысленнѣе ея. Вообще, Тамара—порядочная, *comme il faut*'ная дѣвушка богатаго круга. Авторъ могъ рисовать ее съ любой русской дѣвушки того же круга, съ прибавленіемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ чертъ, болѣе, впрочемъ, идейнаго, чѣмъ бытового свойства.

Но можетъ быть, этой-то именно идейной сторонѣ характера Тамары авторъ и придаетъ главное значеніе? Это весьма вѣроятно, судя по тому, что авторъ отводитъ такъ много мѣста въ «Дневникѣ Тамары» описанію того, какъ героиня постепенно проникается антипатіей къ еврейской религіи и какъ вмѣсто этого растетъ въ ней склонность къ христіанству. Какъ же совершается эта метаморфоза? А вотъ какъ. Тамара, не получившая никакого религіознаго воспитанія, какъ всѣ еврейскія дѣвушки въ консервативныхъ семействахъ, присматривается съ обрядамъ и обычаямъ евреевъ и находитъ въ нихъ много отталкивающаго. Она видитъ безобразную об-

становку и базарные порядки синагоги, возмутительный деспотизм погребального братства, непривлекательныя для эстетической природы формальности, которыми обставлены обряды обрѣзанія дѣтей и омовенія женъ,— и все это внушаетъ ей мысль, что весь еврейскій религиозный строй грубъ, ничтожно-мелоченъ и формаленъ. Еврейская религія, посколькy съ внѣшними ея сторонами ознакомилась Тамара, не удовлетворяла ея религиозному чувству. Въ этотъ именно моментъ она встрѣчается съ графомъ Каржоломъ, который даетъ ей для чтенія Евангеліе, дотолѣ ей совершенно незнакомое. Евангеліе, а затѣмъ и остальные книги Новаго Завета, на которыя она съ жадностью набросилась, прочитавъ ихъ тайкомъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, производятъ на нее чудесное дѣйствіе. Въ этихъ книгахъ она нашла то, чего искала: успокоеніе душевное и удовлетвореніе своему религиозному чувству. Она убѣдилась, что христіанство выше и лучше іудейства, и почувствовала влеченіе къ евангельской вѣрѣ. Къ этому присоединилась еще любовь къ Каржолу, поощрявшему ее къ переимѣннѣ религіи ради практическихъ цѣлей—и все это вмѣстѣ привело наконецъ Тамару на порогъ православной обители.

Такъ, въ общемъ, изображаетъ авторъ душевный процессъ, приведшій Тамару къ переимѣннѣ вѣры. Очевъ можетъ быть, что въ жизни встрѣчаются такія Тамары, хотя весьма сомнительно, чтобы такая Тамара, какъ и вообще всякая еврейская дѣвушка, знала бы о порядкахъ въ синагогахъ, гдѣ онѣ вовсе не бывають, въ погребальныхъ братствахъ и т. д. Но дѣло въ томъ, что авторъ тенденціозно старается вывести изъ этого неправильное, незаконное заключеніе. Онъ хочетъ показать читателямъ, что Тамара была абсолютно права въ своемъ сужденіи о сравнительномъ значеніи двухъ религій, и что не только въ глазахъ Тамары, но и въ глазахъ всякаго другого, болѣе развитаго человѣка, іудаизмъ не выдерживаетъ критики. Но вопросъ въ томъ—можетъ-ли воззрѣніе Тамары, вытекающее изъ особенныхъ условій ея жизни и доступныхъ ей ограниченныхъ знаній, служить какимъ нибудь *argumentum ad veritatem*? Чѣмъ вызвано воззрѣніе Тамары? *Всестороннимъ* сравненіемъ еврейства и христіанства? Нѣтъ, самымъ *одностороннимъ*, и даже неправильнымъ, незаконнымъ сравненіемъ. Тамара сравнивала между собою не *сущность* еврейства съ сущностью христіанства, а только идеальную, первоначальную сущность христіанства съ *нѣкоторыми несущественными и позднѣйшими обрядами еврейства*, т. е.

сравнивала между собою двѣ вещи совершенно разнородныя, а потому и несравнимыя. Въ томъ-то и дѣло, что Тамара о сущности еврейства не могла имѣть никакого правильнаго представленія, оттого что, въ силу достойнаго осужденія еврейскаго обычая, она, какъ дѣвушка, была лишена всякаго религіознаго воспитанія. Это въ другомъ мѣстѣ признаеть и самъ авторъ, заставляя Тамару исповѣдываться въ своемъ «Дневникѣ» слѣдующимъ образомъ: «Еврейская женщина, можно сказать, живетъ внѣ религіозныхъ званій, а потому и внѣ религіознаго развитія. Для нея обязательны только три извѣстныя *мицвотъ* и молитвы, изложенныя въ *Техинотъ*. Большаго съ нея не требуется, и я сама выросла и воспиталась въ томъ же. О чемъ говорили мнѣ въ дѣтствѣ? О Богѣ-создателѣ міра, Отцѣ всего сущаго?—Нѣтъ. О нашей священной исторіи, о ея великихъ урокахъ?—Никогда. О законахъ нашей религіи, о нравственныхъ началахъ жизни, о совѣсти, истинѣ, справедливости?—Нямало... Въ религіозномъ отношеніи, собственно говоря, я росла какъ былина въ полѣ» (гл. XX). И вотъ эта-то дѣвушка, не имѣющая никакого понятія объ основахъ еврейской религіи, не читавшая никогда съ толкомъ Библии, наслушавшаяся отъ своихъ бабушекъ и нянекъ разной суевѣрной болтовни и насмотрѣвшаяся на вѣщныя мелкія обрядности, ничего общаго съ истиннымъ іуданствомъ не имѣющая,—эта дѣвушка берется судить о еврействѣ! И считая всѣ случайно наблюденныя ею *худшія*, непригляднѣйшія стороны еврейскаго культа сущностью іуданзма, она сопоставляетъ ихъ съ *лучшею*, идеальнѣйшею стороною христіанства—съ евангельскою моралью! Понятно, что при такомъ неправильномъ сравненіи выводъ долженъ былъ получиться неблагоприятный для іуданзма, тѣмъ болѣе, что для Тамары какъ бы вовсе не существовали *основныя начала* еврейскаго вѣроученія, его простая, почти философская космогонія и догматика, его здравая мораль; она не была знакома съ *исторіей развитія* еврейской религіи, съ ея вѣковыми напластованіями; она не могла отличать первоначальное основаніе отъ позднѣйшихъ наслоеній, часто скрывающихъ отъ взора первичный слой; она, наконецъ, не знала, что многое-многое изъ того, что нынѣ зовется еврейскою религіей и что шокировало ея чувство, могло бы быть отброшено не только безъ ущерба, но даже и съ громадною пользою для истиннаго іуданзма, который бы тогда только и выступилъ во всей своей величественной красотѣ, во всей своей универсальной мощи!..

Но что же ждетъ Тамару въ будущемъ, послѣ того какъ она перешаг-

нетъ роковую черту? — вотъ вопросъ, естественно интересующій читателя. На этотъ вопросъ нѣтъ еще отвѣта въ разсмотрѣнной нами первой части романа, и его надо ждать отъ слѣдующей части. Однако, нѣкоторый намекъ на дальнѣйшую судьбу Тамары мы находимъ и въ напечатанныхъ главахъ. Описывая душевное потрясеніе Тамары въ тотъ моментъ, когда она ѣдетъ ночью изъ монастыря на вокзалъ, съ цѣлью отправиться въ Петербургъ, и узнавъ отъ сопровождающей ее послушницы о страшномъ погромѣ, происшедшемъ утромъ того же дня въ городѣ, авторъ прибавляетъ: «Съ этой роковой минуты Тамара почувствовала, что въ душѣ ея водворилось какое-то ужасное, непримиримое раздвоеніе, и что оно не пройдетъ, — нѣтъ, оно будетъ жить въ ней всегда, ибо это — она сама. Раздвоеніе это будетъ отравлять собою лучшія, самыя свѣтлыя и радостныя минуты ея существованія. Оно, какъ внутреннее противорѣчіе съ самой собою, какъ вѣчный диссонансъ, будетъ нарушать гармонію ея души и вѣчно служить источникомъ еще многихъ и многихъ нравственныхъ страданій въ ея жизни» (гл. XXIV). Конечно, новая среда, въ которой заживетъ Тамара, кромѣ разочарованія ничего не принесетъ ей, ибо она увидитъ, что въ этой «христіанской» средѣ нѣтъ и помину о тѣхъ евангельскихъ добродѣтеляхъ, о коихъ она мечтала, и что въ ней ничуть не меньше, если не больше еще, пороковъ, чѣмъ въ патриархальной еврейской средѣ... Да и избранникъ ея сердца, графъ Каржоль де-Нотрекъ, съ которымъ она, вѣроятно, еще встрѣтится, оправдаетъ-ли онъ ея розовыя ожиданія, ея мечты о роли «доброй христіанки, доброй жены и матери» и о «честномъ семейномъ счастьи»? Едва-ли. Этотъ человѣкъ такъ пустъ и ничтоженъ, такъ нравственно испорченъ «свѣтской» жизнью, съ ея ложью, притворствомъ и распущенностью, что о счастливой семейной жизни его съ дѣвушкою столь честною, какъ Тамара, не можетъ быть и рѣчи. Да и изъ предыдущаго разсказа мы знаемъ, что онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду деньги Тамары и ради этой корыстной цѣли надѣлалъ не мало подлостей. Впрочемъ, и гадать напередъ не стоитъ: поживемъ — увидимъ.

Личность Каржоля, не смотря на занимаемое имъ въ романѣ officialное положеніе «героя», такъ ничтожна, шаблонна и безцвѣтна, что мы не считаемъ нужнымъ остановиться на ней. Вмѣсто этого, обратимся лучше къ болѣе «характернымъ» (вѣрнымъ-ли — это еще вопросъ) лицамъ въ романѣ — къ Соломону Бендаvidу и Айвику Шацкеру.

Соломонъ Бендаvidъ изображенъ авторомъ хотя и поверхностно, по вѣннимъ только чертамъ, но въ общемъ довольно вѣрно. Это — типъ

(недостаточно развитый въ романѣ) еврейскаго старца-патріарха, съ величаво-простымъ духовнымъ обликомъ, съ крѣпкою, неизменною вѣрою въ душѣ, съ свѣтлымъ умомъ мудреца и спокойнымъ философскимъ взглядомъ на вещи, — типъ, въ былыя времена довольно распространенный среди евреевъ, да и теперь еще иногда встрѣчающійся. «Въ этомъ старцѣ все дышало строгимъ и въ то же время благодушнымъ сознаніемъ собственного достоинства, все было полно свѣтлой простоты и серьезности, что въ совокупности съ перваго же взгляда на него неволью возбуждало въ каждомъ чувство почтенія къ этому человѣку». Такъ говоритъ авторъ, описывая болѣе наружныя особенности этого типа; но надо сказать, что даже отъ непроницательнаго взора г. Крестовскаго не укрылись нѣкоторыя внутреннія черты характера Бендавида. Въ двухъ сильныхъ моментахъ онъ выводитъ передъ нами этого замѣчательнаго старика со всей цѣльностью и мощью его натуры. Первый моментъ это — когда Соломонъ Бендавидъ узнаетъ о бѣгствѣ своей горячо-любимой внучки въ монастырь. Въ то время, какъ все вокругъ него растерялось и металось въ какомъ-то ужасѣ, когда одни совершенно потеряли присутствіе духа (жена Сарра, унававшая въ обморокъ, и др.), а другіе жаждали мщенія похитителю, въ это время одинъ только Соломонъ стоитъ передъ нами во всей своей величавой простотѣ, объятый безграничною молчаливою скорбью, ищущій уединенія, чтобы сосредоточиться на своемъ горѣ, перестрадать его тихо, безъ шума и малодушной крикливости, въ глубинѣ своего растерзаннаго сердца, дабы вскорѣ выйти изъ этого новаго тяжкаго испытанія съ прежнею крѣпостью духовною, еще болѣе закаленнымъ, какъ воинъ изъ опасной сѣчи. Даже призывъ миимаго всевластнаго кагала не вліяетъ на него; онъ сначала отказывается явиться въ «кагальный совѣтъ» и идетъ туда лишь тогда, когда его увѣряютъ, что этимъ онъ дастъ возможность спасти Тамару. Еще болѣе внушительнъ и характеренъ другой моментъ. Когда въ городѣ происходилъ страшный еврейскій погромъ, Соломонъ Бендавидъ сидѣлъ одинъ у постели своей умирающей жены. Онъ слышалъ какъ пьяная толпа гудѣла и разрушала во дворѣ и въ прочіихъ комнатахъ его обширнаго дома, но онъ не трогался съ мѣста. Спокойно онъ сталъ готовиться къ принятію смерти отъ руки погромщиковъ и, стоя у изголовья жены, вполголоса читалъ «видуй» (предсмертную исповѣдь)... Въ эту минуту разъяренная толпа хлынула въ его комнату, но... тутъ же вдругъ отпрянула въ ужасѣ. Видъ умирающей женщины и это «величавое спокойствіе старика-еврея», готоваго «умереть отъ ихъ руки сію минуту такъ же спокойно, какъ стоялъ, не сопротив-

ляясь и не моля о пощаде»,—все это внушило невольное печеніе даже озвѣрѣлымъ людямъ, на мгновеніе расшевелило въ нихъ совѣсть и заставило молча, осторожными шагами удалиться изъ этой маленькой комнаты, представлявшей собою въ тотъ моментъ величественный храмъ, гдѣ рядомъ царилъ Смерть и побѣждающая ее Вѣра... Далѣе, эта коротенькая сцена, когда старикъ увидѣлъ свой разоренный очагъ, гдѣ все было разбито и уничтожено; эта тихо, полупепономъ произнесенная фраза: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, да будетъ Его святая воля!»—развѣ и тутъ не сказывается могучій характеръ и вѣра, сдвигающая горы? Вообще, это—лучшая сцена въ романѣ и единственная, которая будитъ въ читателѣ доброе чувство.

Но если въ изображеніи характеровъ Тамары и Соломона Бендаввида авторъ, не смотря на очевидно поверхностное знакомство съ еврейскимъ бытомъ, не особенно грѣшилъ противъ дѣйствительности, то ужъ въ лицѣ Айзика Шацкера онъ умудрился перевернуть дѣйствительность такъ, какъ это можетъ сдѣлать только крайняя небрежность или предвзятое дурное настрѣеніе. Личность Айзика—ложь и фальшь отъ начала до конца. Авторъ, повидимому, хотѣлъ сдѣлать изъ него какой-то сколокъ Яго въ еврейской шкурѣ, не при этомъ соединилъ въ немъ такіа взаимно противорѣчающія, другъ друга исключаютія черты, что сдѣлалъ изъ него только потѣшный курьезъ. И въ самомъ дѣлѣ, встрѣчали-ли вы когда нибудь въ еврейской жизни молодого человѣка, обучающагося въ русской гимназіи и обладающаго нѣкоторымъ общими образованіемъ, который приходилъ бы въ восторгъ отъ рѣчи раввина-фанатика о ненависти къ «гонимъ», ревностно исполнять бы всѣ мелочные обряды, не смотря на то, что (по словамъ автора) ни во что не вѣрять, и до того былъ бы солидаренъ со всѣми фанатическими предпріятіями ханжей и изувѣровъ (именуемыхъ авторомъ «нагаломъ»), что достигъ бы званіе «илумъ» — талмудическаго свѣтла? Попадался-ли вамъ такой экземпляръ, который одновременно мечтаетъ о роли раввина, гаона, хасидскаго цадика и... соціального агитатора въ духѣ Лассала, гениальнаго адвоката, банкира и политическаго дѣятеля? (Зри описаніе грезъ Айзика въ началѣ восьмой главы). Позвоительно-ли выставить такое нелѣпное чудище, такой воплощенный абсурдъ представителемъ современнаго русско-еврейскаго молодого поколѣнія, какъ это дѣлаетъ г. Крестовскій? Еслибъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ источника болѣе надежнаго, чѣмъ собственная фантазія, то онъ бы несомнѣнно зналъ, что главная отличительная черта еврейскаго юношества, чащагося въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоитъ

иненно въ рѣзко-отрицательномъ отношеніи къ своей религіи и къ своему традиціонному быту, и не только къ худшимъ, неснипатичнымъ, но часто даже въ лучшимъ сторонамъ того и другого. Рѣзкость этого отрицанія съ годами и съ большею умственной зрѣлостью нѣсколько сглаживается, но вполне никогда почти не исчезаетъ. Этотъ крайній духъ отрицанія, свойственный нашей молодежи, есть, конечно, очень печальное явленіе, составляющее прямую реакцію противъ прежняго исключительно-религіознаго развитія еврейской мысли; но во всякомъ случаѣ фактъ неоспоритъ и бросается въ глаза даже поверхностнымъ наблюдателямъ еврейской жизни. А тутъ вотъ является г. Крестовскій и выводитъ представителемъ этого самаго молодого поколѣнія гимназиста-фанатика и ханжу, состоящаго на побѣгункахъ у разныхъ «ладановъ»-изувѣровъ и воинствующаго во имя вѣрны! По-истинѣ, непостижимая смѣлость фантазіи!

Все это, конечно, никоимъ образомъ не служитъ въ пользу предположенія о знакомствѣ г. Крестовскаго съ описываемымъ имъ еврейскимъ бытомъ. И дѣйствительно, его ошибокъ и промаховъ въ такихъ описаніяхъ и не сочтешь. Мы могли бы составить длинный перечень, въ пару Страницъ, подобныхъ ошибокъ, еслибы стали всѣ перечислять; но за недостаткомъ мѣста ограничимся кой-какими образчиками. Такъ, у г. Крестовскаго евреи молятся *въ субботній вечеръ* въ «талисахъ» (гл. I); Айзикъ въ субботу утромъ надѣваетъ филактерин (гл. VIII), а рабби Солонь въ это же время моется *мыломъ* (гл. XI); во время субботней трапезы поютъ «Лехо доди ликерось кала», а въ вечерней субботней молитвѣ «бьютъ себя въ грудь кулаками» (гл. I); набожный Айзикъ срываетъ вѣтку въ субботу (VIII). Мы уже говорили выше о томъ, что по произволѣю г. Крестовскаго въ субботу состоялся въ синагогѣ кагалный совѣтъ съ писмоводствомъ. Слова «адоне гаарець» (хозяева земли) переводятся авторомъ «невѣжественное, некомпетентное» (гл. XII). Основатель хасидизма Беншъ жилъ, по Крестовскому, въ XVII, а не въ XVIII вѣкѣ; а хасиды, эти еврейскіе піетисты, представляютъ собою «современную секту фарисеевъ»; и т. п. Конечно, все это «мелочи», но мелочи, свидѣтельствующія о томъ, что еврейскій бытъ съ его безчисленными своеобразными обычаями совершенно незнакомъ г. Крестовскому, который знаетъ его по наслышкѣ, по книгамъ¹, да еще, пожалуй, по самымъ поверхност-

¹ Г. Крестовскій ссылается часто, кромѣ Брафмана, и на Богрова. Конечно, Богровъ съ Брафманомъ не имѣетъ ничего общаго, но надо вспомнить, что

внѣшнѣ наблюдениахъ, но отнюдь не основательно, не подлинно. Что же касается пониманія этого бытѣ, то объ этомъ и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ пониманіе возможно лишь при полномъ и глубокомъ знаніи, на которое, однако, г. Крестовскій и претендовать не станетъ. Очевидно, что только на шаткой почвѣ, гдѣ отсутствуютъ и глубокое знаніе, и пониманіе, и гдѣ есть разгулъ фантазіи,—только на такой почвѣ могутъ произрастать тенденціозныя произведенія, въ родѣ нами разсмотрѣваемаго.

Г. Крестовскій называетъ свой романъ «Тьма Египетская», прилагая, повидимому, сей нелестный эпитетъ къ еврейской жизни. Но смѣемъ спросить почтеннаго автора, гдѣ же онъ видитъ свѣтъ, если тьма есть исключительная принадлежность еврейской жизни? Не въ «Петербургскихъ-ли трущобахъ» или въ «Панургомъ стадѣ», которыя онъ во время оно рисовалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ? Человѣку, всю жизнь свою изображавшему темныя явленія русской жизни, пристало-ли укорять евреевъ во «тьмѣ»? Да и возьмите самый этотъ романъ, носящій столь внушительное заглавіе, и посмотрите, гдѣ въ немъ больше отрицательныхъ, темныхъ явленій—въ тенденціозно описываемой еврейской средѣ или въ русской? Въ первой вы имѣете хоть два положительныхъ типа, Тамару и ея дѣда Бендавида, возбуждающихъ въ общемъ симпатію; въ окружающей же русской средѣ вы, кромѣ развѣ игуменьи Серафимы, не имѣете ни одного положительнаго типа. Главный герой, Каржоль—плутъ и фатъ; архіерейскій секретарь Горизонтовъ (прекрасно изображенный г. Крестовскимъ)—мошеникъ, взяточникъ, лицеѣръ, настоящій «мытарь во храмѣ» готовый продать всю архіерейскую канцелярію и даже все христіанство за тридцать серебряниковъ; высшее провинціальное общество пошло и глупо, etc. Стало быть, еще вопросъ—гдѣ больше царитъ «тьма египетская»?...

По нашему же мнѣнію, люди — вездѣ люди, и вездѣ въ жизни людской переиѣшаны свѣтъ и тѣни, доброе и злое, вездѣ, безъ различія происхожденія и исповѣданія. Но гдѣ несомнѣнно царитъ «тьма египетская» исключительно, такъ это въ умахъ многихъ изъ представителей русской интеллигенціи и въ ихъ представленіяхъ о еврейскомъ народѣ. Тутъ, къ несчастію, тьма настоящая, та тьма, о которой Библія говоритъ, что изъ-за нея «люди не видѣли другъ друга». Да, страшно подумать, что

обличительныя «Записки Еврея» описываютъ жизнь евреевъ полнѣе тому назадъ, а съ тѣхъ поръ много воды утекло и многое стало вверхъ дномъ въ еврейской жизни.

тьма царить именно тамъ, откуда долженъ исходить свѣтъ; что злоба, вражда и угнетеніе проповѣдуются тѣми людьми, которые должны были бы сѣять добро, миръ и согласіе въ людяхъ! Ужасно подумать, что эта «тьма, объемлющая свѣтъ», мѣшаетъ людямъ разглядѣть другъ друга, мѣшаетъ имъ видѣть въ евреяхъ такихъ же людей, только еще болѣе страдающихъ и потому особенно заслуживающихъ сочувствія, но никакъ не преслѣдованія и дикой, безчеловѣчной травли!...

Критикусь.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Памятники иудаизма въ Абиссиніи (In Abissinia: Viaggi di Pellegrino Matteucci. Milano. 1888).

Изъ множества сочиненій объ Абиссиніи, появившихся въ Италіи за послѣдніе годы, книга Маттеуччи внушаетъ наибольшее довѣріе и, если такъ можно выразиться, симпатію. Пеллегринно Маттеуччи—человѣкъ прекрасно образованный и хорошо подготовленный къ пониманію отдаленной страны, которую избралъ цѣлью своего путешествія. Онъ былъ въ Абиссиніи до занятія итальянцами Массовы; цѣль его заключалась въ изслѣдованіи способовъ установленія торговыхъ сношеній между Италіей и Абиссиніей; онъ проникъ туда въ качествѣ представителя Миланскаго комитета торговли; но помимо уполномочій этого солиднаго научно-коммерческаго общества былъ снабженъ собственноручнымъ письмомъ короля Умберта къ негусу Іоанну. Негусомъ и его вассалами итальянскій путешественникъ былъ очень хорошо принятъ, и имѣлъ возможность свободно наблюдать абиссинскіе нравы, чему много способствовало дружественное покровительство и его соотечественника Наррети. Наррети, занесенный почти случайно обстоятельствами въ Абиссинію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ однимъ изъ фаворитовъ и совѣтниковъ Іоанна; человекъ смысленный и нелишенный нѣкотораго образованія, въ своемъ отечествѣ, Миланѣ, онъ былъ немого болѣе искуснаго столяра; въ Абиссиніи онъ занималъ постъ министра публичныхъ работъ и оказался художникомъ, воспроизведя въ г. Аксумѣ тронъ царя Соломона. Правдивость Маттеуччи доказывается ужъ тѣмъ, что, по возвращеніи изъ своей экспедиціи, онъ откровенно высказалъ и въ докладѣ обществу, послывшему его въ Абиссинію, и лично самому королю Умберту, что заботиться объ организаціи торговыхъ сношеній съ Абиссиніей трудно, бесполезно и опасно.

Между прочимъ Маттеуччи, хотя и вскользь, но весьма симпатично относится къ еврейскому элементу въ Абиссиніи и придаетъ немалое значеніе іудейскимъ преданіямъ, занесеннымъ въ эту страну почти 2000 лѣтъ тому назадъ.

«Иудаизмъ, проникшій въ Абиссинію вмѣстѣ съ Менеликомъ ¹,—пишетъ

¹ Сынъ царицы Саяской и (какъ вѣрують абиссинцы) царя Соломона.

авторъ,—хотя съ теченіемъ времени и пережили много видоизмѣненій, хотя, какъ религиозное вѣрованіе, былъ покинутъ самыми потомками Соломона, однако, не угасъ доселѣ, и въ большихъ городахъ Абиссиніи существуютъ еще теперь еврейскія колоніи. Евреи здѣсь образуютъ общины, сохранившія всецѣло нравы, обычаи и традиціи своихъ отдаленныхъ предковъ. Даже въ полудикой странѣ, обитаемой племенемъ галласовъ, встрѣчаются поселенія представителей столь незаслуженно оклеветанной народности».

Городъ Аксумъ, древняя столица, имѣющій для Абиссиніи то же значеніе, что Москва для Россіи, Римъ для Италіи, по мнѣнію Маттеуччи, былъ обязанъ своимъ блистательнымъ прошлымъ вліянію еврейской культуры. Брюсъ, извѣстный изслѣдователь Абиссиніи и Эіопіи, отрицаетъ, чтобы Аксумъ былъ въ глубокой древности столицей Абиссиніи, и полагаетъ, что онъ былъ блестящей метрополіей царства *Trogloditi Ethiopi*. «Но,—замѣчаетъ Маттеуччи,—trogloditi, негры, въ Библии обозначены названіемъ *Куши*». По свидѣтельству же Брюса, Куши возводили огромныя и великолѣпныя зданія. Брюсъ въ области древняго Ассаба нашелъ остатки построекъ и монументовъ, воздвигнутыхъ этимъ народомъ,—остатки, которые свидѣлствуютъ о великомъ прошломъ націи, остатки, достойные націи, которая держала въ своихъ рукахъ индо-африканскую торговлю, которую, не взирая на ея язычество, въ нравственномъ отношеніи можно поставить въ образецъ всѣмъ другимъ, которая, наконецъ, была призвана участвовать въ сооруженіи перваго храма, воздвигнутаго человѣкомъ *Божу Единому*».

Вопросъ о томъ, когда былъ основанъ Аксумъ, составлялъ предметъ серьезныхъ споровъ между учеными. Геродоту, Страбону о немъ ничего не было извѣстно. Аріанъ первый упоминаетъ о немъ. Во времена Иисуса Христа онъ былъ главнѣйшимъ центромъ торговли слоновою костью. Въ IV и V вѣкахъ онъ, по свидѣтельству Прокопія, Стефана Византійскаго, Козмы и Нозоза, былъ пышнымъ, обширнымъ городомъ. Португальцы, явившіеся въ Абиссинію со своей римско-католической пропагандой въ XV вѣкѣ, еще нашли въ немъ, относительно свѣжія развалины храмовъ, дворцовъ, монументовъ, обелисковъ. Нѣкоторые изъ обелисковъ сохранились доселѣ. Особенно поражаетъ монолитъ, стройно вздымающійся на 30-ти саженную высоту, возвышающійся на площади передъ церковью новѣйшей постройки, въ которой коронуются цари абиссинскіе и которая пользуется особенно уваженіемъ духовенства и народа, главнымъ образомъ потому, что въ ней, какъ утверждаютъ, въ священномъ Ковчегѣ хранятся скрижали съ начертаннымъ на нихъ закономъ, привезенныя Менеликомъ изъ Іеруса-

лина, гдѣ онѣ были вручены ему самимъ царемъ Соломономъ. По утверженію духовенства, ссылающагося на древнія книги и надписи, въ Аксумѣ было 55 обелисковъ, изъ коихъ 4 такихъ, какъ уцѣлѣвшій доселѣ. Словомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Аксумъ былъ пышно цвѣтущимъ, замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ городомъ. Ученые и исследователи каждый по своему объясняютъ происхожденіе его культуры.

«По моему же, — замѣчаетъ Маттеуччи, — всѣ историки, интересовавшіеся Аксумомъ, слишкомъ пренебрегаютъ легендой, связанной съ именемъ царицы Савской и перваго Менелика, прибывшаго въ Аксумъ за 900 лѣтъ до Р. Х. и избравшаго Аксумъ своей столицей и резиденціей». Эта легенда доселѣ имѣетъ не одно библейско-религиозное, но и поэтико-историческое значеніе для абиссинцевъ. Они твердо вѣрятъ, что сынъ царицы Менеликъ былъ сынъ Соломона, и гордятся этимъ. «Менеликъ былъ основателемъ династїи, — пишетъ авторъ, — царствовавшей изъ вѣка въ вѣкъ, правившей государствомъ въ годы самыхъ тяжкихъ испытанийъ. Последний представитель этой блестящей семьи былъ живъ еще вчера¹, воссѣдалъ на престолѣ, окруженный царственнымъ блескомъ и могуществомъ, любимый народомъ и уважаемый европейцами. Но подавленный превосходствомъ негуса Іоанна, онъ занимаетъ подчиненное положеніе и, можетъ статься, мы увидимъ его странствующимъ по бѣлому свѣту, куда Провидѣніе не возвратитъ ему или его потомкамъ престолъ отцовъ».

Эти строки, написанныя въ началѣ 80-хъ годовъ, когда сила Іоанна казалась несокрушимой и побѣжденный имъ Менеликъ былъ его покорнымъ вассаломъ, нынче кажутся пророческими. Менеликъ, современный намъ потомокъ перваго Менелика, по преданію — сына Соломона, вновь сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ, по всей вѣроятности (споспѣшествуемый къ тому же итальянцами), воссѣдетъ не сегодня — завтра на тронъ своихъ предковъ и будетъ короноваться въ священномъ Аксумѣ, въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ хранится іудейская святыня времени Соломона. На той же площади, гдѣ возвышается вышеописанный нами обелискъ, противу самаго храма, красуется другой монументъ, почитаемый за остатокъ глубокой древности, почти времени Соломона: это высокій гранитный, на гранитномъ пьедесталѣ тронъ. На немъ встарину воссѣдали абиссинскіе цари въ день коронаціи. Недавно же умершій негусъ Іоаннъ пожелалъ, чтобы

¹ Менеликъ, вассалъ Іоанна, современный правитель области Шоа, имѣлъ, по смерти негуса Іоанна, имѣющій занять престолъ абиссинскихъ царей.

для него нарочито былъ воздвигнутъ новый тронъ, но совершенно подобный трону царя Соломона. Онъ заказалъ изготовить этотъ тронъ своему любимцу, итальянцу Наррети. Наррети просилъ, чтобы ему дали нѣсколько мѣсяцевъ для изученія древнихъ книгъ и документовъ, въ которыхъ встрѣчаются описанія трона Соломонова. По словамъ Маттеуччи, Наррети выполнилъ блистательно свою задачу; престолъ и его балдахинъ едва-ли не лучшее художественное украшеніе Аксума, и художникъ извѣстенъ повсюду въ Абиссиніи, какъ реставраторъ трона Соломонова.

Въ Аксумѣ сохранились еще остатки огромнаго бассейна, который, по письменнымъ преданіямъ, въ древности былъ полонъ воды и снабжалъ ею весь городъ. Этотъ бассейнъ и водопроводъ были устроены нѣкимъ Абуна Самуэль, еврейскаго происхожденія, въ царствованіе Исаака, его соплеменника. Говорятъ, что Самуэль былъ погребенъ подъ большимъ деревомъ около храма, которое указываютъ доселѣ.

Отчетливый слѣдъ іудаизма сохранился до нашихъ дней также въ формальной сторонѣ абиссинскаго суда. Губернаторы или намѣстники областей, подвластныхъ негусу, имѣютъ власть (и даже обязанность) творить судъ и расправу надъ жителями довѣренной имъ управленію страны; они не имѣютъ права приговаривать къ смертной казни — это прерогатива монарха, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они ничѣмъ не стѣснены. Однако, ни одно ихъ рѣшеніе не считается законнымъ, если они постановили приговоръ безъ совѣщанія съ 12-ю судьями, которые присутствуютъ при судебномъ разбирательствѣ. De facto мнѣніе судей ничѣмъ не связываетъ намѣстника, но спросить ихъ мнѣнія онъ обязанъ.

Въ старинныя времена эти 12 судей имѣли гораздо большее вліяніе чѣмъ нынче. По мнѣнію Маттеуччи, происхожденіе этого судилища двѣнадцати должно искать въ исторіи царствованія Менелика, сына Соломонова. «Менеликъ, воспитанный при блестящемъ дворѣ Соломона, прибылъ въ Аксумъ, когда ему было 12 лѣтъ; его сопровождали мудрый Азарія, въ качествѣ наставника, и 12 почетнѣйшихъ евреевъ, сопровождавшихъ скрижали. Эти двѣнадцать евреевъ были основателями въ Аксумѣ первой іудейской колоніи; они повсюду сопровождали царя и постоянно присутвовали въ качествѣ его совѣтниковъ, когда онъ творилъ судъ». Въ одной изъ древнѣйшихъ развалинъ Аксума сохранилось 12 каменныхъ сѣдалищъ, устроенныхъ для судей. Есть основаніе предполагать, что на нихъ засѣдали іудеи времяемъ Соломона, пришедшіе въ Аксумъ изъ Іерусалима.

Л. Рускинъ.

Труды писателей-философовъ были, правда, незначительны, но въ большинствѣ ихъ сохранялась точка зрѣнія испанскихъ мыслителей, которые допускали свободное развитіе спекулятивнаго мышленія рядомъ съ богословіемъ, какъ это показывается приѣрзъ Кожтано. Отъ такихъ воззрѣній, какія высказывалъ этотъ писатель, до высшей ступени критической свободы—всего нѣсколько шаговъ. Но на этотъ короткій путь не вступилъ никто, и живое развитіе было слишкомъ скоро остановлено чуждыми вліяніями.

За то снова распространилось въ тѣхъ мѣстностяхъ занятіе Талмудомъ, и благодаря многимъ переселившимся изъ Испаніи и Италіи ученымъ, оно приобрѣло высокое значеніе. Величайшими талмудическими авторитетами того времени почитались на Востокѣ *Леви б. Хабибъ* и *Іаковъ Берабъ*. Первый былъ сынъ уже упомянутаго *Іакова б. Хабиба* изъ Цаморы, котораго лишеннымъ всякой критики сборникомъ талмудической Гаггады «Еп Іаковъ» (Око Іакова) пользовались очень много, что не побишало ему, однако, принести больше вреда, чѣмъ пользы. Съ сыномъ Леви, который въ Испаніи разыгрывалъ христіанина, Іаковъ отправился на Востокъ и поселился въ Сафетъ. Туда же прибылъ послѣ долгихъ странствованій Іаковъ Берабъ, выселившійся въ 1492 г. изъ Кастиліи. Между этими двумя учеными завязался скоро сильный споръ, вставшій затѣмъ въ себя и многихъ другихъ. Іаковъ Берабъ хотѣлъ возстановить прежнюю ординацію—*Semichah*—чтобъ затѣмъ положить конецъ несостоятельному порядку вещей въ израильскомъ мірѣ. Этому воспротивился самымъ рѣшительнымъ образомъ Леви б. Хабибъ. Новое учрежденіе должно было вернуть синагогѣ прежнее единство. Берабъ, новизинному, имѣлъ даже болѣе широкіе планы: онъ рассчитывалъ установленіемъ авторитета рукоположенныхъ раввиновъ помянуть и происки фальшивыхъ Мессій, которые вообще въ пору смутъ и бѣдствій появлялись на сценѣ, а именно теперь—чаще, чѣмъ когда либо. Леви б. Хабибъ выступилъ, напротивъ того, во всеоружіи насмѣшки, науки, вѣры. Берабъ не медлил отвѣтомъ. Въ респонсахъ обоихъ противниковъ можно прослѣдить отдѣльныя стадіи борьбы, которая для современной исторіи представляетъ большой интересъ и возбуждала тогда сильное движеніе во всѣхъ раввинскихъ сферахъ. Само собою разумѣется, что выдающіеся дѣятели этихъ послѣднихъ приняли участіе въ спорѣ. Такъ, *Моисей Алашкаръ*—о защитѣ которымъ Маймуни отъ каббалистическихъ нападеній мы уже упоминали и который приобрѣлъ также извѣстность въ качествѣ синагогальнаго воета, — принялъ сторону

Леви б. Хабиба противъ Вераба, между тѣмъ какъ значительнѣйшій ученикъ этого послѣдняго, *Моисей б. Иосифъ Трани* (1505—1585 г.), потомокъ Исаи Трани, горячо вступился за своего гонимаго и оскорбляемаго учителя. Моисей Трани выдается и въ области талмудической науки этическими и гомилетическими сочиненіями, изъ которыхъ одно—«*Beth Elohim*» (Вожій Домъ) заключаетъ въ себѣ цѣнныя разсужденія этического свойства. Одинъ комментарий къ «*Mischneh Thora*» Маймуни принадлежитъ также перу этого, въ свое время очень высоко цѣнившагося учителя, сборникъ респонсовъ котораго, изданный его сыновьями, пользовался громкою извѣстностью, а другія его сочиненія представляютъ собою важный матеріалъ для исторіи того времени. Такимъ же значеніемъ пользовался и его сынъ *Иосифъ Трани*, образовавшій, какъ говорятъ, восемьдесятъ выдающихся учениковъ и сборникъ респонсовъ котораго тоже былъ изданъ его сыновьями.

Къ вышеупомянутымъ ученымъ примыкаетъ длинный рядъ талмудистовъ, которые занимались разработкою религиозной науки въ традиціонномъ духѣ и направленіи и способствовали ея дальнѣйшему распространенію. Большинство ихъ излагали результаты своихъ трудовъ въ «Новыхъ Сообщеніяхъ» — *Chidduschim*, — обыкновенно же въ сборникахъ «*Scha'aloth Teschuboth*». Однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ между этихъ ученыхъ былъ *Давидъ Аби Зимра*—въ сокращеніи Радбазъ—ученикъ мистика *Иосифа Сараюси*, который исполнялъ должность раввина въ Египтѣ въ продолженіе сорока и въ Палестинѣ — двадцати лѣтъ, и образовалъ значительное количество учениковъ. Его мнѣнія по талмудическимъ вопросамъ появлялись во многихъ сборникахъ. Существуютъ и другія экзегетическія, каббалистическія и методологическія работы этого ученаго писателя, который порицалъ исчисленіе догматовъ въри, считая каждый законъ догматомъ. Подражаніемъ «Царскому Вѣнцу» Габироля Давидъ Аби Зимра приобрѣлъ извѣстность и какъ поэтъ. Въ Египтѣ въ это же время *Самуилъ Серилло*, выходецъ изъ Испаніи, написалъ методологическое сочиненіе о Талмудѣ, подъ заглавіемъ «*Killele Schemuel*» (Правила Самуила) а тезка его, *Самуилъ Серилло* въ Сафетѣ, составилъ интересный — изданный только недавно — комментарий къ долго остававшемуся въ пренебреженіи іерусалимскому Талмуду. Этотъ іерусалимскій Талмудъ нашелъ себѣ въ то время разумныхъ толкователей еще только въ двухъ другихъ ученыхъ — *Самуилъ Лафе* въ Константинополѣ и *Ионъ Бенвенисте*. Въ качествѣ издателей сборниковъ респонсовъ заслуживаютъ особеннаго упоминанія по

нѣхъ учености и авторитету, которыми они пользовались въ кругу своихъ единовѣрцевъ: *Давидъ Коенъ* изъ Корфу—Редакъ—значеніе котораго было распространено и на Востокъ и въ Италиі и чьи ученые отвѣты были изданы его зятемъ *Давидомъ б. Соломономъ Виталемъ*, жившимъ въ Патрасѣ и написавшимъ много замѣчательныхъ сочиненій, въ томъ числѣ сборникъ 613 законовъ, расположенныхъ по буквамъ десятисловія, въ стихахъ, подъ заглавіемъ «*Kether Thora*» (Вѣнецъ Ученія), разсужденіе о тринадцати догматахъ вѣры Маймуни, озаглавленное «*Mikhtam le David*» (Клейнодъ Давида), которое скоро послѣ своего появленія въ свѣтъ было переведено на латинскій языкъ, и большое количество синагогальныхъ пѣсенъ, напр., молитву, состоящую изъ тысячи словъ, которыя всѣ начинаются буквой *Ге*. Далѣе—*Самуилъ ди Медина*—прозванный Рашдакъ—въ Салоникахъ, авторъ ученыхъ отвѣтовъ и проповѣдей, которые потомъ снова напечатали въ собственной типографіи его сынъ; *Иосифъ б. Давидъ ибнъ Лебъ*, написавшій четыре части раввинскихъ отвѣтовъ и новеллъ къ Талмуду; *Иосифъ Таймасакъ*, прославленный каббалистическою легендою за его аскетическій образъ жизни и также составившій комментаріи къ Псалмамъ и Книгѣ Давида; *Эліазаръ Шимеони*; *Илія б. Хаимъ*, респонсы котораго были изданы вмѣстѣ съ респонсами Иліи Мизрахи; *Исакъ Адарби*, авторъ отвѣтовъ и проповѣдей; *Соломонъ б. Авраамъ Коенъ*—Магаршахъ; *Соломонъ Леви* и одноименный съ нимъ внукъ его; *Іаковъ б. Авраамъ Кастро*, происходившій изъ богатаго и славившагося ученостію семейства; *Иосифъ ибнъ Эзра*; *Иосифъ Пардо*; *Авраамъ ди Ботонъ*, ученикъ Самуила ди Медина, написавшій комментарій къ «*Mischneh Thora*» Маймуни; *Мардохай Калаи*, рукописные труды котораго большею частью уничтожены сильнымъ пожаромъ въ Салоникахъ въ 1610 г.; *Хаимъ Саббатаи*—Магаршахъ; *Илія Алфандари*; *Илія Коенъ* въ Сиріѣ; *Веніаминъ Зэвъ б. Метатія* въ Моревъ; главнымъ же образомъ — *Бецалель Ашкенази* въ Египтѣ (1530 г.), оказавшій большую услугу богословской наукѣ собраніемъ прежнихъ талмудическихъ тосафотъ и новеллъ и въ своемъ трудѣ «*Schittah Mekubezeth*» (Собраніе Объясненій) представившій извлеченія изъ Хананеля, Авраама б. Давида, Нахмани, Соломона б. Адерета, Ниссима изъ Героны, Іомтоба б. Авраама, равно какъ и изъ французскихъ и нѣмецкихъ тосафистовъ, которые тоже считаются надежнымъ историческимъ источникомъ. Но во всѣхъ этихъ респонсахъ отсутствуютъ, конечно, та умственная ясность и та научная оригинальность, которыми отличались респонсы ученыхъ прежняго періода. И только одинъ

между этими талмудистами доставил своим работам безусловное значение—именно *Иаковъ Кастро* (1610 г.), дополненія котораго къ четырёмъ ритуальнымъ кодексамъ были приняты повсюду на Востоке. Важный трудъ по Талмуду, существенно облегчившій изученіе этого послѣдняго, былъ исполненъ *Иосифомъ б. Барухомъ ибнъ Боазомъ* (1554 г.), который собралъ здѣсь всё указанія на сочиненія всѣхъ руководящихъ авторитетовъ, каковы *Маймуни*, *Иаковъ б. Ашеръ*, равно какъ и позднѣйшихъ, и такимъ образомъ построилъ «мостъ, соединившій обсужденіе и рѣшеніе». Заслуживаетъ особеннаго упоминанія и *Самуилъ Уседа*, комментаторъ мишвантскаго трактата объ «Изреченіяхъ Отцовъ». Его сочиненіе «*Mid-gasch Schemuel*» представляетъ собою въ цѣломъ разумный и ясный комментарий къ этической гномологіи, куда авторъ включилъ мнѣнія и толкованія всѣхъ его предшественниковъ, отъ Самуила б. Менра до своихъ современниковъ.

Больше важности имѣеть дѣятельность еврейскихъ ученыхъ въ сферѣ экзегетики и гомилетики, которыя обѣ разрабатывались на Востоке очень усердно. Ихъ экзегетическій способъ былъ преимущественно гомилетическій, а манера проповѣди, въ свою очередь—экзегетическая. Но это не мѣшало обѣимъ сферамъ быть по большей части разьединенными и трактоваться въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Изъ экзегетическихъ изслѣдователей слѣдуетъ назвать прежде всего *Соломона б. Мелеха* изъ Фенца, который своими комментаріями ко всей Библии, озаглавленными «*Michlal Iofi*» (Сущность Прекраснаго), значительно обогатилъ объясненіе св. Писанія. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, возстановившихъ простой смыслъ Библии, и оказался разумнымъ компиляторомъ испанскихъ и древне-французскихъ комментаторовъ Библии, особенно сочиненій *Кимхи*. Большинство остальныхъ слѣдовали комментированію философско-каббалистическому. Такіе комментаріи писали въ то время: *Иаковъ Берабъ*—къ «Пророкамъ», *Давидъ Аби Зимра*—къ «Пѣснѣ Пѣсней», *Иосифъ Тайтасакъ*, *Исаакъ б. Соломонъ Когеиъ*—къ «Книгѣ Іова», *Иосифъ Царфати* въ Адрианополѣ и *Моисей Назара*—къ «Пятикнижію»; познанія перваго изъ нихъ въ калдейскомъ языкѣ доставили ему возможность быть, въ качествѣ переводчика, посредникомъ между первыми сирійскими поселенцами въ Европѣ и Тезеиъ Амбровіемъ, первымъ учителемъ сирійскаго языка; затѣмъ—*Меиръ Арама*, сынъ извѣстнаго Исаака Арамы, написавшій ко многимъ библейскимъ книгамъ комментаріи въ философско-мистическомъ духѣ; *Самуилъ Даниадо*, который, кромѣ «Пророковъ», объяснялъ также и Мидрашимъ;

Моисей Алшейхъ въ Сафетѣ, котораго библейскій комментарий долге пользовался громкою извѣстностью вслѣдствіе его философскихъ и гомилетическихъ разсужденій, и отъ котораго сохранились также проповѣди и респонсы; *Самуилъ Валеріо*, врачъ въ Моретъ, комментировавшій книги «Эсфиръ» и «Давиила», и др. Къ объясненіямъ Библии присоединялись естественно, сообразно потребностямъ времени, и переводы. Эти послѣдніе предназначались преимущественно для обученія юношества и народнаго чтенія и печатались еврейскими буквами. Новогреческій переводъ Библии былъ сдѣланъ *Моисеемъ б. Илией Шобіаномъ* (1576 г.), персидскій—*Іаковомъ Тавусомъ* въ Константинополѣ. Переводъ Тавуса отличается самою строгою буквальностью въ передачѣ еврейскаго текста, постояннымъ имѣніемъ въ виду масоретскаго толкованія, переводовъ Онкалоса и Саадін, комментарий въ Раши и Ибнъ Эзры.

Появленіемъ своимъ въ свѣтъ этотъ переводъ Библии былъ обязанъ одному меценату еврейской литературы, имя котораго тѣмъ менѣе можно умолчать, что меценатство въ еврейской письменности—явленіе весьма рѣдкое. Это былъ *Моисей б. Іосифъ Гамонъ*, лейбъ-медикъ Султана II, который часто выступалъ передъ султаномъ ходатаемъ за своихъ единовѣрцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покровителемъ и знаткомъ еврейской литературы. Онъ основалъ въ Константинополѣ учебное заведеніе и печаталъ еврейскія сочиненія на свой счетъ. Изданіе Библии въ 1546 г. съ переводами арамейскихъ, арабскихъ и персидскихъ есть продуктъ его щедрости. Вторымъ меценатомъ еврейской письменности въ Турецкой имперіи былъ тотъ *донъ Іосифъ Наси*, герцогъ Наксоса, жизнь котораго романтически изукрашена легендой. На его дѣйствительно историческое значеніе достаточно велико для того, чтобы мы могли обойтись безъ помощи легендарныхъ разсказовъ. Іосифъ Наси былъ женатъ на дочери вышеупомянувшейся доньи Граціи Мендеси, и оба они усердно покровительствовали еврейской литературѣ и оказывали защиту своимъ единоземникамъ. Насколько щедро Наси поддерживалъ своимъ богатствомъ бѣдныхъ евреевъ, настолько же царственно-великодушно содѣйствовалъ онъ умственнымъ интересамъ народа. Онъ основалъ въ Константинополѣ училище, во главѣ котораго былъ поставленъ уже извѣстный намъ Іосифъ б. Давидъ; онъ открылъ еврейскимъ ученымъ сокровища своей бібліотеки, ободрялъ ихъ къ научной производительности и способствовалъ изданію различныхъ сочиненій. Попытка его устроить въ Константинополѣ типографію и возстановить на прежнихъ основаніяхъ тамошнюю еврейскую книгопечатню, равно какъ и проектъ его

сдѣлать новое издание Библии, не увѣнчались, правда, успѣхомъ; но онъ любилъ компанію еврейскихъ ученыхъ, охотно принималъ ихъ въ своемъ Бельведерскомъ дворцѣ и велъ съ ними философскія бесѣды. Изъ этихъ бесѣдъ возникло маленькое сочиненіе «Ben Poroth Josef» (Іосифъ—свѣжій отростокъ!), которое заключаетъ въ себѣ религиозный разговоръ съ однимъ христіанскимъ ученымъ и, будучи редактировано известнымъ и по другимъ трудамъ писателемъ *Исаакомъ Оккендойрой*, удостоилось одобренія знаменитыхъ раввиновъ. Не названный здѣсь по имени христіанинъ-противникъ—большой приверженецъ спекулятивнаго мышленія и указываетъ герцогу на глубину и правду греческой философіи; Іосифъ же не можетъ найти въ ней никакого удовлетворенія, обрѣтая его только въ св. Писаніи и исполненіи религиозныхъ правилъ и обязанностей. По его словамъ, Откровеніе Божіе знакомитъ человѣка съ тайнами духовъ и природы, чего философія, опирающаяся только на человѣческій, ограниченный разумъ, сдѣлать не въ состояніи. Мнѣніе, что небесныя тѣла имѣютъ вліяніе на человѣческую судьбу, герцогъ-дискутантъ признаетъ совершенно несостоятельнымъ, а на великіе вопросы о благосостояніи человѣка въ связи съ Божіею справедливостію и о свободѣ воли — вопросы, которые ему, или редактору этого сочиненія, были, конечно, близко знакомы, онъ отвѣчаетъ совершенно въ духѣ вѣрующаго и стоящаго на религиозной почвѣ философа. Жена его, *донья Рейна*, пережила мужа и еще два десятилѣтія хранила и практиковала традиціи своего материнскаго дома. Она устроила въ Бельведерѣ типографію, откуда вышли сохранившіяся отчасти и до сихъ поръ многія еврейскія сочиненія Моисея Алпейха, Меира Ангела, Исаака Яабца, Іосифа б. Леба, Самуила Уседы и др. Благоотворно-просвѣщенная дѣятельность этой княжеской четы иногда даже чрезмѣрно превозносится знаменитыми современниками. Самымъ надежнымъ въ этомъ случаѣ источникомъ могутъ считаться извѣстія, сообщаемыя *Моисеемъ б. Барухомъ Алмосино* (1567 г.), который былъ проповѣдникомъ въ Саленикалѣ и посвятилъ герцогу-меценату свое «Regimiento della Vida», напечатанное по испански еврейскими буквами. Алмосино былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ въ то время процвѣтанія гомилетики, которая старалась сдѣлать понятнымъ народу въ привлекательной популярной формѣ то, что разрабатывали мыслители въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ. Проповѣди испанскихъ переселенцевъ были такимъ образомъ дѣйствительно «популяризованною религиозною философіей» и, какъ таковая,

имѣли немаловажное вліяніе на образованность въ общинахъ. Моисей Алмосино кромѣ того работалъ, какъ писатель, въ области философіи и астрономіи. Онъ перевелъ на еврейскій языкъ астрономическія сочиненія Сакро Боско и Георга Пейербаха и составилъ комментаріи къ Этикѣ Аристотеля и сочиненію Газзали «*Maqasid al-filasifa*». Сверхъ того написаны имъ комментаріи къ Библии и многія другія богословскія сочиненія. Его «Управление Жизнью» есть популярное руководство, строящее идеаль жизни по этическимъ принципамъ. Не лишено значенія и собраніе его проповѣдей «*Meatnez Koach*» (Укрѣпленіе Силы), какъ и вообще вся его писательская производительность проникнута гомилетически-этическимъ духомъ, который, однако, благодаря своей кротости и пріятности, дѣйствуетъ крайне благопріятно. Въ области современной исторіи Алмосино тоже занялъ видное мѣсто—небольшимъ и малозвѣстнымъ сочиненіемъ; «*Extremos y grandezas de Constantinople*» (Противоположности и величіе Константинополя), въ которомъ онъ наглядно и очень занимательно изображаетъ пеструю жизнь турецкой столицы съ ея рѣзкими противоположностями «знойнаго жара и леденящаго холода, изумительнаго богатства и ужасающей бѣдности, расслабляющей роскоши и строгой воздержности, расточительной щедрости и безсердечной скупости, преувеличенной набожности и апатическаго безбожія».

Гдѣ есть меценаты, тамъ всегда найдутся поэты. И такимъ образомъ и на Востокѣ, благодаря побужденіямъ, являющимся тутъ со всѣхъ сторонъ, снова цвѣтетъ теперь поэзія, не лишенная аромата и прелести красокъ. Въ Константинополѣ и Салоникахъ—этихъ двухъ большихъ, богатыхъ и образованныхъ общинахъ—образуется кружокъ стихотворцевъ, воскрешающій и продолжающій поэтическія традиціи испанскихъ предшественниковъ—Соломона Бонфеды, Соломона Дафiera и др. Во второй разъ теперь встрѣчаемъ мы въ литературѣ еврейскаго народа союзъ съ цѣлью разработки еврейской поэзіи, къ которому принадлежитъ также вліятельный *Иосифъ Гамонъ*, сынъ вышеупомянутаго Моисея и, какъ и этотъ послѣдній, лейбъ-медикъ султана, и въ которомъ председательствуетъ *Гедалиа б. Іахія*, потомокъ знаменитой фамиліи Яхидовъ. Отъ времени до времени меценаты Гамонъ собираетъ вокругъ себя всѣхъ стихотворцевъ и выслушиваетъ ихъ произведенія, равно какъ и стихи всѣхъ испанскихъ поэтовъ. Само собой, что ихъ муза славитъ прежде всего мецената, сдѣ-

дававшегося имъ защитникомъ и покровителемъ. Стихотворенія эти и религиознаго, и свѣтскаго содержанія; но эниграмы и свѣтскія пѣсни имѣютъ больше поэтическаго достоинства, чѣмъ религиозныя оды, морально-дидактическія стихотворенія и синагогальныя пѣсни этого кружка, которому мы обязаны также собраніемъ дивановъ сѣверо-испанскихъ эниграмматиковъ. Между всѣми этими писателями особенно выдаются *Иуда Зарко* и *Саадія Лонго*, образовавшіеся также на вышеупомянутыхъ сѣверо-испанскихъ поэтахъ. Совершенство формы и для нихъ составляетъ главную цѣль, отчего, однако, мало страдаетъ внутреннее поэтическое достоинство. Отъ Иуды Зарко (1560 г.) сохранились сборникъ моральныхъ стихотвореній «*Lechem Iehuda*» (Хлѣбъ Иуды) и аллегорическое, художественными поэтическими арабесками украшенное разсужденіе о душѣ; отъ Саадія Лонго (1594 г.) — сборникъ одъ, эниграмовъ и элегій, подъ заглавіемъ «*Seder Zemanim*» (Чередованіе Времени), въ которомъ воспѣваются также меценаты Моисей Гамонъ, Иосифъ Наси и Грація Мендесія. Къ этому же кружку принадлежалъ, вѣроятно, и вышеупомянутый *Исаакъ Оккенейра* (1573 г.), оставившій послѣ себя стихотворный сборникъ «*Ajuma ka-Nidgaloth*», гдѣ помѣщены загадки, разсказы, составляющіе лучшую часть книги, и дидактическое стихотвореніе, изображающее споръ буквъ азбуки и время сотворенія міра. Сюда же можно причислить *Меира б. Авраама Анзела*, бывшаго сперва раввиномъ въ Вѣлградѣ, потомъ жившаго въ Сафегѣ. Онъ, кромѣ экзегетическихъ сочиненій, написалъ также нѣсколько религиозныхъ стихотвореній и аллегорическую драму «*Kescheth Nechoscheth*» (Мѣдный Лукъ), въ рифмованной прозѣ, на манеръ арабскихъ пьесъ, которая тоже была напечатана въ типографіи доньи Рейны. Даже переводъ знаменитаго романа «*Amadis de Gaula*» вышелъ изъ кружка турецкихъ дѣятелей въ области изящной литературы. Переводчикомъ на еврейскій языкъ этого обширнаго произведенія, послужившаго образцомъ для всѣхъ средневѣковыхъ романовъ, былъ жившій въ Константинополѣ *Иаковъ б. Меиръ Алаббан*; трудъ этотъ онъ исполнилъ для того, чтобы познакомиться съ исторіей Амадиса и Орианы и еврейскую публику, которая была не лишена сочувствія къ этой рыцарской романтикѣ и пониманія ея.

Значительнѣйшимъ еврейскимъ поэтомъ не только этого кружка, но и всего столѣтія, слѣдуетъ, однако, безспорно признать *Израиля б. Моисей Назара* изъ Дамаска (1587 г.). Онъ съ успѣхомъ разрабатывалъ всѣ виды средневѣковой поэзіи, многія изъ его сочиненій были введены въ различные ритуалы, а одно — субботняя пѣснь «*Jah Ribon Olam*» — даже во

всѣ израильскія общины. Число его напечатанныхъ синагогальныхъ стихотвореній простирается до пятисотъ; по достоинству они, конечно, не одинаковы, но форма во всѣхъ доведена до совершенства. Сборникъ стихотвореній Нагары подъ заглавіемъ: «Semiroth Jsrael» (Пѣснопѣнія Израиля) содержитъ въ себѣ большую часть его религиозныхъ произведеній, но въ концѣ помѣщены и свѣтскіе стихи, не лишенные прелести. Выше же всего — его гимны «Pismonim», которые были собраны только въ наше время. Авторъ, правда, послѣдователь прежнихъ гимнотворцевъ, не освободившійся притомъ изъ оковъ чужеземныхъ мелодій, но, не смотря на это, онъ умѣлъ извлечь новые и милые звуки изъ давно замолкнувшей Сіонской арфы. «Въ прекрасной формѣ, въ художественно переплетенныхъ ритмахъ, съ глубокою искренностью и набожностью пѣлъ онъ по примѣру древнихъ поэтовъ, и чувство, горѣвшее въ нихъ, настраивало и его то на жалобные, то на полные радостной надежды звуки; и онъ тоже, какъ они, обвиняетъ субботу и праздникъ вѣнками и золотыми шурками, на которыхъ висѣли жемчужины поэтического воодушевленія. Если и не натягивать онъ никакой новой струны на старой, богатой звуками Псалтыри, которая издала уже столько прекрасныхъ мелодій, то искусная его рука умѣла извлекать изъ инструмента звуки прежніе; это не былъ самостоятельный, творческій гений, но опытный, талантливый и серьезный виртуозъ». Изъ религиозныхъ утреннихъ пѣсней Нагары нижеслѣдующая можетъ дать понятіе о его своеобразности.

Тому, кто знаетъ, что скрыто во мнѣ,
Пою я мою пѣсню раннимъ утромъ.
Каждый день стучусь я въ Его дверь,
Иду къ Его священному мѣсту,
И перелагая чудныя дѣла Его въ слова,
Возглашаю ихъ раннимъ утромъ.

Шатромъ раскинулъ Онъ небо,
Твердою почвою распростеръ землю,
Врата створяетъ онъ на краю востока
Каждый день и каждое утро.

Солнце спѣшитъ туда, куда Онъ прикажетъ,
Подобно тому, кто выходитъ изъ великолѣпнаго шатра;
Ничто не укрывается отъ его блеска, который озаряетъ
И согрѣваетъ съ вечера до утра.

Когда заблещет ясный свѣтъ солнца,
Тогда всякій спѣшитъ къ своимъ обязанностямъ
И старается, чтобъ не оскудѣвало его прилежаніе,
И работаетъ съ раннаго утра.

Вставай, о, человѣкъ, ты, лѣнливо и вяло
Почивающій на своемъ мягкомъ, удобномъ ложѣ,
Вставай, пока еще темно, подымайся
И будь готовъ раннимъ утромъ.

Пѣсно, стремящуюся изъ твоей души,
Пѣсно, доносящуюся къ Владыкѣ и Господу,
Въ тотъ часъ, когда всѣ звѣзды поютъ ему въ общемъ хорѣ,
Пой и ты раннимъ утромъ.

Если ночью мысль твоя обращена къ Нему,
То днемъ Онъ ниспосылаетъ тебѣ Свою благодать,
Онъ изливаетъ на тебя Свою силу и крѣпость;
Поэтому спѣши и прибѣгай къ Нему утромъ!

Своеобразность Нагара состояла въ томъ, что своими религіознымъ пѣснямъ онъ давалъ свѣтскія мелодіи. При каждомъ отдѣльномъ стихотвореніи помѣщены иностранная пѣсня и ея мелодія, по которымъ сочинена пѣсня еврейская—приѣмъ, который не безъ аналогій и въ христіанской литературѣ гимновъ. Но Нагара все-таки придаетъ особенное значеніе тому, чтобы не отдавать свою музу на служеніе свѣтской поэзіи, чтобы не сочинять любовныхъ пѣсень, чтобы не осквернять своихъ произведеній «прославленіемъ земныхъ радостей и чувственныхъ восторговъ». На упреки, обращавшіяся къ нему набожными каббалистами, онъ успокоительно отвѣчалъ увѣреніемъ: «Если бы мелодіи оставались неизмѣняемыми, онѣ не запутывались бы въ сѣтяхъ иностранныхъ языковъ». Но упреки эти были отчасти основательны, ибо мелодіи нерѣдко заимствовались у пѣсень чисто свѣтскаго характера. Вотъ почему Нагара, не смотря на свою строгую набожность, подвергался сильнымъ нападеніямъ со стороны каббалистовъ, и мнѣніе, высказанное однимъ изъ тогдашнихъ предводителей этой партіи на счетъ поэта, все-таки принадлежавшаго къ ихъ же кругу, весьма характеристично для обѣихъ сторонъ. «Правда,—говоритъ Хаимъ Виталь,—что пѣсни, которыя сочинялъ Нагара—сами по себѣ хороши; но самъ онъ не стоитъ, чтобъ о немъ говорили, и кто поетъ его гимны, тому предстоитъ недоброе, ибо онъ всегда ведетъ неприличныя рѣчи и всю свою»

жизнь былъ постоянно пьянъ. Въ одинъ изъ дней трехъ траурныхъ недѣль его пригласили на обѣдъ къ Иакову Менидашу; тамъ онъ положилъ свою шляпу на землю, распѣвалъ громкимъ голосомъ пѣсни, и при этомъ ѣлъ мясо и пилъ вино до тѣхъ поръ, пока не напился пьянымъ». Вся жалкая доля поэта, оставшаяся одною и тою же во всѣ времена, съ ея бѣдностью и стѣсненіями, съ ея противодѣйствіемъ общественнымъ приличіямъ и предрасудкамъ, находитъ себѣ выраженіе въ этомъ разсказѣ, который каббалисту передалъ духъ одной одержимой бѣсомъ дѣвушки и который онъ самъ подтверждаетъ словами: «Я вполнѣдствіи сообщилъ это Нагарѣ, и онъ сознался мнѣ, что тутъ не было ничего выдуманнаго». Невольно этотъ эпизодъ изъ жизни поэта шестнадцатаго вѣка напоминаетъ намъ поэтовъ нѣмецкаго «періода геніевъ», которыхъ внутренняя жизнь была также разорвана и тревожна, какъ не знала устоя и покоя ихъ жизнь внѣшняя, и которые совершенно погибли жертвами противорѣчія между двигавшими ихъ временемъ элементами и тѣмъ поэтическимъ геніемъ, который одушевлялъ и вдохновлялъ ихъ самихъ.

Но въ ту пору, о которой мы говоримъ, этимъ двигающимъ элементомъ была Каббала, которая, благодаря смутнымъ и запутаннымъ современнымъ обстоятельствамъ, получила совершенно неожиданное развитіе. Частію вслѣдствіе реакціи противъ односторонняго занятія Талмудомъ и галахической работы рѣшениій, новеллъ, кодексовъ и респонсовъ, частію вслѣдствіе несчастнаго положенія дѣлъ и кровавыхъ преслѣдованій, Каббала распространялась все шире и шире и затягивала въ свои волшебныя сѣти всѣ умы. Но это была уже не испанская мистика, углублявшаяся въ вѣчную сущность вещей и съ горячею искренностью проповѣдывавшая любовь къ Богу,—а Каббала новая, постепенно сбрасывшая съ себя всякую философскую одежду и выступившая ожесточеннѣйшимъ врагомъ спекулятивнаго мышленія. Въ продолженіе двухъ столѣтій господствовала почти исключительно эта Каббала надъ еврействомъ, и только немногіе гордые умы имѣли силу вырваться изъ ея объятій. То были мрачныя столѣтія застоя и упадка въ умственной жизни, движеніе которой становилось все слабѣе и слабѣе и которая подвергалась опасности наконецъ совершенно погибнуть въ тинѣ отуманивающаго и одуряющаго аскетизма, встрѣчавшаго себѣ еще нѣкоторое противодѣйствіе только въ строгой законовѣдческой учености. Мессіанскіе фантазеры открыли этой новой Каббалѣ путь во всѣ страны, и расходилась она всюду до тѣхъ поръ, пока наконецъ не основала свою

резиденцію на Востокъ. И теперь туда обратились всѣ взоры, ибо оттуда должно было явиться такъ часто возвѣщавшееся освобожденіе. *Соломонъ Молло* и *Давидъ Реубени*, два изъ этихъ мессіанскихъ апостоловъ, успѣвають заинтересовать въ пользу своихъ фантастическихъ идей даже императора и папу, а угнетенныхъ, изъ страны въ страну скитающихся еврейскихъ эмигрантовъ—ужь я подавно; смерть Молло на кострѣ полагаетъ страшный конецъ ихъ величію и славѣ, но не пробужденнымъ и поддерживавшимся ими мечтательнымъ планамъ и надеждамъ среди евреевъ всѣхъ государствъ и земель. Давидъ Реубени выдалъ себя за брата правившаго въ Аравіи еврейскаго царя трехъ съ половиною племень, Іосифа, и нашелъ между марранами и евреями горячихъ приверженцевъ. Даже папа Климентъ VII относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и рекомендовалъ его португальскому королю Іоанну III, которому Давидъ предлагалъ помощь евреевъ противъ султана для завоеванія Палестины. Въ Португаліи его появленіе совсѣмъ свело съ ума несчастныхъ маррановъ. Соломонъ Молло призналъ его за Мессію и въ всяческихъ видѣніяхъ возвѣстилъ, что ожидаемое избавленіе состоится въ 1540 г. Въ каббалистическихъ проповѣдяхъ своихъ, появившихся въ Салоникахъ въ 1520 г., по настоянію его друзей, онъ восхвалялъ тайны Каббалы и весьма усердно и производительно распространялъ мессіанскія идеи Реубени, которыя тотъ провозгласилъ уже въ своихъ—находящихся еще въ рукописи—интересныхъ путевыхъ запискахъ или дневникѣ. Наконецъ Молло отправился къ папѣ, который принялъ его съ изумительною благосклонностію и защищалъ отъ всякихъ преслѣдованій: Климентъ VII былъ изъ фамиліи Медичисовъ, и христіанская Каббала находила въ его кругу пламенныхъ приверженцевъ. Молло возвѣщалъ «время благодати и любви», якобы наступившее по волѣ Господа и долженствовавшее скоро обнаружиться знаменіями и чудесами. Съ развѣвающимися знаменіемъ, на которомъ былъ вышитъ старый макевейскій девизъ: «Кто равенъ Тебѣ между богами, о, Господи!» (*Makhbi*—слово, составленное изъ начальныхъ буквъ этой фразы)—двинулись Молло и Реубени въ Регенсбургъ къ императору Карлу V, чтобы выпросить у него разрѣшеніе евреямъ переселиться на Востокъ, а по другому извѣстію—даже для того, чтобы обратить его въ еврейство. Но тамъ мессіанская мечта нашла себѣ плачевный конецъ. Императоръ велѣлъ арестовать обоихъ, и ихъ отвезли въ цѣпяхъ въ Мантую, гдѣ церковный судъ приговорилъ Молло къ смерти на кострѣ. Въ качествѣ «пріятной Господу жертвы» вошелъ въ огонь молодой мечтатель, выражая надежду, что «его душа войдетъ въ

Бога». Реубени былъ въ послѣдствіи заключенъ въ тюрьму испанской инквизиціи и, какъ говорятъ, даже отравленъ. Исторія обоихъ этихъ людей, съ приложеніемъ двухъ видѣній въ образѣ символическихъ звѣрей, была подъ заглавіемъ «*Chajjath Kaneh*» издана для пользы и поученія всѣхъ послѣдователей Каббалы и читалась повсюду самымъ усерднымъ образомъ.

Но со смертію обоихъ мессіанскихъ фантазеровъ отнюдь не уничтожилась фанатическая вѣра въ осуществленіе возбужденныхъ ими надеждъ. Одинъ итальянскій каббалистъ, *Иосифъ изъ Арми*, посредствомъ толкованія буквъ изъ стиховъ Исаи, возвѣстилъ, что обѣщанное Соломономъ Молхо мессіанское будущее наступитъ скоро, и смерть благороднаго мученика въ то же время найдетъ себѣ мстителя. Мстителя этого онъ—чему нельзя не подивиться—усматривалъ въ реформаціи, и торжественно провозгласилъ: «*Мартинъ* сдѣлаетъ нововведенія между государями и народами, ибо его господство будетъ сильно. Римъ отдастся на жертву грабежа, идолы навсегда разрушатся. Когда появится Лютеръ, Германія будетъ объединена; онъ увидитъ Климента, его государство, его жрецовъ и идоловъ, и станетъ мстить, произведетъ рѣзню... Израиль, теперь подавленный и гонимый, будетъ посредствомъ пяти кораблей десяти колѣнъ вознесенъ на высшую ступень своего величія... Эти тайны для Израиля: Господь возвѣщаетъ спасеніе, спасеніе Своему народу».

И точно также думали всѣ остальные, особенно на Востокѣ, гдѣ находилась колыбель новой Каббалы. Въ *Сафетъ* былъ питомникъ ихъ идей и мечтаній, резиденція ихъ учителей и руководителей. Испанскіе бѣглецы уже въ концѣ пятнадцатаго столѣтія ввели въ начинавшую процвѣтать общину свою Каббалу, и невольно приходишь къ мысли, что почва Галилеи, какъ это было уже въ годы древности, оказывалась особенно воспримчивою для мистическихъ увлеченій. Дѣйствительно, тамъ сейчасъ же собирается каббалистическій кружокъ, откуда исходятъ затѣмъ всѣ сочиненія и ученія, отличающія новую Каббалу отъ старой мистики, къ большой невыгодѣ для этой послѣдней. Сафетъ становится сценою каббалистическаго шабаша вѣдьмъ, въ которомъ злые духи и ангелы играютъ большую роль, и заклинанія, видѣнія, мистическій экстазъ, каббалистическое бѣснованіе становятся, виждѣтъ съ монашескимъ аскетизмомъ и неслыханною безнравственностью*, вполне зауряднымъ явленіемъ. Въ Са-

* О безнравственности въ современныхъ источникахъ ничего не сказано.

фетѣ Соломона Молко привѣтствовали съ особеннымъ восторгомъ, какъ вѣстника тѣхъ идей, осуществленія которыхъ съ полною увѣренностью ожидали при наступленіи каждаго новаго дня.

Тамъ, рядомъ съ трезвыми изслѣдователями Талиуда—и отчасти даже въ связи съ ними—образовался каббалистическій кружокъ, въ которомъ главными столпами этого новаго мистическаго направленія являются такіе люди, какъ *Моисей Кордуэро*, *Соломонъ Алкабицъ*, *Моисей Галанте* и его сыновья, *Иліа ди Видасъ*, *Моисей Алшейхъ*, *Моисей Басула*, особенно же *Исаакъ Лурія* и *Хаимъ Виталь*. Въ сочиненіяхъ *Моисея Кордуэро* (1522—1570 г.) Каббала, правда, имѣетъ еще подъ собою философскій фундаментъ; всю область своей науки онъ старался привести въ стройную систему въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «*Pardes Rimmonim*» (Рай * гранатныхъ плодовъ), которое оказало сильное вліяніе на приверженцевъ Каббалы. Значеніе этой послѣдней онъ съ успѣхомъ отстаивалъ и въ своихъ толкованіяхъ Библіи, въ комментаріи къ «Книгѣ Созданія» и въ разсужденіяхъ о молитвахъ. Кордуэро былъ человекъ очень ученый и изумительно трудолюбивый. Комментарій къ «*Sefer Iezirah*» составляетъ только часть его большого, обвинявшаго Каббалу во всѣхъ ея отрасляхъ, сборнаго сочиненія, которое онъ окончилъ и издалъ въ 1563 году въ шестнадцати толстыхъ фолиантахъ. Слава этого труда проникла и въ Италію, гдѣ Каббала тоже имѣла вѣрныхъ приверженцевъ, и богатый писатель *Менахемъ Азарія ди Фано*, авторъ не менѣе 28 каббалистическихъ сочиненій, заплатилъ вдовѣ Кордуэро 500 пединовъ за позволеніе переписать его работу. Рукопись эта, вполнѣдствіи поступившая въ мантуанскую герцогскую бібліотеку, есть, вѣроятно, единственный полный экземпляръ этого колоссальнаго труда. Кордуэро былъ зять и ученикъ *Соломона Алкабица*, превзошедшій, однако, своего учителя. Алкабицъ тоже объяснялъ библейскія книги по каббалистической методѣ, преимущественно же—«Пѣснь Пѣсней», «Эсфирь» и «Руфь»; онъ же авторъ и поэтическаго субботняго привѣта «*Lecho Dodi*» («Иди, другъ мой, на встрѣчу невѣстѣ!»),—который перешелъ въ большую часть молитвенныхъ ритуаловъ синагоги и въ которомъ повторяется припѣвъ:

На встрѣчу невѣстѣ! Иди, другъ,
И встрѣтимъ радостно Субботу!

И далѣе, не оставляя образа жениха и невѣсты, поэтъ продолжаетъ:

* Точнѣе: садъ.

«Охраняй» и «Помни» * въ одномъ звукѣ
Довѣрили намъ уста Единаго,
Который Единъ, котораго зовуть Единимъ,
Какъ славословится Онъ всѣми.

Слѣшите радостно на встрѣчу Субботѣ,
Источнику, откуда нисходитъ къ намъ благословіе,
Установленному съ превѣчности,
Концу творенія, началу замысла.

О, городъ Господа, о, роскошный дворецъ,
Встань изъ развалинъ послѣ долгаго отдыха!
Слишкомъ ужъ долго оставался ты въ долині слезъ,
Твой Богъ снова ниспослетъ на тебя Свою благодать.

О, стряхни съ себя прахъ и пыль,
Народъ мой! Облекись въ одежду веселья!
Потомокъ Иесея, благороднаго предка,
Придетъ избавитель изъ Вавелема.

О, поднимись въ свѣжей отвагѣ!
Приближается твой свѣтъ, ярко свѣтитъ онъ въ пламени.
Встань и запой хвалебную пѣснь:
Видишь—сіяніе Господа подходитъ, все озаряя собой!

Да не сгибаетъ тебя позоръ, да не наполняетъ тебя стыдъ,
Перестань вдыхать, подавленный печалью;
Бѣдныя моего народа находятъ у тебя защиту
И снова возстаютъ городъ на своемъ фундаментѣ.

Тѣ, которые грабили тебя, сами становятся добычею,
Исчезаетъ стая твоихъ гонителей;
Твой Богъ смотритъ на тебя съ нѣжною радостью,
Какъ женихъ радуется на свою невѣсту.

Ты расширишься во всѣ стороны,
Будешь распространять славу твоего Господа,
Благодаря ему, происходящему отъ Переца **,
Мы всѣ радуемся и ликуемъ.

* Начальныя слова стиховъ о субботѣ въ десяти заповѣдяхъ.

Ред.

** Перецъ — предокъ царя Давида (Руеъ, IV, 18 и слѣд.) и потомка его Мессіи.

Ред.

Входи съ миромъ, ты, утѣха своего супруга,
Привѣтствуемая съ весельемъ и наслажденьемъ,
Входи въ кругъ твоихъ вѣрныхъ—
Здравствуй, невѣста, здравствуй, невѣста!

Въ Каббалѣ Алкабца, какъ и его коллегъ, есть нѣчто, напоминающее нѣмецкій мистицизмъ. И для нихъ тоже человѣческая душа — невѣста Бога. И они вносятъ свое самоупоенье въ пламенные стоны любви «Пѣсни Пѣсней» и описываютъ ступени, по которымъ душа возносится къ своему небесному жениху. Это «обожествленіе души» старались и каббалисты Сафета поставить на философскомъ фундаментѣ и вѣстѣ съ тѣмъ закрѣпить богословски библейскимъ словомъ. Съ робостью и осторожностью дерзаютъ Алкабци вводить обрядности Каббалы въ молитвенный ритуалъ и въ Галаху; его преемники и ученики были уже въ этомъ отношеніи смѣлѣе; они не стѣснялись дѣйствовать самостоятельно по ученью Каббалы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Галаха не установила опредѣленной нормы. Большинство этихъ каббалистовъ-писателей были ученики самаго выдающагося законоучителя шестнадцатаго столѣтія, Іосифа Каро; поэтому они были еще довольно чужды тѣхъ крайностей, которыми отличалось послѣдующее каббалистическое поколѣніе, не обращая никакого вниманія на представителей Галахи, въ концѣ концовъ большую часть подчинившихся ихъ господству, и тоже вернулись къ первоначальнымъ источникамъ испанской Каббалы. Такъ дѣйствовала именно жившій въ Египтѣ *Меиръ ибнъ Габбаи*, испанскій выходецъ, который въ своемъ большомъ трудѣ «Abodath Hakodesch» (Работа Святыни)—1531 г.—тоже представилъ нѣчто въ родѣ введенія въ Каббалу и сверхъ того написалъ комментарий къ десяти сефиротъ того Азриэля, который считался учителемъ Нахмани. Габбаи—писатель умный, и его изложеніе не лишено ясности. Но ясность эта, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе исчезаетъ въ кругу каббалистовъ сафетскихъ. Многословныя искусственныя толкованія *Моисея Алшейха*, котораго славили какъ героя экзегетики; объясненія къ «Зогару», изучавшемуся теперь болѣе, тѣмъ когда либо, *Авраама* и *Моисея Галанте*, изъ которыхъ первый издалъ также мистическое толкованіе «Плача Іереміи», а второй—респонсы и новеллы; этическое сочиненіе *Эли Видаса* «Reschith Chokmah» (Начало Мудрости), которое, не смотря на темноту своего изложенія и на мистическій аскетизмъ, проповѣдывавшійся здѣсь рядомъ съ превосходными идеями, пользовалось огромною и широко распространенною славой,—всѣ эти труды

указываютъ на тотъ печальный путь, по которому теперь пошла Каббала и который рано или поздно долженъ быть привести ее къ гибели.

Кружокъ сафетскихъ каббалистовъ образовала уже изъ себя формальное общество, принявшее названіе «Иуди Мира», въ которомъ каждую пятницу каждый членъ долженъ былъ совершать пѣтче въ родѣ исповѣди. До такой степени Каббала, въ ея заблужденіяхъ, отступила уже отъ ученія библейскаго еврейства! Боготвореніе ея героев и мучениковъ переходило уже при ихъ жизни въ какой-то религіозный культъ, который былъ не менѣ чуждъ идеаламъ еврейства. Высшей ступени своей эти крайности мистики достигли въ двухъ славнѣйшихъ дѣятеляхъ ея—Исаакѣ Луріа и Ханіѣ Виталѣ. Съ появленіемъ этихъ двухъ личностей Каббала собственно и вступила въ новый свой фазисъ. Она сбросила съ себя философскую оболочку и сдѣлалась простымъ ученіемъ о чудесахъ, въ которому присоединились же-мессіа, небесныя явленія, видѣнія, злиме духи, магическія формулы, восторженное забытѣ и заклинанія.

Исаакъ Луріа—или, собственно, Исаакъ Ашкенази (1532—1572 г.)—происходилъ изъ нѣмецкаго семейства въ Іерусалимѣ. Рано ознакомленный Давидомъ ибнъ Зимрономъ съ талмудическою литературою, онъ скоро началъ стремиться за предѣлы ея, въ тайны Каббалы. Послѣ семилѣтней жизни его въ полномъ одиночествѣ, Каббала открыла мечтательному и надѣленному богатою фантазіей человѣку свои врата, и молва о его чудесахъ, о его таинственной мудрости, распространилась уже скоро послѣ того повсюду, хотя Луріа ничего не написалъ и отклонялъ всѣ обращавшія къ нему просьбы изложить свое ученіе на бумагѣ. Въ область мистики, гдѣ Луріа могъ свободно двигаться во всѣ стороны, не имѣя надобности склоняться подъ ярмо закона, ввелъ его фантазію, далеко неудовлетворяющуюся одностороннимъ талмудизмомъ, именно «Зогаръ», который, вопреки сильному противодѣйствію итальянскихъ раввиновъ, теперь все-таки появился въ печати. Въ уединенномъ жилищѣ на берегу Нила часто появлялся нашему мечтателю въ ночныхъ видѣніяхъ пророкъ Ілія, и отъ него узнавалъ Луріа глубочайшія тайны Каббалы. Потомъ пророкъ убѣдилъ своего избранника отправиться въ Сафетъ и тамъ возвѣстять людямъ новое Откровеніе. Въ Сафетѣ, само собою разумѣется, вокругъ новаго пророка собрались всѣ каббалисты и равностные ученики, начавшіе жадно внимать его урокамъ и всюду распространять ихъ. Но полное своего значенія и авторитета Луріа достигъ только чрезъ посредство самаго выдающагося изъ своихъ учениковъ, *Хаима Виталя Калабресе* (1543—1620 г.), ро-

докъ итальянца, который отъ Талмуда перешагъ къ алхиміи, а оттуда, по закону правильной послѣдовательности,—къ Каббалѣ. На Тиверіадскомъ озерѣ, выпивъ води изъ источника Миріамова, открылъ учитель ученику свои каббалистическія тайны, а тотъ пошелъ провозглашать ихъ по всему свѣту. Теорія новой Каббалы сдѣлалась предметомъ множества книгъ и преповѣдей. Послѣ смерти Лурія, Виталь собралъ все, что было записано съ его словъ его учениками, и систематически надалъ въ многіхъ сочиненіяхъ. Изъ нихъ одно—«Ез Насхајимъ» (Древо Жизни) представляетъ собою обширное изложеніе всего мистическаго ученія, другое—«Sefer Haggilgulimъ» заключаетъ специально разработанную доктрину «о переселеніи душъ», третье—«Schibche Rabbi Chajim Vitalъ» (Похвала рабби Ханну Виталю) есть родъ автобіографіи, въ четвертомъ — «Sefer Halikutimъ» собраны экстракты изъ ученія Исаака Лурія. Что именно въ этихъ послѣднихъ принадлежитъ самому Лурію, а что—его пророку, прославлявшему его какъ Мессію, это рѣшить невозможно; фактъ только тотъ, что Виталь послѣ смерти своего Мессіи объявлялъ, не встрѣчая никакихъ противорѣчій, что всякія другія, приписываемыя Лурію сочиненія или ибѣнія поддѣльны. Такимъ образомъ, на основаніи собраннаго этнѣи ученикомъ, широко распространившимъ славу учителя и послѣ его смерти, мы имѣемъ право возсоздать систему новой Каббалы, главнѣйшимъ представителемъ которой является Лурія.

Какъ видно, новое ученіе имѣло въ своемъ основаніи если не прямо явную, то во всякомъ случаѣ замѣтную оппозицію противъ Талмуда, равно какъ и противъ старой Каббалы. Всѣ жаждали новаго Откровенія, и Исаакъ Лурія удовлетворялъ этой потребности, внесши въ «Зогаръ» нѣчто въ родѣ системы и, въ эту систему вложивъ въ свою очередь столько тайнъ, что онѣ могли дать богатую пищу самой пылкой фантазіи и довести до экстаза самую трезвую и холодную натуру. Правда, система эта складывалась изъ тѣхъ элементовъ, которые нашли себѣ мѣсто уже въ «Книгѣ Созданія», а затѣмъ были расширены испанскими каббалистами; но новое ученіе вышло за эти предѣлы и стремилось даже къ установленію болѣе высокихъ воззрѣній, воспользуясь низшими элементами разработывавшейся теперь до послѣдней крайности игры буквами и числами. Средоточіемъ здѣсь явилось, натурально, безконечное существо — En Sof,—къ которому сводится все. Но число ступеней, изъ которыхъ обнаруживаются міровые порядки, было новою системою увеличено. Такимъ образомъ, посредствомъ эманации возникли созданіе матеріи, обра-

зование формъ, раздѣленіе на отдѣльныя части, которыя въ свою очередь дали жизнь Kelipoth (наружные отброски, скверлупы), прачеловѣку — Adam Kadmon — длинному лицу, короткому лицу, искрамъ и сосудамъ, сосанію и росту, соединенію и разъединенію. Отъ избытка содержимаго, — такъ говорить это ученіе, — сосуды лопнули и образовался новый хаосъ съ семью ступенями, изъ котораго вышелъ затѣмъ новый міръ. Задача новой Каббалы состояла съ этихъ поръ въ томъ, чтобы указывать путь отъ наружныхъ отбросковъ къ одухотворенію, къ божественному порядку (Olam Hatikum), и эту часть системы можно считать единственно новою мыслью въ ней. Она примыкаетъ къ двойственному ученію о странствованіи душъ и забремененіи душъ, составившему средоточіе Каббалы Лурія, которому казалось, что онъ постигъ тайну прохожденія душъ, ихъ средства и развѣтвленія. Съ постиженіемъ этой тайны раскрылись ему врата царства духовъ, которыхъ онъ теперь могъ вызывать и заклинать. Его каббалистическій міръ населенъ самостоятельными духами въ значительномъ числѣ. У всякой стихіи, животнаго, воздушнаго явленія, образованія земли, растенія, небснаго тѣла — есть начальствующіе ангелы, которые имѣютъ въ своемъ подчиненіи сонъ второстепенныхъ духовъ *. Но въ противоположность ангеламъ существуютъ и зловредные духи — демоны, сатаны, черти и искусители; здѣсь же и демоны женскаго пола — Лилитъ. Самъ Лурія находится въ сношеніяхъ съ душами и духами героевъ Библии, талмудистовъ, главныхъ же образомъ — Симона б. Юхан, какъ творца Каббалы, и отъ нихъ узнаетъ тайны будущаго. Съ высоты своего идейнаго міра онъ, конечно, смотрѣлъ на земное существованіе, земныя суеты — не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Въ высшей степени характерично, что новая Каббала относилась къ изученію Талмуда довольно пренебрежительно. На первомъ планѣ стояла для нея Библия, въ которую она, посредствомъ буквенныхъ чиселъ и перестановки буквъ, вела всѣ свои понятія и идеи, затѣмъ шла Каббала, а уже только вслѣдъ за нею — Мишна и Талмудъ, изучать который не совѣтовали тѣмъ, кто до этого не занимался Каббалой.

Весьма понятно, что въ эту пору жажды всякихъ чудесъ, когда на 1575 г. снова обѣщано было искупленіе и освобожденіе міра, Лурія

* Вѣрнѣе будетъ сказать, что Лурія и его школа энергически пропагировали это воззрѣніе, которое находится уже въ древне-раввинскихъ источникахъ и сильно распространено въ Зогаръ и родственныхъ ему по духу сочиненіяхъ.

всюду находить вѣрныя и пламенные приверженцы, что его ученіе эти послѣдователи распространяли по всѣмъ еврейскимъ общинамъ, что всездѣ ему внимали съ вѣромъ и надеждою. Съ особенною быстротой распространилось оно преимущественно въ Польшѣ, гдѣ находится центръ тяжести талмудической умственной жизни послѣ-испанскаго періода, и въ Италіи, гдѣ доставила ему нищу Каббала христіанская. Въ Италіи почва для новаго ученія была уже подготовлена нѣсколькими каббалистами, каковы *Барухъ Бенвенито*, *Мардохай Дато*, вышеупомянувшійся нами *Меняхемъ Азарія ди Фано*, *Исаакъ ди Латеси*, юридическія мнѣнія котораго служатъ особенно цѣннымъ источникомъ для исторіи того времени и чьему одобренію обязанъ «Sohar» своимъ первымъ появленіемъ въ печати, *Аронъ Берехія ди Модена*, авторъ «Maabar Iabok», наполненнаго каббалистическими идеями и весьма распространеннаго трактата о набожныхъ обязанностяхъ относительно больныхъ и умершихъ,—и другіе, работавшіе въ томъ же направленіи. Каббалу Луріанской школы распространялъ тамъ *Израиль Серукъ*, а ученикъ его *Авраамъ де Геррера* пытался дать ей научную окраску посредствомъ неоплатонической философіи. Израиль Серукъ написалъ комментарий къ мистической субботней пѣснѣ Луріи и распространялъ всюду. Воззрѣніе его на субботу, которая признавалась праздничнымъ днемъ въ этой каббалистической системѣ и была приправлена всевозможными мистическими прибавками, мотивами и обрядами. Суббота являлась здѣсь «мистическою невѣстой», которую приветствовали пѣснями и чествовали трапезами въ «часъ разлуки съ невѣстой». Аврааму де Геррера (1639 г.), одному изъ потомковъ маррановъ, пришлось посему перевести на еврейскій языкъ свои каббалистически-философскія сочиненія—«Божій Домъ» и «Небесныя Врата» (Beth Elohim), «Scha'ar Haschatajim»), что онъ исполнилъ чрезъ посредство проповѣдника Исаака Абоаба въ Амстердамѣ. Эти произведенія дѣйствовали съ неотразимою силою и особенно долго сохранили свое вліяніе въ амстердамской сефардской общинѣ.

Такимъ образомъ у Каббалы не было недостатка и въ поэтическихъ побужденіяхъ. Конечно, ими отнюдь не могъ вознаградиться тотъ безконечный вредъ, который это новое ученіе производило во всѣхъ общинахъ. Рядомъ съ талмудическимъ еврействомъ возникло еще еврейство, и притомъ такое, которое служило тьмѣ, тогда какъ первое не боялось яркаго дневнаго свѣта. Всѣ силы темнаго царства, казалось, пробудились теперь и вступили въ обладаніе міромъ. Настало мрачное время, когда чудотвор-

ство Каббалы и мистическое самоубоженіе аскетнама вступу совершали свои оргіи и всё высшія стремленія человека приносили въ жертву этимъ таиннымъ силамъ.

Даже въ Галаху, представители которой одни только и стояли прочно на своемъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ не было проходу отъ чудесъ и духовъ—даже въ Галаху старалась найти себя доступъ Каббала. Но это не удалось ей, потому что нравственная серьезность и религиозное рвеніе талмудистовъ—даже при нѣкоторыхъ уступкахъ, которыя приходилось во временахъ дѣлать новому направлению—въ концѣ концовъ все-таки возвращали ихъ къ единственно полноправной Галахѣ. И только неутомимому служенію этихъ представителей чистаго еврейства своему закону послѣднее обязало тѣмъ, что каббалистическая язва не произвела въ матерѣ Израиля еще болѣе сманныхъ опустошеній. Здѣсь опять, какъ это всегда случается въ поворотные моменты духовной жизни человечества, появился, среди общей путаницы и общаго ослѣпленія, трудъ, подѣйствовавшій руководящимъ образомъ на развитіе талмудическаго еврейства и сведшій всё его положеніе и догматы въ одно систематическое цѣлое. Какъ Мишна обозначаетъ собою конецъ падастискаго господства въ еврействѣ, которое затѣмъ переноситъ свой центръ тяжести въ Вавилонъ; какъ Талмудъ представляется законченнымъ послѣ того, какъ вавилонское направленіе достигло своей послѣдней ступени; какъ кодексъ Маймуни свидѣтельствуетъ о высшемъ развитіи испанско-арабскаго еврейства, а кодексъ Иакова б. Ашера возвѣщаетъ побѣду нѣмецко-французскаго направленія въ талмудизмѣ,—такъ теперь возмѣщается новое сочиненіе, соответствующее измѣнившимся современнымъ возрѣніямъ и силамъ—теперь уже въ послѣдній разъ—вдвигающее къ стройную систему все зданіе Галахи. *Иосифъ Каро*— имя человека, которому удалось исполнить этотъ большой трудъ. *Иосифъ б. Эфраимъ Каро* (1488—1575 г.) въ качествѣ испанскаго изгнанника прибылъ на Востокъ и явился съ собою огромный запасъ учености, которую онъ безпрестанно увеличивалъ изученіемъ Талмуда. Онъ былъ ученикъ Якова Бараба, который рукоположилъ его въ раввины и мѣсто котораго онъ занималъ впоследствии. Самый большой трудъ его—«Домъ Іосифа» (*Beth Josef*), надъ которымъ онъ работалъ почти 35 лѣтъ. Это—комментарій къ четыремъ «*Turim*» Иакова б. Ашера, гдѣ онъ собралъ всё вошедшій въ силу послѣ разоренія храма талмудическія галахическія рѣшенія вмѣстѣ съ относящимися сюда же добавленіями и

комментаріями всѣхъ позднѣйшихъ редакцій, и установилъ такимъ образомъ окончательную Галаху—трудъ изумительной учености и не лишенный критическаго систематизированія. Въ предисловіи авторъ самъ перечисляетъ тридцать два болѣе или менѣе объемистыхъ сочиненія, которыми онъ пользовался. Девять лѣтъ спустя Каро сдѣлалъ изъ этого многотомнаго произведенія экстрактъ — пользующееся большою извѣстностью «Schulchan Aruch» (Приготовленный Столъ), «которое можно проштудировать въ тридцать дней». Приемъ, который употребленъ здѣсь авторомъ, — рѣшеніе вопросовъ по авторитетамъ. Главнѣйшихъ авторитетомъ у него три: Алфаси, Маймони и Ашеръ б. Іехиель. Въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ они согласны между собою, всякое противоположное мнѣніе другихъ талмудучителей Каро оставляетъ безъ вниманія. Когда же между ними оказывается разногласіе, авторъ рѣшаетъ по большинству голосовъ. «Schulchan Aruch», державшійся одинаковой системы рѣшеній съ четырьмя «Turim» Іакова б. Ашера, быстро приобрѣлъ большое значеніе и безусловно удерживалъ его за собою во всемъ еврейскомъ мірѣ до прошедшаго столѣтія. Но не совсемъ справедливо признавать этотъ трудъ книгою закона, которая одна имѣетъ въ этомъ отношеніи для евреевъ силу и значеніе, ибо въдѣ Каро извлекаетъ только Галаху изъ Талмуда и первыхъ комментаріевъ и выставляетъ ихъ рѣшенія обязательными и руководящими. Значеніе работы Каро заключается скорѣе въ томъ, что она положила конецъ разбросанности, бывшей слѣдствіемъ гоненій и страствованій, разныхъ школъ и направленій, и соединила всю галахическую систему догматической учености въ одномъ трудѣ, который не безъ основанія называли художественнымъ произведеніемъ, благодаря его архитектурной постройкѣ.

Легко обвинять подобную работу въ лишенной смысла неподвижности и чисто-внѣшнемъ характерѣ; но несправедливо дѣлать одно лицо ответственнымъ за результаты идущаго впередъ развитія, которое должно объяснять историческими условіями. Іосифъ Каро—только звено въ этой цѣпи, тянущейся отъ норы первыхъ испанскихъ эмигрантовъ по всей исторіи еврейской религіи. Но когда говорить, что еврейство Каро не есть религія Синаи и что отъ него не вѣетъ духомъ Исаи или Маки, то не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду все великое историческое развитіе еврейства, который чтитъ еврейство Вавилонъ, какъ св. ученіе и высшее познаніе, но при этомъ развивалъ въ практикѣ и еврейство Талмуда, какъ фактическое приложеніе закона и исповѣданія, — точно также какъ нельзя за-
бывать и то, что этому второму развитію въ практикѣ средневѣковую

эпоху оказывали существенное содействие прослѣдованію евреевъ и отчужденію ихъ отъ общей культурной жизни. Въ трудѣ Каро это разнородное развитие нашло себѣ полное выраженіе; съ нимъ же и талмудическое законоученіе достигло своей полной законченности. И въ этомъ заключается его историческое значеніе для исторіи литературы. Но причиною авторитетности, приобретенной имъ въ то время во всѣхъ еврейскихъ сферахъ—какъ на Востоцѣ, такъ и въ Германіи и Польшѣ, послужило, быть можетъ, то обстоятельство, что это сочиненіе отражало въ себѣ самыя вѣрныя образы характеръ религіозныхъ воззрѣній той эпохи. Оно держалось одинаково далеко какъ отъ философіи Майнуни, такъ и отъ Каббалы Луріи, и такимъ путемъ быстро приобрѣло господство въ религіозной практикѣ еврейства. Оно повсюду увеличивало свой объемъ добавленіями, расширялось суперъ-комментаріями, приправлялось ссылками, указаніями и т. п.; въ немъ дѣйствительно можно видѣть «носильный камень въ аданіи тысячелѣтій».

Каро написалъ сверхъ того еще комментарий въ «Mischneh Thora» Майнуни, въ которомъ онъ высказываетъ прекрасныя философскія воззрѣнія, затѣмъ — методологическое сочиненіе о Талмудѣ, дополненіе къ «Beth Josef», большое количество рецензій, которые потомъ были собраны и изданы, суперъ-комментарій къ толкованіямъ Библии Раши и Нахмани, и наконецъ—комментарій въ Мишнаѣ; но послѣднія три сочиненія остались непечатанными.

Что жизнь такого человѣка была изукрашена легендой—это весьма понятно. Не менѣе понятно и то, что Каббала старалась втиснуть его въ свои сѣти. Устоялъ-ли Каро противъ ея искушеній въ молодости—это сомнительно; но несомѣнно, что въ его галкическія сочиненія она не нашла себѣ доступа. Тамъ не менѣе она дѣйтельно старалась возвысить автора, какъ одного изъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей. Повсюду стали распространять слухи, что высшее существо, именно духъ Мишны, сообщило Каро тайны, и что въ его талмудическія знанія и работы былъ онъ прославленъ голосомъ, сошедшимъ съ неба въ ночь праздника пятидесятницы, для котораго каббалисты выработали особенный ритуалъ. И уже черезъ 75 лѣтъ послѣ смерти Каро появилось сочиненіе «Maggid Meascharim» (Возвѣститель Праведныхъ), въ которомъ онъ самъ излагаетъ, въ формѣ комментарія къ Библии, вышеупомянутыя божественныя откровенія каббалистической мудрости и гдѣ постоянно съ точностью обозначается число мѣсяца, когда Магидъ говорилъ съ нимъ. Эти замѣчанія были потомъ еще рас-

-ширены, и мѣхъ вездѣ признавали за произведение Каро, хотя оны отнюдь не принадлежатъ въ этой работѣ, обогатившей единичъ податкомъ болѣе и безъ того богатую всею-эпиграфическую литературу Каббалы*.

Съ Юсифомъ Каро законодѣтельная ученость въ извѣстномъ направленіи, повидимому, заманчиваеца, и талмудизмъ естественно приходитъ въ связь съ его сочиненіемъ во всѣхъ неслѣдственныхъ собраніяхъ законовъ, комментаріяхъ и респонсахъ. Но не ученые его являются продолжателями его научной дѣятельности и довершителями строившагося имъ зданія. Они, напротивъ того, посвящаютъ себя большею частью Каббалѣ; таковы: Моисей Алштейнъ, Моисей Кордуеро и др. Сочиненіе же Каро доказывается и продолжается въ Польшѣ, гдѣ талмудизмъ въ ту пору достигъ высшей степени процвѣтанія. За то на Востокахъ Каббала побѣдоносно распространяется все больше и больше, и паломные паломники, идущіе ко св. мѣстамъ, чтобы такъ покончить жизнь въ такой созерцательности, оказываются самыми вѣрными приверженцами новаго направленія. Самой литературѣ ни это послѣднее, ни эти странствія ко святымъ мѣстамъ не приносятъ никакой пользы. Напротивъ того, аскетизмъ, уединенное затѣнѣніе—увеличиваются все больше и больше и естественно распространяются также на письменность. Одинъ только между этими паломниками выдается изъ восточнаго кружка каббалистовъ — *Исаія Галеви Гурвицъ*, родомъ изъ Польши, окончившій въ Палестинѣ сочиненіе, составлявшее трудъ всей его жизни. Книга эта — «Schne Luchoth Haberith» (Двѣ Скрышки Завета), сокращенно называемая Scheloh, служитъ намъ намъ въ своихъ недостаткахъ, такъ и въ достоинствахъ характеристическимъ выраженіемъ того времени и его стремленій. Подобно своему современнику, Якову Бѣне, Гурвицъ старался соединить философію и мистику и посредствомъ нѣхъ обогатить религію. Фантазія, чувство, собственное мнѣніе, философія и Каббала—являются у него въ очень странной связи. Мистическая тѣнь лежитъ на книжочномъ сочиненіи его, которое, однако, часто озаряется молніей чистаго познанія. Каббалистическія бредни въ духѣ Луринъ перѣдко уступаютъ мѣсто ученію библейской морали, идеаламъ богобоязни и любви къ человѣку. Эта послѣдняя признается имъ за источникъ первой. «Десять заповѣдей,—говоритъ онъ,—начинаются словами: «Я—Вѣчный, твой Богъ» и оканчиваются: «Всего, что принадлежитъ твоему ближнему». Твой ближ-

* Вопросъ о подложности означеннаго сочиненія еще не рѣшенъ окончательно.

ний, следовательно, есть «фундаментъ, на которомъ покоится все ученіе». Любая къ библіиному ведетъ къ любви къ Богу. Все сочиненіе представляеть собою въ нѣкоторой степени энциклопедію еврейства; оно охватываетъ всѣ отрасли науки, съ большими уклонъ принадлежать въ свою область старыя основныя принципы Галахи и древнія ея толкованія, но при этомъ также возмѣшаетъ съ рѣдкою ясностью ученія и идеи философовъ. Автору очень хотѣлось бы даже приписать философію съ зѣрой, не такъ, чтобы не дѣлать со стороны религіи рѣшительнаго никакихъ уступокъ мысленію. Во всемъ томъ, однако, что касается ученія морали, Гурвиць держится идеальныхъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи его трудъ есть одно изъ своеобразнѣйшихъ созданій, какия когда либо творили духъ еврейства, точно также какъ относительно мистика и толкованій Каббалы ему должно быть отведено мѣсто на ряду съ самыми влиятельными явленіями того времени. Гурвиць написалъ также комментарий къ молитвеннику, — собственно дополненіе къ сочиненію его отца, — который тотомъ былъ изданъ его правнукомъ. Ученость и набожность были постоянномъ принадлежностью этого семейства, для котораго Исаія Гурвиць собственно и называлъ свою книгу; но, не смотря на это, она, особенно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ научныя знанія еще не распространились, сдѣлалась и долго оставалась народною книгой въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Гнетущая атмосфера, лежащая, едвали, на сочиненіи Исаія Гурвица, есть характеристическая черта времени, которому оно вполнѣ соответствовало по нравному воззрѣнію на жизнь и болѣзненному аскетизму. Воздухъ былъ весь пропитанъ самыми несбыточными надеждами, идеями и планами, фантазія людей возбуждена до послѣдней степени и волна напряженнаго ожиданія всякихъ чудесъ. Тысячи зѣвующихъ со дня на день ждали пришествія Мессіа, который — согласно обѣщаніямъ Дуринъ — долженъ же былъ въ концѣ концовъ явиться, «хотя бы даже настоящее поколѣніе не было того достойно», и эта надежда возрастала все больше и больше, по мѣрѣ постепеннаго усиленія страданій и поддерживавшихся вни жадныхъ стремленій къ лучшему. Суевѣріе возросло до безумнаго бреду и такимъ образомъ проложило дорогу для новаго Мессіа, который неслилъ на это движеніе глубже, чѣмъ всѣ его предшественники, и слѣды котораго до сихъ поръ еще не совсѣмъ забыты. Это былъ *Саббатай Цеви*, уроженецъ Смирны, очень своеобразная личность, смѣсь героя и искателя приключеній, родившійся въ томъ самомъ году (1626), когда Исаія Гурвиць тайно оставилъ Іерусалимъ. Уже двадцатилѣтнимъ юношей выступилъ онъ

въ качествѣ Мессіи и возвѣстять, что время освобожденія наступило. Это произошло въ 1648 г.—тяжеломъ для евреевъ Польши году, который уже и безъ того былъ заранее объявленъ «Этаронъ» какъ время освобожденія. Саббатай провозгласилъ себя общинами Мессіею, произнесъ освещенный тетраграмматонъ *. Правда, раввины его гонѣли, и главнымъ образомъ — извѣстныи своими респонсами и талмудическими комментаріями *Иосифъ Искаффа* отлучали отъ церкви Саббатай и его приверженцевъ. Но это нисколько не остановило возбужденнаго движенія, а, напротивъ того—только помогло ему расширяться. Саббатай приобрѣталъ все больше и больше послѣдователей и съ этими юношами-мечтателями проходилъ по всѣмъ странамъ. На этомъ пути присоединялось къ нему много новыхъ приверженцевъ и пророковъ, каковы, напр., *Наманъ* изъ Газы, разнесшій славу Саббатай повсюду, *Рафаэль* и др. Въ Иерусалимѣ это странное шествіе на время остановилось. Тутъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ отречекъ, должно было въ 1666 г. совершиться спасеніе міра. Но въ Иерусалимѣ раввины выступили рѣшительными противниками Саббатай, и онъ снова двинулся дальше—въ Спирну, гдѣ произвелъ страшное возбужденіе и ликованіе по всей общинѣ. Путаница началась невообразимая. Одни готовились въ предстоящему царству Мессіи новыми политическими формулами и самымъ безумнымъ аскетизмомъ; другіе, слѣдуя за красавицей-невѣстой Мессіи Сарою, ожидали наступленія новаго міроваго порядка въ восторженномъ чувственномъ объявленіи. Происходившее въ Спирнѣ нашло себѣ подражаніе повсюду. Посредствомъ извѣщений самаго фантастическаго свойства, которыя разсылались по всѣмъ общинамъ тайный секретарь Саббатай *Самуэль Примо*, мессіанская горячка распространилась повсюду. Вездѣ появлялись новые пророки, заговявшіе своими экстазами върующіхъ въ лагерь Мессіи, который наконецъ достигъ высшей ступени могущества и объявилъ себя «царемъ евреевъ». Раввинское еврейство смотрѣло на это движеніе или со страхомъ, или съ тайною радостью. Только немногіе энергичные люди, напр., *Яковъ Саспермаксъ* въ Амстердагѣ, *Иосифъ Леви* въ Ливорно, отваживались подымать голосъ противъ этихъ безобразій; но оппозиція ихъ совершенно заглушалась общинъ дикими шумомъ. Приверженцы Саббатай зашли даже такъ далеко, что, не дождавшись наступ-

* Евреи не произносятъ четырехбуквеннаго имени Божія по причинѣ его святости и неизвѣстности настоящаго его провозношенія, которое станетъ извѣстнымъ только по ирешетайн Мессіи.

ленія новаго мірового порядку (Olam Natikun), уже сами какъ бы установили его отиѣсно равнинскитъ законоположеній, не вызвавъ этихъ протеста даже со стороны набожныхъ. Манифесты Саббатая начинались богоульными словами: «Я, Господь, вашъ Богъ, Саббатай Себи!»

Когда новый Мессія прибылъ наконецъ въ Константинополь, «чтобы низложить султана» и вернуть разсѣяннаго Израіля въ обѣтованную страну, турецкое правительство арестовало его и отвезло въ цѣпяхъ въ Дарданельскій замокъ. Теперь герой обратился въ искатели приключеній, и трагедія сдѣлалась фарсомъ. Саббатаю пришлось играть очень жалкую роль. Но въ «башнѣ Побѣды» — такъ называли его приверженцы тюрьму — сила и власть его все-таки продолжали возрастать. Изъ всѣхъ странъ стекались сюда тысячи евреевъ, чтобы раздѣлять страданія Мессіи. Наконецъ султанъ Магометъ IV призвалъ его къ себѣ и склонилъ къ обращенію въ исламъ. Саббатай принялъ магометанскую вѣру — и этимъ пѣсня его была спѣта. Правда, приверженцы его утверждали, что это не онъ, а двойникъ его переимѣнилъ вѣру *. Но противная партія теперь все усиливалась и стала принимать мѣры противъ мессіанскаго движенія, которое совсѣмъ окончилось только съ изрваніемъ Магомета-Эфенди — такъ звался Саббатай послѣ перехода въ исламъ. Умеръ онъ въ 1676 г. въ городкѣ Дулицинь въ Албаніи. Но путаница, устроенная имъ въ челоѣческихъ головахъ, не уничтожилась съ его смертію. Она нашла себѣ самое вѣрное выраженіе въ современной литературѣ. Еще цѣлое столѣтіе послѣ того шла между партіями борьба на счетъ мессіанства Саббатая. Если бы мы захотѣли отыскать болѣе глубокія идеи, лежавшія въ основаніи этого движенія, то не нашли бы уже ничего, кромѣ еще болѣе — если это возможно — разведенной водою Дуріанской системы, съ мистико-философской окраской. Міровой строй, какимъ изображала его Каббала, былъ испорченъ. Міръ не могъ осуществить тотъ идеаль, для котораго создалъ его «Святой Старикъ»; только посредствомъ Саббатая Себи, «святого царя» (Malkha Kadischa), воскресшаго «нервобитнаго челоѣвѣка» (Adam Kadmon), достигъ этотъ строй своего полнаго совершенства и люди познали Бога надлежащими образомъ. «Тайна Бога» состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что Мессія представлялся какъ лицо вполне тождественное съ Богомъ. Это ученіе объ эманации есть единственно по-

* Значительная же часть его учениковъ оправдывала поведеніе своего предводителя и послѣдовала его примѣру.

вая вещь во всей дикой системѣ, которая разъясняется подробно въ од-
номъ, приписываемомъ Саббатаю Цеби сочиненіи, на самомъ же дѣлѣ оно
гораздо скорѣе вышло изъ-подъ пера одного изъ учениковъ и пророковъ
Саббатая, которые весьма громкогласно и красворѣчиво проповѣдывали въ
литературѣ его мессіанство. Рядомъ съ первыми изъ этихъ пророковъ,
Натаномъ Газзати и *Саббатаемъ Рафаелемъ*, которые и послѣ пе-
рехода яже-мессіи въ нагометанство прочно держались своихъ убѣжденій,
слѣдуетъ назвать главнымъ образомъ *Авраама Михаила Кардозо*,
фантастическаго борзописца, котораго «*Boker le-Abraham*» (Утро Ав-
раама) разоблачаетъ систему сabbатіанства во всей ея безобразной чудо-
вищной путаницѣ. Идея Кардозо имѣютъ явную кристологическую окраску
и выходятъ далеко за предѣлы новой Луріанской Каббалы. Одинъ поле-
мизировавшій съ нимъ писатель упрекаетъ его даже въ неслѣдливыхъ
стихахъ, что онъ пошелъ по стопамъ Лютера и Кальвина! Это склоненіе
sabbатіанства въ христіанству открыто проповѣдывалось *Неэмією Хією*
Хаюномъ. Въ своемъ сочиненіи «*Rasa di-Jichuda*» (Тайна Единства)
онъ не стѣсняясь выставлялъ ученіе о тринности догматомъ еврейской
вѣры. Три существа, — говорилъ онъ, — (*Parzufim*) соединены въ божествѣ:
«Священный первобытный Старецъ» или душа всѣхъ душъ, «Священный
Царь» или воплощеніе Бога, и принадлежащая сюда же личность женскаго
пола — «*Schekhinah*» (Отблескъ Бога). Будучи весьма смѣлымъ монетни-
комъ, Хаюнъ не оставался впереди самую крайнюю безцеремонность: въ
свои каббалитическія молитвенныя пѣсни онъ вставлялъ начальныя стихи
фривольной итальянской пѣсни «о вѣрской Маргаритѣ» — и ни одинъ
изъ вѣрующіхъ, не исключая и венеціанскихъ раввиновъ, не замѣтилъ
этой безобразной штуки. Въ качествѣ странствующаго проповѣдника про-
ходилъ Хаюнъ по всей Европѣ и находилъ столько же приверженцевъ,
сколько и противниковъ. Своими сочиненіями и проповѣдями причинялъ онъ
много вреда въ общинахъ и сдѣлалъ сѣмена раздора. Наконецъ онъ исчезъ
гдѣ-то на Востокѣ. Въ восточныхъ земляхъ и въ Польшѣ секта sabbатіан-
новъ существовала еще долго, и исторія ея доходитъ до начала на-
шего времени. *Яковъ Коеридо*, братъ вдовы Саббатая Цеби, былъ про-
возглашенъ новымъ Мессією и основалъ въ Турціи секту; въ Польшѣ же
другіе sabbатіанцы пытались основать новую вѣтвь: Оба эти направленія
въ концѣ концовъ привели къ исламу.

Но мистическія идеи, пущенныя въ ходъ новою Каббалой, безпрепят-
ственно прошли съ Востока въ Италію и славянскія земли и такъ поди-

нили себѣ лучшіе и благороднѣйшіе умы. Даровитѣйшаго поборника эта Каббала нашла себѣ въ томъ самомъ семействѣ, которое и теперь, и впоследствии доставило еврейской литературѣ столь выдающіяся силы; это былъ *Моисей Хаимъ Луццато* (1707—1747 г.) изъ Падуи, поэтъ по призванію, который, живи онъ въ другую пору, могъ бы дойти до созданія вполнѣ художественныхъ вещей. Истинно-трагическая судьба завела деликатнаго, воспримчиваго, мечтательнаго юношу въ бездны Каббалы, откуда уже не было никакого спасенія. Луццато былъ писатель весьма даровитый и поэтъ съ глубокимъ чувствомъ. Уже въ ранней молодости онъ написалъ теорію поэзіи—«*Leschon Limudim*» (Языкъ Опитныхъ), посвященную имъ своему учителю, ученому талмудисту *Исаиъ Бассано*, въ которой авторъ обнаружилъ самое основательное знакомство съ классическою риторикой. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ сочинилъ драму на библейскій сюжетъ—«*Самсонъ и филистияне*», которая, судя по сохранившимся отрывкамъ, отличалась безукоризненными стихомъ и поэтическими мыслями. Три года спустя написалъ онъ 150 псалмовъ по образцу библейской Псалтыри. Религіозныя стихотворенія Луццато служатъ выраженіемъ его задушевные чувствъ. Онъ обращается къ Библии и пытается возобновить ея поэзію, приспособляя свои мысли и ощущенія къ ея образамъ и мыслямъ. Къ этому же времени относятся его аллегорическая драма «*Migdal Oz*» (Башия Побѣды), въ стилѣ и направленіи которой нельзя не признать вліянія итальянскихъ образцовъ, преимущественно же Гварини и его «*Pastor Fido*». Въ періодъ «*Меропы*» Маффей это вліяніе было уже немножко поздно: Маффей внесъ въ итальянскую драму больше естественности и достоинства, Луццато же продолжаетъ оставаться въ пленкахъ испанско-итальянскаго романтизма.

Взглядомъ его произведеній признается драматическая притча «*La Iescharim-Tehillah*» (Хвала Праведнымъ!). Здѣсь еврейская поэзія Библии празднуетъ свое воскресеніе: параллелизмъ, правда, уступилъ мѣсто новымъ формамъ, но тонъ и языкъ—истинно библейскіе, отличающіеся широкимъ размахомъ и глубиною, полные граціи и пріятности. «Всѣ пріятныя цвѣты библейской поэзіи соединились здѣсь какъ бы на одной грядкѣ; языкъ—не мозаика изъ библейскихъ фразъ, а эмаль изъ тончайшихъ и вѣстѣ съ тѣмъ рѣдчайшихъ библейскихъ изяществъ. Всѣ своеобразности историческаго стиля тщательно устранены; напротивъ того, все принадлежащее исключительно поэтическому стилю найдете здѣсь совмѣщеннымъ въ полной мѣрѣ». Таковъ стиль. Что касается до содержанія сочиненія,

то о немъ приходится отзываться не въ благопріятно. Это—драматизированная аллегорія, полная граціозности и милой набожности, но лишняя драматической жизни, прелести естественной рѣчи и человѣческихъ характеровъ. Въ первомъ дѣйствіи рѣчь идетъ о неправедности людей, которые цѣнятъ ложь выше, чѣмъ добро, и въ концѣ прославляется удивленіе и твердость набожнаго мудреца; второе дѣйствіе изображаетъ надежды набожнаго и его судьбу, а въ третьемъ—похвала правдѣ и справедливости. Нить драматическаго дѣйствія слаба, и дѣйствующія лица—не люди во плоти и крови, а блѣдныя сцены фантазій. Не смотря, однако, на все эти недостатки, сочиненіе, уже относительно поэтическаго стиля, представляетъ собою жемчужину нововрейской поэзіи. Несомнѣнно, что въ этой области Луццато создалъ бы еще много выдающагося, не увлечки его водоворотъ сabbатіанской мистики въ ея пучинахъ. Все глубже и глубже погружался онъ въ тайны Каббалы Луріанскаго направленія. Мечтательный умъ его легко наполнился фантастическими представленіями о возложенной на него божественной миссіи—освободить Израиля и человѣчество. Во второмъ Зогарѣ—«Sohar Tinjana»—онъ изложилъ идеи своей Каббалы «съ пламенною фантазіею и волшебнымъ стилемъ». Преслѣдуемый за это раввинами, Луццато оставилъ родину и послѣ долгихъ странствій прибылъ въ Св. Землю, гдѣ написалъ еще много каббалистическихъ сочиненій и гдѣ его, еще молодого человѣка, унесла моровая язва—унесла одну изъ благороднѣйшихъ жертвъ того печальнаго каббалистическаго заблужденія, которое охватывало лучшихъ людей того времени и затемняло чистѣйшіе умы.

Но толчокъ, который далъ Луццато своей поэтической производительности, не остался безслѣднымъ. Когда дикое движеніе сabbатіанства и мистики поулеглось, юноши еврейскаго племени стали черпать вдохновеніе въ этихъ поэтическихъ образахъ, и ихъ дѣятельность положила основаніе новой классической поэзіи съ современнымъ колоритомъ и подготовила разрушеніе царства восточной романтики.

Когда Моисей Хаимъ Луццато, гонимый итальянскими раввинами за его возраженіе противъ анти-каббалистическаго сочиненія Іегуды Модены, долженъ былъ оставить Италію, онъ отправился въ Амстердамъ. Тамъ еврейская жизнь пустила новые ростки, и голландскій Іерусалимъ сдѣлался съ начала семнадцатаго столѣтія средоточеніемъ духовной жизни, гдѣ сходились все теченія литературы. Поселеніе евреевъ въ Голландію, по странному

ходу обстоятельствъ, начинается только черезъ столѣтіе послѣ ихъ изгнанія изъ Испаніи. Это—сыновья или внуки тѣхъ мучениковъ, это несчастные марраны, которыхъ инквизиція вытѣсняетъ изъ Испаніи и которые ищутъ себѣ пріюта и религіи своихъ отцовъ въ освобожденныхъ Нидерландахъ. Черезъ это еврейская жизнь амстердамской общины приобретаетъ своеобразный колоритъ: тутъ соединяются романтика мученичества, стремленіе къ свободѣ вѣстѣ съ привязанностью къ стариннѣ традиціямъ и наполненное христіанскими элементами образованіе. Все это образуетъ странную смѣсь, которая порождаетъ самые удивительные характеры. Уже въ первое время своего существованія, португальская община, держащая себя въ строгомъ отдаленіи отъ нѣмецко-польской, приобретаетъ особенный интересъ романтичностью своей судьбы и тѣмъ рвеніемъ, которое она обнаруживаетъ относительно своей вѣры. Идеальное чувство красоты, сохранившееся въ Нидерландахъ, благодаря связи съ Италіей и рано начавшемуся здѣсь матеріальному благосостоянію, пробудило, вѣстѣ съ вызванною по необходимости борьбою за гражданскую свободу, сочувствіе къ жизни древняго міра и стремленіе новаго. Занятіе гуманитарными науками приобрѣло прелесть и значеніе, скоро обезпечившія за нихъ «срава глубоко-укоренившейся традиціонности», и въ семнадцатомъ столѣтіи достигло полной зрѣлости. На сцену выступили люди, сдѣлавшіеся нѣсколько времени спустя образцами и учителями всей Европы. Къ этому богатому движенію прикнули и евреи, хотя большинство ихъ держалось только на поверхности его и образованность ихъ распространялась больше въ ширину, чѣмъ въ глубину. Но и изъ еврейской среды выходили люди, словакъ которыхъ внимала вся Европѣ и которые сдѣлались наставниками человечества. Духъ классическаго времени былъ еще живъ въ нихъ и приносилъ новые плоды. Характеристично то обстоятельство, что почти всѣ марраны бѣжали въ Голландію, изъ страны инквизиціи въ страну свободы, и что обыкновенно первымъ ихъ дѣломъ здѣсь было—открыто вернуться въ еврейство. Только объ одномъ марранскомъ поэтѣ сообщается испанская исторія литературы какъ о переселившемся не въ Нидерланды, а въ Римъ и Францію. Его имя—*Моисей Пинто Дельгадо*. Онъ былъ родомъ изъ Тавиры въ южной Португаліи, и въ кастельскихъ пѣсняхъ, полныхъ глубокаго чувства, увѣковѣчилъ страданія какъ свои собственныя, такъ и своего народа. Испанскими стихами воспѣваетъ онъ женскія личности Библии—Рувъ и Эфирь, и сочиняетъ пѣсни сѣтованія и скорби. Всѣ его поэтиче-

сныя произведенія провинкуты еврейскимиъ душою, душою тѣхъ людей, которые нѣвогда въ Испаніи создали для поэзіи новую родину.

Этотъ же духъ привнесла марраны и въ Голландію. Уже между первыми поселенцами находимъ на постотъ, берущихъ вѣзнику драму своего народа съяснотю своимъ иѣсней. Страданіи евреевъ въ діаспорѣ, изгнаніе ихъ изъ Испаніи, жуди маррановъ надъ гнетомъ инквизиціи—вотъ область, конечно, мало разнообразная, но отъ этого не теряющая своего трагизма, въ которой черпали свое вдохновеніе эти поэты. *Такожъ Израиль Бельмонте*, какъ имень Іовъ, изображилъ испанскіи оштавани страданія своего народа и преслѣдованія инквизиціи. Только въ возвращеніи къ Богу и Бго закону овъ видить спасеніе и будущее благо Израіля. Бельмонте, семейство котораго принадлежало впоследствии въ первымъ въ сефардѣйской колоніи, основалъ, вмѣстѣ съ *Реуэлемъ Іесуруномъ*—Павломъ де Нива—и *Тосифомъ Израилемъ Перейрою*, общину, молитвенный домъ и владѣнше. Реуэль Іесурунъ былъ тоже поэтъ, равно какъ и его родственникъ *Давидъ Іесурунъ*, авторъ пламенной погребальной пѣсни, вызванной у него страшною мученическою смертію возвратившагося въ еврейство французскаго монаха Діего де ла Азумсао. Ему же принадлежать діалогъ «Соль Горъ», который былъ представленъ въ синагогѣ молодыми марранами. Рядомъ съ синагогою эти переселенцы, вѣрныя старому духу, основали и училище (Beth Hamidrascb). Вмѣстѣ съ ними прибыли съ Востока и изъ Африки раввины и ученые, которые знакомили возвращавшихся въ еврейство съ наукою этого послѣдняго. Первыми между этими учителями называютъ Іуду Вегу, Іосифа Пардо, Исака Узіеля, Давида Пардо, Давида Абенатара Мело, Саула Леви Мортейра и Исака Абоаба. *Іосифъ Пардо*, хорошо познавшій духъ своей, воспитавшейся еще на католическихъ воззрѣніяхъ общины, написалъ на испанскомъ языкѣ богословскую книгу, которая даже принимаетъ во вниманіе эти воззрѣнія. *Давидъ Пардо* перевелъ Этику Бахи б. Павуды «Книга Обязанностей Сердца» на испанскій языкъ, чтобы укрѣпить въ вѣрѣ снова обратившихся къ ней. *Іуда Вега*, впоследствии переселившійся въ Константинополь, написалъ историческое сочиненіе, о которомъ сохранились, однако, только неточныя свѣдѣнія и которое, судя по этимъ послѣднимъ, заключало въ себѣ исторію еврейскаго народа отъ разрушенія храма до эпохи, современной автору. *Исака Узіель*, основавшій въ Амстердамѣ академію, былъ извѣстенъ какъ писатель и какъ проповѣдникъ, и выдавался также въ качествѣ автора грамматическихъ трудовъ. *Саулъ Леви Мортейра*

издалъ сборникъ проповѣдей «Gibath Schaul» (Холтъ Саула)—свидѣтельствующихъ о философскихъ званіяхъ сочинителя, но не заключающихъ въ себѣ особенно глубокихъ мыслей. Кроме того написано этимъ значительныхъ талмудистомъ нѣсколько разсужденій о безсмертіи души, о правдѣ въ еврействѣ—какъ отраженіе враждебныхъ нападокъ на него; но ни одинъ изъ всѣхъ его трудовъ не превышаетъ среднего уровня общаго образованія того времени. Такую же обыкновенную величину представляетъ себою товарищъ Мортейры по раввинской коллегіи въ Амстердамѣ *Исаакъ Абоабъ да Фонсека* (1606—1693 г.). Какъ проповѣдникъ, онъ, правда, стоялъ, повидимому, выше своихъ коллегъ, благодаря своей риторической силѣ; но научнымъ содержаніемъ трудовъ онъ уступаетъ имъ. Труды эти—испанское переложеніе Пятикнижія, героическая поэма, прославляющая торжество Моисеева закона, большое количество рѣчей, произнесенныхъ имъ за время семилѣтней служебной дѣятельности. Абоабъ также стоялъ на высотѣ современнаго философскаго образованія; тѣмъ не менѣе, онъ счелъ возможнымъ и нужнымъ посредствомъ перевода двухъ сочиненій упоминавшагося уже нами *Авраама де Герреры*, который въ Амстердамѣ перешелъ въ еврейство, пересадить духъ Каббаны и въ эту молодую и стремившуюся къ просвѣщенію общину.

Вліятельнѣе всѣхъ вышеназванныхъ, хотя также нисколько не значительнѣе ихъ, былъ третій членъ раввинской коллегіи въ Амстердамѣ, *Менасе б. Израиль* (1604—1657 г.), человѣкъ съ большими свѣдѣніями и практическимъ умомъ, которыми онъ часто умѣлъ служить на пользу своихъ единовѣрцевъ. Научное же его значеніе маловажное. Многочисленные сочиненія его свидѣлствуютъ о немъ, какъ объ искусномъ комментаторѣ, очень много знавшемъ, владѣвшемъ нѣсколькими языками и на всѣхъ ихъ одинаково хорошо выражавшемся, но лишенномъ всякой оригинальной мысли и—главное—всякаго научнаго смысла, который не позволялъ бы ему раздѣлять суевѣрные бредни его времени. Одинъ протестантскій проповѣдникъ, познакомившійся съ Менасе б. Израилемъ и Абоабомъ, очень мѣтко характеризуетъ разницу между ними: «Aboab scit quae dicit, Menasse dicit quae scit» (Абоабъ знаетъ, что говорить, Менасе говорить, что знаетъ). Еще лучше опредѣляетъ Менасе онъ самъ, говоря о себѣ: «Я радъ, что надѣленъ заурядною, но счастливою способностью—именно искусствомъ описывать въ извѣстномъ порядкѣ всѣ предметы, которые представляеть ей моя воля». Послѣ этого становится понятнымъ, что Менасе не только не могъ дѣйствовать плодотворно на умственное

развитіе еврейства, но что онъ не пытался даже остановить современный поток бреда и суевѣрія и самъ охотно плылъ по этому теченію. Совершенно безспорно, что проживи Менасе дольше, онъ игралъ бы выдающуюся роль въ образовавшейся нѣсколько поздѣе сектѣ сabbatianцевъ. Будучи правнукомъ Авраамеля, онъ избралъ себѣ этого послѣдняго образцомъ для своихъ литературныхъ работъ, одними заглавіями которыхъ можно наполнить цѣлый каталогъ, но изъ которыхъ ни одна не превышаетъ уровня устной посредственности. Подобно Авраамелю, и онъ написалъ прежде всего—если не считать маленькую работу въ юношескія годы—комментарій къ Библии, гдѣ пытался согласить противорѣчія, повидимому, другъ другу нѣста. Его «Conciliador» также ставитъ вопросы и старается дать на нихъ отвѣты. Но между тѣмъ какъ Авраамель разрѣшаетъ противорѣчія большею частью собственнымъ умомъ, Менасе довольствуется тѣмъ, что черпаетъ отвѣтъ изъ исполниски-глубокаго кладезя своей филологической учености. Онъ цитируетъ Эврипида и Виргилія рядомъ съ Мидрашемъ и Зогаромъ, Дуаса Скотта и Альберта Великаго вмѣстѣ съ Габриелемъ и Нахмани, Павла де Бургоса и Николая де Лиру безразлично съ Исаакомъ Луріей и Моисеемъ Кордуэро, набожными каббалистами, къ которымъ онъ относится съ безусловнымъ подчиненіемъ, хотя любитъ называть себя «богословомъ, философомъ и докторомъ физики» и хотя компанію его обыкновенно составляли либеральнѣйшіе и знаменитѣйшіе современники-христиане. Дѣятельность Менасе, по преимуществу компилятивная, обнимала, естественно, самыя различныя области литературы, главнымъ же образомъ—богословско-философскую, и въ ней—великіе спорные вопросы того времени на счетъ безсмертія и воскресенія. Менасе написалъ много сочиненій на эти и родственныя съ ними темы; изъ нихъ первое—«*Sefer Nishajim*» (Союзъ Жизни), «*De termino vitae*» и «*De resurrectione mortuorum*» (О воскресеніи мертвыхъ)—на латинскомъ языкѣ, а «*De la Fragilidad humana*» (О человѣческой слабости)—на испанскомъ. Въ этихъ работахъ, назначавшихся, конечно, прежде всего для христіанскихъ читателей, Менасе долженъ былъ еще стѣснять себя нѣкоторыми ограниченіями. Тѣмъ болѣе простора предоставилъ онъ своимъ каббалистическимъ склонностямъ въ единственномъ сочиненіи, написанномъ имъ по еврейски—«*Nishmath Chajim*» (Живая Душа). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и его сочиненіе объ обрядовыхъ законахъ «*Tesoro dos Dinim*», послѣдняя часть котораго посвящена «весьма благороднымъ и ученымъ дамамъ португальской націи». О поэтическихъ и историческихъ

трудахъ Менасе тоже нельзя сказать ничего особеннаго. Его испанскій переводъ поэмы Фоклидидейской соответствуетъ филологическимъ склонностямъ того времени; его «Героическая исторія», повидному, не окончена. Ему недоставало критическаго чутья и пониманія историческаго развитія. Это видно уже изъ его сохранившихся историческихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, именно «Euregamsa de Israel» (Надежда Израиля), на основаніи сообщеній какого-то авантюриста, ищетъ исчезнувшія десять колѣнъ въ первобытныхъ лѣсахъ Америки, между тѣмъ какъ другое, именно «Спасеніе евреевъ», весьма искусно отражаетъ всѣ направленные противъ нихъ упреки.

Послѣднее и есть самое извѣстное и нѣвшее наибольшій успѣхъ сочиненіе Менасе, котораго практическая дѣловитость значительно превышала литературное дарованіе и личное вліяніе котораго въ то время было весьма значительно. Интересно прослѣдить какииъ уваженіемъ Менасе пользовался среди его христіанскихъ современниковъ. Съ гордостью онъ могъ сказать о себѣ: «Я находился въ дружбѣ съ различными великими людьми, съ мудрѣйшими и благородѣйшими мужами въ Европѣ». Каспаръ Барлеусъ, «Виргилій своего времени», воспѣвалъ его въ благозвучныхъ латинскихъ стихахъ; Гергардъ Фоссіусъ былъ его истиннымъ другомъ, а сынъ его, Діонисій Фоссіусъ, подъ руководствомъ Менасе переводилъ различныя главы изъ Маймонида и «Conciliador'a», между тѣмъ какъ другой его сынъ, Исаакъ Фоссіусъ, оказывалъ ему большія услуги въ качествѣ камергера шведской королевы Христіны. Гуго Гроціи находился съ Менасе въ живой перепискѣ; скептикъ Гуетъ питалъ къ нему высокое уваженіе; нѣкоторые знаменитые богословы, каковы Собьеръ, Фельгенгауэръ, Франкенбергъ, Мохингеръ и др., искренно прилагали свои старанія — познать его мнѣніе о христіанской религіи, и даже такое свѣтло какъ Рембрандтъ не считалъ ниже своего достоинства украшать посвященіе Исааку Фоссіусу сочиненьице Менасе «Eben jekarah» (Piedra gloriosa, Драгоценный Камень), составляющее толкованіе къ видѣніямъ Давида, своими, сдѣлавшимися знаменитыми четырьмя гравюрами. Рвеніе, которое Менасе обнаруживалъ въ дѣлѣ приема евреевъ въ Англію, его адресъ къ Кремвалю, его переписка съ шведской королевой Христіной объ открытіи для евреевъ скандинавскихъ земель, — все это, а также и его старанія въ пользу еврейской литературы, обнаружившіяся въ предпріятіи новыхъ изданій по рукописямъ старыхъ сочиненій, которыя до тѣхъ поръ, вслѣдствіе цензуры, появлялись въ исковерканномъ видѣ, наконецъ, оставленныя имъ вдохновенныя и вдохновляющія проповѣди, числомъ около 500, — все это, не

смотря на его не особенно важное литературное значеніе, обезпечило за Женасе б. Израилемъ почетное мѣсто въ культурной исторіи евреевъ.

Вліяніе и дѣятельность такихъ мужей, само собою разумѣется, высоко поднимали значеніе еврейской общины въ Амстердагѣ въ глазахъ современныхъ христіанъ. Она своей численностью, своимъ богатствомъ и своимъ образованіемъ вскорѣ стала первою общиною въ Европѣ, и въ средѣ ея расцвѣла богатая умственная жизнь. Замѣчательно то, что эта умственная жизнь не столько возбуждалась научными интересами, сколько была направлена на изящную литературу. Дѣятельность амстердамскихъ типографій также вскорѣ переросла дѣятельность всѣхъ другихъ типографій. Венеція, Востокъ и Польша не въ состояніи уже были больше выдержать конкуренцію съ такими амстердамскими типографіями, какъ Имануила Бенвенисте, Ури Фебуса б. Арона, Иосифа и Имануила Атіасъ и др. Изъ ихъ заведеній вышли многочисленныя научныя сочиненія старинной раввинской литературы, содѣйствовавшія изученію Талмуда въ другихъ странахъ, не будучи, однако, въ состояніи возбудить процвѣтаніе талмудической науки въ самой Голландіи. Въ послѣдней, равно какъ и въ находившемся подъ вліяніемъ сефардѣйской колоніи Гамбургѣ, гораздо большій успѣхъ имѣли грамматическія и экзегетическія изслѣдованія. Рядъ выдающихся ученыхъ установилъ прочную связь между амстердамской и гамбургской общинами, въ особенности философски образованный врачъ *Венъяминъ Мусаффа* (1605—1675), названный также Діонисіемъ. Это былъ филологъ, который обогатилъ «Aguch» Натана б. Іехиэля весьма полезными дополненіями въ краткихъ и удобопонятныхъ выраженіяхъ; въ нихъ онъ пользовался для сравненій латинскимъ и греческимъ языками и естественными науками. Кромѣ сочиненій по медицинѣ и физикѣ, разныхъ правовыхъ сентенцій и писемъ, онъ написалъ еще интересную книжечку «Sekher Rab» (Вѣчная Память *), гдѣ, въ шести искусно отдѣланныхъ гимнахъ, содержаніе которыхъ составляетъ исторія творенія, соединилъ всѣ корни еврейскаго языка, не повторяя при этомъ ни одного слова. Сочиненіе это искусно изложено въ формѣ индійскихъ «Koscha's» или коптскихъ словарей, которые всѣ слова своего языка распредѣляютъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они имѣли между собою извѣстную связь. Такъ, описаніе третьяго дня творенія начинается у него слѣдующимъ образомъ: «Это было въ третій день, когда Ты собралъ, стянулъ, соединилъ, сро-

* Точнѣе: Великая память.

статье, заключилъ въ массы, связалъ рядомъ, насадилъ вѣсть, сливалъ одну съ другою, сѣшалъ, свалъ и стѣснилъ вѣсть собраніе бурныхъ водныхъ пучинъ. Онѣ стискивались, спутывались и соединялись вѣсть. Ты открылъ, вызвалъ наверхъ, снялъ кору, наполнилъ, устранилъ покровъ, разоблачилъ и распустилъ сушь, и смотри, она создалась, выросшая, твердая, плотная, засушенная съ своими сушани и засушани». Будучи уважаемымъ врачомъ—какъ въ Гамбургѣ, такъ и въ Амстердамѣ—и философски образованнымъ, онъ тамъ и сямъ позволялъ себѣ выражать нѣкоторые сомнѣнія противъ традиціи, но это не позволяло ему написать Саббатаю Цви особенно торжественный адресъ и присоединиться къ каббалистическимъ бреднямъ. Правда, онъ, не смотря на свою ревностную дѣятельность, долженъ былъ выдержать за это нападеніе, направленное противъ его медицинскаго значенія со стороны амстердамскихъ раввиновъ. Можетъ быть, именно съ цѣлью отражать эти нападенія, онъ писалъ талмудическіе комментаріи и талмудически-юридическія посланія между, тѣмъ какъ въ первую половину своей жизни онъ занимался медицинскими и филологическими изслѣдованіями, которыя онъ и выпускалъ въ свѣтъ.

И *Давидъ Когенъ де Лара* (1674), талмудическій лексиконъ котораго принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ твореній по еврейской лексикографіи, не свободенъ отъ мистическихъ наклонностей. Онъ перевелъ на испанскій языкъ отдѣльные трактаты изъ этико-каббалистическаго произведенія Элиа ди Вядаса «Reschith Chokhma», подъ названіемъ «Tratado del Temor Divino», и былъ за это воспѣтъ «Гамбургскимъ Канонсомъ» *Иосифомъ Франсесомъ* въ высреннихъ гиннахъ. Имъ переведена также и этика Маймонида. Но важнѣйшія его произведенія составляютъ двѣ лексикографическія работы, изъ которыхъ первая, озаглавленная «Ig David» (Градъ Давидовъ) и составляющая собою лексиконъ встрѣчающихся въ раввинскихъ сочиненіяхъ иностранныхъ словъ, весьма известна и распространена, между тѣмъ какъ вторая, «Kether Kehunah» (Вѣнецъ Священства), надъ которой онъ работалъ 40 лѣтъ и которую онъ, однако, успѣлъ довести лишь до буквы Resch, составляетъ собою библиографическую рѣдкость. По отзывамъ филологической критики, трудъ этотъ стоитъ гораздо выше трудовъ непосредственныхъ его предшественниковъ и современниковъ, не исключая и Мусафи, отъ котораго Давидъ Когенъ де Лара выгодно отличается еще своею мужественною откровенностью и смѣлыми сужденіями. Въ этомъ сочиненіи онъ, для сравненія, приводитъ греческія, латинскія и испанскія слова, цитируетъ клас-

оиковъ и отцовъ церкви, равно какъ и христіанскихъ ученыхъ своего времени, которыхъ онъ посвящаетъ свое произведеніе. Критику текста и этимологическія объясненія главныхъ словъ онъ считаетъ наиболѣе существенною своею задачею, которую онъ старался выполнить, и въ другихъ болѣею частью уже вѣтеранныхъ филологическихъ работахъ и переводахъ. То, что до сихъ поръ значеніе его еще не признано, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что онъ перенесъ на раввинскія изслѣдованія новую критическую методу великихъ голландскихъ филологовъ. Но его сочиненія и теперь еще могутъ служить цѣнными пособиями для изученія раввинскихъ произведеній, если они только когда нибудь будутъ исторгнуты изъ забвенія. Вѣтъ голландско-марранскаго образованія была насаждена также въ Лондонѣ, еврейская община котораго также состояла болѣею частью изъ испанскихъ изгнанниковъ. Она поэтому охотнѣе всего выбирала своихъ раввиновъ изъ среды амстердамскихъ ученыхъ. Первый изъ нихъ былъ извѣстный своею талмудическою эрудиціей и своимъ энергическимъ выступленіемъ противъ Саббатага Цви *Яковъ Саспортасъ*; за нимъ слѣдовали: *Яковъ Абондана*, также извѣстный амстердамскій ученый, *Соломонъ Аиллонъ*, склонившійся немного къ саббатіанизму, и *Давидъ Нето* (1654—1728). Нето обладалъ значительнымъ знаніемъ и умѣлъ употребить его въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Онъ писалъ полемическія и апологетическія сочиненія на испанскомъ языкѣ, замѣчательное произведеніе объ историческомъ значеніи праздника Пасхи—«Pascalogia»—на итальянскомъ и его главное религіозно-философское сочиненіе «Matteh Dan» (Носокъ Дана *)—на еврейскомъ языкѣ. Книга эта, называемая также «Вторымъ Кузари», направлена преимущественно противъ караимства, такъ какъ она стремится доказать, что устное преданіе существовало еще во времена Библии и потому не можетъ быть измышленно, что учителя Талмуда ни въ какомъ случаѣ не могли бы выразить какое либо противорѣчіе противъ письменнаго закона и что они были хорошо знакомы со всѣми науками. Заключение сочиненія составляетъ глава о еврейскомъ календарѣ, въ которой Нето полемизируетъ противъ Коперника и картезіанской философіи. Нето былъ приверженцемъ другого философскаго направленія, которое, однако, не менѣе противорѣчило религіозно-философскому направленію синагоги и исповѣданіе котораго впоследствии причинило ему немало

* Слово *Дана* въ этомъ случаѣ означаетъ имя автора, ибо оно составлено изъ первыхъ буквъ названія Давида Нето.

хлопотъ и неприятностей. Историческую цѣнность имѣютъ его сообщенія о португальской инквизиціи, которыя онъ написалъ на испанскомъ языкѣ и которыя впоследствии служили историческимъ источникомъ для исторіи этого ужаснаго института. Давидъ Нето былъ образованный человѣкъ, знавшій много языковъ и не лишенный остроумія и глубокомыслія. Если же онъ, не смотря на это, не имѣлъ особенно выдающагося вліянія, то это слѣдуетъ приписать обстоятельствамъ того времени, которыя не благоприятствовали подобнымъ стремленіямъ, и недостатку цѣльности и связности въ его трудахъ и изслѣдованіяхъ, вращавшихся на столь многихъ поприщахъ человѣческаго знанія.

Обращаясь вновь къ амстердамской общинѣ, мы замѣчаемъ тамъ развитіе весьма оживленной умственной жизни, оставшейся, однако, безъ особеннаго вліянія на провозрастаніе общеврейской культурной жизни и не привлекавшей даже къ себѣ болѣе глубокіе умы въ самой Голландіи. Существенную черту общинной жизни образовала странная смѣсь романтизма и мистики, испанской грандецы и талмудическаго благочестія; помимо этого, тамъ царствовалъ фанатизмъ, который можно объяснить себѣ лишь личными отношеніями большей части членовъ этой общины, лишь съ немаловажными усиліями спасшихся отъ темницъ и костровъ инквизиціи. Но именно этотъ фанатизмъ былъ причиной отчужденія отъ нея нѣкоторыхъ свободныхъ и независимыхъ членовъ, которые въ состояніи были проложить новыя пути еврейской умственной жизни. «Тутъ были семейства переселенцевъ, которыя болѣе столѣтія, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ подъ рядъ, не только внѣшнимъ образомъ жили въ христіанствѣ, но и были въ немъ воспитаны, которыя сыны слѣдили за собою, какъ слѣдили за ними и другіе, тщательно избѣгая всякаго отступленія, въ которыхъ традиціи еврейства все болѣе и болѣе изглаживались и которыя, раздраженныя притѣсненіями, тѣмъ сильнѣе питали въ себѣ ненависть къ тому, что они должны были выставлять на показъ. Естественно, что они тѣмъ сильнѣе и искреннѣе привязывались къ единичнымъ воззрѣніямъ и обрядностямъ и усердно изучали Библию, чтобы такимъ образомъ интенсивнѣе сохранить въ своемъ сознаніи различіе между старой и новой вѣрой. Когда они прибывали въ свободную страну, то ихъ обдавало освѣжающимъ дуновеніемъ, они входили въ то іудейство, какое они заставляли, хотя бы многое казалось имъ незнакомымъ и страннымъ. Но всѣ-ли были довольны зятіемъ, не натыкалась-ли душа ихъ на новыя колючки, находя совершенно иную дѣйствительность, чѣмъ ту, которую они съ трепетнымъ ожида-

нием лгали въ груди своей?» Большая часть изъ нихъ, правда, подавили въ себѣ свои идеальныя стремленія; они остались на поверхности явленій, удовлетворились тѣмъ, что они нашли, и старались поэтически разукрасить его. Мы еще познакоимся съ цѣлой толпой такихъ марранскихъ поэтовъ. Другіе страдали въ тиши и истекали кровью вслѣдствіе разъядавшихъ ихъ душу глубокихъ противорѣчій. Исторія же рассказываетъ только о двухъ свободныхъ умахъ, которые возмущались своими цѣнностями, но которые, освободившись отъ этихъ цѣней, были потеряны для синагоги. Одинъ изъ нихъ былъ *Уриель да Коста*, другой же—*Барухъ Спиноза!*

Уриель да Коста изъ Оппорто (около 1590 — 1640) болѣе извѣстенъ по разукрасившей его жизнь и страданія драмѣ новѣйшаго нѣмецкаго писателя, чѣмъ по своимъ произведеніямъ. Онъ происходилъ изъ строго-католическаго марранскаго семейства; уже въ юныхъ лѣтахъ, влекомый страстнымъ стремленіемъ къ чистой вѣрѣ, перешелъ въ иудейство, но здѣсь вскорѣ отрезвился, наткнувшись, съ одной стороны, на каббалистическое суевѣріе, а съ другой—на упорную приверженность къ буквѣ. Ему пригрозили отлученіемъ, и онъ вступилъ въ открытую борьбу съ учителями синагоги. Онъ хотѣлъ написать сочиненіе противъ «фарисеевъ», противъ раввинскаго иудаизма вообще. Но его предупредилъ еврейскій врачъ въ Амстердамѣ *Самуилъ де Сильва*, который (1623) обнародовалъ на португальскомъ языкѣ разсужденіе о бессмертіи души, «чтобы опровергнуть невѣжество одного противника, который въ своемъ сумасбродствѣ держится многихъ заблужденій». Такое возраженіе еще болѣе должно было раздражать да Косту. Онъ поэтому успѣшилъ издать, также на португальскомъ языкѣ, свое уже давно подготовленное сочиненіе «*Examen das tradiçoes Phariseas conferidas com a Ley*» (Исслѣдованіе фарисейскихъ традицій въ сравненіи съ закономъ). Если де Сильва называлъ его «слѣпымъ и неспособнымъ», то онъ за то называлъ его «клеветникомъ». Его подвергли отлученію, которое тяжелымъ гнетомъ давило его въ теченіе 15 лѣтъ. Нѣсколько разъ онъ провозглашалъ свое раскаяніе, нѣсколько разъ его вновь подвергали отлученію, нока, наконецъ, онъ, въ несогласіи съ самимъ собою и съ своими современниками, самъ въ 1640 г. не лишилъ себя жизни. Въ видѣ памятника о своей, вслѣдствіе преслѣдованій и фанатизма, разрушенной жизни, онъ оставилъ нѣчто въ родѣ автобіографіи: «*Exemplar humanae vitae*» (Примѣръ челоуѣческой жизни), въ которой онъ въ страстныхъ выраженіяхъ обнаруживаетъ свою пламен-

ную ненависть къ раввинамъ. Но эта страстная ненависть, естественно, увлекла его на путь несправедливыхъ обвиненій, и такимъ образомъ ни его жизнь, ни его произведенія не представляютъ собою такого значенія, чтобы окружить ихъ ореоломъ мученичества. Да Коста интересенъ только какъ беронецъ того времени, когда плѣнники осмѣливались стремиться къ разрушенію своихъ цѣпей. Въ то время, какъ онъ въ амстердамской синагогѣ позволялъ подвергать себя палочнымъ ударамъ и затѣмъ долженъ былъ ложиться на порогъ Вождяго дома, дабы всѣ присутствующіе перешагнули черезъ него,—въ то же время въ Венеціи единомышленникъ его, который только искусно умѣлъ скрывать свои убѣжденія, жилъ и проповѣдывалъ то самое раввинское ученіе, которое онъ втайнѣ громилъ и осмѣивалъ,—это именно Леонъ де Модена! Такимъ-то образомъ это переходное время было создано для того, чтобы произвести новое мировоззрѣніе, высокій идеалъ котораго носилъ въ душѣ лишь одинъ человѣкъ—Спиноза.

Барухъ Спиноза (1632—1677) происходилъ изъ благородной семьи, которая убѣжала изъ Испаніи въ Нидерланды отъ преслѣдованій инквизиціи. Въ Амстердагѣ онъ посѣщалъ школу уже упомянутого выше раввина Саула Мортейры, гдѣ онъ вѣстѣ съ другими уже также упомянутыми современниками, какъ Моисей Закуто и др., изучалъ раввинскую письменность. По всей вѣроятности, тамъ преподавали ему и еврейскую религіозную философію и такимъ образомъ онъ познакомился съ сочиненіями и воззрѣніями Маймонда, Леви б. Герсона, Хисдая Крескаса, но также и съ ученіями Каббалы. Но вскорѣ стѣны школы сдѣлались слишкомъ тѣсными для его великаго ума. Будучи всего 24 лѣтъ, онъ «изъ-за своихъ ужасныхъ заблужденій» уже былъ изгнанъ изъ еврейскаго общества и подвергнутъ великой синагогальной анаемѣ. Съ тѣхъ поръ Спиноза оставался одинокимъ мыслителемъ и не присоединился ни къ какому вѣроисповѣданію. Къ іуданзму, официальныя представители котораго выступили противъ него такъ враждебно, онъ относился весьма холодно и отрицательно, что, однако, не мѣшало ему пользоваться его выдающимися твореніями для созиданія своей собственной системы.

Спиноза—оригинальный мыслитель, какіеъ мало. Если же, не смотря на это—и притомъ не безъ успѣха—пытались отыскивать источники его системы и если на этомъ пути добрались до еврейскихъ религіозныхъ философовъ и даже до каббалистовъ среднихъ вѣковъ, то это лишь очень мало или даже нисколько не лишаетъ его системы ея оригинальности, такъ

как система эта не могла же выскочить въ свѣтъ готовою, а сложилась постепенно какъ результатъ сравнительнаго и тщательно взвѣшивающаго мыслительнаго процесса.

Уже выше было упомянуто, что Спиноза уже въ молодости зналъ религиозно-философскія сочиненія Маймонида, Леви б. Герсона, Хисдая Брескаса и экзегетическія произведенія Авраама Ибнъ Эзры, Рамиза, Кимхи и даже каббалистическіе трактаты Авраама де Герреры и др. И доказано также, что нѣкоторые изъ этихъ сочиненій имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на зарожденіе и образованіе, а также на окончательное построеніе его философскаго міровоззрѣнія. Можно, пожалуй, съ достовѣрностью предположить, что Спиноза, въ юные годы, возмущенный преслѣдованіями амстердамскихъ раввиновъ, устранялъ отъ себя все, что имѣло какую нибудь связь съ иудаизмомъ, и сблизился съ рационалистическимъ мышленіемъ Картезія. И это болѣе чѣмъ остроумное предположеніе, если, далѣе, выступленіе Спинозы изъ сферы картезіанскаго мышленія связывать съ знаменитымъ словомъ этого философа о трехъ чудесахъ—твореніи изъ ничего, свободѣ человѣческой воли и Бого-человѣкѣ—которые являлись Картезію данными фактами, которые не могутъ пониматься спекуляціей, а должны быть признаны какъ полная дѣйствительность.

Отсюда обратный путь къ еврейскому мышленію уже былъ проложенъ самъ собою. Ибо этия мыслителямъ уже первые два чуда являются моментами, подлежащими философскому изслѣдованію. И такимъ образомъ въ первыхъ философскихъ трактатахъ Спинозы уже замѣчаются слѣды того философскаго воззрѣнія на понятіе о Богѣ, какому училъ иудаизмъ, и того развитія идеи о божествѣ, какое создала Каббала изъ неоплатоническихъ элементовъ. Если Спиноза опредѣляетъ Бога какъ совершеннѣйшее существо, которому можно приписать безконечныя качества, изъ коихъ каждое въ своемъ родѣ есть безконечно совершенное, то не трудно усмотрѣть въ этомъ начала еврейской теософіи. Его «Tractatus theologico-politicus» есть опредѣленіе различія между религіей и наукой, находящееся въ своихъ философскихъ частяхъ подъ вліяніемъ Маймонида, а въ экзегетическихъ—подъ вліяніемъ Ибнъ Эзры. Вліяніе Маймонида сказывается въ его воззрѣніяхъ на пророчество и чудеса, вліяніе же Ибнъ Эзры обнаруживается въ его библейско-критическихъ изслѣдованіяхъ, на основаніи которыхъ Спинозу величаютъ «отцомъ библейской критики». Но, само собою разумѣется, что онъ въ своихъ умозаключеніяхъ идетъ гораздо дальше воззрѣній этихъ вѣрующихъ мыслителей, которые стремились къ мирному разрѣшенію фило-

софских проблемъ, между тѣмъ какъ онъ восторженно проповѣдывалъ освобожденіе науки отъ теологическихъ путъ. Но наиболѣе сильно вліянія эти выступаютъ въ «Этикѣ» Спинозы. Если его основная философская мысль, что Богъ—все, а все въ Богѣ, что мышленіе и пространство суть оба Его атрибута, обнаруживаетъ явное созвучіе съ мистическою философіею Каббалы и ея ученіемъ объ эманацин, съ ея «Безконечнымъ» (En Sof) и «Тайнаго самоограниченія Бога» (Sod Nazimzum), съ одной стороны, равно какъ съ подобными же выводами Крескаса — съ другой, то въ его опредѣленіи субстанціи—такъ какъ одна субстанція не можетъ быть производима отъ другой, то она должна быть причиной самой себя, т. е. существованіе принадлежитъ къ ея природѣ (ad naturam substantiae pertinet existere)—можно узнать вліяніе Авраама Герреры, который, по всей вѣроятности, на основаніи болѣе древнихъ источниковъ, но почти въ такихъ же выраженіяхъ опредѣляетъ субстанцію, точно также, какъ и онъ устанавливаетъ положеніе, что не можетъ быть двухъ или нѣсколькихъ субстанцій съ одними и тѣми же атрибутами, что опять-таки составляетъ одно изъ важнѣйшихъ ученій Спинозы.

Какъ существенное воздѣйствіе еврейской религіозной философіи можно считать идею «объ интеллектуальной любви къ Богу», которая у Спинозы, какъ у Крескаса и Маймонида, есть результатъ точнаго познанія вещей. По Крескасу, настоящая цѣль жизни—это «нѣчто, повидимому, незначительное, но тѣмъ не менѣе весьма важное нѣчто, что не есть ни одно лишь познаніе и ни одно лишь дѣйствіе — это *искренняя любовь* къ Богу». Такимъ образомъ, подобно вѣрующему мыслителю Крескасу, и Спиноза видитъ величайшее благо и высочайшее блаженство въ этомъ удовлетвореніи преданностью къ Богу, въ этой безконечной любви къ Нему. Съ Аристотелевскимъ же философомъ Маймонидомъ онъ имѣетъ то общее, что онъ также признаетъ, что это благо и это блаженство пристекаютъ изъ познанія и предполагаются наивысшимъ удовлетвореніемъ человѣческаго интеллекта. Чѣмъ болѣе духъ проникнуть этой вѣчной любовью, тѣмъ болѣе въ немъ безсмертнаго. Это и есть основной выводъ этики Спинозы, въ которой онъ свободу, добродѣтель и счастье человѣка восхваляетъ какъ цѣль всякихъ стремленій на землѣ и исходную точку человѣческаго совершенства въ этической жизни.

Для еврейской духовной жизни весьма лестно, что Спиноза изъ нея происходитъ и что онъ въ состояніи былъ черпать изъ нея такіе важные импульсы, какъ бы далеко ни ушли отъ этой культурной жизни великіе

результаты его философскаго пантеизма, какъ ревностна ни была бы его борьба противъ выдающихся мыслителей еврейско-испанской эпохи, какъ представителей перипатетическихъ идей, и какъ сильно ни было бы въ-слѣдствіи его нерасположеніе къ той религіи, изъ лона которой онъ произошелъ. Но Спинозу иенно нельзя причислить ни къ какой общинѣ и ни одна не можетъ предъявлять на него свое право. Онъ принадлежитъ человечеству, въ исторіи развитія котораго его философское мировоззрѣніе представляетъ собою одинъ изъ величайшихъ памятниковъ въ побѣдоносномъ походѣ ума чрезъ мракъ среднихъ вѣковъ къ свѣту новаго времени *.

Какъ одиноко стоялъ этотъ мыслитель среди своего времени и окружающаго общества, это лучше всего видно изъ глубокаго молчанія, которое хранитъ современная ему литература о его, производившей мировой переворотъ философіи. Изъ еврейскаго лагеря не слышно ни одного звука противорѣчія, ни одного возраженія. Только искры анаэемы суть единственный отвѣтъ на его вызывающія къ защитѣ нападки на родную религію. И тѣмъ не менѣе еврейская община въ Амстердамѣ была самая образованная во всей Европѣ. Тамъ жили поэты и писатели безъ числа, но и безъ значенія. Диллетантизмъ въ прозѣ и въ стихахъ получилъ въ этихъ сферахъ страшное распространеніе. Въмѣсто горячаго и непосредственнаго поэтическаго чувства, явилась легкомысленная игра чувствами и идеями; дѣлаются большія приготовленія, но за ними слѣдуютъ низерныя, весьма малозначущія выполненія. Но образуется, напротивъ того, настоящій культъ дружбы, который всѣхъ этихъ стихокропателей провозглашаетъ великими поэтами и куритъ имъ овміамъ. Среди своей веселой и легкой игры музами, они ничего не замѣчаютъ и не чувствуютъ той опасности, которая грозитъ имъ и ихъ вѣрѣ со стороны того философскаго мировоззрѣнія, которое въ тѣ времена создалъ едва-ли серьезно замѣченный и во всякомъ случаѣ презираемый ими Спиноза.

Исторія называетъ только нѣкоторыя единичныя исключенія; но и съ ихъ стороны едва-ли сдѣланы были попытки къ научному опроверженію системы Спинозы. Къ этимъ исключеніямъ причисляли обыкновенно одного

* Разумѣется, что авторъ выражаетъ здѣсь свое личное мнѣніе, нисколько несогласное съ воззрѣніями представителей иудаизма, напр., С. Д. Лудцатто, С. Мунка, М. Гоела, Ф. Мизеса и др.

марранскаго писателя, который былъ прежде лейбъ-медикомъ государя и профессоромъ философіи при саламанкскомъ университетѣ, пока инквизиція не захватила его и, какъ тайнаго еврея, не томила три года въ своихъ темницахъ. Это — *Балтазаръ Оробіо де Кастро*. Возвратившись въ Амстердагъ въ лоно еврейства, онъ въ то же время выступилъ и на защиту его противъ нападокъ христіанъ. Въ своей полемикѣ противъ Филиппа ф. Лимборха, онъ рѣшительно выступилъ на защиту ученій еврейской религіи, точно также какъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненіяхъ, относящихся къ мессіанскимъ предсказаніямъ пророка Исаи, къ вѣчной обязательности закона Моисеева и третье изъ которыхъ направлено противъ непоименованнаго еврея, «отрицающаго законъ Моисея» — можетъ быть, именно противъ Спинозы, если не считать болѣе вѣрнымъ другой вариантъ, по которому сочиненіе это имѣетъ въ виду врача Жуана де Прадо. Косвеннымъ образомъ ученій Оробіо де Кастро выступилъ противъ этики Спинозы, съ которыми онъ, впрочемъ, находился въ перепискѣ, въ своемъ сочиненіи «*Certamen philosophicum*», направленномъ противъ Іоанна Бреденборга, который изъ обвинителя Спинозы превратился въ его приверженца. Для него Спиноза прежде всего былъ атеистомъ, съ которымъ ему казалось недостойнымъ бороться, пока его ученіе не проникло въ болѣе широкіе круги. Но когда онъ увидѣлъ, что ученые, равно какъ и не ученые «принимаютъ догматы Спинозы», тогда онъ рѣшился обнародовать вышеупомянутое опроверженіе, которое было тѣмъ желательнѣе для противниковъ Спинозы, что оно исходило отъ одного изъ ученѣйшихъ единовѣрцевъ философа. Оробіо де Кастро былъ такимъ образомъ единственный сознавшій опасность и пытавшійся устранить ее.

Другіе только тамъ и сямъ слегка коснулись философской области Спинозы; можетъ быть, они опасались послѣдствій такой умственной работы и вспоминали о судьбѣ того Элиша б. Абуа, который, «перешагнувъ за предѣлы сада изслѣдованія», «растопталъ молодыя растенія»; но можетъ быть, что они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы опровергнуть его вѣрно установленныя философскія положенія. Весьма вѣроятно также и то, что новая вѣра, пріобрѣтенная ими цѣною борьбы и преслѣдованій, была имъ слишкомъ дорога для того, чтобы подвергать ее философскимъ сомнѣніямъ. Поэтому они удовольствовались несравненно болѣе невинною умственною работой—поэзіей и популярно-научными трудами. Едва-ли стоитъ труда исчислять здѣсь имена тѣхъ марранскихъ поэтовъ, которые въ Амстердагѣ пробовали тогда свои поэтическія силы въ латин-

скахъ, испанскихъ, португальскихъ и еврейскихъ пѣсняхъ. Но тѣмъ не мѣнѣ нельзя не признавать страннымъ то явленіе, что ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не былъ въ состояніи создать что нибудь дѣйствительно замѣчательное, между тѣмъ какъ жизнь каждого изъ нихъ сама по себѣ является намъ поэмою, богатой романтическими и поэтическими, элегическими и трагическими впечатлѣніями. Почти всѣ они лишь съ величайшею опасностью жизни избѣгли темницъ и костровъ инквизиціи; почти всѣ они должны были выдержать страшную борьбу и преслѣдованія прежде чѣмъ они вернулись въ лоно іуданскаго; почти всѣ они отказались отъ выдающагося общественнаго положенія, потому что имъ невыносима была ихъ фальшивая роль, и отирались въ невѣстность, въ необозначенную будущность. Нужно относиться съ уваженіемъ къ мужеству и непоколебимости убѣжденій этихъ мужей, и надо скорѣе сожалѣть о тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и тѣхъ теченіяхъ времени, которыя не дали этимъ мужамъ возвыситься до настоящихъ героевъ мысли и царей поэзій.

Такимъ образомъ, ихъ поэтическія произведенія болѣе интересны вслѣдствіе судьбы ихъ авторовъ, чѣмъ по ихъ матеріалу и поэтическому содержанію. Весьма естественно, что они и на чужбинѣ не забыли языка своей родины, и также подражали формамъ испанской поэзіи. Однимъ изъ первыхъ поэтовъ въ амстердамской португальской общинѣ является упомянутый уже *Давидъ Абенатаръ Мело*, который послѣ спасенія изъ инквизиціонной тюрьмы, какъ бы въ благодарность за свое чудесное спасеніе, пытался переложить въ испанскіе стихи тѣ псалмы, которые служили ему утѣшеніемъ и опорой въ его страданіяхъ. Этотъ переводъ Псалтыри появился въ 1626 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Объ этомъ переводѣ не безъ основанія говорили, что въ немъ заключается нѣчто болѣе чѣмъ обыкновенный переводъ, такъ какъ въ этихъ религіозныхъ гимнахъ поэтъ излагалъ свои собственные страданія, изливалъ свое собственное горе и такимъ образомъ превратилъ старыя мелодіи въ «трогательное изображеніе настоящаго». Но этого Давида ибнъ Агара Мело должно считать не только однимъ изъ первыхъ, но также и однимъ изъ лучшихъ поэтовъ. Вислѣдствіи поэтической элементъ все болѣе и болѣе ослабляется и вырождается въ пустую игру рѣчами и словами. Испанскій переводъ Псалмовъ, изданный въ Амстердамѣ не болѣе какъ четверть вѣка спустя, молодой поэтъ *Іоной Авраамелемъ*, отырыскомъ этой извѣстной фамиліи, можетъ служить самымъ характеристическимъ примѣромъ этого ослабленія и вырожденія поэтическаго чувства.

Не многинъ болѣе замѣчательны были такъ называемыя героическіе поэты, которые жили и писали еще ранѣе, отчасти уже въ самой Испаніи. Героями они могли быть, и дѣйствительно болѣею частью были таковыми, но отноше къ поэтамъ и во всякомъ случаѣ весьма и весьма незначительными. Въ то время, когда христіанская Испанія славословила блестящіе подвиги своихъ героев въ большихъ поэмахъ, и они воспѣвали героев своей исторіи въ этическихъ произведеніяхъ. Такъ, названный уже выше *Лавосъ Узіель*, жившій, впрочемъ, въ Венеціи, воспѣвалъ царя Давида въ эпосѣ такого же названія; другой, *Миуэль де Сильвейра*, написалъ пѣсню «Масабео», которую одинъ молодой легковоспламеняющійся поэтъ дерзнулъ сравнить съ героическими пѣснями Гомера, Виргилія, Тасса и Камюэнса. Гомеръ, — говорилъ онъ, — божественъ, Виргилій высокъ, Тассо глубокъ, Камюэнсъ достоинъ удивленія, но Сильвейра — героиченъ! Но тотъ, который произнесъ это сужденіе, самъ былъ несравненно болѣе даровитый поэтъ, чѣмъ этотъ «докторъ Сильвейра». Это былъ *Антоніо Энрикецъ Гомецъ*, «еврейскій Кальдеронъ», создавшій для испанской сцены болѣе 22 комедій, изъ которыхъ нѣкоторыя считались даже произведеніями наихристіаннѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ и, какъ таковыя, были играны въ Мадридѣ съ громаднымъ успѣхомъ. Энрико Гомецъ также былъ марранъ, и изображеніе его сожжено было на кострѣ въ Севиллѣ. Въ формѣ героической пѣсни онъ воспѣвалъ «Самсона», въ уста котораго онъ вложилъ тѣ чувства, которыя, вѣроятно, волновали и переполняли его собственную душу:

О, Боже мой, Боже! время то близко,
 О, пошли лишь Твой духъ и лучъ одинъ отъ Тебя,
 Да силы рукъ, чтобы свершила она то дѣло,
 Чтобы рушилась власть чужая на мѣстѣ этомъ!

Другимъ библейскимъ матеріаломъ онъ весьма удачно пользовался въ своемъ драматическомъ произведеніи: «*La prudente Abigail*». Энрикецъ Гомецъ занимаетъ въ испанской литературѣ почетное мѣсто, но для литературы своего племени, котораго онъ былъ вѣрнымъ сыномъ, онъ имѣлъ лишь второстепенное значеніе. Съ нимъ мы снова возвращаемся на амстердамскую почву, которая для марранскихъ диллетантовъ, должно быть, была во многихъ отношеніяхъ весьма плодородною. Толпами являются они тамъ и собираются въ академіяхъ, школахъ и союзахъ, которые всѣ посвящены были поэзіи. Щедрость еврейскихъ меценатовъ, всеобщій инте-

ресь образованной португальской общины въ поэтамъ и поэтическимъ произведеніямъ, знаменитыя во всемъ мірѣ типографіи — все соединилось для того, чтобы сдѣлать Амстердамъ разсадникомъ марранско-еврейской поэзіи. Только сама поэзія отсутствовала. Чтобы пробудить ее, одинъ ученый, который за свои заслуги былъ назначенъ пфальцграфомъ и испанскимъ резидентомъ въ Нидерландахъ, еврей *Мануэль Бельмонте*, основалъ въ 1676 г. поэтическую академію. Онъ, также сдѣлавшій нѣкоторыя попытки на поэтическомъ поприщѣ, самъ предсѣдательствовалъ въ этомъ союзѣ поэтовъ; кромѣ него, судьями по раздѣлѣ премій состояли *Исаакъ де Рокамора*, который, будучи марраномъ, достигъ поста духовника императрицы Маріи Австрійской, но въ 1648 г. возвратился къ вѣрѣ своихъ отцовъ, и *Исаакъ Голецъ де Софа*, также марранъ, писавшій стихи на латинскомъ языкѣ. Въ качествѣ «*Mantenedor de la Justa Poetica*» функционировалъ неутомимый, плодовитый писатель *Даниэль Леви де Барриосъ*. Но, къ сожалѣнію, и академія не была въ состояніи ни создать поэзію, ни плодотворно развивать ее, точно также какъ и 30 существовавшихъ въ Голландіи поэтическихъ союзовъ, по образцу которыхъ, вѣроятно, основана была и эта академія, не были въ состояніи вдохнуть новую жизнь въ голландскую поэзію. Поэтому изъ пестраго ряда поэтизировавшихъ маррановъ назовемъ лишь нѣкоторыхъ, которые по своей жизни и своимъ произведеніямъ характеристичны для всѣхъ остальныхъ. Такъ, назовемъ извѣстнаго подъ именемъ Даниэля Іегуды поэта *Николая де Оливера-и-Фуллану*, который въ качествѣ полкового командира сражался противъ Франціи и который и помимо этого — въ качествѣ географа и картографа — приобрѣлъ нѣкоторую славу, и который въ часы досуга вздымался на Парнасъ. Какъ онъ, такъ и его супруга, донна *Изабелла Корреа*, также принадлежали къ академіи. Объ этой Изабеллѣ испанская литература можетъ рассказать больше чѣмъ еврейская. Она перевела на испанскій языкъ знаменитую буколическую поэму Гварини «*Pastor Fido*», гдѣ романтическая помпа почти еще болѣе выдавалась, чѣмъ въ языкѣ итальянскомъ и французскомъ. Ея произведеніе «признается однимъ изъ тѣхъ немногихъ трофеевъ, которые прекрасный псалъ приобрѣлъ въ поэзіи». Изабелла Корреа сочиняла, впрочемъ, и собственные стихи. Объ ней современныи ей поэтъ вѣщаетъ, что она —

... Пѣла болѣе краснорѣчивыя слова,

Чѣмъ безконечная толпа заикающихся поэтовъ.

Марранскаго происхожденія были также и нѣкоторыя другія женщины —

поэтессы, какъ, напр., *Изабелла Эрикссъ*, *Сарра де Фонсека*, *Пинто-и-Пиментель*, *Мануэла Нуньесъ де Алмейда* и др., о поэтическихъ произведеніяхъ которыхъ извѣстно, однако, очень мало достовѣрнаго.

Тѣмъ усерднѣе старались писатели-мужчины увѣковѣчить въ потомствѣ память этихъ поэтессъ. Наврядъ-ли, однако, стоило бы прочесть произведенія, которыя они признавали безсмертными и которыя такъ тщательно перечислены у упомянутаго уже *Даниэла Леви де Барріоса*. Къ самому де Барріосу, быть можетъ, слѣдовало бы отнести сънисходительнѣе, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно до сихъ поръ. Онъ не былъ, правда, универсальнымъ гениемъ, но въ немъ нельзя также видѣть только ничтожнаго рѣмача-прошайку, какинъ онъ можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ былъ вѣрнымъ отраженіемъ эпохи, въ которую родился и которая поставила его въ такія странныя жизненныя условія. Слѣдно и неустанно скитался онъ по свѣту, разбрасывалъ по пути тысячи бѣгло написанныхъ листковъ, которые потомъ собиралъ и посвящалъ многочисленнымъ меценатамъ своей музы. Одновременно съ этимъ онъ испытывалъ свои силы по всемъ отраслямъ знанія; онъ является не только лирическимъ поэтомъ и драматургомъ, но также каббалистомъ, историкомъ и философомъ. Нигдѣ ему не удавалось, впрочемъ, создать ничего сколько нибудь выходящаго изъ рамокъ посредственности. Исторія литературы обязана ему единственно только перечнемъ именъ всѣхъ современныхъ ему поэтовъ, собиравшихся тогда въ Амстердамѣ, въ академіи, вокругъ пфальцграфа Мануэля де Вельмонте.

Воднѣ серьезныя стремленія обнаруживаются среди ученыхъ марранскаго кружка. Изъ нихъ *Тома де Пинедо* (1614 — 1679) извѣстенъ какъ географъ. Онъ издалъ «*De urbibus*» Стефана Византійскаго (*Stephanus Byzantinus*) съ примѣчаніями, въ которыхъ воспользовался специальными своими свѣдѣніями по части еврейства. *Педро Тейксейра* оставилъ послѣ себя «*Путешествіе изъ Индіи въ Италію*», а также историческую монографію «*О персидскихъ и гармузскихъ царяхъ*». *Иосифъ Семасъ Аріасъ* перевелъ кое-что изъ Іосифа Флавія, а *Давидъ Узіель де Амларъ* перевелъ многія сочиненія Филона на испанскій языкъ. Медицинскія сочиненія писали *Эммануэль Гомецъ* и *Эммануэль Розалесъ*, возведенный португальскимъ королемъ въ достоинство пфальцграфа. Розалесу приписываютъ также нѣсколько сочиненій на еврейскомъ языкѣ, между прочимъ полемиическое сочиненіе противъ лже-мессіи Саббатая Цеви. *Іаковъ де Кастро*, кромѣ сочиненій по медицинѣ, написалъ также сборникъ рѣчей религіознаго содержанія «*Para o dia santo de Kirur*». Исключительно родной почвы

держались лишь немногіе изъ писателей того времени. Имъ не доставало знанія еврейскаго языка. Они еще не успѣли его себѣ настолько усвоить, въ короткое время послѣ своего обращенія, чтобы имѣть возможность писать на этомъ языкѣ и о немъ самомъ. Только развѣ одни раввины и проповѣдники португальскихъ общинъ занимались еще еврейскимъ языкомъ. Изъ нихъ уже упомянуто объ *Иаковѣ Абенданъ*, который перевелъ на испанскій языкъ «Al-Chazari» Іегуды Галеви. Онъ велъ на еврейскомъ языкѣ полемику съ Антоніемъ Гульзіусомъ и написалъ на томъ же языкѣ замѣтки къ комментаріямъ Соломона бенъ Мелеха на Библию, а также пробовалъ перевести «Мишну» на испанскій языкъ. Латинскій переводъ «Мишны» былъ предпринятъ братомъ этого ученаго, *Исакомъ Абенданой*. Оба перевода, однако, остались не напечатанными.

Своеобразное положеніе въ ряду этихъ beaux esprits занимаетъ *Иаковъ Гуда Леонъ Темпло* (1605—1671). Онъ былъ также марранскаго происхожденія, но приобрѣлъ себѣ славу не какъ литераторъ, а какъ художникъ. Онъ былъ специалистомъ по еврейской археологіи, особенно же по отношенію къ Іерусалимскому храму со всѣми деталями его устройства. Онъ составилъ на испанскомъ языкѣ описаніе Соломонова храма и перевелъ это описаніе на еврейскій языкъ подъ заглавіемъ «Tavnith Nekhal» (Модель Храма). Къ этому описанію былъ приложенъ чертежъ храма въ уменьшенномъ масштабѣ, вызвавшій въ свое время такую сенсацію, что книга эта была тотчасъ же переведена на латинскій, голландскій, французскій, а по инициативѣ герцога Брауншвейгскаго также и на нѣмецкій языкъ. Описаніе, составленное по Іосифу и де Росси, служитъ въ сущности только объяснительнымъ текстомъ къ художественно-выполненному рисунку. Впослѣдствіи Темпло издалъ также описанія и рисунки Скинии, Кивота Завѣта, Херувимовъ и такъ называемый «Theatrum figuratum», т. е. болѣе чѣмъ 200 рисунковъ, изображающихъ предметы, о которыхъ упоминается въ Талмудѣ. Сынъ Темпло уступилъ «Theatrum figuratum» одному голландскому ученому для его перевода Мишны на латинскій языкъ. Отдѣльныя виньетки, весьма остроумныя по замыслу и художественныя по исполненію, наглядно изображали соответственнымъ описаніямъ изъ Талмуда характерными рисунками, или же искусно подысканною характерною чертой. Другіе труды Темпло, переводъ Псалмовъ на испанскій языкъ подъ заглавіемъ «Las Alabaças de Sancitad», релігіозныя диспуты съ христіанскими богословами и т. п., не представляютъ особенной цѣнности. Онъ имѣлъ по преимуществу артистическое значеніе, цѣнившееся

въ эту эпоху антикварской учености, естественно, тѣмъ выше, тѣмъ рѣже встрѣчалось оно въ кругу еврейскихъ ученыхъ. Со времени Авраама де Порталеоне никто не занимался такъ ревностно еврейской археологіей и не подвинулъ ее столько впередъ какъ Іаковъ Темпло.

Почти одновременно съ нимъ амстердажскій раввинъ *Соломонъ де Оливейра* (1650—1708) занимался другою отраслью знанія, а именно изслѣдованіемъ законовъ библейскаго и новоеврейскаго стихосложенія. Въ своемъ словарѣ рнмъ «*Scharaschoth Gabluth*» (Перевутанная Цѣпи) онъ дополнилъ то, что было написано уже на эту тему предшествовавшими изслѣдователями, начиная съ Авраама ибнъ Ээри, а именно Саадіей-ибнъ Дананомъ, Моисеемъ ибнъ Хабибомъ, Самуиломъ Аркеволти, Іаковомъ Романомъ и др. Кромѣ того онъ составилъ нѣчто въ родѣ еврейской риторики съ примѣрами, озаглавленной «*Ajelet Anahim*» (Граціозная Ляль), въ которой воспѣвается жертвоприношеніе Исаака. Впослѣдствіи это произведеніе было причислено въ качествѣ эпопеи къ болѣе цѣннымъ произведеніямъ новоеврейской поэзіи. Сборникъ («Диванъ») стихотвореній Оливейры существуетъ еще въ рукописи. Многочисленные учебники, грамматики и переводы на еврейскій и португальскій языки свидѣтельствуютъ о приложеніи этого автора, которому нельзя отказать въ нѣкоторой дозѣ поэтическаго дарованія.

Сколько можно судить, въ марранскихъ кружкахъ въ концѣ семнадцатаго вѣка испанскій языкъ былъ вытѣсненъ португальскимъ *. По крайней мѣрѣ чаще встрѣчаются переводы съ португальскаго и на португальскій языкъ, а также сочиненія на португальскомъ языкѣ. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей португальской поэзіи начала восемнадцатаго столѣтія является марранскій еврей *Антоніо Жозе де Силва* (1705—1739). Драмы и стихотворенія, написанныя имъ, представляютъ собою цѣнный вкладъ въ литературную сокровищницу Португаліи. Ему тоже пришлось умереть на кострѣ за свою религію. Передъ смертію онъ изложилъ свое исповѣданіе вѣры слѣдующими словами: «Я исповѣдаю вѣру, о которой вы сами учите, что она является Божественнымъ Откровеніемъ. Богъ возлюбилъ эту вѣру. Я убѣжденъ, что Онъ любитъ ее до сихъ поръ, тогда какъ вы полагаете, что Онъ ее болѣе не любитъ и такъ какъ вы полагаете это, вы осуждаете на смерть тѣхъ, кто убѣжденъ, что Богъ любитъ до сихъ поръ то, что онъ любилъ прежде!»

* Скорѣе это зависѣло отъ мѣсторожденія марранскихъ авторовъ. *Ред.*

Антонио Хозе де Сильва не оставил никаких вкладов въ собственно-еврейскую литературу. Вообще изъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведений маррановъ весьма немногое лишь пошло ей на пользу. Изъ всей этой плодотворной эпохи только одинъ поэтъ подарилъ ее произведеніемъ, выходящимъ изъ уровня посредственности и заслуживающимъ, вслѣдствіе своеобразности, особаго вниманія. Это *Иосифъ Пенсо де ла Вега*, написавшій на еврейскомъ языкѣ драму «*Asire Natikwah*» (Въ цѣпяхъ надежды). Она была въ хронологическомъ порядкѣ первой еврейской драмой, появившейся въ печати (въ 1678 году), такъ какъ Моисей Цакуто, написавшій драму четвертью вѣка раньше, не пожелалъ ее обнародовать*. Произведеніе Пенсо долгое время считалось поэтою первую драмой, написанной на еврейскомъ языкѣ. Упомянутыя уже драмы *Моисея Хаима Луццато* изданы болѣе чѣмъ полустолѣтіемъ позднѣе. Трехъ-актное сценическое произведеніе «Въ цѣпяхъ надежды», написанное своеобразнымъ драматически-эпическимъ размахомъ, аллегорически изображаетъ побѣду свободной воли надъ искушеніемъ. Король, относящійся самымъ серьезнымъ образомъ къ монаршимъ своимъ обязанностямъ и являющійся представителемъ свободной воли, подвергается различнымъ искушеніямъ. Разные лица и образы, особенно же прелестный мальчикъ Купидонъ, изображающій демонское навожденіе плотской любви, а также кокетливая супруга и наконецъ собственное дурное влеченіе стараются отклонить короля отъ прямого пути. Имъ противодействуютъ, однако: одинъ ангелъ, Разсудительность, Предвѣдѣніе и Истина, являющіяся олицетвореніями добра и возвращающіе заблудшаго снова на нутъ спасенія. Понятно, что въ этой драмѣ пролежать мимо зрителя только аллегорія, тѣни безъ драматической жизни, но основная ея мысль весьма поэтична и самая драма написана на чистомъ, благозвучномъ и возвышенномъ еврейскомъ языкѣ. Правда, что нельзя исполнѣ раздѣлять теперь радость и торжество, вызванныя въ свое время въ академическихъ кружкахъ этимъ произведеніемъ семнадцатилѣтняго юноши. Двадцать одинъ поэтъ привѣтствовали эту драму стихами на еврейскомъ, испанскомъ и латинскомъ языкахъ. Приведемъ въ качествѣ обращенія переводъ одного изъ этихъ привѣтствій:

«Вотъ, наконецъ, на высокихъ котурнахъ появилась также Израиля муза,
Трижды счастливой стогой перешла она смѣренный путь!»

Сравнивая первыхъ еврейскихъ драматурговъ Пенсо и Цакуто съ вели-

* См. выше, стр. 208, ***.

кини иль образцами—Кальдерономъ и Лопе де Вега, нельзя не признавать также и въ этихъ драмахъ южное иль происхождение «по преувеличенности паэоса, необузданной фантастичности въ сравненіяхъ и картинахъ, по пристрастію къ игрѣ словами и въ томъ, что своеобразность языка приносится въ жертву звучной формѣ. Все это является характерными особенностями драматической поэзіи въ югу отъ Пиренеевъ».

Антонио Хозе де Сильва былъ послѣднимъ португальскимъ, а Юсифъ Пенсо де ла Вега, повидимому, послѣднимъ испанскимъ поэтомъ между евреями. Онъ написалъ на отечественномъ языкѣ эпосъ изъ жизни Адама, а также панегирикъ въ стихахъ въ честь божественнаго закона и три остроумныя повѣсти «los Rembos religiosos» (Опасныя Поѣздки). Заслуживаютъ вниманія и надгробныя рѣчи, произнесенныя имъ при погребеніи его отца и его матери. Марраны даже и на чужбинѣ, въ продолженіи трехъ вѣковъ, свято чтили свою отчизну и отечественный свой языкъ, хотя въ отечествѣ иль ожидали тюрьма да костры и хотя само отечество выгнало ихъ изъ своихъ предѣловъ. Они любили отчизну сердечной любовью, предметъ которой кажется тѣмъ дороже, чѣмъ труднѣе его пріобрѣтеніе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено обладаніе имъ и чѣмъ энергичнѣе онъ самъ противится этой любви, исполненной самопожертвованія.

Позднѣйшая развѣтвленная литература.

Съ того дня, когда мыслителямъ и учителямъ еврейства вполне выяснились идеи, лежація въ его основѣ, главнѣйшимъ жизненнымъ принципомъ еврейской религіи было развитіе духа въ противоположность матеріальному. Они считали своимъ призваніемъ отдѣлать духовное отъ матеріальнаго, утверждать духовное и доставить ему неограниченное преобладаніе. Подобно тому какъ грекамъ и римлянамъ нужна была скульптура, а христіанству хотя въ некоторое содѣйствіе изящныхъ искусствъ, еврейство для осуществленія коренной своей идеи нуждалось въ словесномъ и письменномъ духовномъ общеніи—въ литературѣ. Только этимъ объясняется странный по наружности фактъ, что духовная жизнь еврейства никогда почти не ослабѣвала и не заставалась, что, уничтоженная въ одномъ мѣстѣ, она пробуждалась къ новой жизни въ другомъ, что, изгнанная изъ Запада, она нашла себѣ на Востокѣ новую благоприятную почву.

Быть можетъ, ни въ одинъ періодъ еврейской исторіи положеніе евреевъ не представлялось до такой степени безнадежнымъ какъ въ половинѣ шест-

надвѣтаго столѣтія. Евреи были изгнаны изъ Испаніи, Франціи и Германіи. Въ самой Италіи они подвергались величайшимъ притѣсненіямъ. Духовное развитіе еврейства было подавлено пресловутыми цензурными декретами. Присущая еврейскому племени сила сопротивленія, казалось, ослабѣла, и можно было опасаться, что духовная жизнь еврейства погибнетъ въ нуждѣ и въ заботахъ о средствахъ къ существованію. Величайшія и самыя цвѣтущія общины, знаменитѣйшіе питомники талмудической учености распались и не было никакого авторитета, почти никакого выдающагося имени, способнаго служить какъ въ прежніе вѣка путеводной звѣздой для диспоры. Тогда началось между преслѣдуемыми сынами еврейскаго племени странное своеобразное движеніе, нѣчто въ родѣ новаго переселенія народовъ, которое привело изгнанныхъ съ Пирейскаго полуострова преимущественно въ Турцію, а бѣжавшихъ изъ Германіи—главнымъ образомъ въ славянскія страны.

Впервые вступаетъ теперь славянскій Востокъ въ исторію литературы, которая, обойдя почти все обитаемое пространство земнаго шара, утверждаетъ такъ, чтобы въ теченіи почти двухъ столѣтій оказывать преобладающее вліяніе на духовную жизнь еврейства. Много вѣковъ уже жили евреи въ Россіи, Польшѣ и Чехіи; но изрѣдка лишь доходила о нихъ вѣсть, принимавшая къ литературному движенію среди нихъ единоплеменниковъ. Въ талмудическихъ реченіяхъ приводится иногда, начиная съ десятаго столѣтія, какое нибудь имя изъ Россіи, Славоніи или Венгріи. *Исаакъ* и *Самуиль-ме-Руссія* упоминаются въ качествѣ ученыхъ мужей, свѣдущихъ въ Талмудѣ. Въ Ватиканѣ хранится даже рукопись (не подвергнутая еще, впрочемъ, критическому анализу), содержащая будто бы переводъ «Пятикнижія» на древне-славянскій языкъ *. Переводъ этотъ, законченный, какъ увѣряютъ, въ 1094 году, находился будто бы въ связи съ современнымъ ему расцвѣтомъ еврейско-русской литературы. Всѣ эти свѣдѣнія, однако, не ясны и недостаточно надежны. Къ тому же само научное ихъ подтвержденіе было бы не въ состояніи измѣнить того историческаго факта, что въ предшествовавшіе періоды славянскій Востокъ не имѣлъ никакого значенія для новоеврейской литературы.

* Ватиканская рукопись, какъ вынесено уже въ 1875 году (въ Гакармелѣ III, 30, 92), содержитъ не славянскій переводъ, а новыя объясненія Пятикнижія (*Хиддушим ала-Тора*) на еврейскомъ языкѣ, и авторъ (или же владѣлецъ) рукописи, *Самуиль изъ Русіи*, жилъ въ XV столѣтіи.

Лишь въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, съ приливомъ въ *Польшу* переселенцевъ изъ Германіи, начинается тамъ распускаться среди еврейства дѣятельная духовная жизнь, которую не безъ нѣкотораго основанія старались сосоставить съ усиленіемъ духовной жизни у самихъ поляковъ. Въ то время какъ въ Германіи контръ-реформація уничтожила всѣ зародыши, обильно разсѣянные реформаціей и гуманизмомъ, нѣкоторые изъ этихъ зародышей, попавшіе въ Польшу, достигли тамъ пышнаго расцвѣта. Реформація нашла въ этой католической странѣ особенно благодарную почву, на которой и возростила любовь къ наукѣ и къ гуманнымъ идеямъ новѣйшаго времени. Социніане и унитаріи распространили въ Польшѣ рачіоналистическія свои воззрѣнія и старались расположить дворянство въ пользу новаго ихъ ученія, дѣлавшаго Библию снова краеугольнымъ камнемъ для христіанства. Движеніе это, разумѣется, не осталось безъ вліянія на еврейскіе кружки, хотя въ данномъ случаѣ и не удалось розыскать всѣ связующія нити. Среди евреевъ какъ будто внезапно пробудилось новое стремленіе къ образованію. Они посылаютъ своихъ дѣтей въ христіанскія школы, содержащіяся, разумѣется, на еврейскія деньги, а подрастающихъ своихъ сыновей отправляютъ въ итальянскіе университеты, преимущественно въ Падую. Философскія произведенія еврейско-испанской эпохи расцвѣта находятъ среди нихъ усердныхъ читателей и въ то время какъ въ Германіи и въ Нидерландахъ всѣ умы возбуждены новымъ философскимъ мировоззрѣніемъ Спинозы, Аристотель становится самодержавнымъ владыкой еврейскихъ умовъ среди польской молодежи, занимавшейся по преимуществу философіей, не пренебрегая, однако, медициной и астрономіей. Такимъ образомъ положеніе евреевъ въ Польшѣ становится гораздо болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ Германіи, гдѣ, подъ вліяніемъ гнета и преслѣдованій, они окончательно заглохли и совсѣмъ ушли «въ четыре локтя своей Галахи», тогда какъ въ Польшѣ раввинскій синодъ даже обратился къ еврейскимъ общинамъ съ особымъ посланіемъ, приглашавшимъ къ изученію свѣтскихъ наукъ *. Посланіе это, если оно подлинно существовало, несомнѣнно должно было произвести на еврейскія общины могущественное и прочное впечатлѣніе. «Вѣтры разносятъ съ собою сѣмяна всѣхъ деревъ и никто не спрашиваетъ откуда взялись пышныя растенія; отчего бы и у насъ не возрасти среди терній ливанскому кедру?» Этою заключительной фразой заканчивалось посланіе, относительно подлинности котораго высказываются сомнѣнія, хотя содержа-

* Нынѣ выяснено, что означенное посланіе бесомнѣнно подложно. *Ред.*

ніе его вполнѣ соответствуетъ воззрѣніямъ, существовавшимъ тогда въ Польшѣ.

Если, не смотря на это, новое умственное движеніе среди польскихъ евреевъ приняло совершенно иное направленіе, то виной этому были руководящіе факторы, подавившіе въ зародышѣ расцвѣтъ умственной жизни. Польскій принасъ горько жаловался на то, что еврейскія дѣти обучаются въ однѣхъ школахъ съ дѣтьми христіанъ. Вліятельные писатели тогдашней классической эпохи польской литературы возбуждали народъ противъ евреевъ, пользовавшихся, по словамъ ихъ, въ Польшѣ большими правами и вольностями, чѣмъ во всякой другой европейской странѣ. Наконецъ, іезуиты нашли себѣ снова доступъ въ Польшу, и въ этой странѣ, плохо еще воздѣланной въ общеобразовательномъ отношеніи, дѣйствія контръ-реформанціи проявились еще несравненно сильнѣе и съ бѣльшимъ фанатизмомъ, чѣмъ въ самой Германіи. Вслѣдствіе всего этого умственныхъ стремленій евреевъ, вся дѣятельность ихъ мощнаго, гибкаго, выпрезнаго духа обратилась на тотъ путь, на которомъ представлялась возможность безпрепятственнаго удовлетворенія этихъ стремленій, а именно—къ изученію Талмуда, представлявшему широкую арену для дѣятельности научныхъ силъ еврейства.

Впрочемъ, и самое изученіе Талмуда должно было принять въ Польшѣ существенно иной видъ. Свообразно и наперекоръ всѣмъ этнологическимъ законамъ, еврейскій духъ совокупался тамъ со славянскимъ. Шылокое воображеніе, глубокость и остроуміе еврейскаго духа—соединились съ кипучимъ, живымъ, быстро сдвигивающимся, но также быстро охладѣвающимъ славянскимъ духомъ въ странное своеобразное цѣлое, наложившее характерный свой отпечатокъ прежде всего именно на изслѣдованія въ области Талмуда. Изумительное остроуміе и обширная учесть, употребленныя на изслѣдованіе религіознаго закона, естественно создали въ этой области званія новые пути и новыя формы. Въ то время какъ въ прежнихъ комментаріяхъ Талмуда преобладающими элементами были простое толкованіе, подстрочное и предметное, а въ Тоссафотъ французскихъ и южногерманскихъ школъ—обсужденія и диспуты съ цѣлью болѣе глубокаго постиженія основной мысли, вслѣдствіе чего изслѣдованія эти приняла уже къ извѣстной фактической законченности, возникъ въ Польшѣ новый методъ изслѣдованія, обращающій вниманіе не столько на предметъ, сколько на форму, и породившій особое казуистическое искусство въ диспутахъ, которое не безъ основанія названо «Pilpul» (приправа перцемъ), такъ какъ существеннымъ его элементомъ были постоянная игра въ остроги, соперничество

въ остроуміи, однимъ словомъ—нѣчто въ родѣ турнира по части казуистики. Можетъ быть, что въ Германіи этотъ новый методъ изслѣдованія имѣлъ уже сторонниковъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ, однако же, онъ получилъ общее распространеніе лишь послѣ водворенія своего въ Польшу. Распространеніе это послѣдовало не смотря на энергическіе протесты пресвѣщеннѣхъ раввиновъ противъ такого метода, при которомъ научно-богословское изслѣдованіе отодвигалось, собственно говоря, на второй планъ.

Замѣчательно, что основателемъ этой новой школы, соотвѣтствіе съ которой усматривается, впрочемъ, въ преніяхъ мусульманскихъ богослововъ и въ схоластическихъ диспутахъ средневѣковыхъ университетовъ, признаютъ раввина, объ ученой дѣятельности котораго не сохранилось никакихъ другихъ данныхъ *. Неизвѣстно даже, почему именно Пильпуль, эта игра въ умъ, приписывается именно *Іакову Поляку*, ученику упомянутого уже Іакова Маргоlesa изъ Нюрнберга. Полякъ состоялъ раввиномъ въ Прагѣ, а потомъ въ Краковѣ и Люблинѣ, гдѣ умеръ въ 1541-мъ году. Между тѣмъ несравненно раньше его времени высказывались раввинами заключенія въ пользу и противъ Пильпуля. Весьма вѣроятно, что въ то время, когда прежній способъ изученія Талмуда не имѣлъ болѣе представителей, этотъ новый методъ практиковался съ особеннымъ усердіемъ и достигъ таинмъ образомъ общаго всесторонняго распространенія. Самъ Іаковъ Полякъ постоянно отказывался передать потомству путемъ печати результаты своихъ изслѣдованій и заключеній по части Галахи. Черта эта въ немъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Онъ, можетъ быть, сознавалъ, что Пильпуль въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи окажется, пожалуй, пагубнымъ для науки, что онъ обратитъ ее въ пустую, бессодержательную игру словъ, въ бесплодную погоню за новыми неожиданными окончательными выводами—*Chidduschim*,—въ попытку насильственнаго разрѣшенія искусственно воздвигнутыхъ кажущихся противорѣчій, въ собраніе до безобразія утонченнѣхъ опредѣленій и изысканныхъ сравненій. Поэтому онъ и отказывался отъ обнародованія своихъ знаменитыхъ заключеній, пользовавшихся величайшимъ уваженіемъ. Изъ Италіи, Германіи и съ Востока обращались за разъясненіемъ различныхъ трудностей къ Іакову Поляку, который по

* Нѣкоторые слѣды его въ литературѣ указаны М. Страпуномъ (см. Кн-рія Неемава, стр. 309 и слѣд.).

прошествіи долгаго періода времени является для еврейства опять общепризнаннымъ авторитетомъ.

Подобнымъ же образомъ не осталось никакихъ письменныхъ слѣдовъ научной дѣятельности и отъ люблинца Соломона Шехны * (1557), самаго выдающагося изъ учениковъ Іакова Поляка, много содѣйствовавшаго дальнѣйшему распространенію его метода, стремившагося къ развитію и проявленію остроумія **. А между тѣмъ многіе считаютъ его основнымъ столпомъ всей новѣйшей науки Талмуда, такъ какъ онъ значительно развилъ эту науку въ смыслѣ Пильпуля и оставилъ ее въ наслѣдіе многочисленнымъ ученикамъ. Его училище считалось лучшимъ талмудическимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Вышедшіе изъ него питомцы расходились по бѣлу свѣту и распространяли изученіе бегословской науки по пильпульской методѣ во всей Европѣ. Постепенно Пильпуль завоевалъ себѣ перевѣсъ надъ прежнимъ безыскусственнымъ способомъ изслѣдованія, при которомъ обращалось особенное вниманіе на знакомство со всѣми относящимися къ предмету источниками, служившими руководствомъ первымъ комментаторамъ. Начитанность «Bekiuith» уступила мѣсто Пильпулю и лишь впоследствии стала медленно отвоевывать себѣ отъ него опять нѣкоторую почву, когда мыслящіе умы стали сознать вредъ, принесенный изученіемъ Талмуда пильпульскимъ методомъ изслѣдованія.

Тѣмъ временемъ направленіе, воплощавшееся въ Пильпулѣ, развивалось съ пагубнѣйшею односторонностью болѣе и болѣе, въ ущербъ всѣмъ другимъ направленіямъ. Къ этому присоединились многія другія бѣдственныя условія, уклонившія еврейскую духовную жизнь на прискорбныя стези и направившія ее на враждебный наукѣ путь, съ котораго она въ состояніи была лишь по прошествіи болѣе чѣмъ ста лѣтъ мало-по-малу отыскать возвратъ къ прежнимъ своимъ традиціямъ. Большинство переселившихся въ Польшу евреевъ были родомъ изъ Германіи. Они принесли въ Польшу родной свой языкъ, который тамъ въ запертыхъ еврейскихъ улицахъ смѣшался съ еврейскимъ и славянскимъ въ странное сплетеніе, идущее наперекоръ всѣмъ требованіямъ изящнаго вкуса, но вѣстѣ съ тѣмъ настолько устойчивое, что сохранилось даже до настоящаго времени. Этотъ особый жар-

* Настоящее произношеніе этого имени, довольно распространеннаго въ Польшѣ и Литвѣ—Шахно. *Ped.*

** Слѣды литературной дѣятельности р. Шалома Шахно, также и заглавіе одного его сочиненія, указаны М. Странуномъ, тамъ же, стр. 329 и слѣд.

Ped.

гонъ, виѣстъ съ отсутствіемъ чувства изящества формъ, съ бѣдностью и замкнутостью еврейской жизни,—все это сообща вызвало прискорбныя условія, подъ давленіемъ которыхъ такъ долго топились польскіе евреи, причемъ вредоносное дѣйствіе этихъ условій отразилось также и на германскихъ евреяхъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ изученіе Библии и еврейскаго языка было сильно заброшено, изученіе же философіи формально признано дѣломъ зловреднымъ. Невѣроятные успѣхи, достигнутые въ сравнительно короткое время пильнупльскимъ методомъ изученія, отстраняли передъ этимъ методомъ все остальное на задній планъ. Обучившіеся по этому методу питомцы высшихъ талмудическихъ школъ (Jeschiboth) расходились оттуда, въ качествѣ раввиновъ и воспитателей юношества, по Германіи и Голландіи, гдѣ охотно принимали польскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ польское направленіе распространилось на всѣ германскія общины. Не усматривалось почти никакой разницы между воззрѣніями въ Фюртѣ и въ Люблинѣ, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ Краковѣ, такъ какъ мѣста раввиновъ и учителей заняты были всюду людьми, проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ,—людьми, для которыхъ весь міръ ограничивался Талмудомъ. Впрочемъ, и Талмудъ, который они не въ состояніи были постигать научнымъ образомъ, служилъ для нихъ только пробнымъ камнемъ для остроумія. Свообразный, запущенный видъ, испорченный жаргонъ, безпокойныя и неизящныя манеры этихъ учителей и чтеніе лекцій на-распѣвъ—вредно вліяли на умственное развитіе подроставшихъ поколѣвій.

Единственными виновниками этого вреднаго вліянія выставляли прежде самихъ представителей изученія Талмуда, на сѣдня головы которыхъ возлагали всю отвѣтственность за прискорбныя послѣдствія. Лишь въ позднѣйшее время стали правильнѣе и лучше цѣнить по достоинству этихъ невинно обвиненныхъ людей, послѣ того, какъ несконченная предрасудками исторія признала въ нихъ мощный умъ, выдающееся знаніе Талмуда и строгую чистоту нравовъ. Можно было пожалѣть, что такіе люди не жили въ другое время, когда они могли бы успѣшнѣе вліять на общій ходъ умственнаго развитія, но во всякомъ случаѣ нельзя было безпощадно порицать или же осмѣивать этихъ людей за одностороннее направленіе, въ которое они были вовлечены условіями среды и многовѣковнымъ регрессомъ.

Также и между ними жило стремленіе къ высшимъ формамъ сознанія. Многие изъ нихъ стремились къ свѣту науки, но имъ недоставало важнѣйшихъ основныхъ элементовъ образованія, недоставало оплодотворенія извнѣ,

чтобы пробудить дремлющіе зародыши къ роскошному расцвѣту и превратить искры свободной мысли, проявившіяся у отдѣльныхъ лицъ, въ могучее пламя, которое освѣтило и согрѣло бы всѣхъ. Ново-еврейская литература по преимуществу перенимчива, а потому она могла дѣйствительно процѣтать лишь тамъ, гдѣ мѣстная литература или наука достигли уже значительнаго развитія. Между тѣмъ въ Польсѣ шестнадцатаго столѣтія, гдѣ почти не существовало еще настоящей науки, а литература заключалась въ простыхъ подражаніяхъ латинской, французской или же итальянской поэзіи, не могло быть и рѣчи о подобномъ развитіи.

Такимъ образомъ, непошѣрно богатыя умственные силы сосредоточились исключительно на Талмудѣ. Разумъ и остроуміе, разсудительность и находчивость могли практиковаться тамъ надъ загадками, вопросами, противорѣчіями, искусственно запутанными трудностями и не менѣе искусственными разрѣшеніями таковыхъ. Кипучій, беспокойный и возбужденный умъ польскаго еврея могъ найти тамъ себѣ богатое удовлетвореніе. Значительное распространеніе, котораго достигло съ тѣхъ поръ изученіе Талмуда и соединеннаго съ нимъ богословія, связано по преимуществу съ тремя именами, оставившими по себѣ грозную память въ талмудической наукѣ. Къ этимъ тремъ именамъ примыкаетъ много другихъ ученыхъ изслѣдователей. Достаточно будетъ привести здѣсь научную дѣятельность главнѣйшихъ и самыхъ характерныхъ представителей этого направленія, поскольку дѣятельность эта вліяла существеннымъ образомъ на ходъ изслѣдованія Талмуда.

Вліятельнѣйшими изъ ученыхъ талмудистовъ слѣдуетъ признать Соломона Лурію, Моисея Исерлеса и Самуила Эдельса, жившаго полувѣкомъ позднѣе. Первый въ этомъ «трилистникѣ» *Соломонъ Лурія* (1515—1573) или, какъ его сокращенно называли—*Meaharschal*, былъ оригинальнымъ мыслителемъ, обладавшимъ изощреннымъ умомъ и необычайной самостоятельностью. Про него справедливо говорятъ, что въ другое время и при другой обстановкѣ изъ него вышелъ бы второй Маймуни. Впрочемъ, даже и въ кружкѣ польскихъ талмудистовъ онъ сохранялъ у себя либеральное направленіе мысли. Онъ не сочувствуетъ Пильнулю и въ талмудическихъ своихъ изслѣдованіяхъ идетъ приблизительно тѣми же путями, которые были проложены французскою школою тоссафистовъ. Вѣсть съ тѣмъ онъ открываетъ новыя, широкія точки зрѣнія и относится къ прежнимъ традиціямъ этого метода весьма холодно, въ большинствѣ случаевъ даже прямо отрицательно. Менѣе всего нравились ему современныя тогдашнія направленія, которыя онъ безстрашно громилъ авторитетомъ своего слова. При всемъ

томъ Соломонъ Лурія былъ дѣтищемъ своего вѣка, къ которому относился такъ отрицательно. Онъ не долюбиваетъ философіи, порицаетъ даже иновъ Эзру и Маймуни за философское ихъ направленіе и чтить Каббалу. Ищренный критическій умъ оградилъ его, впрочемъ, отъ заблужденій, въ которыя впалъ жившій въ Палестинѣ его современникъ и однофамилецъ Исаакъ Лурія. Тѣмъ не менѣе и Соломонъ Лурія пытается философски изложить основные пункты каббалистическаго ученія. Его взгляды на «жизнь души» имѣютъ много общаго съ предшествовавшею испанскою Каббалой, ощущавшей еще по крайней мѣрѣ потребность въ философской оболочкѣ для мистическихъ своихъ воззрѣній. Онъ признавалъ предсуществованіе всѣхъ душъ и считалъ ихъ созданными въ «духовномъ пространствѣ». Уже во времена Божественнаго Откровенія на горѣ Синаѣ души эти уяснили себѣ Тору въ 49 различныхъ степеняхъ—«Sche'arim», вратахъ, или «Zipogoth»—каналахъ. Отсюда проистекаетъ и различіе въ толкованія закона душами, воплотившимися на время земной жизни. Критическіе его комментарии къ Талмуду, Раши и къ Тоссафотамъ, собранныя подъ общій заглавіемъ «Chokhmah Schelomoth» (Мудрость Соломона), а также предпринятый имъ въ послѣдніе годы жизни фундаментальный трудъ «Jam schel Schelomoh» (Море Соломона), имѣющійся лишь къ шести талмудическимъ трактатамъ, общезвѣстны. Есть основаніе думать, что Соломонъ Лурія хотѣлъ вытѣснить этимъ фундаментальнымъ своимъ трудомъ учебныя руководства Маймуни, Каро и др., въ которыхъ программы и выполненіе программъ казались ему неудовлетворительными. Кромѣ многихъ другихъ комментариевъ и глоссъ, сохранилось также собраніе замѣчательныхъ респонзовъ Соломона Лурія. Одинъ изъ этихъ респонзовъ считается довольно цѣннымъ историческимъ источникомъ.

Естественно, что въ юридическихъ консультаціяхъ этой эпохи особенно широко примѣняется методъ Пильпуля. Этимъ отличаются онѣ отъ ясной простоты и дѣловитости раввинскихъ заключеній предшествовавшихъ періодовъ. Діалектика въ нихъ походитъ на мощный потокъ, низвергающійся въ бездну. «Искры ума разлетаются брызгами во всѣ стороны. Постройка отличается смѣлостью, хотя фундаментъ нерѣдко слабъ и лишь благодаря искусственнымъ скрѣпленіямъ выдерживаетъ тяжесть воздвигаемаго на немъ зданія... Обширное поле относящихся сюда изслѣдованій было уже тщательно обработано, а потому нетрудно найти аналогіи, подходящія къ данному случаю. Обильная сокровищница консультацій исчерпываетъ самыя многоразличныя отношенія, такъ что остается только отыскать точки со-

прикосновенія даннаго случая съ какими либо изъ этихъ отношеній. Съ другой стороны, эпоха эта отличается широко распространенной ученостью. Вслѣдствіе тщательной предшествовавшей обработки поля изслѣдованій, ученый, къ которому обращаются за консультаціей, долженъ быть коротко знакомъ со всѣми предшествовавшими изслѣдованіями, долженъ вѣщать въ себѣ всю сокровищницу значительно разросшейся уже литературы, долженъ окинуть ее умственнымъ взоромъ и усмотрѣть, возбуждались-ли когда передъ тѣми вопросы тождественные или аналогичные съ данными, и нѣбуть-ли прежніе отвѣты на упомянутые вопросы неопровержимую силу или обнаруживаются въ нихъ прямо или косвенно какія либо разногласія, и т. п. Неизбѣжное въ позднѣйшій періодъ пониженіе самобытности въ значительной степени возмѣщается громадною массою обрабатываемаго и воспроизводимаго научнаго матеріала».

Въ респонзахъ Лурія встрѣчается между прочимъ интересный его диспутъ съ знаменитымъ его современникомъ *Моисеемъ Исерлесомъ* (1520—1572, по сокращенному прозвищу *Ремо*), жившимъ въ Краковѣ. Предметомъ этого диспута служилъ древній споръ между философіей и Каббалой. Лурія упрекаетъ Исерлеса за его занятія философіей, Исерлесъ же съ своей стороны обращается къ Лурію съ довольно робкими, впрочемъ, представленіями по поводу склонности Лурія къ Каббалѣ. Споръ, разумѣется, такъ и остался нерѣшеннымъ. Онъ выясняетъ, однако, тотъ интересный фактъ, что одинъ изъ учениковъ Соломона Шехны, современникъ Соломона Лурія, могъ вообще заниматься философскими изслѣдованіями *. Необходимо замѣтить, что Моисей Исерлесъ былъ вѣсть съ тѣми выдающимися авторитетами по части Талмуда. «Столъ» (*Schulchan Aruch*), уготованный Іосифомъ Каро для благочестивыхъ единовѣрцевъ, Исерлесъ накрылъ «Скатертью» («*Марраһ*») съ глоссами и примѣчаніями къ этой канонической книгѣ, долженствовавшими служить руководствомъ для восточнаго еврейства. Дѣйствительно, заключенія, постановленныя Исерлесомъ по религіознымъ вопросамъ, оставались до нынѣшняго столѣтія неизмѣнными нормами для восточнаго и германскаго еврейства. Подобно тому какъ испанецъ Каро примыкаетъ къ обрядовому кодексу Іакова бенъ Ашера и руководствуется въ своихъ заключеніяхъ испанскими авторитетами по Галахѣ,

* Еще интереснѣе свидѣтельство Лурія (Респонзы Шерльса № 6), что ешиботники тогда копировали въ своихъ молитвенникахъ молитвы, составленныя въ духѣ философій Аристотеля!

какъ, напр., Альфаси, Маймуни и Ашеромъ бенъ Іехиелемъ, Исерлесъ слѣдуетъ германскимъ и французскимъ авторитетамъ какъ, напр., Исааку Оръ-Заруа, Мордахею бенъ Гиллелю, Іакову Мелльну и французскимъ ихъ учителямъ. Поэтому-то онъ въ практическомъ отношеніи былъ сторонникомъ рѣшительно преобладавашаго тогда въ Польшѣ Цильпула. Въ теоріи онъ былъ вѣрующимъ философомъ, приблизительно въ родѣ Нахмани. Философское его произведеніе «Togath Naolah» (Ученіе о всежертвѣ) снова выдвигаетъ на сцену древнюю александрійскую символику святилища, утвари, жертвъ и т. п. Очевидно, что для него не можетъ быть и вопроса о преимуществѣ вѣры надъ философскимъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе Исерлесъ, предоставляя этому изслѣдованію нѣкоторое мѣсто и совѣтуя размышлять о законахъ и мотивахъ къ таковымъ, отрицательно относясь къ злоупотребленіямъ Каббалой, этимъ уже доказалъ, что не былъ врагомъ науки, такимъ какъ многіе его польскіе и германскіе современники. Напротивъ того, его кротость, благородство, вся его дѣятельность, проникнутая возвышенными принципами, придаетъ ему нѣчто общее съ сефардимами, чѣмъ послѣдніе выгодно отличаются отъ ашкеназимовъ.

Исерлесъ не только не былъ врагомъ науки, онъ былъ даже ея почитателемъ, поскольку она не вызывала у него конфликта съ строго религиозными воззрѣніями. Онъ любилъ исторію и науку. Глоссы его къ хроникѣ Авраама Цакуто драгоцѣнны, комментаріи на книгу «Эсфиръ» имѣютъ хотя аллегорическій характеръ, но тѣмъ не менѣе стремятся къ болѣе глубокому постиженію библейскаго духа, чѣмъ всѣ современные ему библейскіе комментаріи. Сдѣланный Исерлесомъ переводъ «Theogica», астрономической книги извѣстнаго вѣнскаго гуманиста Георга Пурбаха, ясно доказываетъ, что высшія научныя задачи не были ему чужды. Такимъ образомъ, этотъ благородный и даровитый ученый выдается почти передъ всѣми своими современниками.

По разработанной великими предшественниками большой дорогѣ устремилась впередъ цѣлыми толпами раввины и питомцы талмудической учености. Открылись многочисленныя высшія учебныя заведенія, куда стекались отовсюду ученики. Въ главнѣйшихъ общинахъ ежегодно собирались во время ярмарокъ съѣзды, на которыхъ происходили настоящіе турниры по части талмудической учености. Каждый могъ принимать участіе въ такихъ публичныхъ состязаніяхъ. Какъ раввину, такъ и учащемуся (Bachur) дозволялось на одинаковыхъ условіяхъ испытывать остроту своего ума надъ заданными проблемами. Единственнымъ рѣшающимъ факторомъ былъ авто-

ритеть знания. Общественное же положеніе диспутанта вовсе не принималось въ расчетъ. Во всемъ распорядкѣ еврейскаго научнаго образованія и литературнаго движенія, поскольку вообще можетъ при этомъ быть рѣчь о порядкѣ, нельзя не замѣтить демократической закваски.

Основатели новаго талмудическаго направленія скупились обнародованіемъ умственныхъ своихъ трудовъ. Послѣдователи ихъ впадали скорѣе въ противоположную крайность. Тѣмъ не менѣе вся еврейская литература этой эпохи состоитъ только изъ глоссъ, комментарий и заключеній по спорнымъ вопросамъ; то, что писалось кромѣ этого, въ большинствѣ случаевъ не заслуживаетъ упоминенія.

Среди многочисленной толпы этихъ талмудическихъ ученыхъ оказывается головою выше другихъ жившій, правда, нѣсколько поздне, но принадлежавшій къ тому же направленію познавецъ *Самуилъ Эдельсъ* (сокращенно «Meḥarschah», около 1565—1631). Этотъ выдающійся законоучитель сѣмѣлъ въ своихъ глоссахъ и новеллахъ даже перещеголять своихъ предшественниковъ крайней утонченностью діалектики, искусственностью казуистики, правотѣрпемъ и пильпульскимъ остроуміемъ. Его «Chiddusche Halachoth», содержащій глоссы и новеллы ко всѣмъ почти талмудическимъ трактатамъ, а также «Chiddusche Haggadoth», т. е. комментарий на талмудическую Гаггаду, тщательно изучались его послѣдователями, которымъ доставляли потомъ въ свою очередь богатый матеріалъ къ дополненіямъ, суперкомментаріямъ и новымъ глоссамъ. Самуилъ Эдельсъ сѣмѣлъ еще остерегаться отъ свѣтъ Каббалы, хотя онъ, подобно Исерлесу и Лурія, обладалъ нѣкоторымъ предрасположеніемъ къ мистицизму. Всѣхъ этихъ трехъ ученыхъ сохранилъ и оградилъ отъ хаоса каббалистическихъ ученій и теорій, проложившихъ себѣ тѣмъ временемъ путь изъ Палестины въ Польшу, трезвый ихъ умъ, имѣвшій строго-научное направленіе.

Въ эту эпоху упоминается въ Польшѣ всего только о двухъ выдающихся каббалистахъ. Одинъ изъ нихъ былъ *Симсонъ Острополье*. Многочисленные мистическіе его комментарий и душевспасительныя сочиненія находили усердныхъ читателей, но были еще не въ состояніи водворить въ талмудическихъ польскихъ школахъ духъ каббалистическаго заблужденія, о которомъ Хаимъ, Виталь съ товарищами свидѣтельствовали на всѣхъ перекресткахъ какъ о святомъ духѣ единой истины, подтверждая будто бы свидѣтельство это безчисленными чудесами. Другой каббалистъ *Натанъ Спира* изъ Кракова (1585—1638) въ своемъ каббалистическомъ сочиненіи «Megalle Amukoth» (Разоблаченіе Тайнъ) объяснилъ извѣстную мо-

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау

(С.-Петербургъ, Площадь. Большого Театра, 2—32)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская бібліотечка. Историко-Литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платять съ пересылкою 16 р.

Повѣсти и разказы. К. Э. Францоа. Цѣна 1 р. 50 к.

Мельпомена. Трагическая исторія К. Э. Францоа. Пер. Петра Вейнберга. Ц. 60 к.
Яковъ Тирадо. Историческій романъ Л. Филиппсона. Перев. Петра Вейнберга. Цѣна 1 р. 50 к.

Талмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.
О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 50 к.

Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Д. И. Флисфедера. Цѣна 1 р. 50 к.

Мендель Гибборъ. Фейгеле Маггидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.

Очерки прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Записки еврея. Г. И. Богрова на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ V. Цѣна 2 р. 50 коп.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ X. Цѣна 2 р. 50 к.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Д. И. Флисфедера. Ц. 1 р. 25 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.

Tragikomisches aus dem Leben. H. Scharir. Ц. 75 к.

Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I, II и III. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

РИЛЬ, Г. В. Гражданское общество. Ц. 2 р.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.

Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ нѣмецкаго перевелъ и дополнилъ зубной врачъ А. Казарновскій. Съ 27-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна 50 к., съ пересылкою 60 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьею и біографіею. Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гете. Ифигенія въ Тавридѣ.

” II. Шекспиръ. Коріоланъ.

” III. Мольеръ. Скупой.

” IV. Данте. Адъ.

” V. Шиллеръ. Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна.

” VI. Шреданъ. Школа злословія.

” VII. Софокль. Эдипъ-Царь.

” VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.

Цѣна каждому выпуску 50 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платять.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границу.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца.	3 ” — ”	3 ” 50 ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя Мѣ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которая можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.